Уильям Гибсон

СТРАНА ПРИЗРАКОВ

Уильям Гибсон огнем и мечом вторгается на территорию Квентина Тарантино!
«Interview»

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Болезненное зарево соленых металлических небес перестало резать глаза: над журналисткой выросла рука статуи Свободы, держащая факел высотой с трехэтажный дом. Прилизанное, словно из мультика, запястье торчало прямо из песка Малибу, ладонь могла бы накрыть баскетбольную площадку...»

Безумие? Нет.

Шедевр локативной реальности.

Искусство, которому предстоит изменить мир, – или смертельно опасная затея горстки безумцев?

Далекое будущее?

Наши дни?

Это – лишь немногие из загадок, которые раскрывает в своем потрясающем новом романе Уильяма Гибсон.

- Уильям Гибсон
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117

- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161

- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187

Уильям Гибсон
Страна Призраков

1
Белый «Лего»

– Это Рауш, – представился голос в трубке. – Из «Нода».

Холлис Генри зажгла у кровати лампу – свет выхватил оставшиеся с прошлого вечера пустые банки из-под «Асахи драфт»[1] из «Пинк дота»[2] – и от души позавидовала пауэрбуку, продолжавшему мирно спать под обклеенной стикерами крышкой.

– Здравствуй, Филипп.

«Нод» – это название журнала, на который в данное время работала Холлис, если можно сказать, что она вообще на кого-нибудь работала, а Филипп Рауш – его редактор. Последний их разговор заставил ее перелететь в Лос-Анджелес и зарегистрироваться в отеле «Мондриан»; правда, решающую роль сыграл скорее денежный вопрос, нежели сила убеждения. Название журнала Рауш умудрился произнести чуть ли не курсивом. Холлис подозревала, что эта манера скоро набьет ей оскомину.

Из ванной, негромко обо что-то ударившись, прикатил робот Одиль Ричард.

– У вас теперь три часа. Не разбудил?

– Нет, – солгала Холлис.

Собранный из «Лего», сплошь из белых кирпичиков, робот Одиль передвигался на белых пластмассовых колесиках с черными шинами, а на спине у него было привинчено что-то вроде солнечной панели. Устройство беспорядочно, хотя и с заметным упорством, каталось по ковру. Неужели где-нибудь продаются детали исключительно белого цвета? Здесь, в окружении множества белых вещей (приятное сочетание с ярко-синими, словно Эгейское море, ножками стола), робот смотрелся как родной.

– Они дозрели, хотят показать свое лучшее творение, – сообщил Рауш.

– Когда?

– Сейчас. Тебя будут ждать. В «Стандарте».

Знакомый отель. Полы в нем устланы ярко-синими коврами из астротурфа[3]. Всякий раз, оказываясь там, Холлис чувствовала себя самым дряхлым живым существом в здании. За стойкой регистрации располагалось подобие огромного террариума, в котором иногда лежали, будто на пляже, девицы сомнительной этнической принадлежности, щеголяя бикини и полистывая

толстые учебники, щедро украшенные иллюстрациями.

– Вы позаботились о здешних издержках, Филипп? Когда я въезжала, на кредитке было...

– Все улажено.

Она не поверила.

– А что, уже назначили крайний срок для подачи материала?

– Нет еще. – Собеседница без труда представила, как где-то там, в Лондоне, Рауш громко втянул воздух между зубами. – Выпуск отложен. До августа.

Холлис только предстояло познакомиться с кем-то из «Нода» – хотя бы с кем-нибудь из коллег по журналу. Похоже, она имела дело с европейской версией «Вайред»[4]. Само собой, никто так не говорил, однако бельгийские деньги через Дублин, офисы в Лондоне... Хорошо, пусть не офисы, а один этот Филипп. Судя по голосу, ему можно было дать лет семнадцать. Да, лет семнадцать – плюс хирургическая операция по удалению чувства юмора.

– Куча времени.

Холлис и сама не знала, что имеет в виду, но смутно задумалась о своем банковском балансе.

– Тебя ждут.

– Ладно. – Она опустила веки, захлопнула сотовый.

Интересно, прикинула Холлис, может ли постоялец отеля формально считаться бездомным?

Лежа под белой простыней, она слушала, как робот француженки врезается в разные предметы, пощелкивает шестеренками, меняет направление. Очевидно, его запрограммировали, как японский пылесос: натыкаться на все подряд, пока работа не будет выполнена. По словам Одиль, он собирал данные с помощью встроенного блока GPS.

Холлис присела на кровати. Легкая ткань соскользнула до самых бедер. Воющий снаружи ветер отыскал новый угол атаки на окна. Рамы и стекла жутко задребезжали. Любая местная погода с четко выраженным характером не сулила ничего доброго. Стоило зарядить ненастью, и сомневаться не приходилось: завтрашние газеты сообщат по меньшей мере о скромном землетрясении. Пятнадцать минут дождя грозили потопом в центре Беверли и торжественным сползанием валунов размером с дом со склонов на оживленные перекрестки. Однажды Холлис уже довелось видеть подобное.

Встав с кровати, она пошла к окну. Главное – не наступить на робота. Рука на ощупь потянула шнур, раздвигавший тяжелые белые шторы. Шестью этажами ниже рвались и метались пальмы, словно танцоры-мимы, изображающие предсмертную агонию мира в предсказанных каким-нибудь фантастом катаклизмах.

Десять минут четвертого, еще не настало утро среды, а ураган превратил Стрип[5] в настоящую пустыню.

Лучше не думай, посоветовала она себе. Не проверяй электронную почту. И живо дуй в ванную: дорогостоящие лампы высветят все, что никогда не удавалось сделать нормально.

Пятнадцать минут спустя, сделав как можно лучше то, что, по ее мнению, никогда не удавалось нормально сделать, Холлис спустилась в вестибюль на лифте Филиппа Старка[6]. Как-то раз ей попалась статья о Старке; там говорили о принадлежащей дизайнеру устричной ферме, где в особых стальных рамках выращивали кубических устриц.

Двери плавно разъехались. На открывшихся просторах царило бледное дерево. Откуда-то сверху на пол проецировался маленький восточный коврик; даже не просто коврик, а его платоническая идея – стилизованные закорючки света напоминали чуть менее стилизованные загогулины крашеной шерсти. Холлис торопливо пересекла это произведение искусства (кто-то рассказывал, будто поначалу оно задумывалось в угоду Аллаху) и направилась к выходу.

Лицо обжег ужасный ветер. Охранник у двери «Мондриана» – в ухе гарнитура «блютус», кряжистая голова побрита на армейский манер – покосился и что-то спросил, но его слова утонули в завываниях налетевшего вихря.

– Нет, – наугад ответила Холлис.

Скорее всего мужчина предлагал подогнать ее автомобиль, которого не было, или вызвать такси. Одна желтая машина уже стояла у входа. Водитель, похоже, уснул за рулем, и снились ему, должно быть, луга Азербайджана. Холлис прошла мимо. Ее и так захлестывали чувства, а тут еще жуткий непредсказуемый ветер, бушевавший на бульваре подобно вихрям обратной тяги, словно магазин звукозаписей «Тауэр Рекордс» надумал вдруг улететь.

Вроде бы охранник что-то крикнул вдогонку, но «адидасы» Холлис уже нашли настоящий, нестилизованный тротуар Сансет, усеянный в стиле пуантилизма[7] абстрактными точками почернелой резины, и чудовище по имени «Мондриан», раззявившее парадные двери, осталось позади. Холлис застегнула толстовку на молнию и зашагала прочь, не слишком заботясь о верном направлении.

В воздухе тучами жалящих насекомых носились сухие пальмовые волокна.

Ты спятила, повторяла она на ходу. Хотя сейчас все казалось совершенно нормальным, умом Холлис понимала, что выбрала не самое спокойное место для прогулки, тем более в одиночестве. Женщине, да и любому пешеходу в такое время нечего делать на

улице. Однако сама погода, устроившая очередное безумие в Лос-Анджелесе, казалось, притупляла чувство опасности. Улица была совершенно пуста, как в кино: еще секунда – и топнет Годзилла. Трещали пальмы, воздух бился в судорогах, а Холлис, укрывшись черным капюшоном, решительно шла вперед. То и дело вокруг лодыжек с трепетом обвивались газеты и рекламные листовки модных клубов.

Мимо промчалась полицейская машина – в сторону «Тауэр Рекордс». Водитель, крепко вцепившись в руль, даже не взглянул на одинокую женщину. «Служить и защищать», – усмехнулась она. Ветер головокружительно переменил направление, сорвал капюшон и мгновенно растрепал прическу. Которая, впрочем, и так нуждалась в обновлении.

Одиль Ричард ожидала гостью под вывеской «Стандарта», закрепленной – одним дизайнерам ведомо почему – вверх тормашками. Француженка еще не отвыкла от парижского времени, но Холлис сама предложила предрассветную встречу. Когда же еще любоваться подобным искусством?

За спиной Одиль стоял юный широкоплечий латиноамериканец: бритая голова, рукава ретро-этнического «Пендлтона»[8] отрезаны ножницами повыше локтей, незаправленные по́лы болтались почти до колен мешковатых хэбэшных штанов.

– А вотри Санте, – заявил он, когда увидел пришедшую, и поднял серебристую банку «Текате»[9].

Вниз по его руке вилась татуировка – очень четкие, изумительной работы буквы на староанглийском.

– Извините, не поняла?

– *A votre sante*[10], – поправила Одиль, прижимая к носу мятую тряпку с лохматыми краями.

Холлис не приходилось встречать менее утонченной француженки, хотя этот высокозанудливый европейский стиль только придавал ей мерзкого шарма. На Одиль были черный свитер три икс-эль – творение какого-нибудь давно умершего выскочки, носки из коричневого нейлона в полоску, мужские, с особо противным блеском, и прозрачные пластмассовые сандалии цвета вишневого сиропа от кашля.

– Альберто Корралес, – представился парень.

– Очень приятно. – Ладонь пришедшей утонула в его пустой руке, сухой, как опилки. – Холлис Генри.

– Группа «Кёфью», – заулыбался Альберто.

Надо же, фанат. Холлис, как всегда, удивилась, и ей отчего-то сразу стало не по себе.

– Сколько дряни в воздухе, – посетовала Одиль. – Дышать

нечем. Может, поедем уже смотреть?

– Ладно. – Бывшая солистка обрадовалась перемене темы.

– Прошу, – пригласил Альберто, по-милански точно метнув пустую банку в белое мусорное ведро «Стандарта». Ветер тут же утих, как по заказу.

Холлис заглянула в вестибюль, бросила взгляд на безлюдную конторку портье, в темноту террариума для девиц в бикини – и последовала за своими спутниками (при этом Одиль раздражающе шаркала ногами) к автомобилю Альберто, классическому «жуку», дерзко сверкающему, словно лоурайдер[11], бесчисленными слоями краски. Глазам бывшей певицы предстали: жаркий вулкан, кипящий расплавленной лавой, грудастые латинские красотки в еле заметных набедренных повязках, ацтеки с перьями на головах и свернувшийся разноцветными кольцами крылатый змей. Либо хозяин авто переборщил со смесью этнических культур, либо она упустила момент, когда «фольксваген» сделался частью пантеона.

Парень открыл пассажирскую дверь и придержал спинку, пока Одиль проскользнула на заднее сиденье, где, как выяснилось, уже лежало какое-то оборудование, и торжественным жестом, разве что не раскланявшись, пригласил в машину Холлис.

Та изумленно заморгала, впечатленная прозаичной семиотикой старенькой приборной доски. Салон благоухал этническим освежителем воздуха. А ведь это, как и боевая раскраска, – часть особого языка, смекнула Холлис. Впрочем, парень вроде Альберто мог нарочно выбрать неподходящий аромат.

Асфальтовую дорогу тонким слоем покрыла гниющая биомасса из пальмовых волокон. Автомобиль вырулил на Сансет и после аккуратного разворота на сто восемьдесят градусов поехал к отелю «Мондриан».

– Я столько лет ваш поклонник, – сказал Альберто.

– Его интересует история как субъективный космос. – Голос Одиль раздался почти над ухом попутчицы. – Он полагает, что этот космос рождается из страданий. Всегда и только из них.

– Кстати о страданиях, – вырвалось у Холлис при виде «Пинк дота». – Альберто, тормозни, пожалуйста, у магазина. Сигарет куплю.

– ’Оллис! – нахмурилась француженка. – А сама говорила, не курю.

– Вот и начну.

– Так мы ведь уже приехали. – Альберто свернул налево и припарковался на Ларраби.

– Куда приехали? – Холлис приоткрыла дверь, подумывая удрать, если что.

Водитель заметно помрачнел.

– Сейчас достану все, что нужно. Хочу, чтобы ты первая посмотрела. Потом обсудим, если пожелаешь.

Он вышел из машины. Холлис – за ним. Ларраби-стрит круто сбегала навстречу озаренным огнями долинам города; даже стоять на ней было не очень удобно. Альберто помог Одиль выбраться с заднего сиденья. Та прислонилась к «фольксвагену» и спрятала голые ладони под мышками свитера.

– Холодно, – пожаловалась она.

И вправду, заметила Холлис, разглядывая громаду непристойно розового отеля над собой: без теплого ветра в воздухе сразу посвежело. Альберто пошарил на заднем сиденье, достал оттуда помятый алюминиевый футляр для камеры, обмотанный крест-накрест клейкой лентой, и повел своих спутниц вверх по крутому тротуару.

Длинный серебристый автомобиль беззвучно проплыл в сторону бульвара Сансет.

– А что здесь? Что мы такого должны увидеть? – не выдержала Холлис, когда троица дошла до угла.

Парень опустился на колени, раскрыл футляр. Предмет, появившийся на свет из пенопластовой упаковки, Холлис поначалу приняла за сварочную маску.

– Надень.

Альберто протянул ей головную повязку с каким-то козырьком.

– Виртуальная реальность? – Только сказав эти слова, Холлис поняла, как давно не слышала, чтобы их произносили вслух.

– Да нет, устарелое «железо». – Парень достал из сумки лэптоп и включил его. – Другого позволить себе не могу.

Холлис опустила козырек на глаза и будто сквозь мутную пелену посмотрела на пересечение бульвара Сансет и Кларк-стрит, отметив про себя вывеску «Whisky A Go-Go»[12]. Альберто протянул руку, чтобы осторожно вставить провод возле козырька.

– Сюда. – Спутник повел ее вдоль тротуара к низкому, выкрашенному в черный цвет фасаду без окон.

При виде вывески Холлис поморщилась. «Viper Room»[13].

– Сейчас, – произнес парень и, судя по звуку, застучал по клавишам лэптопа. Та, к кому он обращался, уловила краем глаза какое-то мерцание. – Смотри. Вон туда.

Повинуясь жесту, она повернулась. На тротуаре лицом вниз лежал худой темноволосый человек.

– Ночь на ’Эллуин, – объявила Одиль. – Тысяча девятьсот

девяносто третий год.

Холлис подошла ближе. Тела не было. Но оно *было*. Альберто шагал следом и нес лэптоп, заботясь, чтобы не вылетел провод, и даже вроде бы затаив дыхание. А может, она судила по себе.

Холлис наклонилась. Мертвый парень смахивал на птичку. Четко очерченная скула отбрасывала собственную маленькую тень. С чрезвычайно темными волосами хорошо сочетались рубашка и брюки в тонкую полоску.

– Кто это? – спросила наконец Холлис.

– Ривер Феникс[14], – еле слышно ответил Альберто.

Она подняла взгляд, увидела вывеску «Whisky A Go-Go» и вновь опустила глаза. Какая у него хрупкая белая шея.

– Но Ривер Феникс был блондином.

– Перекрасился, – пояснил Альберто. – Для роли.

2
Муравьи в воде

Старик напомнил Тито вывеску-призрак из тех, что блекнут на глухих стенах почерневших от ветхости зданий, являя взорам прохожих названия товаров, давно утративших актуальность.

Даже если бы на одной из них вдруг обнаружился текст из самых злободневных, самых свежих и страшных новостей, вы все равно не усомнились бы, что и он висел тут всегда, теряя краски на солнце и под дождем, просто не попадался никому на глаза. Похожее чувство Тито пришлось испытать, когда он повстречал старика на Вашингтон-сквер, подсел к нему за бетонный шахматный столик и осторожно передал айпод, прикрывшись газетой.

Всякий раз, как этот старик, без выражения глядя куда-то в сторону, прятал очередной айпод, на его запястье тускло блестели золотые часы. Циферблат и стрелки были почти не видны под мутным исцарапанным стеклом. Часы мертвеца. Такими торгуют на блошиных рынках, свалив их заодно с прочей рухлядью в ящики из-под сигар.

Если говорить об одежде, то и она могла принадлежать покойнику. Ткань, казалось, источала безжизненный холод, какой бывает исключительно в Нью-Йорке в конце своенравной зимы. Холод забытого багажа, казенных коридоров, проржавевшего шкафчика для одежды.

Но ведь не мог же бедный человек иметь дело с дядями Тито. Это все ради протокола, условный костюм, не иначе. Старик излучал такую мощь и безграничное терпение, что Тито, по некоторым своим соображениям, воспринимал его как мстителя, явившегося поквитаться с миром за прошлое южного Манхэттена.

Каждый раз, когда он брал айпод (так в зоопарке дряхлая и проницательная обезьяна примет у посетителя кусочек не слишком лакомого фрукта), Тито почти ожидал увидеть, как старик расколет девственно белый корпус подобно скорлупе ореха и достанет на свет что-нибудь ужасно мерзкое и нестерпимо современное.

И вот теперь, сидя перед дымящейся супницей в надстроенном ресторане с видом на Канал-стрит, он понял, что не в состоянии объяснить это своему кузену Алехандро. Немногим ранее Тито пытался у себя в номере создать музыкальную композицию, передающую те ощущения, которые пробуждал в нем старик. Но вряд ли стоило когда-нибудь

заводить о ней речь.

Алехандро – расправленные плечи, гладкий лоб, волосы на прямой пробор – не интересовался музыкой. Молча глядя на брата, он зачерпнул утиный суп и аккуратно разлил по тарелкам – сначала ему, а потом себе. За окнами ресторана, за вывеской из красного пластика с надписью на кантонском, которую невозможно было прочесть, раскинулся мир оттенка старой серебряной монеты, залежавшейся в ящике.

Алехандро был буквалистом, весьма одаренным, но крайне практичного склада ума. Поэтому его и выбрала себе в ученики седая Хуана, их тетка, лучший в роду специалист по поддельным документам. По воле кузена Тито приходилось таскать по улицам механические печатные машинки – старинные неподъемные устройства, приобретенные на пыльных складах за рекой, – а также, словно мальчику на побегушках, бесконечно покупать заправочные ленты и скипидар для стирания чернил. Родная Куба, как учила Хуана, представляла собой бумажную державу, сплошной бюрократический лабиринт из анкет и написанных под копирку тройных экземпляров. Посвященные знали в этом царстве все ходы и выходы, а потому действовали уверенно и точно. Точность везде и всегда – таков был девиз Хуаны, исследовавшей жизнь в глубочайших, покрашенных в белый цвет подвалах строения, чьи верхние окна выходили прямо на Кремль.

– А он тебя напугал, этот старик, – произнес Алехандро.

Ученик перенял от Хуаны тысячи трюков с использованием бумаги и клея, печатей и водяных знаков, постиг чудеса, творившиеся в ее импровизированных темных фотолабораториях, и еще более темные тайны детей, умерших во младенчестве.

Время от времени, а под конец и целыми месяцами, Тито носил при себе подгнившие бумажники, до отказа набитые фрагментами паспортов, созданных за время ученичества Алехандро, так чтобы долгая близость к человеческому телу истребила всякие следы новизны, недавнего изготовления. Молодой человек никогда не касался этих карточек и бумаг, состаренных за счет его собственного тепла и движений. Сам же Алехандро, когда доставал их из кожаных конвертов, покрытых трупными пятнами, надевал хирургические перчатки.

– Да нет, – ответил Тито, – не напугал.

Впрочем, он был не уверен, что сказал правду; какой-то страх, несомненно, присутствовал, но не имел отношения к самому старику.

– А может, и стоило бы, братец.

Силы бумажных чар начали рассеиваться в разгар появления новых технологий и возрастающего внимания правительства к

вопросам «безопасности», читай: «контроля». С тех пор родные уже меньше полагались на способности Хуаны, приобретая львиную долю документов где-то в других источниках, точнее отвечающих насущным потребностям. О чем Алехандро, насколько знал его кузен, ничуть не сожалел. В тридцать, будучи на восемь лет старше Тито, он уже научился рассматривать жизнь в семье в лучшем случае как условное благословение. Картины, повешенные напротив окон в его квартире и понемногу выцветающие на солнце, были тому подтверждением. Алехандро рисовал играючи, владел, казалось, любым известным стилем и, по негласному соглашению с теткой, переносил особые, изощренные навыки из ее сказочного подпольного мира в мир галерей и собирателей искусства.

– А Карлито, – Алехандро назвал имя дяди, бережно передавая кузену белую фарфоровую тарелку супа с душистым ароматом и жирком на поверхности, – он тебе не рассказывал о старике?

– Только то, что, если он ко мне обратится, можно отвечать по-русски.

Мужчины общались по-испански.

Собеседник изогнул бровь.

– И еще – в Гаване они были знакомы с нашим дедом.

Алехандро нахмурился; его фарфоровая белая ложка застыла над супом.

– А он американец?

Тито кивнул.

– В Гаване, – Алехандро понизил голос, хотя в ресторане больше никого не было, кроме официанта, читавшего «Чайниз Уикли» за стойкой, – наш дед общался с американцами, но только из ЦРУ.

Его кузен вспомнил, как незадолго до переезда в Нью-Йорк отправился с матерью на китайское кладбище на *Calle*[15] 23, где из семейного склепа была извлечена маленькая урна, и Тито, гордящийся своей сноровкой, кое-куда ее переправил; вспомнил закусочную «Малекон» и вонючую туалетную кабинку, в которой бегло пролистал бумаги, спрятанные в плесневелом конверте из прорезиненной ткани. Он до сих пор не имел понятия об их содержании, потому что с трудом разбирал полузнакомые английские слова.

Тито никому не рассказывал о том случае, вот и сегодня решил промолчать.

Ноги ужасно мерзли в черных ботинках «Рэд Винг»[16]. Вот бы нырнуть в деревянную японскую ванну с таким вот горячим супчиком.

– Он смахивает на тех людей, которые раньше отирались в скобяных лавках по этой улице, – сказал Тито. – Такие старички в обносках, кому нечем заняться.

Скобяные лавки с Канал-стрит уже исчезли. Их место заняли точки продажи сотовых телефонов и поддельной «Прада».

– Скажи мы Карлито, что ты дважды видел одного и того же мужчину или хотя бы женщину, – проговорил Алехандро, обращаясь к дымящейся поверхности супа, – и он послал бы кого-то другого. Так требует протокол.

Автор упомянутого протокола, их дед, ушел в мир иной, как и те старички с Канал-стрит. Его насквозь нелегальный прах был развеян промозглым апрельским утром со стейтен-айлендского парома. Дяди прикрывали ритуальные сигары ладонями от ветра, и даже прижившиеся на борту карманники уважительно держались на расстоянии, понимая, что здесь дело сугубо интимное.

– Да ведь там ничего не было, – сказал Тито. – Ничего интересного.

– Если нам платят за доставку ему контрабанды, а мы по долгу ремесла ничего другого не доставляем, значит, кому-то наверняка интересно.

Кузен мысленно попытался расшатать его логику, нашел ее неколебимой и кивнул.

– Слышал выражение: «не разевай рот»? – Алехандро перешел на английскую речь. – Это всех нас касается, если хотим удержаться здесь.

Тито ничего не ответил.

– Сколько всего было поставок?

– Четыре.

– Многовато.

Дальше они ели свой суп молча, под металлический грохот грузовиков на Канал-стрит.

А потом Тито стоял перед глубокой раковиной в своей комнате в Чайнатауне и стирал свои зимние носки с порошком. Сами по себе они уже не казались такой уж экзотикой, зато их плотность изумляла до сих пор. А ведь ноги по-прежнему то и дело мерзли, несмотря на кучу стелек из бродвейского магазинчика.

Перед глазами встала раковина в гаванской квартире матери. Пластиковая бутылка, заполненная мыльным раствором (его использовали вместо моющего средства), жесткая волокнистая тряпка и мисочка с углем. По краю раковины постоянно бежали куда-то мелкие муравьи. В Нью-Йорке, как однажды заметил

Алехандро, эти твари передвигались гораздо медленнее.

Другой кузен, переехавший из Нового Орлеана после наводнения, рассказывал, как видел на волнах целый шар из рыжих муравьев, живой и блестящий. Очевидно, так насекомые спасались от полного вымирания. «Вот и мы, – подумал тогда Тито, – чтобы выплыть в Америке, держимся друг за друга на плотике общего ремесла. Нас меньше, но наша сила – в протоколе».

Порой он смотрел российские новости на «Russian Network of America»[17]. Со временем начало казаться, что голоса ведущих доносятся из далекого сна или с борта глубоководной подлодки. Интересно, каково это – совсем потерять язык?

Мужчина отжал мыльную воду, заново наполнил раковину и, оставив носки отмокать, вытер ладони о старую футболку, висевшую рядом вместо полотенца.

Окон в квадратной комнате не было, только белые гипсокартонные стены и стальная дверь да высокий бетонный потолок. Порой Тито лежал на матраце, пытаясь разглядеть вверху границы между замазанными листами фанеры и окаменелые следы потопов с верхнего этажа. Других постоянных жильцов здесь не было. Квартира соседствовала с фабрикой, где кореянки шили детскую одежду, и еще одной мелкой фирмой, имеющей какое-то отношение к Интернету; да и саму ее, в действительности, дяди снимали в аренду. Когда помещение требовалось им для некоторых дел, Тито ночевал на кушетке «Икея» у Алехандро.

Ну а в его комнате, кроме глубокой раковины, был еще туалет, электроплитка, матрас, компьютер, микрофон, динамики, клавиатуры, телевизор «Сони», утюг и гладильная доска. Одежда висела на допотопного вида железной вешалке на колесиках, обнаруженной на обочине Кросби-стрит. За одним из динамиков стояла синяя вазочка из китайского универмага; эту хрупкую вещицу Тито втайне посвятил богине Ошун, известной среди католиков Кобре под именем Пречистой Милосердной Девы.

Подключив клавиатуру «Касио» к длинному кабелю, он пустил в раковину с носками горячую воду, взобрался в очень высокое режиссерское кресло, купленное в том же универмаге на Канал-стрит, и, кое-как пристроившись в люльке из черной парусины с «Касио» на коленях, погрузил ноги в теплую мыльную пену. Потом закрыл глаза и коснулся пальцами кнопок. Тито подыскивал звук, похожий на потускневшее серебро.

Если сыграть хорошо, быть может, музыка наполнит пустоту Ошун.

3
Волапюк

Кутаясь в пальто «Пол Стюарт», украденное месяц назад в закусочной на Пятой авеню, Милгрим смотрел, как Браун отпирает обитую сталью дверь парой ключей из прозрачного пакетика на молнии – точно в таком же Деннис Бердуэлл, знакомый дилер из Ист-Виллиджа, хранил кокаин.

Но вот Браун выпрямился и пробуравил Милгрима уже привычным взглядом, исполненным злобного презрения.

– Открывай, – приказал он, переступив с ноги на ногу.

Милгрим повиновался, но прежде чем взяться за ручку, обмотал ладонь толстым черным шарфом шведской марки «H&M».

Дверь распахнулась. В темноте слабо тлела красная искорка индикатора – должно быть, от выключенного компьютера. Милгрим шагнул вперед, не дожидаясь толчка в спину. Сейчас его занимала крошечная таблетка ативана[18], которая тихо таяла под языком. Она еще не успела раствориться до конца, еще неуловимо ощущалась кожей, напоминая микроскопические чешуйки на крыльях бабочек.

– И за что его так назвали? – рассеянно произнес Браун, методично обшаривая комнату нестерпимо ярким лучом фонаря.

Милгрим услышал, как за спиной закрылась дверь и щелкнул замок.

Брауну было несвойственно думать вслух; видимо, в этот раз он здорово перенервничал.

– Как назвали?

Меньше всего сейчас Милгриму хотелось говорить. Он бы с радостью сосредоточился на мгновении, когда таблетка тает под языком на грани бытия и небытия.

Круг света остановился на складном режиссерском кресле возле какой-то казенного вида раковины.

Судя по запаху, не лишенному некой приятности, в комнате явно кто-то жил.

– Почему его так назвали? – повторил Браун с намеренно грозным спокойствием.

Он был из тех, кто не любит лишний раз произносить имена или упоминать понятия, которые ставит ниже себя по причине их недостаточной важности либо иностранного происхождения.

– Волапюк, – догадался Милгрим, как только таблетка исполнила свой знаменитый трюк с исчезновением. – В качестве

ключа при составлении текстов берется визуальное сходство с русским алфавитом, кириллицей. Используются и наши буквы, и даже цифры, но только по принципу сходства с буквами кириллицы, которые они больше всего напоминают.

– Я говорю, откуда название?

– Эсперанто, – продолжал Милгрим, – это язык искусственный, его изобрели для универсальной коммуникации. А волапюк – совсем другое дело. Когда русские обзавелись компьютерами, то обнаружили на дисплеях и клавиатурах романский алфавит, а не славянскую азбуку. Вот и состряпали, пользуясь нашими символами, что-то вроде кириллицы. Язык окрестили волапюком. Думаю, в шутку.

Однако Браун был не из тех, кого пронимают подобные шутки.

– Отстой, – процедил он, вложив в это слово все, что думает о волапюке, собеседнике и даже о НУ, которыми столько интересовался.

На языке Брауна, как уяснил Милгрим, «НУ» означало Нелегального Упростителя, преступника, облегчающего жизнь остальным нарушителям закона.

– Держи.

Браун сунул своему спутнику фонарь из рифленого неблестящего железа.

Так полагалось по статусу. Спрятанный под паркой Брауна пистолет тоже совершенно не блестел. Это как с обувью и аксессуарами, рассуждал про себя Милгрим; стоит кому-нибудь, например, щегольнуть крокодильей кожей, и через неделю она уже будет у всех. Вот и городе Браунтаун царил сезон неблестящего антицвета. Только, пожалуй, он уже несколько затянулся.

Между тем Браун достал из кармана зеленые хирургические перчатки из латекса и натянул их на руки.

А Милгрим держал фонарик там, где ему велели, и предвкушал блаженную минуту, когда таблетка подействует.

Как-то ему довелось встречаться с женщиной, утверждавшей, что витрины магазинов, где распродаются излишки военного имущества, навевают мысли о мужской несостоятельности. Интересно, в чем слабость Брауна? Этого Милгрим не знал, однако сейчас его восхищали эти руки в хирургических перчатках, похожие на глубоководных тварей в каком-то сказочном театре на дне морском, обученных подражать ладоням искусника-чародея. Вот они нырнули в карман и достали маленькую коробочку, откуда проворно извлекли крохотный предмет очень бледного голубовато-серебристого оттенка,

почему-то напомнившего Милгриму о Корее.

Батарейка.

Действительно, батарейки нужны везде. Даже в том призрачном приборчике, что помогает Брауну и его когорте перехватывать, пусть и немногочисленные, исходящие и входящие сообщения НУ прямо из воздуха этой квартиры. Милгрим недоумевал: насколько он знал, подобные фокусы невозможны, если только не спрятать «жучок» в телефоне. А этот НУ, по рассказам Брауна, редко использовал одну и ту же трубку или счет, покупая их ворохами, а потом избавляясь, как от мусора. А впрочем, если вдуматься, так поступал и Бердуэлл.

Браун опустился на колени возле вешалки с одеждой и принялся ощупывать ладонями в зеленых перчатках чугунное основание на колесиках. Милгрим с любопытством щурился на рубашки НУ и черную куртку: ему хотелось взглянуть на фирменные ярлычки, но приходилось держать фонарь, освещая чужие руки. Какая же это марка? Может, «A.P.C.»? Или нет?.. Однажды, когда они вдвоем сидели в закусочной на Бродвее, мимо прошел НУ собственной персоной; он даже посмотрел на них через потное окно. Ошеломленный Браун взбесился и что-то быстро зашипел в головной телефон. Милгрим поначалу даже не понял, что этот парень с мягкими чертами лица и в черной кожаной шляпе с загнутыми впереди полями и есть интересующий его спутника НУ. Скорее незнакомец смахивал на помолодевший вариант Джонни Деппа неопределенной этнической принадлежности. Как-то раз Браун упомянул, будто НУ с родными прибыл откуда-то с Кубы, и вроде бы все они китайской крови, однако по виду этого не скажешь. Ну, филиппинец – еще куда ни шло, да и то навряд ли. К тому же вся семья говорила по-русски. Или по крайней мере переписывалась похожими знаками, ведь голосов людям Брауна так и не удалось засечь.

Эти-то *люди* и беспокоили Милгрима. Вообще-то его тревожила масса разных вещей, в том числе сам Браун, однако его невидимые товарищи давно удостоились отдельной мысленной папки. Во-первых, казалось, что их чересчур много. Откуда? Неужто Браун – сотрудник полиции? Или же тот, кому она помогала перехватывать нужные разговоры? Последнее вызывало у Милгрима большие сомнения, но если бы это вдруг оказалось правдой, кто же такой Браун?

Тот словно услышал беззвучный вопрос и, не вставая с колен, тихонько, с пугающим удовлетворением, хмыкнул. Морские зеленые твари вернулись на сцену, держа что-то черное, матовое, частично обернутое столь же черной и матовой изолентой.

Следом тянулся крысиный хвост черного неблестящего провода. А старая вешалка из Швейного квартала[19], должно быть, служила дополнительной антенной.

Браун менял батарейку, а Милгрим усердно держал фонарь так, чтобы освещать ему работу, но и не попадать в глаза.

И все-таки кто же он? Сотрудник ФБР или DEA[20]? Милгриму довелось достаточно узнать и тех, и других, чтобы понять, насколько различаются между собой (и взаимно недолюбливают друг друга) эти два племени, но не мог вообразить Брауна ни в одном из них. Правда, в последнее время наверняка появились новые, невиданные прежде разновидности федералов. И все-таки Милгрима не отпускало неприятное чувство. Браун явно был не обезображен чрезмерным интеллектом и к тому же слишком независимо держался во время всей операции, в чем бы ни заключалась ее суть. И лишь мечты о заслуженной дозе ативана удерживали его невольного спутника от воплей ужаса.

Между тем Браун склонился почти к основанию старой проржавленной вешалки и самозабвенно устанавливал «жучок» обратно. Затем поднялся, и Милгрим увидел, как с перекладины упало что-то темное и беззвучно легло на пол.

Отобрав у спутника фонарь, Браун тут же отвернулся и продолжил осматривать квартиру НУ, а Милгрим протянул руку к черному пиджаку на вешалке и пощупал холодную влажную шерсть.

Раздражающе яркий луч отыскал в темноте за динамиком аудиосистемы довольно дешевую с виду вазочку, голубую с перламутром. Усиленный синевато-белый диодный свет играл на блестящей лакированной поверхности, создавая впечатление нереальной прозрачности; казалось, внутри сосуда протекает какой-то взрывоопасный процесс. Потом свет погас, но и тогда ваза продолжала мерещиться Милгриму.

– Уходим, – объявил Браун.

Уже на улице, торопливо шагая по тротуару в направлении Лафайет-стрит, Милгрим решил про себя, что стокгольмский синдром – это выдумка. Сколько недель прошло, а он так и не проникся к Брауну теплыми чувствами.

Ну вот ни капли.

4
Погружаясь в локативность

В «Стандарте», за вестибюлем, работал длинный застекленный ночной ресторан. На фоне матовой черной обивки широких кабин торчали яркие обглоданные фаллосы огромных кактусов Сан-Педро. Крепкое тело Альберто плавно опустилось на скамью напротив Холлис. Одиль оказалась между ним и окном.

– Взгляни на пустое пространство, – провозгласила она, словно стояла на древнегреческой сцене. – Оно навыворот...

– Что выварит?

– Пространство, – подтвердила Одиль. – Выкручивается навыворот.

Для пущей наглядности она так повела руками, что Холлис пришла на ум тряпичная модель матки, которую она видела в школе на уроках семейной жизни. Не самое приятное воспоминание.

– Выворачивается наизнанку, – ради ясности предложил свой вариант Альберто. – Киберпространство. Фруктовый салат и кофе.

Последние слова, как после некоторого усилия сообразила собеседница, предназначались официантке. Одиль заказала *café au lait*[21], Холлис пожелала кофе с пончиком. Официантка развернулась и ушла.

– Можно сказать, я думаю, все началось в двухтысячном году, первого мая, – произнес латиноамериканец.

– Что именно?

– Геохакерство. По крайней мере в зародыше. Тогда правительство отключило избирательный доступ[22] в сферах, которые прежде принадлежали исключительно военной системе. Гражданские впервые были допущены к геокоординатам PS.

Холлис очень смутно представляла себе со слов Филиппа Рауша, что будет писать о всякой всячине, которой занимаются художники, пользуясь географическими координатами и сетью Интернет, поэтому виртуальное изображение смерти Ривера Феникса потрясло ее до глубины души. И вот она, казалось, нащупала начало своей статьи.

– Сколько у вас таких творений, Альберто?

«...И все ли они посмертные?» – мысленно прибавила Холлис.

– Девять, – отвечал молодой человек. – В «Шато Мармон», – он указал куда-то вдаль, – я буквально на днях завершил виртуальную усыпальницу в честь Хельмута Ньютона[23]. У подножия спуска, на месте роковой аварии. После завтрака я тебе

покажу.

Официантка принесла кофе. Бывшая певица смотрела, как худощавый бледнокожий англичанин берет в кассе желтую пачку «Американ спирит». Жидкая бородка покупателя смахивала на мох у мраморного водостока.

– Выходит, – продолжала Холлис, – постояльцы «Мармон» не имеют понятия о ваших художествах в отеле? И никак об этом не узна́ют?

«…Подобно пешеходам, шагающим по телу спящего Ривера на тротуаре бульвара Сансет».

– Нет, никак. – Альберто порылся в рюкзаке у себя на коленях, вытащил сотовый телефон, повенчанный посредством серебристой ленты с неким электронным приборчиком. – Хотя при помощи вот этой штуки… – Парень нажал какую-то кнопку, открыл телефон и ловко застучал по клавишам. – Когда она станет всем доступна…

Предмет оказался у Холлис в руке. Это был телефон в сочетании с блоком GPS – правда, на корпусе виднелся надрез, откуда росли странные устройства, примотанные серебристой лентой.

– Это для чего?

– Смотри.

Она прищурилась на маленький экран. Поднесла его к глазам. Увидела волосатую грудь Альберто, исчерченную призрачными линиями по вертикали и по горизонтали, как если бы над ней всласть потрудился кубист. Что еще за бледные кресты? Холлис подняла взгляд на собеседника.

– Это не произведение локативного искусства, – сказал тот. – Нет привязки к месту. Попробуй навести на улицу.

Она направила обмотанный клейкой лентой гибрид на Сансет – и увидела идеально гладкую плоскость, размеченную ровными белыми крестами, будто нанизанными на невидимую решетку, которая тянулась через бульвар и уходила в бескрайнее виртуальное пространство. Белые вертикали, расположенные примерно на уровне тротуара, вдали уменьшались, бледнели, убегали под землю у самого подножия Голливудских холмов.

– Американские жертвы в Ираке, – произнес Альберто. – Я с самого начала подключился к сайту, на котором появлялись новые кресты при каждом сообщении о новых смертях. Эту штуку можно взять куда угодно. У меня есть слайд-шоу кадров из разных местностей. Хотел отослать его в Ирак, но там решат, будто я отфотошопил настоящие снимки багдадских могил.

Оторвав глаза от усеянного крестами поля, по которому ехал черный «рендж-ровер», Холлис успела заметить, как парень пожал

плечами.

Одиль прищурилась над белым краем чашки.

– Картографические характеристики невидимого. – Француженка поставила свой *café au lait* на стол. – Гипермедиа с привязкой к местности. – Теперь она говорила почти без акцента: казалось, терминология вдесятеро усиливала ее способность бегло говорить по-английски. – Художник помечает каждый сантиметр пространства, любого материального предмета. Все могут видеть при помощи подобных устройств. – Она указала на телефон соседа с таким видом, словно в обвитом серебристой лентой чреве таился зародыш будущего.

Холлис кивнула и протянула латиноамериканцу его прибор.

Тут прибыли фруктовый салат и пончик.

– И ты курируешь это искусство в Париже, да, Одиль?

– Повсюду.

А ведь Рауш был прав, решила Холлис, тут есть где развернуться. Впрочем, она по-прежнему не имела понятия, о чем речь.

Методично уничтожив полпорции фруктового салата, Альберто внимательно посмотрел на бывшую певицу; вилка застыла в воздухе.

– А можно спросить?

– Да?

– Как вы поняли, что время «Кёфью» вышло?

Холлис увидела, как потемнели его зрачки: типичный *отаку*. Обычно так и получалось, стоило кому-нибудь признать в ней культовую певицу начала девяностых годов. Похоже, о существовании группы подозревали одни лишь ее фанаты, не считая радиодиджеев, поп-историков и коллекционеров. Однако в само́й природе музыки «Кёфью» было заложено нечто вневременное, что до сих пор позволяло завоевывать поклонников. Новички вроде Альберто чаще всего вели себя с пугающей серьезностью. Холлис не представляла себе, сколько лет ему стукнуло, когда группа распалась, но с тем же успехом это могло случиться вчера, если учесть показания его подпрограммы, отвечающей за подростковые увлечения. В сердце бывшей певицы схожая подпрограмма все еще занимала почетную позицию, а ме́ста в ней хватало самым разным артистам, поэтому она чувствовала себя обязанной если не утолить любопытство собеседника, то хотя бы ответить честно.

– Да мы не то чтобы поняли. Просто время вышло, и точка. Все как-то само собой прекратилось, я даже не поняла когда. Мы с болью осознали это и разбежались в разные стороны.

Как и ожидалось, Альберто выглядел недовольным, зато по

крайней мере он услышал правду. Холлис сделала все, что могла. Она и сама не могла разобраться в случившемся; да в общем-то и не очень пыталась.

– Мы как раз выпустили тот компакт-диск на четыре песни. Чувствуем, это конец. Остальное – вопрос времени... – Надеясь, что тема исчерпана, она принялась намазывать половину пончика сливочным сыром.

– Это произошло в Нью-Йорке?

– Да.

– А было какое-то точное время или место, когда вы поняли, что «Кёфью» дошла до предела? Когда группа приняла решение перестать быть группой?

– Надо подумать.

Пожалуй, не стоило так отвечать.

– Я бы хотел это изобразить, – заявил парень. – Ты, Инчмэйл, Хайди и Джимми. Расстаетесь.

– Инчмэйл? – Одиль недовольно заерзала на черном сиденье: очевидно, ей было невдомек, о чем разговор.

– Что бы еще посмотреть, пока я в городе? – обратилась к ней Холлис, одарив собеседника улыбкой, означающей, что тема закрыта. – Посоветуешь? Мне еще нужно выделить время на интервью с тобой. И с тобой, Альберто. А сейчас я так вымоталась. Надо поспать.

Одиль сплела свои пальцы вокруг фарфоровой чашки. Ногти смотрелись так, словно их покусала зверушка с очень мелкими зубками.

– Мы тебя вечером заберем. Спокойно успеем заехать в дюжину мест.

– Может, сердечный приступ Скотта Фицджеральда? – предложил парень. – Это вниз по улице.

Яростно изукрашенные буквы-переростки на его руке наползали друг на друга, отливая тюремным оттенком цвета индиго. Интересно, подумала Холлис, что они означают?

– Но ведь он там не умер? Правда?

– Это в магазине «Virgin», – ответил латиноамериканец. – Отдел мировой музыки.

Мемориал Хельмута Ньютона щеголял изобилием черно-белой наготы в стиле, отдаленно напоминающем «ар-деко», – в память о творческих трудах того, кому посвящался. После осмотра Холлис пешком возвращалась в «Мондриан». Выдалась одна из тех странных мимолетных минут, какие случаются чуть ли не каждым солнечным утром в западном Голливуде, когда запах зелени и невидимых нагретых плодов наполняет воздух

извечными благодатными обещаниями, пока с небес не опустилось тяжелое углеводородное одеяло. И краем глаза легко уловить отпечаток эпохи невинности, красоты, чего-то давно прошедшего, но именно в это мгновение почему-то болезненно близкого. Словно город можно стереть со стекол очков и забыть навсегда.

Солнечные очки… Надо было взять с собой хоть одну пару.

Она опустила глаза на пятнистый тротуар, на черные точки резины среди бурых и бежевых волокон мусора, оставленного ураганом, – и великолепный миг отлетел в прошлое, как ему и полагалось.

5
Два вида пустоты

Возвращаясь из японского супермаркета «Санрайз», уже перед самым закрытием, Тито остановился поглазеть на витрины «Йоджи Ямамото» на Грэнд-стрит.

Шел одиннадцатый час вечера. Улица была совершенно безлюдна. Мужчина огляделся по сторонам: кругом ни души, даже желтые такси куда-то запропастились. Затем перевел взгляд обратно, к асимметричным отворотам какого-то плаща или накидки на пуговицах. Стекло витрины отражало его темный костюм и темные глаза. В руке – санрайзовский пакет, нагруженный почти невесомой японской лапшой моментального приготовления. Алехандро посмеивался над этим пристрастием кузена: дескать, можно с тем же успехом съесть упаковку из белого пенопласта, но Тито лапша нравилась. Япония оставалась для него страной благословенных тайн, родиной игр, аниме и плазменных телевизоров.

Впрочем, асимметричные отвороты «Йоджи Ямамото» не представляли никакой загадки. Это была всего лишь мода, и Тито полагал, что постиг ее суть.

Временами ему приходилось бороться с раздвоенностью сознания: глядя на подобные витрины, оформленные в духе строгого, но дорогого аскетизма, мужчина видел перед собой их гаванских двойников, не менее – но только по-иному – суровых в своей простоте.

Там даже не было стекол. По ночам за грубыми железными решетками горели одинокие люминесцентные лампы, мерцая подводным светом. И никаких товаров, хотя заведения работали каждый день. Лишь аккуратно выметенные полы и грязная, покоробленная штукатурка.

Отражение в стекле «Ямамото» еле заметно пожало плечами. Тито продолжил путь, радуясь теплым сухим носкам.

Интересно, где теперь может быть Алехандро? Наверное, в своем излюбленном безымянном баре на Восьмой авеню за Таймс-сквер; неоновая вывеска так и возвещала: «БАР», и ни слова больше. Именно здесь кузен предпочитал встречаться с представителями галерей; он обожал затаскивать кураторов и дилеров в эти красноватые сумерки, в общество полусонных трансвеститов из Пуэрто-Рико и проституток, желающих отдохнуть от портового начальства. Тито недолюбливал это место. Казалось, оно холодной рептилией заползло в свою особую

нишу, в бесконечный тупик разбавленного пойла и вечной подспудной тревоги.

Вернувшись к себе, Тито заметил упавший с вешалки на колесиках недавно постиранный носок и аккуратно повесил его обратно – сушиться дальше.

6
«Райз»

Спору нет, Милгрима радовала необыкновенная четкость наполненной азотом оптики в австрийском монокуляре Брауна. Но только не запах его жевательной резинки в холодном воздухе у задней двери наблюдательного фургона, нарочно припаркованного неизвестным помощником на Лафайет-стрит.

Браун проскочил на красный свет, лишь бы успеть на место, едва наушники сообщили, что НУ сюда направляется, и вот интересующий его человек застрял перед витриной «Йоджи Ямамото» будто вкопанный.

– Что он там делает? – Браун отнял обратно свой монокуляр, серовато-зеленый и неблестящий – под стать фонарю и пистолету.

Милгрим наклонился вперед и припал невооруженным глазом к смотровому отверстию, одному из полудюжины тех, что были прорезаны в стенах и закрыты привинченными подвижными клапанами из черного пластика; снаружи они терялись внутри широких черных пятен на стенках фургона, где были нарисованы краской номера́.

Милгриму эти поддельные и, наверно, устаревшие надписи напоминали городскую версию неудачно подобранной зелени для камуфляжа.

– Смотрит на витрину, – ответил он, понимая, что мелет чушь. – Пойдете за ним до самого дома?

– Еще чего, – буркнул Браун. – Как бы не засветить фургон.

Милгрим даже не представлял, сколько человек наблюдали, как НУ делает покупки в японских продуктовых магазинах, пока они вдвоем хозяйничали в его квартире, меняя батарейку в «жучке». Этот мир людей, постоянно следящих за другими людьми, был ему в новинку. Хотя, конечно, мы всегда подозреваем, что где-то так и происходит. Мы видим подобные вещи в кино, читаем о них, но разве кто-то задумывается всерьез, что когда-нибудь ему придется втягивать носом густые пары чужого дыхания у задней двери студеного фургона?

Теперь уже Браун склонился вперед и прижал упругий край монокуляра к запотевшему холодному металлу, чтобы лучше видеть. Милгрим лениво, почти разнеженно подумал: а что, если прямо сейчас найти что-нибудь потяжелее, да и стукнуть соседа по голове? Он даже пошарил глазами в поисках подходящего предмета, но увидел только сложенный брезент и перевернутые пластмассовые ящики из-под молока, на которых они оба сидели.

Словно прочитав его мысли, Браун круто развернулся и сердито сверкнул глазами.

Милгрим поморгал, напустив на себя смиренный и безобидный вид. Это было не сложно: в последний раз он бил кого-то по голове в начальной школе и не очень склонялся к тому, чтобы начинать теперь. Впрочем, как и не бывал в роли пленника, напомнил он себе.

– Рано или поздно парень перешлет или получит из дома сообщение, – проворчал Браун, – а ты переведешь.

Милгрим покорно кивнул.

Они зарегистрировались в «Нью-Йоркере», на Восьмой авеню. Смежные комнаты, четырнадцатый этаж. Похоже, Браун питал особую привязанность к этой гостинице, поскольку въезжал сюда не то в пятый, не то в шестой раз.

В спальне Милгрима едва размещалась двуспальная кровать перед горкой из ДСП с телевизором. Постоялец снял краденое пальто и присел на край постели.

Тут появился Браун и повторил свой фокус: укрепил на косяке и на двери по маленькой коробочке уже знакомого серого оттенка, гармонирующего с фонарем, пистолетом и монокуляром. То же самое он проделал у себя комнате – все ради того, чтобы спать спокойно, зная, что пленнику не придет на ум улизнуть. Милгрим до сих пор не представлял, как действуют эти коробочки, но только Браун однажды припугнул его, велев не касаться двери, когда они висят на ней. Милгрим и не пытался этого делать.

Окончив дело, Браун швырнул на цветное покрывало упаковку таблеток и возвратился к себе. Через минуту в соседней комнате заработал телевизор. Теперь уже Милгрим легко узнавал музыкальную заставку канала «Фокс Ньюс».

Он покосился на таблетки. О нет, совсем не коробочки на двери удерживали его от побега.

Милгрим поднял заветную упаковку. И увидел надпись: «РАЙЗ, 5 мг» и дальше что-то… вроде бы… ну да, по-японски. Или подделка под японскую аннотацию на товаре.

– Эй?

В соседней комнате за открытой дверью Браун перестал барабанить пальцами по «бронированному» лэптопу.

– Чего тебе?

– Что это такое?

– Твое лекарство.

– Тут написано «Райз» и еще что-то по-японски. Это не ативан.

– Да ладно тебе, – угрожающе протянул Браун. – Не один ли хрен? Тот же, мать его, четвертый список DEA. Ну все, а теперь заткнись.

И пальцы снова застучали по клавишам.

Милгрим посмотрел на упаковку и опустился на кровать. «Райз»? Первым порывом было позвонить своему знакомому на Ист-Виллидж. Мужчина покосился на телефон: понятное дело, тот не работал. Тут же пришла другая мысль: позаимствовать у Брауна лэптоп и поискать название в «Гугле». На странице DEA дотошно перечислялись наркотические средства из четвертого списка, в том числе иностранного производства. А впрочем, если Браун действительно федерал, он мог напрямую раздобыть лекарство у сотрудников по борьбе с наркотиками. И потом, в положении пленника просить о чем-то столь же бессмысленно и бесполезно, как и звонить своему дилеру по умолкшему телефону.

К тому же Милгрим успел задолжать Деннису Бердуэллу. Надо же было угодить в такой переплет. Что хочешь, то и делай.

Он положил упаковку на край ближайшего прикроватного столика, по углам которого красовались черные дуги из пятен, оставленных окурками предыдущих жильцов. Дуги чем-то напоминали арки «Макдоналдса». Интересно, скоро ли Браун закажет сандвичи?

Значит, «Райз»...

7
Буэнос-Айрес

Холлис приснилось, что она в Лондоне с Филиппом Раушем, торопливо шагает по Монмут-стрит по направлению к шпилю Севен-Дайлз[24]. Журналистка никогда не видела Рауша, но теперь, в мире снов, он представлялся одновременно Регом Инчмэйлом. Стоял пасмурный день, взгляд беспомощно увязал в небесах, почему-то зимних и серых, как вдруг Холлис вся съежилась от ужаса, увидев пылающие карнавальные огни: прямо на нее опускалась вурлитцеровская[25] туша космического корабля-носителя из «Близких контактов третьей степени»[26] – этот фильм вышел на экраны, когда ей стукнуло семь, мать его обожала, – так вот невесть откуда взявшаяся громадина, престранным образом способная втиснуться в рамки узкой улицы, напоминала гигантскую электробатарею для обогрева клеток с рептилиями, и люди пригнули головы, разинув от изумления рты.

Но тут Рауш-Инчмэйл грубо отбросил руку своей спутницы, сказав, что это всего лишь рождественское украшение, только большого размера, подвешенное в воздухе между отелем справа и кофейней слева. И правда, теперь Холлис ясно увидела натянутые провода, однако в окне кофейни зазвонил телефон, вернее сказать, полевой аппарат из тех, что использовались во время Первой мировой войны; холщовая сумка была перемазана светлой глиной, как и отвороты колючих шерстяных брюк товарища...

– Алло?

– Это Рауш.

«Неужто сам?» – подумала она, прижимая к уху раскрытый сотовый. Солнце Лос-Анджелеса игриво покусывало края многослойных занавесок отеля «Мондриан».

– Вообще-то я спала.

– Есть разговор. Мы тут откопали одного человечка, вам надо встретиться. Одиль с ним навряд ли знакома, а вот Корралес – наверняка.

– Это кого же знает Альберто?

– Бобби Чомбо.

– Кого?

– Он – король среди технических ассистентов у этих локативных художников.

– Хочешь, чтобы я с ним потолковала?

– Если не сможешь устроить через Корралеса, сразу звони. Придумаем еще что-нибудь.

Это был не вопрос и даже не просьба. Собеседница выгнула брови, молча кивнула в темноте: есть, босс.

– Будет сделано.

Молчание.

– Холлис?

Она тут же выпрямилась и приняла защитную позу лотоса, не заботясь о точном исполнении.

– Ну?

– Будешь с ним – постарайся ни намеком не касаться темы судоходства.

– Какое еще судоходство?

– Систему всемирных морских перевозок. Особенно в связи с геопространственной разметкой, которой бредят Корралес и Одиль. – Опять молчание. – И не вздумай упоминать айподы.

– Айподы?

– Как средство хранения данных.

– То есть когда их используют в качестве жестких дисков?

– Именно.

Внезапно ей совершенно разонравилась эта история. В воздухе как-то иначе, по-новому запахло жареным. Постель представилась гостье отеля белой песчаной пустыней, в недрах которой описывало круги некое существо – возможно, смертоносный монгольский червь, один из воображаемых любимчиков Инчмэйла.

Бывают минуты, когда чем меньше мы говорим, тем лучше, решила она.

– Ладно, я спрошу Альберто.

– Хорошо.

– А вы разобрались с моими счетами?

– Конечно.

– Не отключайся, – попросила Холлис. – Только позвоню на рецепцию по другой линии...

– Подожди минут десять. Я перепроверю на всякий случай.

Ее брови круто выгнулись в темноте.

– Спасибо.

– Тут у нас был о тебе разговор, Холлис.

Ох уж это безличное администраторское «у нас»!

– Да?

– Мы тобой очень довольны. Как насчет того, чтобы поступить на оклад?

Смертоносный монгольский червь подбирался все ближе, прячась в хлопковых дюнах.

– Серьезное предложение, Филипп. Это надо обдумать.

– Думай.

Холлис закрыла сотовый. Ровно десять минут спустя при свете маленького экрана она позвонила из номера на рецепцию и получила подтверждение: теперь ее проживание, включая непредвиденные расходы, оплачивалось карточкой «АмЭкс» на имя Филиппа М. Рауша. Постоялица обратилась в отельный салон красоты, узнала, что через час у мастера «окно», и записалась на стрижку.

На часах было около двух: стало быть, в Нью-Йорке около пяти, а в Буэнос-Айресе – на два часа позже. Холлис вывела на экран сотового нужную комбинацию цифр, но предпочла позвонить прямо из номера.

Трубку мгновенно сняли.

– Рег? Это Холлис. Я в Лос-Анджелесе. Вы сейчас на кухне?

– Анжелина кормит Уилли. – Это их годовалый младенец. Анжелина (в девичестве Райан) – жена Инчмэйла, аргентинка, чей дед служил рулевым на рио Парана. Будущие супруги познакомились, когда работали вместе не то на «Dazed & Confused»[27], не то на кого-то еще; Холлис не очень-то разбиралась в лондонских журналах. Зато Анжелина знала о них так много, что и представить нельзя. – Как жизнь?

– Сложновато, – признала Холлис. – А вы как?

– Понемножку. Не сказать, чтобы плохо. Здесь, я даже не знаю, все кругом – по старинке. Одна только сажа и копоть. Похоже на то, каким был раньше Лондон. Ну или Нью-Йорк.

– Можешь кое-что спросить у жены?

– Дать ей трубку?

– Нет, пусть кормит Уилли. Спроси, *что* она слышала, если слышала вообще, про новый журнал под названием «Нод».

– «Нод»?

– Вроде бы они косят под «Вайред», но никогда не призна́ются. А капиталы, думаю, бельгийские.

– Тебя позвали на интервью?

– Нет, предложили работу. Сейчас я у них на договоре, в командировке. Просто подумала, вдруг Анжеле что-нибудь известно.

– Погоди, – сказал Рег. – Я положу телефон. А то он на стенке висит, на проводе...

Трубка стукнула о твердую поверхность. Холлис тоже опустила свой сотовый и прислушалась к дорожному шуму на Сансет. Неясно, куда подевался робот Одиль, но в комнате было тихо.

В Буэнос-Айресе Инчмэйл снова взял трубку.

– Бигенд, – только и произнес он.

С бульвара донеслись визг тормозов, удар и звон стекла.

– Прости, не поняла.

– Бигенд. Ну, «биг» плюс «энд». Рекламный магнат.

Снаружи запела автомобильная сигнализация.

– Тот, который женат на Найджелле?

– Да нет же, того звали Саатчи[28]. А это Хьюберт Бигенд. – Рег повторил по буквам. – Он бельгиец. Агентство называется «Синий муравей».

– И что?

– Анжи говорит, если твой «Нод» и правда журнал, то это проект Бигенда. В Лондоне у него еще несколько маленьких фирм. Вспомнил: у жены, пока она работала в журнале, с ними были кое-какие дела. Что-то неприятное.

Сигнализация замолчала, зато раздался вой сирены.

– Что за шум? – спросил Инчмэйл.

– Авария на Сансет. Я в отеле «Мондриан».

– У них до сих пор не берут на работу посыльных без специалиста по кастингу?

– По-моему, да.

– Платит-то Бигенд?

– Еще бы, – ответила Холлис.

Где-то поблизости завизжали тормоза, вопли сирены достигли высшей точки и стихли.

– Значит, не так уж все и скверно.

– Пожалуй, – поддакнула собеседница. – Не так.

«Разве?»

– А мы по тебе скучаем. Звонила бы нам почаще.

– Хорошо, Рег, буду. Спасибо тебе. И Анжелине тоже.

– Ну, до свидания.

– Ладно, пока, – сказала она и повесила трубку.

Приближалась другая сирена – должно быть, карета «скорой помощи». Холлис решила не подходить к окну. Судя по звукам, ничего ужасного не произошло, а все же смотреть на чужие беды совсем не хотелось.

Она нащупала в темноте квадратный блок белой бумаги с тиснением, взяла безупречно отточенный карандаш с символикой отеля и записала большими печатными буквами: «БИГЕНД».

Надо будет поискать в «Гугле».

8
Мороз по коже

Альберто пришлось объясняться с охраной «Virgin» по поводу шлема и лэптопа. Обходительные служаки в униформах явно ни сном ни духом не смыслили в локативном искусстве. Положа руку на сердце: наблюдавшая за ним Холлис пока что не слишком их в этом опередила.

Корралес хотел показать ей на Вандерленд-авеню представление, посвященное Джиму Моррисону, но бывшей певице почему-то не хотелось прыгать от радости. Пусть даже автор сумеет избежать легендарного бесстыдства «Короля Ящерицы» и сосредоточится, скажем, на сладкогласых партиях Рэя Манзарека – Холлис не улыбалась перспектива писать о невидимом виртуальном монументе в честь группы «Doors» и любого из ее участников. Хотя, как несколько раз указывал Инчмэйл, будучи вместе, Манзарек и Кригер творили чудеса, отыгрываясь за пьяные художества большого парня.

Дыша вечерним углеводородом здесь, на углу Кресент-Хайтс и Сансет, наблюдая, как Альберто доказывает ее, Холлис Генри, право осмотреть виртуальное представление под названием «сердечный приступ Скотта Фицджеральда», она вдруг ощутила нисшедшую свыше отстраненность, в сердце наступил некий период затишья – возможно, это из-за новой стрижки, которую, к вящей радости постоялицы «Мондриан», виртуозно исполнил молодой, обаятельный и весьма одаренный стилист.

Приступ Фицджеральда оказался не смертельным. Вот и статья не пострадала бы, пропусти бывшая участница «Кёфью» все представление. Ну или львиную долю, что и случилось на самом деле, поскольку Холлис досталось лишь краем глаза увидеть, как мужчина в твидовом костюме и с пачкой «Честерфилда» в правой руке схватился за грудь у хромированной стойки в стиле «модерн». Пожалуй, «Честерфилд» был прорисован чуть более четко, чем остальное, хотя окружение тоже интриговало любопытными подробностями вплоть до незнакомых машин за окном, но тут охрана «Virgin», раздосадованная присутствием незнакомки в маске или даже в маскоподобном козырьке у «мировой музыки», положила конец «безобразию». Холлис пришлось вернуть Альберто его шлем и в спешном порядке ретироваться.

Одиль с ее чарами могла бы умаслить этих стражей порядка, если бы не слегла, по ее словам, от жестокого приступа астмы,

вызванного не то загрязненным воздухом во время вчерашнего урагана, не то критической массой разнообразной ароматерапевтической продукции, заполнившей номера «Стандарта».

И вот, несмотря ни на что, на Холлис снизошла безмятежность; то странное, нежданное спокойствие, которое Джимми Карлайл из Айовы, басист «Кёфью», прежде чем удалиться в героиновую долину, называл просветлением.

В этом состоянии она осознала, что более или менее довольна «здесь и сейчас», эпохой и обстоятельствами своей жизни, или по крайней мере была довольна еще неделю назад, покуда ей не позвонили из «Нода» с предложением, не оставляющим возможности для отказа и в то же время недоступным ее пониманию.

Если «Нод», как описал его моложавый, но металлический голос Рауша, это научный журнал с культурным уклоном, то разве отсюда следует, что редакция станет выбрасывать солидные деньги, нанимая бывшую вокалистку «Кёфью», а нынче – мало кому известную журналистку писать о каком-то бредовом направлении в искусстве?

Ну уж нет, ответило сердце среди внезапно наступившего молчания. Не станет, и думать нечего. А главная странность отчетливо проявилась тогда, когда вдобавок ко всему прочему Рауш потребовал встретиться с неким Бобби Чомбо, в беседе с которым запрещено упоминать судоходство, «систему всемирных морских перевозок». Вот в чем загвоздка, осенило Холлис, а Одиль Ричард и остальные вообще ни при чем.

Взгляд ее праздно следил за потоками дорожного движения на Сансет и вдруг различил барабанщицу «Кёфью» Лауру Гайд по прозвищу Хайди за рулем мелкогабаритного внедорожника с германскими, как показалось Холлис, не много смыслившей в автомобилях, корнями. Участницы группы уже года три не общались, но вокалистка знала, что Хайди переехала на Беверли-Хиллс и устроилась на работу в районе Сенчури-Сити, а сейчас она скорее всего возвращалась домой в конце рабочего дня.

– Фашисты долбаные, – возмущался побагровевший Альберто, шагая вслед за спутницей с лэптопом под мышкой и шлемом в другой руке.

Говоря эти слова, он выглядел как-то слишком серьезно, и Холлис на миг вообразила его персонажем примитивного рисованного мультфильма.

– Все в порядке, – заверила она Альберто. – Нет, правда. Я кое-что разглядела. Я видела. Получила общее впечатление.

Он странно заморгал. Неужто боролся со слезами?

От Кресент-Хайтс Альберто по просьбе Холлис отвез ее в закусочную «Гамбургер Гамлет».

– Мне нужен Бобби Чомбо, – произнесла она, когда собеседники нашли свободный столик.

Молодой человек озабоченно нахмурился.

– Бобби Чомбо, – повторила Холлис.

Корралес мрачно кивнул.

– Он у меня занят во всех представлениях. Гений.

Холлис попыталась прочесть бесчеловечно вычурные черные буквы у него на руках – и ничего не разобрала.

– Альберто, а все-таки что у тебя здесь написано?

– Ничего.

– Как ничего?

– Рисовал один художник из Токио. Он изобрел собственный алфавит, абстрагирует буквы до полной нечитаемости, а потом набирает их в произвольном порядке.

– Слушай, а что тебе известно про «Нод», журнал, в котором я сейчас работаю?

– Европейский? Какая-нибудь новинка?

– А с Одиль вы встречались, пока не выяснилось, что она этим занимается?

– Нет.

– И раньше ты про нее не слышал?

– Слышал. Она куратор.

– То есть она сама тебя нашла и убедила дать мне интервью для «Нода»?

– Да.

Официант принес две «Короны». Холлис подняла бутылку, со звоном открыла крышку и начала пить из горлышка. Корралес подумал и сделал то же самое.

– К чему эти вопросы?

– Прежде я не писала для «Нода». Хочу разобраться, как они делают дела и какие именно.

– А при чем здесь Бобби?

– Я пишу про ваше искусство. Почему не поинтересоваться технической стороной?

Парень явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Ну, он... – Альберто запнулся. – Очень скрытный человек.

– Правда?

Мужчина сник.

– Идея всегда моя, и я выстраиваю изображение, а Бобби привязывает его к конкретному месту. И еще устанавливает маршрутизаторы.

– Маршрутизаторы?

– На сегодняшний день каждое представление требует отдельной беспроводной сети.

– И где же маршрутизатор для Ривера?

– Не знаю. Тот, что для Ньютона, закопан в цветочную грядку. С Фицджеральдом гораздо сложнее.

– Значит, Бобби не станет со мной говорить?

– Думаю, он будет недоволен, что ты вообще о нем слышала. – Корралес нахмурился. – Кстати, откуда?

– От моего лондонского редактора из «Нода» по имени Филипп Рауш. Он сказал, что вы с этим парнем знакомы, а вот Одиль – вряд ли.

– Правильно.

– Может, уговоришь Бобби потолковать со мной?

– Это не...

– Разве он не поклонник «Кёфью»?

Выбросив на стол эту карту, она внутренне поморщилась.

Альберто прыснул – как будто под мощным корпусом забулькал углекислый газ – и расплылся в блаженной ухмылке, вспомнив, что перед ним звезда.

– Вообще-то, – сказал парень, выпив еще немного, – вас он слушает. Это единственное, что связывает нас помимо работы.

– Альберто, мне по душе твоя работа. То, что я видела, мне понравилось. Буду рада увидеть еще. Твой Ривер Феникс – мое первое впечатление об этом искусстве, и очень сильное... – Собеседник выжидающе напрягся. – Но я никогда не писала таких статей. Послушай, без твоей помощи не обойтись. Надо же как-то освоиться в «Ноде», а редакция требует разговора с Бобби. Понятно, что у тебя нет причин доверять мне...

– Да я доверяю, – возразил парень, заметно понизив голос. И следом: – Доверяю, просто... – Он сморщился. – Ты не знаешь Бобби.

– Расскажи. Расскажи про него.

Альберто провел указательным пальцем на белой скатерти черту, которую пересек другой под прямым углом.

– Координатная сетка GPS, – произнес он.

На спине собеседницы, чуть выше талии, зашевелились мельчайшие волоски.

Мужчина наклонился вперед.

– Бобби расчертил жилье на квадраты в пределах линий сетки. Он мысленно все вокруг переводит на координаты GPS, он весь мир так видит. И ладно бы, но... – Художник насупил брови. – Парень все время спит в разных квадратах. То есть постоянно меняет их и никогда не возвращается на прежнее

место.

– Тебя это смущает?

Саму Холлис это смущало, однако почем ей знать, каковы критерии странности у Альберто.

– Ну, Бобби… он и есть Бобби. Чудно́? Конечно.

Беседа явно катилась не по тем рельсам.

– И еще я хочу побольше узнать, как ты делаешь свои представления.

Фраза должна была подействовать безотказно. И действительно, парень тут же просветлел.

Прибыли заказанные гамбургеры. Казалось, художник вот-вот отшвырнет свой в сторону.

– В первую очередь, – начал он, – надо прочувствовать событие и место. Потом я провожу исследования. Ищу фотографии. В случае с Фитцджеральдом, разумеется, никаких снимков сердечного приступа не было, записи пришлось собирать по крупицам. Впрочем, сохранились его портреты, сделанные приблизительно в то же время. Фасон стрижки, заметки о моде того времени. Прочие снимки. Плюс то, что удалось найти о «Schwab's», – уйма информации, ведь это был самый знаменитый в Америке драгстор[29]. Отчасти из-за того, что владелец, Леон Шваб, не уставал доказывать, будто Лану Тёрнер нашли именно там, попивающей «колу» из автомата. Она, правда, отрицала все до последнего слова[30]. Похоже, очередная «утка» для привлечения покупателей. Зато в журналах появилась куча снимков. В мельчайших подробностях.

– И ты обработал фотографии в… – Холлис запуталась. – 3D?

– Издеваешься? Я все смоделировал заново.

– Как?

– Строю виртуальные модели, покрываю вещи нужной текстурой – либо с найденных образцов, либо собственного производства. У каждого предмета – собственный виртуальный скелет, который можно разместить в окружении, чтобы примериться. Цифровое освещение прибавляет теней и отблесков. – Альберто изучающе прищурился, словно подозревал, что его не слушают. – Это как лепить из глины поверх сочлененного скелета с позвоночником, плечами, локтями, пальцами… Похоже на создание героев для игры. Потом я моделирую множество голов с немного разными выражениями лиц и собираю их в одно.

– Зачем?

– Так правдоподобнее. Тогда выражение не кажется искусственным. Потом оборачиваю каждую модель раскрашенной текстурой. У меня их целая коллекция; некоторые сканированы с

реальной кожи. Для Ривера, например, я никак не мог отыскать подходящий оттенок, пока не наткнулся на образец одной совсем юной вьетнамки. Оказалось то, что надо. Знакомые Феникса сказали, очень похоже.

Бывшая певица проглотила большой кусок и положила гамбургер.

– Надо же, сколько трудов. Я думала, все получается… само собой. С помощью… э-э-э… технологий?

Альберто кивнул.

– Ну да. Этого добра тоже достаточно. Мне остается самая, казалось бы, старомодная часть работы. Расставить виртуальное освещение так, чтобы тени падали правильно. И потом создать эту особую атмосферу, чувство пространства… – Он пожал плечами. – Когда все готово, оригинал существует лишь на сервере, в одних только виртуальных измерениях: высота, длина, ширина. Иногда мне мерещится, что если сервер «накроется», то созданное мной пространство продолжит существовать, по крайней мере в виде априорной вероятности, и что мир, в котором мы живем… – Молодой человек удрученно замолк.

– Да?

– Существует по тем же законам. – Художник снова пожал плечами и взялся за бургер.

«Ну и ну, – подумала Холлис. – Просто мороз по коже».

Но ничего не сказала, только серьезно кивнула и последовала примеру собеседника.

9
Холодная гражданская война

Его разбудил сигнал телефона: пришло сообщение. Тито нашарил сотовый в темноте и быстро перемотал короткий текст, составленный на волапюке. Алехандро ждал снаружи, чтобы его впустили. Стояло раннее утро, десять минут третьего. Мужчина сел на постели, натянул на себя свитер и джинсы с носками. Обулся и тщательно завязал шнурки: так требовал протокол.

На лестничной площадке было свежо, в лифте немного теплее. Спустившись в узкий, озаренный люминесцентными лампами вестибюль, Тито негромко стукнул в дверь подъезда. В ответ он услышал три условных удара и еще один после паузы. И только тогда открыл. Вошел Алехандро, окутанный нимбом уличной стужи и алкогольными пара́ми виски. Кузен быстро запер за ним.

– Что, разбудил?

– Да, – ответил Тито и направился к лифту.

– Я тут был у Карлито, – сообщил Алехандро, входя в кабину вслед за ним. – У нас кое-какие общие дела… – Имелось в виду: «не связанные с семейным бизнесом». – Так вот я спрашивал насчет твоего старика.

– С какой стати? – поинтересовался Тито, отпирая квартиру.

– Да вот, показалось, что ты не принимаешь меня всерьез.

Они вместе вступили в кромешную темноту. Тито зажег маленький затененный светильник, соединенный с клавиатурой MIDI[31].

– Кофе налить? Или чаю?

– *Zavarka?*

– Пакетики.

Тито уже не готовил чай по-русски, но по привычке продолжал опускать бумажные мешочки в дешевый китайский *chainik*.

Ночной посетитель пристроился в ногах матраса, подтянув колени к лицу.

– А Карлито еще заваривает. И пьет с ложкой варенья. – Зубы гостя блеснули при тусклом свете маленькой лампочки.

– Ну и что тебе рассказали?

– Наш дед работал дублером Семенова, – произнес Алехандро.

Тито повернулся к электроплитке и наполнил чайник.

– А кто это?

– Семенов? Первый советник Кастро, из КГБ.

Тито посмотрел на кузена. Он словно услышал детскую сказку, причем не самую новую. «А потом детишки повстречали летающую лошадь», – как любила говаривать мама. «А потом наш дедушка повстречал советника из КГБ». Уж лучше заняться чаем.

– Мало кто слышал, а ведь он принимал участие в создании *Direccion General de Inteligencia*[32].

– Это тебе Карлито сказал?

– Я уже знал. От Хуаны.

Тито поразмыслил над его словами, опуская чайник на нагревательный элемент. Дедушка не унес всех секретов с собой. Семейные легенды продолжали множиться, как грибы. Помойка общей истории рода хоть и была глубока, но вширь не росла из-за строгих рамок секретности. Хуана, так долго отвечавшая за создание нужных документов, не могла упустить возможность заглянуть в архивы. И потом, она была самой мудрой, серьезной, невозмутимой и терпеливой в семье. Тито и здесь часто ее навещал. Тетка водила его в супермаркет «El Siglo XX» за малангой и боньято[33]. Соус, который она к ним готовила, обладал поразительной крепостью, неприемлемой в последнее время даже для племянника. Зато, уписывая ее эмпанадас[34], он чувствовал себя просто на седьмом небе. Хуана не упоминала никакого Семенова, но зато научила Тито многому другому. Подумав об этом, он незаметно покосился на сосуд с Ошун.

– Так что ты узнал про старика?

Алехандро посмотрел на него поверх коленей.

– Карлито говорит, в Америке идет война.

– Какая война?

– Гражданская.

– Здесь никто не воюет.

– А когда наш дед помогал создавать ДГИ в Гаване, разве Америка вела сражения с русскими?

– Это называлось «холодная война».

Алехандро кивнул и обхватил колени руками.

– Вот-вот. Холодная гражданская война.

Со стороны, где стояла вазочка Ошун, раздался резкий щелчок, но Тито задумался об Элеггуа, Открывающем и Закрывающем Пути. И внимательно посмотрел на кузена.

– Ты не следишь за новостями, Тито?

Мужчина мысленно услышал голоса ведущих, исподволь тающие в туманной дали заодно с познаниями в русском языке, и сказал:

– Иногда слежу.

Чайник засвистел. Тито снял его с плитки, плеснул в

заварник немного воды, добавил пару пакетиков и по привычке стремительно залил их кипятком. А потом нахлобучил крышку.

Манера кузена сидеть на матраце напомнила Тито детство; вот так же они с однокашниками, устроившись на корточках, по утрам любовались плясками деревянной юлы и с помощью прутиков заставляли ее скакать по булыжникам мостовой, покуда улица впитывала в себя зной наступающего дня. На мальчиках были тогда отглаженные белые шорты и красные галстуки. Интересно, дети в Америке знают, что такое юла?

Чаю требовалось время, чтобы настояться, и Тито в ожидании присел рядом с Алехандро.

– Братишка, ты понимаешь, как наша семья стала тем, что она есть?

– Все началось с деда и ДГИ.

– Ну, это длилось недолго. КГБ нужна была собственная сеть в Гаване.

Тито кивнул.

– Бабушкина родня всегда жила в квартале Колумба. Еще до Батисты[35], если верить Хуане.

– Карлито сказал, твоего старика разыскивают люди из правительства.

– Какие люди?

– По словам Карлито, нынешняя ситуация напоминает ему Гавану в годы перед уходом русских. Что было прежде, того уже не узнать. Он говорит, этот самый старик содействовал нашему переселению сюда. Тут ведь нужно было настоящее чудо, братишка. Даже дед не управился бы в одиночку.

Внезапно Тито припомнился тлетворный запах англоязычных бумаг, упрятанных в заплесневелый конверт.

– А ты сказал Карлито, что это может быть опасно?

– Сказал.

Тито поднялся, чтобы разлить по стаканам чай.

– А тот ответил, что наша семья ему обязана? – предположил он. И посмотрел в упор на собеседника.

– Да, и что на тебя у них особые виды.

– Почему?

– Ты напомнил ему своего деда. И отца, который работал со стариком перед са́мой смертью.

Тито протянул кузену стакан с чаем.

– *Gracias*[36], – произнес Алехандро.

– *De nada*[37], – ответил Тито.

10
Новый девонский период

Милгриму снился мессия флагеллантов, воплотивший в себе черты лже-Балдуина[38] и «Учителя из Венгрии»[39], когда Браун бесцеремонно вторгся в его душный поверхностный сон и, впившись пальцами в плечи, затряс пленника, словно грушу.

– Это что? – повторял он как заведенный.

Милгриму вопрос показался чисто философским. Но потом Браун вонзил свои пальцы в те места, где соединялись челюсти, и вызвал такую жестокую боль, что та поначалу представилась чем угодно, только не болью. Милгрим словно вознесся над полом и невольно скривился, чтобы закричать, однако рот зажала рука, как обычно в таких случаях особой близости – в зеленой перчатке.

В ноздри ударил запах свежего латекса, обтянувшего указательный палец.

Другая рука тыкала пленника носом в экран «Блэкберри».

– Это что?

«Карманный персональный компьютер», – едва не ответил Милгрим, но прищурился и сквозь слезы различил на экране коротенький текст. Опять эти родичи НУ. Волапюк.

Рука наконец оставила рот в покое, и запах перчатки рассеялся.

– «Я снаружи», – торопливо перевел Милгрим, – «а ты где, на месте?» Подпись: А-Эль-Е. Але.

– Все?

– Больше. Ничего. Нет. – Милгрим принялся растирать кончиками пальцев суставы ноющей челюсти – там, где располагались большие нервные узлы. Вот так же парамедики[40] приводят в чувство людей, пострадавших от передозировки.

– Надо же, десять минут третьего, – сказал Браун, посмотрев на экран «Блэкберри».

– Зато вы убедились, что «жучок» работает, – вставил Милгрим. – Батарейки-то поменяли; вот и доказательство: все исправно.

Браун выпрямился и пошел к себе, не позаботившись захлопнуть за собой дверь.

«Не за что», – подумал пленник, откинувшись на кровати с раскрытыми глазами – вероятно, чтобы снова увидеть флагеллантского мессию.

В прорезном боковом кармане ворованного пальто «Пол Стюарт» обнаружился толстый томик выпуска тысяча девятьсот

шестьдесят первого года в мягком переплете – история революционного мессианства в Средневековой Европе[41]. Многие строки были подчеркнуты черной авторучкой, поэтому книгу совсем недавно перепродали всего за три с половиной доллара. Возможно, тому самому человеку, чье пальто стянул Милгрим.

Мессию флагеллантов пленник видел ярко раскрашенным героем с полотна Иеронима Босха, отлитым из японского винила наивысшего качества. В обтягивающем желтом капюшоне. Мессия перемещался в тускло-коричневом пространстве, населенном другими фигурками из того же винила. На некоторых явно лежал отпечаток босховой кисти – скажем, на исполинских ходячих ягодицах, между которыми торчало древко гигантской стрелы. Прочие, вроде флагеллантского мессии, сошли со страниц украденного томика. Милгрим читал его каждый вечер, хотя, насколько помнил, раньше никогда не интересовался историями подобного рода. Теперь его даже утешали грезы в подобном колорите.

Невесть почему НУ являлся в виде птицеголовой босховой твари, за которой гнались люди Брауна верхом на геральдических животных, не очень похожих на коней; высоко над коричневыми капюшонами преследователей развевались длинные стяги с девизами на волапюке. Порой они много дней напролет путешествовали по стилизованным рощицам, окаймляющим пейзаж, где рыскали под сенью древесных крон таинственные существа. Временами Браун сливался с мессией в одно и до са́мого пробуждения бичевал милгримову плоть кнутом с кривыми шипами зеленовато-серого оттенка, общего для пистолета, фонарика и монокуляра.

Однако новое, теплое, словно кровь, девонское море, на волнах которого дрейфовали нынешние видения, породил не ативан, а «Райз» – японский продукт, моментально внушивший Милгриму глубокое уважение. Мужчина сразу почуял потаенные возможности лекарства; правда, им еще только предстояло раскрыться со временем. Появилось ощущение подвижности, которого так не хватало в последнее время, – не потому ли, что Милгрим вел жизнь пленника?

Между прочим, «Райз» облегчил размышления об этой жизни, но все они были мучительны и действовали на нервы. Положение и так не радовало, когда на горизонте возник Браун с неограниченными запасами ативана и предложением-приказом, показавшимся не такой уж плохой затеей. Говоря по совести, если бы не тот престранный случай, Милгрим уже отошел бы в мир иной. Скончался бы от жестокого приступа, не получив очередной дозы. А это очень даже возможно, когда не имеешь денег.

И все-таки… Долго ли он протянет в духоте, отравленной зловонием тестостерона, закисшего в крови мучителя? «Меня могли просто исчезнуть», – напомнил внутренний голос из глубины развалин, оставшихся от прежней личности. Кажется, раньше Милгрим не употреблял этого глагола в особом, чисто аргентинском значении, но теперь оно подошло как нельзя лучше. Хотя, судя по тому, куда покатилась жизнь, его и так уже «исчезнули». Никто, кроме Брауна, не имел понятия о местонахождении пленника. Милгрим остался без наличных, без кредитки, даже паспорт у него забрали, а спать приходилось в комнатах с зеленовато-серыми коробочками на дверях – сигнализацией, оберегающей покой Брауна.

Но главная проблема – это лекарство. Даже если бы Милгрим нашел возможность улизнуть, он прожил бы в лучшем случае ровно сутки. Браун каждый раз выдавал ему дневную дозу и не больше того.

Мужчина тяжко вздохнул, качаясь на теплых волнах в густом супе из мыслей.

Хорошая таблетка. Очень хорошая. Набрать бы таких побольше.

11
В мире Бобби

Лакированный «фольксваген» Альберто с ацтекскими рисунками повернул к востоку от Ла Бреа.

– У Бобби агорафобия, – предупредил хозяин автомобиля свою спутницу, стоя в ожидании сигнала светофора за черным джипом «гранд-чероки-ларедо» с непроницаемо тонированными стеклами. – Не любит парень выбираться на люди. С другой стороны, у него склонность все время спать в разных местах, так что задача не из легких.

«Чероки» поплыл вперед, и Корралес тронулся следом.

– Давно это с ним? – поддержала беседу Холлис.

– Не знаю, мы всего два года знакомы.

– А его занятие принесло известность в ваших кругах?

«Круги» – слово расплывчатое, но она решила не уточнять, надеясь, что художник догадается заполнить определенные пробелы.

– Да, Бобби лучше всех. Его даже взяли тестировать оборудование, когда одна компания в Орегоне работала над каким-то военным проектом профессионального оборудования для навигации. Говорит, это было что-то очень передовое.

– И вот теперь он снизошел до помощи художникам?

– Да. Если бы не Бобби, я бы не смог нанести свои виде́ния на сетку координат. И все мои знакомые – тоже.

– А как же ваши коллеги в Нью-Йорке или, скажем, в Талсе? Как я понимаю, это не местное развлечение?

– Да, всемирное. По всему миру.

– Ну и кто для них играет роль Бобби?

– Тем, что в Нью-Йорке, он тоже как-то помогает. И потом, есть какие-то люди в Америке, в Лондоне, где угодно. А у нас вот есть Бобби.

– То есть он как бы... продюсер? – Собеседник должен был сообразить, что в виду имеется сфера музыки, а не кино.

Молодой человек бросил на нее быстрый взгляд.

– Точно. Хотя, пожалуй, лучше меня не цитировать.

– Значит, не для прессы.

– Ну да, он вроде продюсера. Если бы делом Бобби занимался кто-нибудь еще, то и мои произведения смотрелись бы по-другому. Иначе бы действовали на зрителя.

– Выходит, можно сказать, что художник вашего плана, обладая его способностями, мог бы...

– Лучше творить?

– Ага.

– Не обязательно. Но аналогия со звукозаписью верная. Что-то зависит от материала, от художника, а что-то держится на способностях и чутье продюсера.

– Расскажи про его чутье.

– Бобби, конечно, технарь и нечто вроде реалиста-подражателя, только сам этого не знает…

А парень отнюдь не слывет у них культурным гением, хоть и «лучше всех», заключила про себя Холлис.

– Он хочет выглядеть «настоящим» и даже не заморачивается на тему, *что* это значит. В итоге получается убедительно…

– Как с Ривером?

– Главное дело, не будь Бобби, мы могли бы прийти на место – и вообще не найти представления. Оно бы просто сдвинулось на несколько футов – за стены клуба, например.

– Не поняла.

– Всегда есть небольшое отклонение в трактовке координат. Мы же пользуемся гражданской версией сигналов, а они не такие точные, как у военных… – Альберто пожал плечами.

Интересно, мелькнуло в голове Холлис, много ли он понимает из того, о чем ведет речь?

– Бобби не понравится, что я тебя привел.

– Ну, если б ты спросил разрешения, он бы все равно отказал.

– Да уж.

На перекрестке Холлис обратила внимание на дорожный знак: теперь они ехали по Ромейн, меж длинных рядов приземистых промышленных построек неописуемого, в основном устарелого вида. Бывшая певица подозревала, что могла бы найти здесь киноархивы, компании по спецэффектам и даже какую-нибудь студию звукозаписи. Уютные, ностальгические текстуры: кирпич, побеленные известкой бетонные блоки, замазанные краской окна и световые люки, на деревянных столбах массивными гроздьями висели трансформаторы. Машина будто заехала в мир американской легкой промышленности, как он описывался в «Основах гражданства и права» в тысяча девятьсот пятидесятых годах. Днем эта улица наверняка не так пустовала, как сейчас.

Свернув с Ромейн-стрит, Альберто вырулил на обочину, припарковался и снова полез на заднее сиденье за лэптопом и шлемом.

– Если посчастливится, увидим одну из новых работ.

Холлис выбралась из машины и, закинув на плечо сумку с пауэрбуком, пошла вслед за художником к неприметному

бетонному зданию, покрашенному белой краской и почти лишенному окон. Молодой человек остановился перед зеленой дверью, обитой листом железа, передал спутнице интерфейс и нажал на утопленную в бетоне кнопку.

– Посмотри в ту сторону, – сказал Корралес, указывая куда-то вверх и направо от двери.

Бывшая певица так и сделала; она ожидала увидеть камеру, но так и не нашла.

– Бобби, – произнес Альберто, – понимаю, ты терпеть не можешь гостей, тем более незваных, но мне кажется, ты сделаешь исключение ради Холлис Генри. – Он выдержал паузу, словно заправский актер. – Можешь сам убедиться. Это она.

Та, о ком он говорил, уже собралась улыбнуться невидимому объективу, но передумала и представила, будто позирует на обложку диска. Во времена «Кёфью» у нее было «фирменное», чуть насупленное выражение: стоило чуть расслабиться и припомнить прошлое, как лицо по умолчанию становилось именно таким.

Послышался тонкий голос, не мужской, но и не женственный:

– Альберто... Черт... Ты что вытворяешь?

– Бобби, у меня здесь Холлис Генри из «Кёфью».

– Ну, знаешь...

Обладатель тонкого голоса явно лишился дара речи.

– Простите, – вмешалась артистка, возвращая Корралесу шлем с козырьком. – Не хотела причинять беспокойства. Просто Альберто знакомил меня со своим искусством, рассказывал, как важно твое участие, вот я и...

Зеленая дверь загрохотала, приотворяясь на пару дюймов. В щели показались белокурая челка и небесно-голубой глаз. Зрелище, может, и забавное, детский сад какой-то, но журналистка испугалась.

– Холлис Генри, – проговорил Чомбо уже нормальным, мужским голосом, и голова показалась уже целиком.

Подобно Инчмэйлу, Бобби обладал архаическим носом настоящего рокера. Это был типичный рубильник в стиле Тауншенда и Муна[42] – из тех, что раздражали Холлис только в мужчинах, не ставших музыкантами, поскольку выглядели (жуткий бред, конечно) чем-то показным. Словно люди по собственной прихоти отращивали носы, желая смахивать на рокеров. Но самое ужасное, все они – дипломированные бухгалтеры, рентгенологи, кто там еще, – вышагивая по Масвел-хилл[43] или Денмарк-стрит[44], как один, развевали длинными челками – просто обязательным приложением к солидному шнобелю. А может, все дело в парикмахерах? Либо, рассуждала

бывшая вокалистка, представители этой профессии, едва увидев роковый меганос, бросались делать стрижку в полном соответствии с исторической традицией либо повиновались глубинным, чисто парикмахерским инстинктам, которые непременно диктовали закрыть глаза клиента косой тяжелой челкой из тривиального чувства гармонии.

Впрочем, невыразительный подбородок Чомбо действительно требовал некоего противовеса.

– Привет, – сказала Холлис и первой сунула руку для приветствия.

Она потрясла холодную безвольную ладонь, которая будто мечтала вырваться на волю и оказаться где-нибудь подальше.

– Не ждал, – отвечал Бобби, приоткрывая дверь еще на пару дюймов.

«Звезда» проскользнула в щель, обогнула растревоженного хозяина – и неожиданно увидела перед собой огромные просторы. Сразу же пришли на ум олимпийские бассейны и крытые теннисные корты. Вдобавок освещение здесь – по крайней мере полусферы из граненого технического стекла, подвешенные на перекладинах в центральной части, – точно так же било в глаза.

Бетонный пол когда-то был выкрашен и со временем приобрел приятный серый оттенок. Подобные помещения напоминали Холлис площадки для декораций и реквизита либо для съемок сцен второстепенной значимости. А вот для чего предназначалось это, очевидно, гигантское сооружение, трудно было определить на глаз. Серый пол покрывала сетка из квадратов с двухметровыми сторонами, размашисто нанесенная при помощи белого порошка – скорее всего из распылителя, какими пользуются на стадионах. Кстати, у дальней стены стоял одноколесный хоппер[45] оливкового цвета.

На первый взгляд, ячейки не могли совпадать ни с одной из городских систем координат. Надо будет об этом спросить, отметила про себя журналистка. Середину освещенного пространства занимала пара серых раскладных столов по двадцать футов каждый в окружении модных офисных кресел «Аэрон» и тележек, нагруженных персональными компьютерами. В таком помещении спокойно разместились бы рабочие места для полудюжины человек, однако вокруг никого больше не было, только носатый Бобби.

И Холлис повернулась к нему: мужчина лет тридцати, в зеленой тенниске «Lacoste» с электрическим блеском, в тесных белых джинсах и черных парусиновых кедах на резиновой подошве с необычно длинными заостренными носами. Одежда, на

взгляд журналистки, смотрелась намного чище хозяина. На рукавах вертикальные складки от утюга, на белых штанинах ни пятнышка, а вот самому́ не мешало бы вспомнить про душ.

– Прости, что явилась без приглашения, – сказала гостья. – Очень хотела познакомиться.

– Значит, Холлис Генри.

Бобби не без труда засунул руки в передние карманы джинсов.

– Да, это я, – подтвердила она.

– Альберто, зачем ты ее привел? – чуть не простонал Чомбо.

– Думал сделать тебе приятное.

Корралес подошел к одному из серых столов положить лэптоп и маску с козырьком.

Немного поодаль Холлис увидела на полу нечто похожее на детский рисунок космической ракеты, выполненный при помощи яркой оранжевой изоленты. Если бывшая артистка угадала размеры ячеек, то контуры протянулись на добрых пятнадцать метров. Внутри все линии были тщательно стерты.

– Ну что, Арчи готов? – спросил Альберто, глядя в сторону оранжевого силуэта. – Новые скины уже анимируют?

Бобби вытащил из карманов руки, потер лицо.

– Не могу поверить, что ты пошел на такое. Надо же было ее сюда притащить.

– Это же Холлис Генри. Разве не здорово?

– Я лучше пойду, – сказала она.

Бобби опустил руки, тряхнул челкой и закатил голубой глаз.

– Арчи готов. Все текстуры наложены.

– Иди посмотри, – позвал свою спутницу Корралес, взяв в руки предмет, похожий на виртуальный шлем, причем не из тех, что можно купить на распродаже на дому. – Это его собственный, беспроводной.

Холлис послушно взяла у него и надела на голову предложенную штуковину.

– Тебе понравится, – заверил художник. – Ну что, Бобби?

– На счет один. Три… два…

– Знакомьтесь, Арчи! – провозгласил Альберто.

На высоте десяти футов над оранжевыми контурами рисунка возник блестящий серовато-белый спрут гигантских размеров общей длиной около девяноста футов. Щупальца грациозно покачивались, видимый глаз был величиной с колесо джипа.

– Архитевтис[46], – пояснил Бобби.

– Скины, – приказал он, и по телу моллюска потекло сияние, подкожные пиксели заскользили, как на искаженном видеоизображении: стилизованные кандзи[47], большеглазые

герои аниме. Роскошно, удивительно! Журналистка засмеялась от восторга.

– Это для одного универмага в Токио, – произнес Корралес. – Будет висеть над улицей в Синдзюку[48], в неоновых огнях.

– Они что, уже рекламу из этого делают?

Холлис приблизилась к спруту, прошла под ним. Беспроводная маска давала совершенно другие ощущения.

– В ноябре у меня там целое шоу, – сообщил Альберто.

«Ну да, конечно, – думала журналистка, глазея с поднятой головой на бесконечное мельтешение образов на поверхности Арчи. – Значит, Ривер полетит в Токио».

12
Запас

Во сне Милгрим видел себя обнаженным в комнате спящего Брауна.

Но это была не привычная нагота, в ней заключалось нечто мистическое, какая-то сверхъестественно обостренная ясность; мужчина почувствовал себя вампиром из книги Энн Райс или зеленым новичком, подсевшим на кокаин.

Браун лежал, накрывшись простынями «Нью-Йоркера» и бежевым гостиничным одеялом. Губы его были приоткрыты, нижняя подрагивала на вздохе. Пленник ощутил что-то отдаленно похожее на жалость.

В номере стояла кромешная темнота, если не считать красного индикатора на панели выключенного телевизора, но спящее «Я» Милгрима, словно пользуясь неизвестной частотой, четко различало мебель и все предметы, как на экране таможенного сканера; видело даже пистолет и фонарь под подушкой и рядом нечто прямоугольное со скругленными краями, похожее на складной нож (как пить дать зеленовато-серый). Детская привычка – спать в обнимку с любимыми игрушками. Даже в чем-то трогательная.

Милгрим воображал себя Томом Сойером, Брауна – Гекльберри Финном, бесконечную череду «нью-йоркерских» и прочих гостиничных номеров – плотом, ну а Манхэттен – несущими его холодными водами Миссисипи, когда внезапно заметил на полке тумбы из ДСП с телевизором… Пакет. Бумажный пакет. Мятый бумажный пакет. Внутри (казалось, особая нагота обнажала перед глазами все вокруг) лежали, в этом не могло быть ошибки, знакомые прямоугольники фармацевтических упаковок.

Целый ворох. Изрядное множество. Солидный запас. Если тратить с умом, хватит на неделю.

Милгрим наклонился, словно притянутый волшебным магнитом, – и вдруг, без всякого перехода, очутился у себя, в душной комнате. Уже не мистически голый, а в трусах из черного хлопка, которые не мешало бы сменить, он стоял у окна, упершись носом и лбом в холодное стекло. По Восьмой авеню, четырнадцатью этажами ниже, полз одинокий желтый прямоугольник такси.

Милгрим провел дрожащими пальцами по щеке. Она была мокрой от слез.

13
Ящики

Она стояла под Арчи, любуясь переливами изображений, пробегающих от стреловидного плавника до самых кончиков пары длинных охотничьих щупалец. Промелькнули какие-то викторианские девушки в нижнем белье – вероятно, героини из «Пикника у Висячей скалы», фильма, которым частенько вдохновлялся Инчмэйл перед концертами. Кто-то состряпал для Бобби прелестную кашу из видеокартинок, причем журналистка пока не замечала, чтобы они повторялись. Кадры пробегали бесконечным потоком.

Удобно спрятав лицо под беспроводной маской, Холлис притворялась, будто не слышит, как Бобби шепотом распекает Альберто за ее неожиданное вторжение.

А темп между тем нарастал; на лихорадочно сменяющихся картинках полыхали беззвучные взрывы на фоне черной ночи. Резко наклонив голову после особенно яркой огненной вспышки, зрительница потянулась поправить шлем и ненароком задела сенсорную панель, вмонтированную над скулой слева от визора. Спрут Синдзюку исчез вместе с мельтешащими скинами.

Повыше места, где он только что находился, висело прозрачное прямоугольное тело из серебристого каркаса, твердого и в то же время хрупкого с виду. Его размеры – словно у гаража для двух автомобилей – производили знакомое и отчего-то банальное впечатление. Внутри, казалось, располагалась еще одна или даже несколько форм, но контуры каркасов неразборчиво сливались друг с другом.

Холлис хотела спросить у Чомбо, а будет ли у его работы продолжение, но тот подлетел и сдернул шлем, да еще так грубо, что женщина едва не упала.

Оба окаменели на месте. Голубые глаза Бобби, большие и круглые, как у совы, темнеющие за косой белокурой челкой, вдруг ясно напомнили журналистке один из снимков Курта Кобейна. Тут подошел Альберто и отобрал маску.

– Бобби, – укорил он, – давай уже возьми себя в руки. Это важно. Она пишет статью о локативном искусстве. Для «Нода».

– Для «Нода»?

– Угу.

– Что это за ерунда?

– Журнал типа «Вайред», только английский.

– Или бельгийский, – вставила Холлис. – Или еще какой-

нибудь.

Чомбо смотрел на гостей так, как смотрит здоровый человек на двух помешанных.

Корралес щелкнул по сенсорной панели, которую нечаянно задела его спутница, погасил какой-то индикатор и отнес шлем на ближайший стол.

– Великолепный спрут, Бобби, – сказала Холлис. – Спасибо, что показал. А теперь я уйду. Извини за беспокойство.

– Ладно, проехали, – со вздохом смирения произнес тот.

Затем отошел к другому столу, разворошил кучу разных мелочей и вернулся с пачкой «Мальборо» и бледно-синей зажигалкой «Бик». Зажег сигарету, опустил веки и глубоко затянулся. Открыл глаза, откинул голову и выдохнул голубой дым вверх, навстречу граненым полусферам. После новой затяжки он хмуро взглянул на гостей поверх сигареты.

– Все задолбало. Представить нельзя, как меня все задолбало. Это же целых девять часов. Девять. Долбаных. Часов.

– Попробуй антиникотиновый пластырь, – предложил Альберто и обернулся к Холлис. – Ты вроде курила, когда пела в «Кёфью»?

– Я бросила.

– С помощью пластыря? – Бобби вновь затянулся «Мальборо».

– Вроде того.

– Что значит «вроде того»?

– Инчмэйл однажды прочел о том, как англичане открыли табак в Виргинии. И знаете, племена, которым он уже был известен, совсем не курили, вернее, поступали не как мы.

– А что они делали? – Безумные искры в глазах Чомбо под косыми соломенными прядями заметно поугасли.

– Это похоже на наше пассивное курение, только намеренное. Туземцы забирались под навес и поджигали кучу табачных листьев. А еще из них готовили припарки.

– Прип?.. – Собеседник опустил окурок.

– Никотин очень быстро всасывается кожей. Инчмэйл предложил сделать влажную кашицу из толченых листьев, наклеить на кожу куском изоленты...

Глаза Корралеса широко распахнулись.

– И вот так ты перестала курить?

– Не совсем. Опасная затея. Может запросто и убить, как мы потом выяснили. Это ведь то же самое, что впитать организмом весь никотин из целой сигареты – смертельная доза и даже больше. Было так мерзко, что буквально через пару раз мою привычку словно рукой сняло, – заключила она и улыбнулась Бобби.

– Может, и мне рискнуть, – пробормотал тот, смахивая пепел на бетонный пол. – Где он сейчас, ваш Инчмэйл?

– В Аргентине.

– Играет?

– Гигует[49] понемногу.

– Записывается?

– Не слышала.

– А ты теперь занялась журналистикой?

– Я всегда немного пописывала, – ответила она. – Где здесь туалет?

– Вон там, в углу. – Чомбо махнул рукой в сторону противоположную той, где Холлис видела Арчи и еще что-то непонятное.

Шагая в указанном направлении, журналистка внимательно следила за тем, чтобы не задеть частые, безупречно ровные линии сетки, нарисованные чем-то вроде белой муки.

Туалет явно был новее самого́ здания и состоял из трех кабинок с нержавеющим писсуаром. Журналистка заперла за собой дверь, повесила сумку на крючок в первой кабинке и достала пауэрбук. Во время загрузки она устроилась поудобнее. Как и ожидалось, компьютер легко обнаружил Wi-Fi. Не желаете ли присоединиться к беспроводной сети «72fofH00av»? Холлис не только желала, но и присоединилась. Любопытно, почему затворник-технарь, страдающий агорафобией, не позаботился защитить свою сеть от несанкционированного доступа; а впрочем, бывшую вокалистку всегда удивляло, как много людей проявляют подобное легкомыслие.

Пришло письмо от Инчмэйла. Холлис вывела послание на экран.

> Анжелина вся извелась, когда узнала, что ты, пусть даже не напрямую и в перспективе, работаешь на Бигенда. Кстати, по-настоящему имя произносится «Бэй-дженд» или вроде того, но, по словам жены, он и сам так почти не говорит. Да, кое-что посерьезнее: она списалась со своей подружкой, Мэри из «Dazed», и та обратилась к весьма достоверным источникам. В общем, с этим твоим «Нодом» дело нечисто. Никто о нем и слыхом не слышал. Если печатное издание с грехом пополам напускает на себя таинственность до первой публикации, это уже странно. А твой «Нод» не светится даже там, где засветился бы любой, хоть и самый рассекретный журнал. XOX[50] «male[51]».

«Все глубже погружаюсь в глубины когнитивного

диссонанса», – отметила про себя журналистка, споласкивая руки. Зеркало уверяло ее, что сделанная в «Мондриане» укладка еще неплохо держится.

Пауэрбук отключился, и Холлис убрала его с раковины в сумку.

Шагать обратно через мучнистую решетку пришлось с прежней осторожностью. Альберто с Бобби сидели за столом в креслах «Аэрон» весьма обветшалого вида. Похоже, несчастные предметы мебели были когда-то куплены для новенькой фирмы, которая вскорости вылетела в трубу, после чего они пережили конфискацию, аукцион и перепродажу. В просвечивающей темно-серой сетке темнели дыры – следы от окурков.

К ярким огням на потолке медленно уплывали слоистые облака сизого дыма, чем-то напоминая концерты «Кёфью» на стадионах.

Чомбо сидел, подтянув колени к подбородку и вонзив несуществующие каблуки остроносых туфель, похожих на клонированные кеды, в сетку, которая обтягивала сиденье. На столе за его спиной лежала всякая всячина; Холлис разглядела банки с «Ред Буллом», огромные водостойкие маркеры и то, что притворялось кучкой сладостей, а на деле оказалось белыми кирпичиками «Лего».

– Почему только этот цвет? – спросила журналистка, опустившись в «Аэрон» и развернувшись лицом к Бобби. – Что-нибудь вроде коричневых «M&M's» для локативных художников?

– Какие ты имеешь в виду, – прозвучал за ее спиной голос Корралеса, – те, за которыми все гонялись или которых, наоборот, не хотели[52]?

Чомбо пропустил его реплику мимо ушей.

– Скорее они выполняют роль изоленты: соединяют электронные схемы и защищают платы от повреждений. Однотонный дизайн помогает избежать визуальной неразберихи, а белый цвет – лучший фон для фотографий, детали легче всего различаются.

Холлис покатала кирпичики на ладони.

– И что, их запросто вот так продают, целыми мешками?

– Спецзаказ.

– По словам Альберто, твоя работа похожа на роль продюсера. Это правда?

Бобби пристально посмотрел на собеседницу из-под челки.

– Ну, если в са́мом общем смысле, если очень грубо упростить... Пожалуй, да.

– А как получилось, что ты стал ею заниматься?

– Раньше я работал с коммерческой технологией GPS, потому

что когда-то мечтал быть астрономом и грезил спутниками. Любопытно же разобраться с глобальной сеткой: что она такое, как с ней работать, выявить скрытые возможности, а кому еще это интересно, кроме художников? Либо они, либо военные. Обычно так и происходит с новыми технологиями: самое увлекательное применение – на поле брани или в галерее.

– Да, только этот проект был военным с самого начала.

– Конечно, – не возражал Чомбо, – как, наверно, и первые карты мира. Координатная сетка – простая вещь. Слишком простая, чтобы допускать к ней кого попало.

– Одна моя знакомая говорила, что киберпространство выкручивается навыворот. Так она выразилась.

– Разумеется. И стоит процессу окончиться, киберпространства больше не будет, верно? Да оно и не существовало никогда, если хотите. Разве что как способ увидеть, куда мы направляемся. Теперь, при сетке, мы оказались по другую сторону экрана. Теперь это здесь. – Он откинул волосы и воззрился на нее сразу двумя глазами.

– А этот ваш Арчи, – журналистка махнула рукой в пустоту, – его повесят над улицей в Токио?

Бобби кивнул.

– Но ведь можно отвезти его туда и в то же время оставить здесь, правда? Это реально – сделать привязку сразу к двум местам? Или ко скольким угодно?

Собеседник улыбнулся.

– Ну и кто будет знать о его присутствии? Вот сейчас, если бы мы не показали, ты бы его и не обнаружила; разве что выяснила бы заранее адрес страницы в Интернете и координаты GPS, тогда конечно. А впрочем, все меняется. Новые сайты, где размещаются представления такого рода, множатся словно грибы. Войди на любой из них, заведи себе интерфейс, – он указал на шлем, – плюс лэптоп и Wi-Fi и любуйся, сколько захочешь.

Холлис подумала над его словами.

– Но ведь каждый из этих сайтов... серверов или как их? Порталов?..

Чомбо кивнул.

– Каждый показывает свою действительность? У Альберто я вижу мертвого Ривера Феникса на тротуаре, а у кого-нибудь еще, ну не знаю, только хорошее. Одних котят, например. То есть мир, где мы обитаем, будет сплошь состоять из каналов... – Она склонила голову набок. – Правильно?

– Да. Не самый приятный исход, если вспомнить, чем обернулось широковещательное телевидение. Зато подумай о блогах: там тоже каждый автор пытается отразить реальность.

– Правда?

– Теоретически.

– А-а.

– Но давай посмотрим на блоги: где мы ожидаем найти наиболее авторитетную информацию? На ссылках. Тут вопрос контекста, и дело даже не в том, на кого ссылается блог, а в том, кто ссылается на него.

– Спасибо. – Бывшая певица смерила Бобби пристальным взглядом и положила кирпичик «Лего» на стол возле затейливой, как оригами, упаковки с новым айподом.

Гарантийные бумаги вместе с инструкциями лежали в запечатанном виниловом пакете, а рядом, в пакетике поменьше, – тонкий белый кабель, уложенный мелкими кольцами. Холлис подняла ярко-желтый прямоугольник размером чуть покрупнее «Лего» и задумчиво повертела в пальцах.

– Тогда почему втягивается столько новичков? Та же виртуальная реальность, ничего особенного. Помните, как мы все поначалу были увлечены?

Желтый квадрат оказался пустотелой литой железкой, покрытой слоем блестящей краски. Деталь от игрушки?

– Имея дело с виртуальной реальностью, мы постоянно смотрим на экран. Вернее, так было десятки лет назад. Теперь стало проще. Очки не нужны, перчатки тоже. Как-то так само получилось. В общем, ВР – еще один способ указать, куда мы движемся. Причем, согласись, не нагоняя большого страха. А локативное творчество... Им уже многие увлекаются. Сегодня еще нельзя творить представления непосредственно при помощи нервной системы. Настанет день, и будет можно. Интерфейс у нас уже в голове. Скоро поднимем на такой уровень развития, что и думать забудем о его существовании. Представь, идешь ты по улице, и вдруг... – Он ухмыльнулся и развел руками.

– Попадаю в мир Бобби, – закончила журналистка.

– Схватываешь.

Повернув желтую железку нижней стороной, она прочитала надпись «СДЕЛАНО В КИТАЕ» выпуклыми заглавными буквами крохотного размера. Деталька от игрушечного грузовика? Ящик трейлера? Контейнер? Точно, транспортная тара – из тех, что используют на кораблях.

Уменьшенная копия таинственного прямоугольного каркаса.

Холлис положила миниатюру возле белого кирпичика «Лего» и отвела глаза.

14
Хуана

Тито вспоминал ее квартиру в Сан-Исидро, неподалеку от крупного вокзала. Оголенные провода, ползущие по стене подобно вьющимся виноградным лозам, лампочки без абажуров, кастрюли и сковородки на грубых крючьях. На алтаре беспорядочно теснились разные предметы, обремененные особым смыслом. Пыльные склянки с тухлой водой, наполовину разобранный пластмассовый макет советского бомбардировщика, солдатская нашивка в пурпурных и желтых тонах, старинные бутылки с пузырьками, запертыми под мутным стеклом, из воздуха дней, миновавших по меньшей мере сотню лет назад... Все эти предметы, по словам Хуаны, составляли единую цепь, которая помогала яснее выразить ее чувства к своим божествам. Сверху, из-под са́мого потолка, озирала комнату написанная на стене Мадонна Гваделупская.

Тот прежний алтарь, как, впрочем, и нынешний, на квартире в испанском Гарлеме, в первую очередь посвящался Открывающему Путь и Ошун, чьи парные энергии никогда не приходили в равновесие и потому не достигали состояния покоя.

Рабы, которым не разрешалось поклоняться домашним божествам, присоединялись к католической церкви, чтобы почитать их уже в качестве святых. Каждый из идолов получил вторую личину, как, например, Бабалу-Эйе, двойник Лазаря, воскрешенного Иисусом Христом. Танец Бабалу-Эйе перекрестили в Танец Ходячего Мертвеца. Долгими темными вечерами в Сан-Исидро Тито наблюдал, как Хуана курит сигары и пляшет словно одержимая.

И вот сегодня, спустя столько лет, они снова рядом. Раннее утро, Тито сидит перед нью-йоркским алтарем, таким же опрятным, как и остальное жилище. Непосвященный увидел бы перед собой обыкновенную полку, но племянник сразу разглядел старинные бутылки, заключившие в своих темных чревах погоду давно минувших дней.

Он только что закончил описывать старика.

Хуана больше не курила сигар. И, наверное, не танцевала; впрочем, за последнее он бы не поручился. Она потянулась вперед и взяла с алтарной тарелочки четыре кусочка кокоса, а другой рукой провела по полу, поцеловала кончики пальцев и бесконечно символичную пыль. Закрыв глаза после короткой молитвы на языке, которого Тито не понял, тетка строго задала

какой-то вопрос, встряхнула кусочки между сложенными чашечкой ладонями и бросила перед собой. Потом немного посидела молча, упершись локтями в колени и разглядывая полученный результат.

– Все упали мякотью вверх. Это знак справедливости. – Хуана собрала рассыпанные кусочки и бросила снова. На этот раз половина из них упала вверх кожурой. Тетка кивнула. – Подтверждается.

– Что?

– Я спрашивала о судьбе человека, который тебя беспокоит. Он и мне тоже не дает покоя.

Стряхнув кокосовые кусочки в жестяную мусорную корзину «Доджерс»[53], она прибавила:

– Иногда ориши[54] служат нам оракулами. Но если говорят, то не много, и даже им не всегда известно будущее.

Тито хотел помочь ей подняться, однако Хуана оттолкнула руки племянника. На ней было темное серое платье с молнией впереди, похожее на униформу. Лысеющую голову прикрывал *babushkin* платок. Белки́ ее темно-янтарных глаз напоминали слоновую кость.

– Пойду приготовлю завтрак.

– Спасибо.

Отказываться было бесполезно. Да и зачем?

Хуана побрела на кухню, шаркая серыми тапочками, подходящими к ее казенного вида платью.

– Помнишь дом, где жил твой отец в Аламаре[55]? – обронила она через плечо.

– Там все дома были похожи на пластмассовый конструктор.

– Это точно, – согласилась тетка. – Город хотели сделать копией Смоленска. Я всегда считала, что твой отец мог бы найти место получше. В конце концов, у него был выбор – большая редкость по тем временам.

Тито встал рядом и смотрел на ее терпеливые руки, на то, как они нарезали хлеб, намазали его маслом и положили в духовку, наполнили водой крохотную кофеварку эспрессо из алюминия, всыпали туда кофе и налили молока в металлический кувшин.

– Да, твой отец мог выбирать. Он обладал едва ли не большей свободой, чем дед.

Она обернулась и посмотрела племяннику в глаза.

– А почему так?

– Пока на Кубе стояли русские, твой дед, хотя и держался в тени, был очень могущественным человеком. А твой отец – первенцем и любимчиком очень могущественного человека. Но дед, разумеется, знал, что русские однажды уйдут и все

переменится. В тысяча девятьсот девяносто первом году, когда это случилось, он предугадал «особый период», нехватку товаров и ограничения свобод. Предвидел, что Кастро потянется к главному символу злейшего врага – американскому доллару, – и, разумеется, предчувствовал закат своей власти. Хочешь узнать одну тайну?

– Да?

– Он был коммунистом. – Хуана залилась таким поразительно девичьим смехом, что гостю вдруг померещилось, будто на крохотной кухне спрятался кто-то еще. – Да, больше коммунистом, чем сантеро[56]. Он *верил*. Ведь замысел провалился, провалился так, что людям простым и не понять многого, однако твой дед, хотя и по-своему, верил. Он, как и я, бывал в России. Как и я, имел глаза, чтобы видеть. И все же... – Она улыбнулась и пожала плечами. – Думаю, это придавало твоему деду некую силу, особую власть над остальными, с кем мы теперь благодаря ему оказались связаны. Они всегда подозревали о его вере. Не той трагической, клоунской, как у жителей Восточной Германии, а скорее замешенной на каком-то... простодушии.

Кухню наполнил запах поджаренного хлеба. Молоко дошло до кипения, и Хуана взбила пену при помощи маленького бамбукового веничка.

– Разумеется, такие вещи нельзя доказать. В ту пору все кому не лень заявляли о своей вере, по крайней мере – прилюдно.

– Почему ты сказала, что у него было меньше выбора?

– Глава большой семьи обременен обязанностями. А мы к тому времени стали не просто семьей. Мы уже стали тем, что имеем сегодня. Для деда интересы родни всегда были важнее желания получше устроиться в жизни. Будь он один – может, никуда и не полетел бы. Может даже, не умер бы до сих пор. Гибель сына, конечно, сильно повлияла на его решение переправить нас в Америку. Садись.

Она поставила на столик желтый поднос, белое блюдце с тостами и большую белую чашку *café con leche*[57].

– А этот человек, он что, помогал деду перевезти нас сюда?

– В каком-то смысле.

– Как это понимать?

– Многовато вопросов.

Тито улыбнулся ей снизу вверх.

– Он из ЦРУ?

Хуана сердито нахмурилась из-под серого платка. Бледный кончик языка показался в уголке ее рта и тут же исчез.

– А твой дед был из ДГИ?

Тито задумчиво окунул кусочек тоста в кофе и прожевал его.

– Ну да.

– Правильно, – сказала тетка. – Был, конечно.

Она потерла морщинистые ладони друг о друга, словно хотела избавиться от следов какой-то грязи.

– А на кого он работал? Вспомни наших святых, Тито. Два лика. Непременно два.

15
Жулик

Инчмэйл был вечно лысеющим, вечно серьезным и всегда выглядел солидным мужчиной – даже в день их первой встречи, когда им с Холлис было по девятнадцать. Настоящим поклонникам «Кёфью» обычно либо нравился он, либо она, и крайне редко – оба сразу. Похоже, Бобби Чомбо относится к первым, размышляла бывшая певица, пока Альберто вез ее в «Мондриан». И это даже хорошо. Можно, не сознаваясь в авторстве, изложить свои самые удачные истории про Инчмэйла, потом перетасовать их, словно колоду карт, кое-что припрятать в рукаве, что-то выкинуть на стол, а кое-где и передернуть, лишь бы разговорить этого парня. Холлис никогда не спрашивала разрешения у самого́ Инчмэйла, но почему-то верила: он платит ей той же монетой.

И не беда, что Бобби тоже музыкант, пусть и не в са́мом привычном смысле: не играет на инструментах и не поет, зато создает демозаписи из тщательно отобранных и перемешанных фрагментов. Холлис такой порядок вещей устраивал, она лишь думала, подобно генералу Боске[58], наблюдающему атаку легкой бригады, что это не война[59]. Инчмэйл понимал такие вещи и, кстати, успешно ими пользовался с тех самых пор, как появилась возможность цифровым способом извлекать гитарные партии из тесных скорлупок гаражного исполнения и видоизменять их, словно душевнобольной ювелир, вытягивающий столовые викторианские приборы и превращающий их во что-то насекомовидное, уже нефункционально хрупкое и опасное для нервов.

Пожалуй, страсть Бобби к «Мальборо» тоже играла ей на руку, хотя Холлис поймала себя на том, что невольно считает про себя сигареты и, поглядывая на пустеющую пачку, начинает волноваться, хватит ли ей самой. Она пыталась отвлечься, потягивала из найденной среди завалов на столе банки «Ред Булл» комнатной температуры, и вскоре глаза у нее полезли на лоб – то ли от кофеина, то ли от другого знаменитого ингредиента под названием «таурин», якобы извлекаемого из бычьих яичек. Странно: как правило, быки смотрелись гораздо спокойнее, чем почувствовала себя журналистка. А может, это вообще были коровы? Она не слишком разбиралась в домашней скотине.

Рассказ Чомбо про поиски нужных образцов помог Холлис

хотя бы отчасти понять, что за человек перед ней, оправдать его тесные белые штаны и дурацкие туфли. Грубо говоря, парень выполнял работу диджея. Или подражал, что тоже считается. Да и его основная специальность – диагностика и устранение неполадок в навигационных системах, так, кажется? – вписывалась в общую картину. Это и есть докучная сторона диджейской или подобной жизни, причем зачастую не та, которая кормит.

– Обошлось. Я думал, будет хуже, – прервал ее мысли Альберто. – Обычно с ним просто так пива не сваришь.

– Пару лет назад я гиговала в Сильверлейке, они это называют реггитон. Смесь регги и сальсы.

– Ну и?

– Чомбо. Был там такой крутой диджей: Ель Чомбо.

– Это не Бобби.

– Ясное дело. Только вот чего ради наш белый парень взял такое же прозвище?

Альберто ухмыльнулся.

– А чтобы другие спрашивали. Вообще-то Чомбо – это компонент программного обеспечения.

– Софт, что ли?

– Ага.

Она решила пока не забивать себе этим голову.

– А ночует он там же?

– Да, и почти не выходит наружу без надобности.

– И, говоришь, никогда не спит в одном и том же квадрате сетки...

– Об этом при нем даже не заикайся ни в коем случае, лады?

– Значит, гигует? Диджействует?

– Он занимается подкастингом[60], – ответил Корралес.

У Холлис зазвонил сотовый.

– Алло?

– Это Рег.

– Только что про тебя подумала.

– По какому случаю?

– Потом расскажу.

– Ты получила мой е-мейл?

– Да.

– Анжелина просила позвонить перепроверить. Пере-пере.

– До меня дошло, спасибо. Но ничего уже не поделаешь. Пусть все идет как идет, и посмотрим, что получится.

– Ты опять на каком-нибудь семинаре?

– Почему это?

– Тогда тебя тоже вдруг потянуло философствовать.

– Я тут видела Хайди…

– Боже, – сказал Инчмэйл. – Надеюсь, она передвигалась на задних конечностях?

– Промчалась мимо на очень приличной машине по направлению к Беверли-Хиллс.

– Ну что ж, ее тянуло туда еще из роддома.

– Рег, я не одна. Мне пора.

– Чао.

Трубка умолкла.

– Это был Рег Инчмэйл? – спросил Альберто.

– Он самый.

– Ты сегодня вправду видела Хайди Гайд?

– Видела, пока ты разбирался с охраной «Virgin». Она проезжала по Сансет.

– Ничего себе, – удивился Корралес. – Невероятная встреча, да?

– С точки зрения статистики, может, и так. А по-моему, ничего сверхъестественного. Она живет на Беверли-Хиллс, работает где-то в районе Сенчури-Сити.

– Чем занимается?

– Участвует в делах мужа. Он у нее адвокат по налоговым делам, имеет свою производственную фирму.

– Ого, – помолчав, произнес Альберто. – Значит, все-таки есть жизнь после рока.

– Уж это поверь мне на слово, – заверила его Холлис.

Робот Одиль не то окончательно умер, не то впал в спячку. Во всяком случае, он без движения замер у занавесок с видом недоделанной игрушки. Холлис поддела его носком «Адидаса».

На голосовой почте новых сообщений не было.

Журналистка достала из сумки пауэрбук, поднесла его обратной стороной к окну и выполнила начальную загрузку. Подключиться к проверенной беспроводной сети «SpaDeLites47»? Да, пожалуйста. До сих пор «SpaDeLites47» ни разу не подводила. Бывшая солистка «Кёфью» подозревала, что точка доступа к этой сети находится через дорогу, в здании со съемными квартирами.

Опять никаких писем. Придерживая одной рукой лэптоп, Холлис набрала в «Гугле»: «бигенд».

Первым делом на экране всплыл какой-то японский сайт – судя по всему, реклама лучшего моторного масла для драгстеров[61].

Холлис попробовала ссылку на страничку Википедии.

Хьюберт Хендрик Бигенд, род. 7 июня 1967 г. в

Антверпене, основатель инновационного всемирного агентства рекламы «Синий муравей». Единственный сын в семье; родители – бельгийский предприниматель Бенуа Бигенд и скульптор из Бельгии Федра Сейнхив. Как очернители, так и почитатели часто припоминают давнюю связь его матери с Ситуационистским интернационалом[62] (Чарльзу Саатчи ошибочно приписывают знаменитые слова: «Это жулик от ситуационизма»), однако сам Бигенд приписывает успех «Синего муравья» исключительно собственным талантам, одним из которых, по его утверждению, является способность найти нужного человека для каждого проекта. Невзирая на значительный рост фирмы за последние пять лет, он по-прежнему лично занимается подборкой кадров.

В сумке на столе затрезвонил сотовый. Если сейчас поменять расположение пауэрбука, сигнал Wi-Fi потеряется, но эта страница останется в кэше. Журналистка подошла к столу, положила лэптоп и выудила из сумки телефон.

– Это Хьюберт Бигенд, мне нужна Холлис Генри.

Бывшая певица похолодела, охваченная невольным ужасом, словно ее застали за подглядыванием.

– Да, мистер Бигенд, – ответила Холлис, даже не пытаясь изобразить франко-бельгийское произношение.

– Мисс Генри, будем считать, мы представлены друг другу, ладно? Наверное, вас удивил мой звонок. Видите ли, «Нод» – это мой проект.

– Я только что читала о вас в «Гугле». – Она широко раскрыла рот в беззвучном крике: Инчмэйл учил таким образом снимать напряжение.

– Ага, вы опережаете события. Что и требуется от настоящего журналиста. Ну а я только что беседовал с Раушем, он в Лондоне.

«Интересно, а вы тогда где?» – подумала Холлис.

– Где вы?

– В вестибюле вашей гостиницы. Не откажетесь выпить со мной?

16
Известные выходы

В то время как Милгрим читал «Нью-Йорк таймс», допивая утренний кофе в булочной на Бликер-стрит, Браун успел несколько раз вполголоса переругаться с неведомыми людьми, которым надлежало дежурить у всех известных выходов НУ, пока тот спал дома – или чем он там еще занимался.

Почему-то на Милгрима словосочетание «известные выходы» навеяло приятные, хотя и явно фантастические мысли об опиумных тоннелях с газовым освещением и подземной курительной комнате.

Между тем утро у собеседников Брауна не задалось. Сегодня рано НУ с каким-то мужчиной покинули здание, дошли до подземки на Канал-стрит, спустились туда и бесследно пропали. Милгрим, кому и раньше перепадало вполуха слушать обрывки некоторых разговоров, уже знал о способности НУ и его родичей вот так исчезать, особенно в районе подземок. Казалось, эти люди владели ключами от потайных ходов и трещин в коре планеты.

А вот пленника начало дня порадовало впервые за долгое время. Конечно, Браун подпортил впечатление, грубо растолкав переводчика ради нового послания. Потом Милгриму снова что-то грезилось, и не очень приятное. Вроде бы во сне от его кожи (а может, сквозь нее) струился голубоватый свет… И все же как отрадно в столь ранний час посиживать за столиком, пить кофе с пирожным и наслаждаться оставленной кем-то «Таймс».

Браун газету недолюбливал. Он вообще не терпел печатные органы за то, что излагаемые в них новости не поставлялись из достоверных – иными словами, правительственных – источников. Да, по сути, и не могли, если учесть современное положение. Война есть война. Любые стратегические сведения уже по определению слишком ценны, чтобы доверять их простым гражданам.

Разумеется, Милгрим не собирался спорить. Вздумай Браун объявить Королеву Английскую оборотнем, инопланетной рептилией, которая пожирает еще не остывшую плоть человеческих младенцев, пленник и тогда бы не пикнул.

Но теперь, дойдя до середины статьи на третьей странице, он кое о чем задумался.

– А вот… – неуверенно начал Милгрим; Браун как раз окончил беседу и свирепо смотрел на свой телефон, словно прикидывая, можно ли убить или замучить эту бездушную

тварь. – Я насчет АНБ[63] и добычи данных…

Фраза повисла в воздухе, где-то над столиком. Милгрим не имел привычки заводить разговоры с опасным соседом, и не напрасно. Браун поднял глаза, ничуть не поменяв их выражения.

– Я тут подумал, – услышал Милгрим точно со стороны, – про вашего НУ. Про волапюк. Если сотрудники АНБ могут все, что здесь написано, то нет ничего проще, чем загнать в программу логарифм, который будет реагировать исключительно на необходимый вам язык. Потребуется буквально полдюжины образцов семейного диалекта. Собрать их и усреднить, тогда все, что проходит через телефонную систему и получит нужный ярлык… Ну, вы поняли, раз – и готово. Можно будет больше не менять батарейки в той вешалке.

Милгрим упивался своей догадливостью. А вот Браун, похоже, был не в восторге.

– Это ж только для трансконтинентальных переговоров, – буркнул он, раздумывая, судя по взгляду, поколотить ему непрошеного советчика или пока не сто́ит.

– А, – протянул тот и сделал вид, что с головой погрузился в чтение.

Браун вернулся к своему телефону и принялся вполголоса отчитывать очередного виновника исчезновения НУ.

Милгриму расхотелось читать, однако он продолжал притворяться. Внутри него нарастало какое-то новое, непривычное замешательство. До сих пор пленник принимал как данность, что Браун и его соучастники работают на правительство. На федеральную службу, к примеру. Но если агенты АНБ способны на все описанное в статье, а Милгрим прочел это своими глазами, то с какой стати он должен принимать на веру каждое слово Брауна? Вот почему американцев уже не трогает подобная информация, подумалось мужчине. По крайней мере с шестидесятых годов минувшего века они принимали как данность то, что сотрудники ЦРУ прослушивают все телефонные разговоры в стране. Об этом твердили в плохих телефильмах. Этому учились верить с пеленок.

Но если теперь на Манхэттене кто-то решил переписываться на волапюке, а правительству на самом деле так остро понадобилось знать каждое слово, как можно было решить, глядя на Брауна, то в чем загвоздка? Милгрим свернул газету.

«А что, если, – пробивался из глубины сознания тревожный голос, – Браун вовсе и не работает на правительство?»

До сих пор Милгрим в известной степени сам хотел верить, будто угодил в заложники к федеральным агентам: ведь это почти то же самое, что находиться под их защитой. И хотя перевес был

на стороне назойливых сомнений, потребовалось время и нечто большее, возможно, перемена лекарства, наделившая мужчину новым покоем и дальновидностью, чтобы собраться с мыслями и хорошенько задуматься. А если Браун – просто-напросто козел с пушкой?

Тут уже стоило пораскинуть мозгами, и, к своему удивлению, Милгрим обнаружил, что способен это сделать.

– Мне надо в туалет, – сказал он.

– Дверь за кухней, – ответил Браун, прикрыв телефон ладонью. – Захочешь удрать, имей в виду: у выхода кое-кто дежурит. Поймаешь пулю в лоб.

Милгрим кивнул и поднялся с места. Он и не помышлял о побеге, однако впервые заподозрил своего спутника в искусном блефе.

В ванной комнате он сунул кисти под холодную воду и с изумлением уставился на свои руки. «Еще мои, надо же». Мужчина пошевелил пальцами. Нет, правда, как интересно.

17
Пираты и цэрэушники

Сделанная в «Мондриан» укладка спереди начинала напоминать челку Бобби, зараженную слоновьей болезнью. Сколь бы волшебное средство ни применил парикмахер, теперь оно пропиталось насквозь этой жуткой кашей, какую представлял собой воздух Лос-Анджелеса, не считая дыма бесчисленных сигарет, которые выкурил Бобби Чомбо в присутствии журналистки.

«Не нравится мне все это», – думала Холлис; она имела в виду даже не собственные жалкие потуги навести на себя хоть немного лоска перед встречей с новым хозяином, а общую конфигурацию и направление своей жизни до этой самой минуты, включая беседу с Чомбо на клетчатом бетонном полу. С парнем, который боится дважды уснуть в одном и том же квадрате…

И все-таки… Блеск для губ. Серьги. Блузка, юбка, чулки из видавшего виды пакета «Барни»[64]: в нем журналистка отдельно хранила вещи, не предназначенные для повседневной носки. А сумочка? Холлис вытряхнула содержимое одной из черных косметичек и положила туда лишь самое необходимое. Туфли из «нарядного» пакета напоминали мутировавшие балетные тапочки черного цвета; их создатель, дизайнер из Каталонии, давным-давно сменил поле деятельности.

– Ну все, я пошла, – сказала женщина отражению в зеркале.

В старковском вестибюле с баром стоял неумолчный гул и по-вечернему звенели бокалы. Шатен портье, застывший в фирменной бледной униформе посреди псевдоисламских закорючек коврика-проекции, сотканного из света, внушительно улыбнулся двери, откуда возникла посетительница.

Зубы его, случайно попавшие под сияние ослепительной загогулины, являли взгляду прямо-таки голливудскую белизну. По мере того как Холлис подходила к нему, оглядываясь по сторонам в поисках бельгийского рекламного магната, улыбка набирала ширину и мощь, и наконец, когда журналистка была готова пройти мимо, ее заставил вздрогнуть роскошный голос, так недавно звучавший по телефону:

– Мисс Генри? Я – Хьюберт Бигенд.

Вместо того чтобы заорать, она приняла протянутую ладонь – сухую, твердую, нормальной температуры. Улыбка продолжала расползаться по лицу; мужчина ответил Холлис легким пожатием.

– Приятно познакомиться, мистер Бигенд.

– Хьюберт, – поправил он. – Как вам понравилась гостиница, все на уровне?

– Да, спасибо.

То, что она приняла за униформу портье, оказалось бежевым шерстяным костюмом с иголочки. Ворот небесно-лазоревой рубашки был расстегнут.

– Наведаемся в «Скайбар»? – спросил рекламный магнат, поглядев на часы размером со скромную пепельницу. – Или желаете посидеть прямо здесь?

Он указал на сюрреалистично длинный узкий алебастровый стол со множеством длинных биоморфных ножек в духе вездесущего Старка.

«В толпе безопаснее», – подсказывал внутренний голос; остаться в вестибюле значило пропустить обещанный бокал, отделавшись минимальным набором фраз, какого только требует вежливость.

– «Скайбар», – решила журналистка, сама не зная почему, и тут же вспомнила, насколько трудно туда бывает пробиться, тем более получить столик.

Бигенд повел ее к бассейну и фикусам в горшках величиной не меньше вагона каждый. Перед глазами Холлис вставали картины из прошлого: она останавливалась в этой гостинице незадолго до и сразу же после официального распада группы. Инчмэйл говорил, что люди, не знакомые с музыкальной индустрией, считают, будто в этом бизнесе главное – вести себя как распоследняя свинья и побольше трепать языком.

Вот и великанский футон из страны Бробдингнег; в его мармеладно-хлюпающих недрах удобно разместился с напитками целый выводок юных, исключительно миловидных распоследних свиней и трепачей. «Но ведь на самом деле ты ничего про них не знаешь, – возразила сама себе Холлис. – Может, они только смахивают на A&R[65]». С другой стороны, здесь чуть ли не каждый выглядел именно так.

Бигенд провел журналистку мимо вышибалы, в упор его не заметив. Или, точнее, вышибала с блютусовым ухом едва успел убраться с дороги: настолько ясно солидный посетитель давал всем понять, что не привык видеть препятствий на своем пути.

Бар оказался забит людьми (Холлис не помнила случая, чтобы было иначе), однако Бигенд без труда отыскал место. Подавая спутнице тяжелый дубовый стул библиотечного вида, он широко расправил плечи и, как-то особенно – по-бельгийски, наверное, – сверкнув глазами, сказал ей на ухо:

– Я числился в поклонниках «Кёфью».

«Ну да, и еще вы были готом», – чуть не вырвалось у нее.

Стоило представить себе, как будущий рекламный магнат поднимает над головой зажигалку «Бик» в затемненном зале во время концерта… Нет, лучше не представлять. Хотя, если верить Инчмэйлу, в те дни над головой уже поднимали сотовые: изумительно, как много света давали их маленькие экраны.

– Спасибо, – ответила Холлис, нарочно не уточняя, за что – то ли за признание в любви к своей группе, то ли за поданный стул.

Уставив локти в бежевой шерсти на стол и переплетя перед собой пальцы с аккуратным маникюром, спутник ухитрился довольно схоже изобразить взгляд пылкого поклонника, воображающего перед собой некую частную версию портрета певицы, сделанного Антоном Корбайном[66], – того, где она в деконструированной твидовой мини-юбке[67].

– Моя мать, – неожиданно начал он, – Федра Сейнхив, безумно обожала «Кёфью». Она была скульптором. Когда я в последний раз был у нее в парижской студии, мать слушала вас. На всю громкость. – Собеседник улыбнулся.

– Благодарю. – Наверное, не стоило углубляться в воспоминания о мертвых родственниках. – Но сейчас я журналистка, и прежние лавры уже не имеют ценности.

– Рауш весьма доволен вашей работой, – произнес Бигенд. – Он собирается взять вас в штат.

У столика вырос официант и вскоре ушел за «джин-тоником» для Холлис и коктейлем «писо мохадо»[68] для ее спутника.

– Расскажите про «Нод», – предложила журналистка. – Что-то не слышно, чтобы он поднимал вокруг себя много разговоров.

– Да?

– Да.

Бигенд опустил сплетенные пальцы.

– Система «антишум», – промолвил он. – Выделяемся за счет незаметности.

Холлис ждала знака, что услышала шутку, но его не последовало.

– Странно.

На лице мужчины сверкнула улыбка, точно луч, на секунду пробившийся в щель между створками шкафа. Тут появились заказанные напитки в одноразовых пластиковых стаканах: владельцы гостиницы явно не желали получать нарекания от клиентов, предпочитающих разгуливать босиком по краю бассейна. Журналистка позволила себе окинуть взглядом посетителей, собравшихся в баре. Пожалуй, если бы сию минуту нос крылатой ракеты пробил рифленую крышу, редакции «Пипл» вряд ли пришлось бы спешно менять обложку. «Воображалы», как называл их Инчмэйл, переместились куда-то еще. И сейчас это

вполне отвечало замыслам Холлис.

– Скажите-ка... – начала она, слегка наклонившись над своим «джин-тоником».

– Да?

– Чомбо. Бобби Чомбо. Почему Рауш так настаивал, чтобы я поговорила с этим парнем?

– Рауш – ваш редактор, – мягко возразил Бигенд. – Может, поинтересуетесь у *него?*

– Нет, здесь что-то другое, – не отставала журналистка. Казалось, она выходит на тропу войны со смертоносным монгольским червем на его же земле. Не самая удачная затея, но внутренний голос подсказывал: так нужно. – Уж слишком он был озабочен, чтобы дело заключалось в простой статье.

Мужчина пристально посмотрел на нее.

– Вот вы как? Ладно. Тут история позанятнее. И статья будет немного длиннее. Ваша *вторая* статья для «Нода», как мы надеемся. А вы уже встретились с ним, с этим Чомбо?

– Да.

– И что думаете?

– Ему известна тайна, которой никто не знает. По крайней мере он сам так думает.

– И что это может быть, по-вашему, Холлис? Вы же позволите называть себя Холлис?

– Пожалуйста. Сомневаюсь, что Бобби уж очень увлекает карьера в области локативного авангарда. На мой взгляд, ему по душе покорять неосвоенные просторы, но скучно выполнять однообразную тяжелую работу. Вот помогая каким бы то ни было образом создавать контекст для нового представления, он вряд ли скучал.

На сей раз улыбка Бигенда напомнила Холлис огни встречного поезда, пролетевшего мимо в ночи. Огни мелькнули, погасли, и стало темно, как в тоннеле.

– Продолжайте. – Он отпил немного «писо», сильно похожего на лекарство от простуды.

– Дело не в работе диджея, – проговорила журналистка, – не в «мэшапах»[69], или чем он там занимается напоказ. Гораздо любопытнее то, что заставляет его чертить на полу координатную сетку GPS. И никогда не спать в одном и том же квадрате дважды. Не знаю, почему он возомнил себя настолько важной птицей, однако по той самой же причине у Бобби всерьез поехала крыша.

– И что это может быть за причина?

Ей вспомнился призрачный каркас грузового контейнера и то, как она едва не упала, когда Чомбо сорвал шлем. Холлис помедлила.

– Это пираты, – сказал Бигенд.

– Пираты?

– Да, в Малайском проливе и Южно-Китайском море. Маленькие юркие лодки охотятся на грузовые суда, укрываясь в лагунах, бухтах, пещерах. Я имею в виду побережье Малайского полуострова, Явы, Борнео, Суматры...

Она перевела глаза с Бигенда на окружающую толпу и вдруг ощутила себя так, будто попала в разгар чужой вечеринки. Рекламный щит, висящий под массивными потолочными брусьями бара, внезапно завладел ее вниманием, поскольку и был рассчитан на жертву, которая сядет за этот столик. Афиша пиратского фильма.

– Йо-хо-хо, – сказала Холлис, встретив взгляд своего спутника и опуская на стол стакан с остатками «джин-тоника», – и бутылка рому.

– Да, настоящие пираты, – без улыбки подтвердил Бигенд. – По крайней мере многие из них.

– Многие?

– Кое-кто участвовал в секретной морской программе ЦРУ. – Он опустил пустой стаканчик с таким видом, будто бы собирался продать его с аукциона в «Сотбис», и посмотрел на него через рамочку между пальцами, словно режиссер, подбирающий нужный ракурс для кадра. – Завидев подозрительное судно, его останавливали и обыскивали на предмет оружия массового поражения. – Мужчина по-прежнему не улыбался.

– Это не шутка?

Его голова качнулась – еле заметно, но очень четко.

Значит, вот как они кивают, алмазные торговцы в Антверпене, подумала Холлис.

– Это какая-то ахинея, мистер Бигенд.

– Это самая дорогая якобы достоверная информация, какую я могу себе позволить. Вы же понимаете, материал подобного сорта быстро портится. Да, но в чем ирония? Программа – на мой взгляд, очень даже эффективная, – пала жертвой местных политических распрей. А прежде, когда некоторые факты еще не выплыли наружу и секретный проект не сделался достоянием гласности, команды переодетых цэрэушников заодно с настоящими пиратами брали на абордаж суда, подозреваемые в нелегальном провозе оружия массового поражения. Затем они с помощью радиоактивных датчиков и прочей аппаратуры проверяли груз, покуда их «коллеги» забирали более заурядную добычу, по своему смотрению. Так расплачивались с пиратами за право первыми заглянуть в контейнеры и трюмы.

– Контейнеры...

– Ну да. Таким образом они и покрывали друг друга. ЦРУ подмазывало местные власти, а ВМС США, разумеется, во время подобных операций держались в стороне. Экипаж еще ни разу не догадывался о том, раскрыта ли контрабанда. Если что-то находилось, то судно задерживали некоторое время спустя, с виду – без всякой связи с пиратским нападением. – Бигенд жестом велел официанту принести новый стаканчик «писо». – Хотите еще выпить?

– Минералки, – сказала Холлис. – Ну просто Джозеф Конрад. Или Киплинг. Или кино какое-то.

– Лучше всего в этом деле проявили себя пираты из индонезийской провинции Асех, что в северной Суматре. Жертвами становились корабли, принадлежащие Панаме, Либерии, Северной Корее, Ирану, Пакистану, Украине, курсирующие между Суданом, Саудовской Аравией, ОАЭ, Пакистаном, Китаем, Ливией, Йеменом...

– И много им попадалось, фальшивым пиратам?

Еще один важный кивок алмазного торговца.

– К чему этот рассказ?

– В августе две тысячи третьего совместная команда поднялась на борт грузового корабля с панамским флагом, идущего из Ирана в Макао[70]. Цэрэушников особенно интересовал один контейнер. Они уже открыли его, взломав печати, как вдруг по радио передали приказ – ничего не трогать.

– Не трогать?

– Оставить контейнер. Покинуть судно. Естественно, приказ был выполнен.

– Кто вам поведал эту историю?

– Мой источник утверждает, что был в той са́мой команде.

– И вы полагаете, Чомбо как-то с этим связан?

– По моим подозрениям, – Бигенд чуть наклонился и понизил голос, – Бобби время от времени знает местонахождение контейнера.

– Только время от времени?

– Судя по всему, контейнер еще где-то здесь, – произнес бельгиец. – Он вроде «Летучего Голландца»...

Тут появился второй «писо» и минералка.

– За вашу следующую статью, – провозгласил Бигенд, и собеседники сомкнули края пластиковых стаканчиков.

– А пираты?

– Что?

– Они-то видели, что внутри?

– Нет.

– В большинстве своем, – произнес магнат, выезжая на Сансет, – люди не садятся за руль такой машины собственной персоной.

– Большинство людей вообще никогда не окажется в такой машине. – Сидящая рядом с ним Холлис вытянула шею, пытаясь заглянуть назад, в пассажирскую кабину.

Вроде бы там горел матированный потолочный светильник? Да, это вам не заурядная «лунная крыша»[71]. Масса сверкающего дерева, обивка из угольно-черной кожи ягненка…

– Это «брабус-майбах», – отозвался Бигенд; повернувшись, Холлис успела заметить, как он ласково погладил руль. – Чтобы выпустить такого красавца, фирма Брабуса всерьез переиначивает продукцию Майбаха. Если бы вы ехали сзади, то могли бы наблюдать локативные представления по мониторам, встроенным в спинки передних сидений. Здесь есть беспроводная локальная сеть и маршрутизаторы GPRS.

– Спасибо, я обойдусь.

Ох уж эти задние кресла с обивкой цвета ружейного ствола! Если их разложить, наверняка получатся кровати, а то и профессиональные хирургические кресла. Сквозь дымчатое оконное стекло Холлис видела, как пешеходы на перекрестке удивленно таращатся на «майбах». Тут светофор переменил сигнал, и машина тронулась с места. Ее интерьер по-прежнему напоминал вечерний зал музея.

– Вы всегда ездите на этом красавце? – спросила журналистка.

– В агентстве есть еще «фаэтоны», – ответил Бигенд. – Добротная машина. Издали можно принять за «джетту».

– Я не очень-то разбираюсь в автомобилях.

Холлис провела большим пальцем по шву сиденья. Вот каковы, должно быть, на ощупь ягодицы супермодели.

– А почему, если не секрет, вы решили посвятить себя журналистике?

– Надо же было зарабатывать на хлеб. На гонорары «Кёфью» не слишком разживешься, а чтобы выгодно вкладывать деньги, нужен особый дар.

– Это большая редкость, – согласился Бигенд. – Если человеку везет, он начинает мнить, будто бы у него талант. Но в принципе все делают одно и то же.

– В таком случае хоть бы мне кто-нибудь объяснил, что именно.

– Если вам нужны деньги, для этого существуют поля поурожайнее, чем журналистика.

– Вы меня отговариваете?

– Ничуть. Наоборот, поощряю искать большего. Меня интересует ваша мотивация, ваше понимание мира. – Он искоса посмотрел на пассажирку. – Рауш сказал, вы раньше писали о музыке.

– Гаражные группы шестидесятых. Я начала собирать материал еще во времена «Кёфью».

– Это был ваш источник вдохновения?

Холлис оторвала взгляд от четырнадцатидюймового дисплея на приборной доске «майбаха», где красный курсор – символ автомобиля – плыл по зеленой ленте бульвара Сансет, и подняла глаза на спутника.

– Только не в смысле моей профессии, не в музыке. Я просто любила эти группы… *Люблю*, – поправилась она.

Бигенд кивнул – очевидно, понимал разницу.

Холлис опять поглядела на приборную доску: дорожная карта исчезла, вместо нее возникла каркасная диаграмма вертолета незнакомой луковичной формы, развернутая в профиль. Ниже появился каркас корабля. Очень мелкого корабля. Или вертолет был чересчур крупным. Картинку сменило видеоизображение настоящей летающей машины в небе.

– А это что?

– Так называемый «Хук», сделан еще в Советском Союзе[72]. У вертолета чудовищная подъемная способность. В Сирии есть по крайней мере один такой.

Теперь уже «Хук», или его подобие, поднимал над землей советский танк, будто бы для иллюстрации.

– Следите за дорогой, – посоветовала журналистка. – Хватит вам любоваться своим пауэрпойнтом[73].

Следующий сюжет в виде упрощенной цветной анимации показывал, как вертолет (название которого никак не соответствовало его форме) опускает грузовую тару на палубу и в трюмы судна.

– А тот контейнер из вашей истории… – начала Холлис.

– Да?

– Вам приблизительно сказали, сколько он весит?

– Этого мы не знаем, – произнес Бигенд, – но иногда он размещается в центре груды других контейнеров, потяжелее. Это самое надежное положение, так его обычным путем не достать, если с моря. А вот «Хук» нам поможет. С помощью вертолета ящик можно доставить куда угодно, например, на другой корабль. Это и быстро, и удобно.

– Он повернул на Сто первую автостраду, к югу.

Подвеска «майбаха» превратила изрытую оспинами мостовую в гладкий шелк или растопленную сливочную помадку. Холлис

нутром ощутила мощь автомобиля, которой так естественно, без усилий управлял человек. Теперь линии на дисплее приборной доски представляли собой сигналы, испускаемые транспортной тарой: они поднимались под острым углом к вертикали, затем их перехватывал спутник и пересылал обратно, за изгиб горизонта.

– Мистер Бигенд, куда мы едем?

– Хьюберт. В агентство. Там лучше всего обсуждать дела.

– Какое агентство?

– «Синий муравей».

Тут на дисплее возникло то самое насекомое, недвижное и категоричное, как иероглиф. Синего цвета. Холлис вновь подняла глаза на Бигенда. В профиль он ей кого-то смутно напоминал.

18
Окно Элеггуа

Tia[74] Хуана велела ему пройти пешком по Сто десятой улице до Амстердам-авеню и собора Святого Иоанна Богослова, чтобы спросить совета у Элеггуа. Властелина, как она выразилась, всех дорог и дверей на свете. Хозяина всех перекрестков между человеческим и божественным. Вот почему, по словам Хуаны, ему отвели особое окно, место для поклонения в огромной церкви на Морнингсайд-Хайтс[75].

– В этом мире, – учила Хуана, – ничто не свершается без его соизволения.

Поднимаясь по склону мимо заграждений из обклеенной постерами фанеры и мелкой проволочной сетки там, где много лет назад ливни обрушили ветхую стену церковных земель, Тито заметил, как с неба посыпались первые белые хлопья. Он поднял воротник, натянул пониже шляпу и продолжал свой путь. Мужчина уже не удивлялся снегу как чему-то чуждому, но все же наполнился благодарностью, когда наконец достиг Амстердама. Неоновая вывеска пиццерии «V&T», не горевшая днем, словно пыталась напомнить о заурядном светском прошлом авеню. Вот уже показался дом священника. Вечно сухой фонтан в его саду украшала совершенно безумная скульптура: Священный Божий Краб, держащий в одной клешне отрубленную голову сатаны. Впервые попав сюда в обществе тетки, Тито ужасно заинтересовался этим изваянием. И еще его любопытство возбудили четыре петушка, живущих при соборе. Один из них был альбиносом – священной птицей Орунла[76], как пояснила Хуана.

Двери собора не охранялись. Стражников Тито нашел внутри, они подошли и попросили сделать пожертвование в пять долларов. Тетка научила племянника, как нужно снять шляпу и перекреститься, после чего, уже не обращая на них внимания, сделав вид, будто бы он не понимает английского, зажечь свечу и притворно погрузиться в молитву.

Сколько пространства! «Это самый большой собор в мире», – утверждала Хуана. Однако сегодняшним снежным утром Тито нашел храм пустым (по крайней мере с виду) и почему-то более холодным, нежели сама улица. В соборе висела дымка – или облако звуков. Даже самые тихие движения порождали легчайшее эхо, которое беспокойно гуляло среди колонн и над каменным полом.

Оставив тонкую свечку теплиться рядом с четырьмя другими, Тито двинулся по направлению к главному алтарю. Он шел и смотрел на облачка, вылетающие изо рта, и только раз приостановился, чтобы оглянуться на сумеречное зарево в гигантском круглом окне-розетке над теми дверями, через которые недавно вступил сюда.

Один из каменных эркеров, обрамляющих чудовищное пространство, принадлежал Элеггуа, о чем свидетельствовали образы на цветных витражах. Вот сантеро просматривает свиток: на нем легко различить цифры три и двадцать один, по которым и распознается ориша; мужчина лезет на столб, чтобы установить «жучок» для телефонного прослушивания; еще один человек изучает компьютерный монитор. В общем, самые разные способы управления этим и другими мирами, и над всеми путями – безраздельная власть оришей.

Мысленно, как учила Хуана, Тито со всем почтением поздоровался.

В тумане звуков возникло некое возмущение, источник которого тут же затерялся в причудливых поворотах и движениях эха. Мужчина посмотрел через плечо, окинул взглядом длинный неф и различил одинокий силуэт, приближающийся к нему.

Тогда он снова поднял взор к витражам, где один из персонажей работал с «мышью», а другой – с клавиатурой, хотя очертания этих привычных устройств казались архаичными и незнакомыми. «Призываю тебя, Элеггуа».

Обернувшись, Тито увидел старика, напоминающего иллюстрацию к законам времени – или свидетельство неотвратимости судьбы. Снег запорошил плечи его твидового пальто и темные поля шляпы, прижатой теперь к груди. Голова слегка покачивалась в такт шагам. Седые волосы отливали сталью на приглушенном фоне зашпаклеванного соборного камня.

И вот он возник совсем рядом и замер, как изваяние. Посмотрел Тито прямо в глаза, а затем обратил свой взор к витражам.

– Гутенберг, – пояснил старик, указывая шляпой на сантеро. – А это Сэмюэл Морзе посылает первое сообщение, – сказал он о мужчине с «мышью». – Монтер телефонной линии. Телевизор.

Последние слова относились к аппарату, который Тито ошибочно принял за монитор. Старик опустил шляпу и снова вперился проницательным взглядом в молодого мужчину.

– Ты похож на отца и деда, очень похож, – произнес он по-русски.

– Это *она* вам рассказала, где я буду? – по-испански спросил Тито.

– Нет, – отвечал собеседник с устаревшим кубинским акцентом, – подобного удовольствия мне удалось избежать. Грозная женщина, эта твоя тетка. Я просто велел тебя выследить. – Тут он перешел на английский: – Давненько же мы не виделись.

– *Verdad.*[77]

– Но скоро снова встретимся, – сообщил старик. – Ты полу́чишь еще один предмет, тот же, что и всегда. Доставишь мне, как обычно. Как водится, за тобой будет «хвост».

– Значит, Алехандро был прав?

– Не вините себя. Ваш протокол в высшей степени правилен, а ваша *sistema* довольно хитра. – Он ввернул русское слово в английскую фразу. – Мы сами позаботились о слежке. Так нужно.

Тито молчал и ждал.

– При передаче, – продолжал старик, – тебя попытаются схватить. У них ничего не выйдет, но устройство ты как бы случайно потеряешь. Последнее очень важно, настолько же, как наше с тобой исчезновение. Для того и существует *sistema*, верно?

Тито еле-еле качнул головой.

– Но потом ты уедешь, как было задумано. Оставаться в городе небезопасно, понимаешь?

Мужчина подумал о своей комнате без окон. Вспомнил свой компьютер. Клавиатуру. Вазу Ошун. И протокол отъезда со всеми его тонкостями, требующими самого строгого соблюдения. Тито не представлял себе, куда ему предстоит отправиться, но точно знал, что это будет уже не Нью-Йорк.

– Понимаю, – сказал он по-русски.

– Где-то там есть арка, посвященная Перл-Харбору. – Старик запрокинул голову, оглядывая неф. – Мне как-то раз показывали, да я позабыл. Каменщики бросают свои инструменты в день нападения. Строительство собора прервалось на десятилетия.

Тито развернулся и поднял глаза, не зная, куда смотреть. Все арки выгибались на такую головокружительную высоту. Однажды он и Алехандро играли с моделью аэростата в Бэттери-парке[78]. Маленький такой дирижабль с радиоуправлением, заполненный легким гелием. Вот бы запустить сюда такую штуку, было бы интересно исследовать лес из бесчисленных арок нефа, заглядывая в тени опрокинутого глубоководного ущелья. Тито хотел спросить старика о своем отце, почему и как тот погиб.

Подумав об этом, он повернулся, но таинственный пришелец уже бесследно исчез.

19
Фиш

Браун отвел Милгрима обратно в корейскую прачечную на Лафайет и оставил на время: судя по подслушанным с утра обрывкам телефонных переговоров, он решил, что упустившие НУ не обойдутся без дополнительной головомойки.

На этот раз Браун даже не стал напоминать пленнику о лишней боли, которую принесет любая попытка побега. Может, поверил, что Милгрим уже сроднился с мыслью о невидимых стражах на улице (хотя никогда их не видел и понемногу начинал сомневаться)? Вот ведь как интересно...

Браун даже не попрощался. Развернулся и молча ушел по западному тротуару Лафайет-стрит.

Милгрим обменялся праздными взглядами с владельцем прачечной, смоляным брюнетом-корейцем старше семидесяти, чья вневозрастная, на диво неблестящая прическа напоминала стрижку Ким Чен Ира. Должно быть, у Брауна был с ним договор, потому что кореец ни разу не спрашивал Милгрима, какая машинка стирает его белье, а если никакая, то для чего тот часами просиживает штаны на виниловом красном диванчике, уткнувшись носом в книгу о средневековом мессианстве, листая журналы с давно устаревшими сплетнями или тупо уставившись перед собой.

Милгрим расстегнул пальто, но снимать не стал, так и опустился в нем на диванчик. Бросил взгляд на кофейный столик перед собой, где плотным компостом слежались черты звездных лиц (хотя, наверное, пупки не совсем относятся к лицам), и заметил на обложке «Таймс» президента, одетого как пилот и застывшего на палубе авианосца. Милгрим прикинул: получалось, что номеру стукнуло года три. Пожалуй, один из самых допотопных экземпляров среди этой пачки «желтого» трепа, к которой время от времени обращался усталый пленник, как только замечал, что его клонит в сон от мессианства двенадцатого столетия. Мужчина уже убедился на горьком опыте: стоит начать клевать носом, кореец обязательно подойдет и ткнет его в бок свернутым в трубку журналом.

Но сейчас Милгрим решительно настроился на амальрикан[79] и Уильяма Голудсмита[80]; поработавших, если можно так выразиться, «на разогреве» у его любимых еретиков Свободного Духа[81]. Рука уже скользнула в карман за уютно потрепанным томиком, когда в прачечной появилась

темноволосая девушка в коричневых сапогах и короткой белой куртке. Вошедшая потолковала с корейцем, получила квитанцию в обмен на две пары темных брюк, но не ушла – достала сотовый и бойко затараторила по-испански. А между делом повернула к диванчику, присела и принялась равнодушно полистывать «желтую» прессу на столике из фанеры. Президент Буш в костюме пилота тут же отправился куда-то на дно вороха. Девушке так и не удалось откопать в журналах что-нибудь новенькое, чего бы Милгрим еще не видел. А все-таки было приятно делить с ней виниловое сиденье и наслаждаться звуками чужой непонятной речи. Мужчина словно родился с талантом бегло изъясняться по-русски, зато, будто в отместку, не сумел выучить ни одного романского языка.

Незнакомка небрежно бросила трубку в широкий карман, поднялась, мельком улыбнулась Милгриму, едва посмотрев в его сторону, и удалилась.

Тот опять потянулся в карман за книгой, как вдруг заметил на красном виниле оброненный телефон.

Милгрим искоса посмотрел на корейца: тот с головой погрузился в «Уолл-стрит джорнэл»; издали крохотные черно-белые портреты над статьями напоминали причудливые отпечатки пальцев.

Надо же, как изменила пленника судьба. Прежде он, не задумываясь, прикарманил бы брошенную вещицу. Но эта жизнь под неусыпной слежкой приучила его даже в случайностях видеть чей-нибудь умысел. Что, если испаноговорящая красотка, якобы заскочившая сдать в чистку рабочие брюки, подослана Брауном? И не по рассеянности оставила тут свой сотовый?

С другой стороны, а вдруг нет?

Осторожно, не сводя с корейца глаз, Милгрим потянулся и сжал телефон в ладони. Трубка еще хранила тепло. Сердце мужчины екнуло: пустяковая, а все-таки близость.

Милгрим встал с места.

– Мне нужно сходить в туалет.

Кореец прищурился на него поверх «Уолл-стрит джорнэл».

– Мне надо пописать.

Владелец прачечной сложил газету, поднялся, отвел рукой занавеску в цветочек и жестом пригласил Милгрима зайти. Тот быстро прошагал мимо гладильных машин и вошел в узкую бежевую дверь под трафаретной табличкой «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА».

Фанерные стены, окрашенные в белый цвет, напомнили мужчине кабинки в летнем лагере под Висконсином. В воздухе стоял сильный, но не лишенный приятности запах

дезинфицирующего средства. Милгрим запер дверь на хлипкую с виду тайваньскую задвижку золотистого цвета. Потом опустил на унитаз крышку, присел и уставился на чужой телефон.

«Моторола», индикатор вызовов плюс камера. Модели было уже несколько лет, хотя, пожалуй, такие до сих пор лежали на витринах. Если выкрасть ради продажи, то и не поживишься. Зато – почти полный заряд и роуминг.

Перед глазами мужчины, на расстоянии десяти дюймов, висел календарь за тысяча девятьсот девяносто второй год. С августа кто-то перестал переворачивать листы. Рекламу коммерческой фирмы недвижимости украшало не в меру яркое изображение Нью-Йорка при дневном свете, все еще с черными башнями Всемирного торгового центра. Теперь, по прошествии времени, они смотрелись до того странно, до того нереально, научно-фантастически голыми, будто цельные монолиты, что на любых старых снимках казались Милгриму плодом обработки «Фотошопа».

Внизу под календарем, на четырехдюймовом горизонтальном выступе дверной рамы стояла жестяная банка без этикетки, с чуть заржавленными боками. Мужчина склонился вперед и заглянул внутрь. На дне тонким слоем лежали гайки, болты, две бутылочные крышки, скрепки, кнопки, неразличимые железки, трупики мелких насекомых. Все, что могло окислиться, было покрыто ровным и легким рыжим налетом.

Милгрим откинулся к бачку и раскрыл сотовый. Пробежал глазами список испанских имен и фамилий. По памяти набрал номер Фиша и, зажмурившись, нажал кнопку вызова.

Фишер ответил, не дожидаясь третьего гудка.

– Алло?

– Фиш, привет.

– Это кто?

– Милгрим.

– Здоро́во.

Голос в трубке прозвучал удивленно; а впрочем, как же иначе?

Некогда они вместе баловались бензодиазепинами[82]. И оба знали Денниса Бердуэлла, который приходился Милгриму наркодилером. *Бывшим* наркодилером, поправил сам себя пленник.

– Ну, как дела, Милгрим?

В смысле: не одолжишь лишнего?

– Перебиваюсь помаленьку.

– А, – ответил Фиш.

Он, как всегда, был немногословен. Парень работал в области

компьютерной анимации, встречался с подружкой, имел от нее ребенка.

– Фиш, ты не видел Денниса?

– Угу. Видел.

– Как он там?

– Ну, как? Говорит, что сердится на тебя.

– А он сказал почему?

– Да вроде бы деньги тебе давал, а ты не вернул.

Милгрим вздохнул.

– Да, это правда, но я не хотел его кидать. Через этого парня мне все и доставалось. Ты-то, наверное, в курсе?

В трубке послышался плач младенца.

– Ага. Только, знаешь, я бы тебе не советовал дразнить Денниса. Особенно сейчас. И в таком деле.

Судя по голосу, Фиша что-то тревожило, но явно не детские слезы.

– Ты что имеешь в виду?

– Ну, – протянул собеседник. – Та, другая дурь.

«Другая дурь» – это прозрачный метиламфетамин. И Милгрим, и Фиш воздерживались от этой дряни, с них было достаточно покоя и ясности мышления, приносимых бензодиазепинами. У прочей клиентуры Денниса метиламфетамин порождал возрастающую зависимость от болеутоляющих веществ.

– По-моему, он подсел, – произнес Фиш. – Завяз по уши. Ну, ты понимаешь.

Милгрим изумленно поднял брови, обращаясь к фотографии башен-близнецов.

– Жалко.

– Ну, ты-то знаешь, какими они становятся.

– То есть?

– Свирепые параноики, – только и ответил Фиш.

Деннис когда-то учился в Нью-Йоркском университете. Милгрим легко представлял его себе рассерженным, но чтобы свирепым? Это уже чересчур.

– Он же собирает сувениры, посвященные «Звездным войнам», – сказал Милгрим. – Ночами напролет выискивает их в «и-Бэй».

Последовала пауза. Даже младенец Фиша притих, будто сверхъестественным чутьем уловил общее настроение.

– Он обещал нанять черных из Бруклина, – сообщил Фиш.

Ребенок завопил с новой силой.

– Вот дерьмо, – сказал Милгрим, обращаясь не столько к телефону, сколько к проржавевшей жестянке. – Сделай одно

одолжение.

– А?

– Не рассказывай ему, что я звонил.

– Легко, – заверил Фиш.

– А я позвоню, если вдруг перепадет лишнее, – солгал Милгрим и нажал кнопку «конец разговора».

Выйдя из туалета, мужчина помог вернувшейся пуэрториканке сдвинуть красный диванчик, и пока удрученная девушка искала потерянный сотовый на полу, незаметно сунул трубку под истрепанный номер модного журнала «Ин тач» с Дженнифер Аннистон на обложке.

Когда пропажа нашлась, он стоял, прислонившись к сушилке, и как ни в чем не бывало читал про Уильяма Гоулдсмита.

20
Тульпа [83]

Кажется, та женщина у перекрестка везла за собой на буксире внутривенную капельницу, одной рукой помогая катиться своему инвалидному креслу, а другой придерживая хромированную стойку? Кажется, у нее не было ног? Впрочем, после встречи со скейтбордистом без нижней челюсти Холлис мало чему удивлялась.

– Значит, ваша компания находится здесь? – полюбопытствовала она, когда «майбах» повернул в переулок, по которому лучше всего было бы ехать на боевой пехотной машине «брэдли».

Миновав застывший яростный вал уличного граффити, похожий на фрактальную волну Хокусая, автомобиль нырнул под нависшие кольца колючей проволоки, увенчавшей сетчатые ворота.

– Да, – отозвался Бигенд, выруливая на бетонный пандус пятнадцатифутовой высоты, приникший к стене, которая, судя по виду, перенеслась в Лос-Анджелес из бесконечно более древнего города. Может, из Вавилона? Редкие свободные кирпичи между сочными клинописными знаками были покрыты еле заметными царапинами.

Оказавшись на гладкой платформе, где разместился бы целый грузовик, «майбах» притормозил перед металлической дверью на шарнирах. Над ней темнели какие-то выпуклые наросты из дымчатого черного пластика – в них прятались камеры, а то и еще что-нибудь. Украшенная пуантилистским портретом Андре Гиганта[84] поистине оруэлловских масштабов дверь медленно поднялась, и унылый взгляд Андре, наводящий на мысли о базедовой болезни, уступил место галогенному сиянию. Автомобиль заехал в помещение, похожее на ангар, поменьше безлюдной фабрики Чомбо, но все же довольно внушительное. Внутри за блестящим вилочным погрузчиком желтого цвета и ровными грудами новехоньких гипсокартонных листов припарковалось в ряд полдюжины одинаковых серебристых седанов.

Бигенд остановил машину. За приехавшими внимательно наблюдал из-за зеркальных стекол охранник в униформе – черных шортах и рубашке с коротким рукавом. На его бедре была пристегнута увесистая кобура с многочисленными карманами.

Холлис неодолимо потянуло покинуть салон, что она и

сделала.

Движение, с которым открылась дверца автомобиля, неприятно напоминало одновременно банковский сейф и вечернюю сумочку Армани: безукоризненно выверенная, бомбонепробиваемая надежность в сочетании с косметически-совершенной зализанностью. После этого шершавый бетонный пол, усеянный гипсовой крошкой, даже немного успокаивал. Охранник повел радиопультом, и за спиной журналистки загромыхало сегментированное железо.

– Сюда, пожалуйста, – произнес Бигенд сквозь грохот и двинулся прочь, не потрудившись закрыть за собой дверцу.

Холлис последовала его примеру. По пути она обернулась. Машина осталась распахнутой, ее мягкие, обитые кожей ягненка внутренности, особенно четкие в искусственном свете гаража, напоминали небольшую пещеру.

– В процессе ремонта мы теряем львиную долю своих преимуществ, – посетовал Бигенд, обогнув десятифутовую груду кирпича.

– Львиную долю?

– Да, бóльшую часть. Мне будет недоставать прежних неудобств. Они сбивали клиентов с толку, а это всегда полезно. На прошлой неделе мы открыли в Пекине новую систему офисов, так вот я совершенно не доволен. Три этажа в новостройке, что мы там забыли? Хотя, конечно, это же Пекин. – Он пожал плечами. – Выбирать не приходится, верно?

Холлис не нашлась с ответом и промолчала.

Поднявшись по широкому лестничному пролету, они вошли в помещение, которому предстояло превратиться в фойе. Здешний охранник внимательно изучал окна замкнутой телесистемы, выведенные на дисплей с плоским экраном, и даже не поднял головы, когда разъехались двери лифта, сплошь обклеенного пыльными слоями гофрированного картона.

Бигенд приподнял забрызганный побелкой клапан и прикоснулся к панели управления. Через два этажа лифт остановился.

Мужчина жестом пригласил свою спутницу на выход, и они ступили на дорожку из того же картона, приклеенного изолентой к гладкому серому полу из какого-то незнакомого материала. Дорожка вела к столу для переговоров, окруженному шестью стульями. Над ним на стене висел экран с диагональю в тридцать футов, который изображал портрет Холлис работы Антона Корбайна в идеальном разрешении.

Журналистка обернулась на Бигенда, и тот сказал:

– Чудесный снимок.

– А у меня от него до сих пор мурашки по коже.

– Это потому, что личность любой «звезды» – в каком-то смысле всегда что-то вроде тульпы.

– Вроде чего?

– Проекция мыслеформы, термин взят из учения тибетских йогов. Двойник знаменитости начинает жить своей, отдельной жизнью. При определенных условиях он продолжает безбедно существовать даже после смерти своего прототипа. Собственно, об этом и говорят нам всяческие конкурсы двойников Элвиса.

Тут его взгляды мало чем отличались от рассуждений Инчмэйла; впрочем, Холлис порой и сама так думала.

– А что происходит, – спросила она, – если «звездная» личность скончается первой?

– Почти ничего, – сказал Бигенд. – В том-то и загвоздка. Но против забвения работают гигантские портреты. Да и музыка менее всех искусств подчиняется времени.

– «Прошлое не мертво. Это даже не прошлое». – Холлис повторила слова Фолкнера, которые часто цитировал Инчмэйл. – Как насчет того, чтобы поменять канал?

Мужчина повел рукой по направлению к экрану. На месте портрета возник советский транспортный вертолет «Хук», вид снизу.

– Ну и что вы об этом думаете?

Улыбка Бигенда блеснула, как луч маяка. В помещении не было окон (разве только их замаскировали), так что единственным источником освещения оставался огромный экран.

– Вам по душе, когда люди сбиты с толку?

– Да.

– Значит, и я вам понравлюсь.

– Уже нравитесь. И я бы сильно удивился, если бы было иначе. Если бы вы сейчас не колебались.

Она подошла к столу для переговоров и провела пальцем по его черной поверхности, прочертив дорожку среди известковой пыли.

– Скажите, журнал и вправду существует?

– Все в этом мире, – проговорил Бигенд, – потенциально.

– Все в этом мире, – проговорила Холлис, – потенциальный треп.

– Пожалуйста, считайте, что я ваш патрон.

– Спасибо, но мне не по вкусу, как это звучит.

– В начале двадцатых годов двадцатого столетия, – промолвил рекламный магнат, – в этой стране еще находились люди, ни разу не слышавшие музыки в записи. Их было не много, но все же. С тех пор миновало около века. Ваша карьера

«записывающейся певицы», – он жестом изобразил кавычки, – имела место ближе к окончанию того периода, который продлился менее ста лет и во время которого потребителям недоставало технических средств для производства того, что они потребляли. Они покупали записи, но не могли воссоздавать их. Когда появилась «Кёфью», монополия на средства производства уже начинала расшатываться. Прежде музыканты получали деньги за исполнение, издание и продажу своих произведений или же имели дело с постоянными покупателями. Поп-звезда, в том смысле, как мы ее знали, – тут он слегка кивнул в сторону собеседницы, – на самом деле была порождением до-вездесущих медиа.

– Порождением чего?

– Состояния, когда так называемые масс-медиа, если хотите, существовали в рамках этого мира.

– А не?..

– А не поглощали его.

При этих словах освещение изменилось. Холлис подняла глаза на экран: теперь на его поверхности царил металлический *синий муравей глиф*.

– А что такого в контейнере Чомбо? – спросила она.

– Это не его контейнер.

– Ваш?

– И не наш.

– «Наш»? Вы имеете в виду себя и?..

– Вас.

– Но это не мой контейнер.

– А я что говорил? – ответил Бигенд. И улыбнулся.

– Тогда чей?

– Не представляю. Однако надеюсь, что вы все выясните.

– Но что внутри?

– Этого мы тоже не знаем.

– Ладно, при чем здесь Чомбо?

– Похоже, ему известен способ узнавать местонахождение контейнера, хотя бы время от времени.

– Тогда почему не спросить прямо?

– Потому что это тайна. Чомбо прилично платят за молчание, а если вы успели заметить, он и так не слишком разговорчив.

– Хорошо, кто именно платит?

– О, этот секрет вообще покрыт полным мраком.

– Разве не хозяин контейнера?

– Или окончательный получатель, если таковой существует. Трудно сказать. Потому-то, Холлис, я и выбрал вас, чтобы вызвать его на откровенность.

– Вы просто не видели. Бобби совсем не был рад нашему знакомству. Я что-то не слышала повторного приглашения.

– Полагаю, тут вы заблуждаетесь, – возразил Бигенд. – Когда он свыкнется с мыслью, что вас можно вызвать на новую аудиенцию, мы наверняка о нем снова услышим.

– А какую роль в этой истории играют айподы?

Мужчина поднял бровь.

– Рауш велел присматриваться к тем, которыми пользуются для хранения информации. Разве так еще кто-то делает?

– Чомбо иногда записывает данные на айпод и отсылает его из Штатов.

– Какого рода эти данные?

– Мы не сумели выяснить. Якобы музыка.

– Куда уходят посылки, тоже не знаете?

– Сан-Хуан, Коста-Рика. Оттуда, возможно, куда-нибудь еще.

– Кто получатель?

– В первую очередь – хозяин дорогого абонентского ящика. В Сан-Хуане таких предостаточно. Мы как раз над этим работаем. Вы там бывали?

– Нет.

– В Сан-Хуане целая община пенсионеров-цэрэушников. И людей из DEA. Мы тоже кое-кого послали, чтобы без лишнего шума разобраться в обстановке. Правда, пока никакого толку.

– А почему вас так интересует содержимое этого контейнера?

Бигенд вытянул из кармана пиджака бледно-голубой микрофибровый платок и тщательно протер один из стульев от пыли.

– Присядете?

– Нет, спасибо. Продолжайте.

Тогда он сел сам. И посмотрел на журналистку снизу вверх.

– Опыт научил меня ценить все, что выбивается из общих рамок. Теперь я очень внимателен именно к человеческим странностям, особенно тем, которые прячут от посторонних глаз. Я трачу большие деньги на то, чтобы раскопать чужие секреты. Бывает, из них рождаются наиболее удачные достижения «Синего муравья». Например, за основу вирусной рекламы обуви «Троуп Слоуп» мы взяли анонимные видеоролики, выложенные в сети.

– Так это вы сделали? Запихали свое дерьмо на задний план старых фильмов? Вот гадость, блин! Пардон, что я по-французски.

– Но туфли-то продаются. – Он улыбнулся.

– И что вы надеетесь выгадать из тайны контейнера Чомбо?

– Понятия не имею. Ни малейшего. В этом-то весь интерес.

– Не понимаю.

– Разум, Холлис, это реклама с точностью до наоборот.

– В смысле?

– Секреты – отличная штука.

Мужчина повел рукой, и экран показал обоих у переговорного стола. Съемка велась откуда-то сверху. Причем двойник Бигенда еще не садился. Вот он достал из кармана бледно-голубой платок и вытер пыль с подлокотников, спинки, сиденья стула.

– Секреты, – промолвил настоящий Бигенд, – вот лучшее, что есть в мире.

21
Софийская соль

Тито пересек Амстердам, пройдя мимо сизой, припорошенной травы публичного сада, и быстро зашагал по Сто одиннадцатой в сторону Бродвея.

Вот и кончился снегопад.

Вдали, у «Банко популар», показалась кузина Вьянка, одетая как подросток. Любопытно, кто еще сопровождает его на обратном пути в Чайнатаун?

К тому времени как Тито достиг середины Бродвея, Вьянка пропала из вида. Мужчина добрался до западного тротуара и повернул на юг, к остановке на Сто одиннадцатой улице. Минуя багетную мастерскую, он поймал отражение кузины в глубинах зеркала, в нескольких ярдах за левым плечом. А потом, глядя на поднимающиеся к небу клубы́ своего дыхания, спустился в отделанный плиткой подземный окоп с тонкой крышей из железа и асфальта.

Едва он очутился на платформе, как подошел поезд первого маршрута. Можно было усмотреть в этом знамение свыше. Значит, Тито поедет на первом до Канала, а потом будет медленно возвращаться пешком на восток. Мужчина сел на поезд в полной уверенности, что Вьянка и по меньшей мере еще двое других делают то же самое. Согласно протоколу, в подобных случаях требовалось как минимум трое – чтобы вычислить и опознать возможных преследователей.

Вагон был почти безлюден. Вьянка сидела впереди, притворяясь, будто увлечена карманной видеоигрой. Когда позади осталась Шестьдесят шестая улица, из предыдущего вагона зашел Карлито. Его шарф был на один оттенок светлее, чем темно-серое пальто, черные кожаные перчатки создавали впечатление, будто руки вырезаны из дерева, а поверх итальянских туфель из начищенной телячьей кожи красовались черные калоши. Все это придавало Карлито вид не ассимилировавшегося в Америке консерватора-иностранца, отчасти даже с налетом религиозности. Вошедший сел по левую руку от Тито.

– Как Хуана? – спросил он. – Жива-здорова?

– Да, – отвечал Тито. – Вроде бы.

– Ты с *ним* виделся.

Это был не вопрос.

– Да, – подтвердил Тито.

– И получил инструкции.

– Да.

Карлито опустил ему что-то в карман. А потом пояснил:

– Это от болгарина.

– Заряжен?

– Да. И с новым предохранителем.

Болгарские пистолеты, хотя и были изготовлены с полвека назад, служили по-прежнему великолепно. Разве что велосипедный клапан, установленный в плоском стальном резервуаре, служившем заодно рукояткой, время от времени требовал замены, но в целом подвижных деталей было на удивление мало.

– А чем заряжен?

– Солью, – обронил Карлито.

Такие патроны имели вид дюймовых картонных трубочек со странноватым запахом, запечатанных с обеих сторон желтоватой пергаминовой пленкой. И требовали идеально сухих условий хранения.

– Тебе пора готовиться к отъезду.

– Надолго?

Тито прекрасно знал, что вопросы такого рода не слишком приветствуются, но Алехандро научил его по крайней мере подумать, прежде чем задавать их.

Карлито не отвечал.

Тито хотелось еще спросить, что такого делал его отец для старика перед самой смертью.

– Его не должны схватить, – вдруг произнес Карлито, прикасаясь к узлу на шарфе одеревеневшими пальцами. – Тебя тоже. И только *та вещь* угодит к ним в руки, но пусть никто не подозревает, что это и был наш умысел.

– Дядя, чем же мы ему так обязаны?

– Он сдержал свое слово. Помог нам сюда попасть.

Карлито поднялся, как только поезд въехал на Пятьдесят девятую улицу. Негнущаяся ладонь в перчатке на миг задержалась на плече Тито.

– Удачи, племянник. – Он повернулся и был таков.

Мужчина посмотрел сквозь поток заходящих пассажиров, надеясь увидеть Вьянку, но кузина тоже пропала.

Он полез в карман куртки и нащупал там уникальный, очень тщательно изготовленный болгарский пистолет. Тот был небрежно завернут в новенький, хрустящий китайский носовой платок.

Если вытащить его из кармана, окружающие подумают:

человек решил высморкаться, только и всего. Тито не стал доставать оружие. Он заранее знал, что картонный цилиндр с очень мелко помолотой солью целиком заполнил собой чрезвычайно короткий ствол. С той поры, как болгарские резиновые пыжи заменили на силикон, действующий заряд мог храниться двое суток.

А вот интересно, откуда эта соль? Где производят патроны? В Софии? Может быть, в Москве? В Лондоне, где, по слухам, работал болгарин, пока дед Тито не переправил его на Кубу? Или в Гаване, где он доживал теперь свои дни?

Поезд тронулся с места. Позади осталась площадь Колумба.

22
Ударные и бас

Обратно в «Мондриан» журналистку отвезла на большом серебристом «фольксвагене»-седане Памела Мэйнуоринг. Англичанка с белокурой челкой, совершенно закрывающей лоб, в прошлом сотрудничала с «Муравьем» в Лондоне на добровольных началах, потом перешла куда-то еще, но вскоре получила приглашение в Лос-Анджелес, следить за ходом некоей местной операции.

– А вы не видели Хьюберта прежде, – предположила она, направив автомобиль к Сто первой улице.

– Что, так заметно?

– Он сам сказал, собираясь на встречу с вами. Хьюберт никогда не упустит возможности пообщаться с новым талантливым работником.

Перед глазами Холлис проплывали пальмы, черные и косматые на фоне сизовато-розового небесного сияния.

– Теперь, когда мы встретились, я удивляюсь, что ни разу не слышала о таком человеке.

– Этого и не нужно. Он даже против того, чтобы люди знали о «Синем муравье». Нередко нас называют первым агентством вирусного маркетинга[85]. Хьюберту не по душе такая трактовка, и надо согласиться, он прав. Если стараться нарочно выдвинуть на передний план агентство или его основателя, это приводит к обратным результатам. По словам Хьюберта, он желал бы превратить агентство в черную дыру, но туда будет сложно добираться.

Машина съехала с автострады.

– Скажите, вам что-нибудь нужно?

– Прошу прощения?

– Хьюберт велел предоставить в ваше распоряжение все, что потребуется. Понимайте эти слова в буквальном смысле, ведь вы заняты особым проектом.

– Особым?

– Никаких объяснений, цели не разглашаются, «потолка» у сметы нет, проект объявлен первоочередным. Для Хьюберта это очень важно. – Памела достала визитку из-за солнцезащитного козырька и протянула ее Холлис. – Все, что угодно. Только позвоните. Машина у вас есть?

– Нет.

– Хотите эту? Могу оставить.

– Спасибо, не надо.

– Наличные?

– Я предоставлю квитанции.

Памела Мэйнуоринг пожала плечами.

Автомобиль подъехал к гостинице, к каменным скульптурам у входа. Холлис разблокировала дверь еще до того, как машина остановилась.

– Спасибо, что подвезли, Памела. Приятно было познакомиться. Доброй ночи.

– Доброй ночи.

Холлис закрыла дверь. Серебристый седан, на корпусе которого сверкали теперь уменьшенные огни «Мондриан», плавно подался назад, к бульвару Сансет.

Дверь открыл ночной охранник с блютусом в ухе.

– Мисс Генри?

– Да?

– Для вас сообщение. – Он жестом показал, куда нужно идти.

Журналистка направилась к стойке администратора мимо жуткого крестообразного диванчика, обитого девственно белой кожей.

– Ага, вот и вы, – сказал мужчина с фотомодельной внешностью, когда Холлис представилась.

Она хотела было спросить, чем он красит брови, но удержалась. Служащий протянул ей коробку из коричневого картона со сторонами по двадцать дюймов и попросил подписать прилагающуюся форму в нескольких экземплярах.

Холлис поблагодарила, взяла посылку, как оказалось, не слишком тяжелую, после чего повернулась, чтобы идти к лифту.

И увидела Лауру Гайд по прозвищу Хайди. Бывшая барабанщица «Кёфью» ждала у крестообразного диванчика. Вот и еще одно лишнее доказательство, тихонько заметил дотошный внутренний голос: значит, Холлис не обозналась тогда, вечером, увидев, как та промчалась мимо «Virgin».

– Хайди?

Впрочем, сомневаться не приходилось.

– Лаура, – поправила Гайд.

Пожалуй, ее костюм – Жирбо[86], в духе «соккер-мама на грани фола»[87] – неплохо вписывался в здешний стиль. Казалось (хотя Холлис и не смогла бы сказать почему), что и темные волосы были подстрижены специально под обстановку.

– Как ты, Лаура?

– Инчмэйл узнал мой сотовый номер от друга в Нью-Йорке, – сказала она, словно это все объясняло. – Бывшего друга. И позвонил сообщить, что ты здесь.

– Извини…

– Да нет, ты ни при чем. Правда. В двух кварталах отсюда Лоренс отсматривает съемочный материал. Если бы не к тебе, я поехала бы к нему.

– Он стал продюсером?

– Режиссером.

– А, поздравляю. Не знала.

– Я тоже.

Помолчали.

– На такое я не подписывалась. – Широкие полные губы Лауры вытянулись в безупречно прямую линию: знак, никогда не суливший добра. – С другой стороны, это же не надолго.

Что она имела в виду – режиссерскую работу своего мужа или их брак? Холлис и прежде не умела читать ее мысли. По словам Инчмэйла, подобная задача была никому не под силу, и как раз поэтому группа нуждалась в барабанщице: слушатели должны воспринимать первобытные сигналы – необъяснимые, но действенные.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – Холлис повернулась, прижимая к груди картонную коробку левой рукой, в которой зажала импровизированную сумочку.

Фойе преобразилось: канделябры и свечи исчезли, все было готово для японского завтрака или, во всяком случае, для еды, которую следует брать черными палочками, но которую еще не успели подать. А так не хотелось приглашать Хайди к себе в номер. И Холлис просто продолжала идти по направлению к бесконечно длинному мраморному столу.

– Не хочу, – уладила вопрос Лаура. – А там что за дребедень?

Она указала в дальнее пространство за еще не открытым баром, оформленным в виде гигантского дорожного чемодана на колесиках.

Холлис и раньше заметила их, когда отмечалась. Конга, бонго[88] плюс акустическая гитара и электрический бас, подвешенные на дешевых хромированных стойках. Инструменты были подержанные, и даже очень, хотя вряд ли в последнее время их часто использовали.

На ходу плечи Хайди гладко перекатывались под матовой тканью блейзера цвета индиго. Шагая следом, журналистка припомнила, как эффектно смотрелась она со своими бицепсами в безрукавке во времена «Кёфью».

– Что за дела? – Лаура мрачно посмотрела на инструменты, потом на спутницу. – Кто-то хочет сказать, сюда заглянет Эрик Клэптон? Или хотят устроить нам джем после суси?

Холлис давно поняла: ее отвращение к дизайнерским

выкрутасам – лишь слабое эхо отвращения к искусству в целом. Дочь механика из BBC, она единственная из женщин, знакомых бывшей солистке, обожала заниматься сваркой, но только если что-то действительно важное в самом деле требовало починки.

Журналистка покосилась на деревянную нефирменную гитару.

– Значит, надумали вечеринку. По-моему, они имитируют добитловскую Венецию. Пляж.

– «Имитируют». А Лоренс говорит, что *имитирует* Хичкока. – В ее устах глагол приобрел какой-то сексуальный оттенок.

Холлис никогда не видела мужа Лауры, не слишком надеялась на знакомство, да и не жаждала. В последний раз они с Хайди встречались немногим позже распада «Кёфью». Ее внезапное появление, а теперь еще это странное зрелище вызвали к жизни прежнюю боль от утраты Джимми. Чудилось, будто бы он вот-вот окажется здесь, должен оказаться, а может, он уже где-то рядом, за углом, или просто не попадается на глаза. Или какой-нибудь хитроумный медиум нарочно устроил эту фальшивую сцену, планируя провести спиритический сеанс? Впрочем, из этой четверки именно бас, инструмент покойного, нельзя было при желании взять в руки и поиграть. Ни шнура, ни усилителя, ни микрофона. Интересно, что стало с «Пигнозом»[89] Джимми?

– Он ко мне заходил за неделю до смерти. – Реплика Хайди заставила журналистку вздрогнуть от неожиданности. – Мы с Лоренсом едва начали встречаться, я их даже не представила друг другу. Он был не в себе, Джимми. По-моему… – На мгновение внешне грубая, бесцеремонная Лаура стала похожа на маленького испуганного ребенка; в такие моменты Холлис каждый раз поражалась и восхищалась ею. – Ты же была в Нью-Йорке, когда он умер?

– Да. Только не в северной части. Я была в городе, но понятия не имела, что он вернется. Мы не виделись без малого целый год.

– Джимми задолжал тебе денег.

Холлис удивленно посмотрела на собеседницу.

– Да. Задолжал. Я почти позабыла.

– Он рассказывал, как взял у тебя пять тысяч в Париже, в конце гастролей.

– И обещал вернуть, но я не представляла, что это возможно.

– Не знала, как с тобой связаться… – Хайди запустила руки в карманы. – Думала, вдруг ты сама объявишься. Вот и встретились. Жаль, не вышло передать раньше.

– Что передать?

Барабанщица вытащила из блейзера белый потрепанный конверт и протянула бывшей солистке.

– Здесь пятьдесят сотен. Как он их мне вручил.

Холлис увидела в левом верхнем углу свои инициалы, выведенные бледными красными чернилами. Горло болезненно сжалось. Она заставила себя вздохнуть, приняла конверт и, не зная, как поступить, положила его на коробку. Затем подняла глаза на Хайди.

– Спасибо. Спасибо, что берегла их ради меня.

– Для него это было важно. По-моему, так вообще важнее всего, о чем он говорил. Ну, там, Аризона, ребцентр, какой-то проект в Японии... Но Джимми больше волновало, чтобы деньги вернулись к тебе, а другого пути, как через меня, наверное, не было. И потом, – она прищурилась, – долговые он бы не выпросил обратно, на героин, я бы не отдала, ясное дело.

Инчмэйл утверждал, будто «Кёфью» буквально строилась на непробиваемом фундаменте упрямства и полной нехватки воображения у Хайди, но при общении с ней даже это знание не помогало – ни в са́мом начале, ни позже. Холлис была с ним полностью согласна – вернее, думала, что согласна, однако лишь теперь она как никогда всем сердцем ощутила глубокую правоту его слов.

– Ладно, я пошла.

Хайди мельком легонько сжала плечо собеседницы – с ее стороны это значило исключительное проявление теплых чувств.

– До свидания... Лаура.

Под взглядом Холлис бывшая барабанщица прошагала через фойе, мимо крестообразного дивана и скрылась из вида.

23
Два мавра

Браун очень долго не возвращался в прачечную за пленником. Наконец явился юный кореец – возможно, сын владельца, – и молча вручил Милгриму китайский обед в коричневом пакете.

Мужчина сдвинул журналы, чтобы расчистить место на фанерной столешнице, и распаковал еду. Вареный рис, кусочки цыпленка без косточек под красным красителем, расчлененные овощи люминесцентного зеленого цвета и таинственное, мелко нарезанное бурое нечто. Палочки Милгрим трогать не стал, предпочел пластмассовую вилку. В тюрьме, утешал он себя, и такой обед показался бы роскошью. Только не в китайской тюрьме, прибавил несговорчивый внутренний голос, но пленник понемногу его заглушил. В обществе Брауна умнее всего – есть, как только выпадет возможность, а не капризничать.

За обедом он размышлял о ереси Свободного Духа, имевшей место в двенадцатом веке. Последователи секты утверждали: Бог – либо все, либо ничто, причем сами они склонялись к первой версии. Для них не существовало ничего, что не являлось бы Богом, и в самом деле, откуда такому взяться? Милгрим никогда не был силен в метафизике, однако теперь, в плену, вынужденный коротать время в размышлениях над одним и тем же текстом, исподволь учился получать удовольствие от миросозерцательных умопостроений. В первую очередь от тех, что касались парней из секты Свободного Духа, явно сочетавших в себе черты Чарлза Мэнсона и Ганнибала Лектера. Согласно их учению, если все на свете равно приходит от Бога, то люди, наиболее близкие Божеству, берут себе за правило творить, что им вздумается, особенно если это запрещено обывателями, далекими от послания Свободного Духа. В частности, они трахали все, что не противилось, и даже все остальное, поскольку насилие, как и убийство, слыло у них особо праведным подвигом. Тайная религия воодушевляющих друг друга социопатов. Пожалуй, это был самый мерзкий образчик человеческого поведения, о каком только слышал Милгрим. Какой-нибудь Мэнсон, к примеру, попросту затерялся бы в этой шайке. А может, рассуждал Милгрим, и вовсе возненавидел бы ее. Какая радость Чарли Мэнсону от целого общества серийных убийц и насильников, каждый из которых не сомневается в своих божественных полномочиях?

Кстати, в этой истории со Свободным Духом его подкупало еще кое-что; хотя нет, это относилось ко всему тексту. Интересно было понять, как вообще зарождались ереси. Частенько это происходило стихийным образом, стоило явиться какому-нибудь безродному одиночке с хорошо подвешенным языком. Организованная религия, размышлял Милгрим, оглядываясь на прошлое, – всего лишь план по отсеиванию помех от основного сигнала, одновременно сообщение и среда, в которой оно распространяется, модель единоканальной вселенной. В Европе таким каналом стало христианство, причем трансляция шла из Рима. Следует, однако, учесть, что в те времена скорость распространения любой информации не превышала скорости конного всадника. Существовала иерархия по местоположению вкупе с высокоорганизованной методикой обратного распространения сигналов. Постоянное запаздывание, многократно помноженное на отсутствие необходимых технических средств, приводило буквально к чудовищным последствиям, так что помехи ересей неизменно грозили заглушить основное послание…

Тут загремела дверь, и поток размышлений прервался. Подняв глаза от пакета с остатками еды, Милгрим увидел, как в проеме возник настоящий черный великан – мужчина огромного роста, необычайно широкий в плечах, в двубортном плаще до бедра, пошитом из плотной темной кожи, и черной «шапке вахтенного»[90], натянутой на самые уши. Последняя наводила на мысли о вязаных головных уборах, которые скрывались под шлемами крестоносцев. Но в таком случае плащ тоже превращался в подобие удлиненной кирасы. Черный рыцарь ступил на порог прачечной. С улицы потянуло предвечерним холодом.

У Милгрима были серьезные сомнения в существовании черных рыцарей, но с другой стороны, почему бы некоему африканскому исполину не обратиться в христианство и не встать под знамя креста? Такой сценарий выглядел даже правдоподобнее, нежели появление секты Свободного Духа.

И вот черный рыцарь вошел в корейскую прачечную, приблизился к стойке и спросил, принимают ли здесь меха. Владелец заведения ответил отказом, и мавр понимающе наклонил голову. Затем обернулся к Милгриму, встретился с ним глазами, и тот, сам не зная зачем, тоже кивнул.

После этого черный рыцарь удалился. Милгрим наблюдал через окно, как к нему подошел другой мужчина, причем сходство между ними было разительное. Не различались даже подпоясанные двубортные плащи черной кожи, даже

обтягивающие шерстяные шапочки. Мавры синхронно повернули на юг, пошли вниз по Лафайет-стрит и мгновенно исчезли из поля зрения.

Убирая за собой грязную посуду вместе с пустой упаковкой, Милгрим ощутил неприятное, сосущее под ложечкой чувство, как если бы упустил из виду что-то важное, однако при всем старании так и не смог припомнить, что именно.

Очень уж долгий выдался день.

24
Маки

В затемненном номере горели свечи. У кровати, застеленной ослепительным хлопком «только для белых», стоял полный кувшин с водой. Холлис положила на мраморную поверхность высокого столика на мини-кухне коробку, импровизированную сумочку и конверт покойного Джимми Карлайла со стодолларовыми бумажками.

Затем при помощи мелкого тупого лезвия в рукояти штопора разре́зала прозрачную ленту, запечатавшую картон.

Поверх пузырьковой пленки лежала серая квадратная карточка с удивительно вычурной, в вавилонском стиле надписью: «Настало время иметь свой собственный. Нажмите ВКЛ. Х».

Отложив ее в сторону, Холлис развернула пузырьковую упаковку – внутри было что-то неблестящее, черное с серебром – и вытащила на свет более броскую, стильную версию беспроводного шлема, в котором любовалась кальмаром у Бобби Чомбо.

Все те же простые контрольные панели. Она покрутила подарок в руках, ища фирменный знак производителя, – и не нашла. Правда, увидела крохотные выпуклые буквы: «СДЕЛАНО В КИТАЕ»... Ну конечно, а что там не сделано в наши дни?

Холлис примерила шлем только для того, чтобы покрасоваться при свете зажженных свечей перед зеркалом, но незаметно для себя дотронулась до какой-то сенсорной панели. В дюймах от уха раздался отчетливый голос Одиль:

– Локативная инсталляция у тебя в номере.

Через секунду, опомнившись, журналистка поняла, что вскочила на кровать и вцепилась руками в шлем от неожиданности.

– Это «Маки» Моне. Ротч.

Что за Ротч?

– Цветы всегда совпадать по яркости с фоном.

И вот они появились, закачали ало-рыжими лепестками на уровне одеяла: в комнате выросло целое поле маков.

Холлис поводила головой – посмотреть, что получится.

– Это лишь одна из картин, часть ее аргентинской серии. Ротч.

Ну вот, опять.

– По ее милости, «Маки» Моне теперь повсюду. Звякни, когда

получить. Надо поговорить, и про Чомбо тоже. – Она произнесла «Шомбо».

– Одиль?

Ах да, это же запись. Не слезая с кровати, Холлис наклонилась и левой рукой погладила несуществующие цветы. Она почти ощутила их прикосновения. Затем перекинула ноги за край постели, нащупала ступнями пол и осторожно, бредя по колено в маках, двинулась к занавешенному окну. На миг почудилось, что лепестки просто плавают на глади сонного озера. Автор наверняка не предполагал такого эффекта, подумала журналистка.

Вот и окно. Отдернув многослойные шторы, Холлис выглянула на Сансет. Она почти ожидала увидеть, что Альберто усыпал улицу трупами знаменитостей, живописными картинами славы и горьких мук, но ничего такого не заметила.

Тогда она сняла шлем, подошла к столу по внезапно опустевшей комнате и стала ощупывать сенсорную панель, пока зеленый индикатор наконец не погас. Уже убирая подарок Бигенда в коробку, она обнаружила под пузырьковой пленкой кое-что еще.

И достала на свет виниловую фигурку муравья, синего муравья. Водрузила его на мраморную столешницу и ушла с вечерней сумочкой в ванную комнату. Открыла горячий кран, а тем временем вытряхнула сумочку и вернула на место ее обычное содержимое. Попробовала, не горячо ли, разделась и забралась в пенистую воду.

Теперь уже трудно было вспомнить, с какой стати Джимми понадобилось столько денег в Париже, а солистка «Кёфью» пожелала с ними расстаться (и как ей вообще удалось заполучить в свои руки наличные).

Да, он взял франками. Как давно это было.

Холлис лежала на спине, оставив над водой только лицо. Игрушечный остров над пенистыми волнами. *Isla de Hollis.*[91]

Перед ее мысленным взором качались маки Одиль. Вспомнились рассказы Альберто о сложностях создания и выбора текстуры для очередного представления, изображающего несчастье какой-нибудь «звезды». Надо думать, эти цветы устроены проще. Хотя, строго говоря, нельзя исключать никакую возможность.

Холлис подняла голову над водой и начала втирать шампунь в волосы.

– Джимми, – произнесла она, – а ты меня все же достал. Если б ты только знал, как все будет мерзко и глупо.

Намыленные волосы погрузились обратно в воду. Отсутствие

покойного друга продолжало заполнять собой ванную, и бывшая певица заплакала раньше, чем начала ополаскивать голову.

25
Парк Сансет

Вьянка сидела со скрещенными ногами на полу в квартире Тито, пристроив на коленях «Сони», и протирала плазменный экран тряпочкой «Armor All». На голове у кузины была одноразовая сетка для волос, а на руках – белоснежные хлопчатобумажные перчатки. Покончив с телевизором, Вьянка уберет его в заводскую упаковку, которую тоже, в свою очередь, обязательно вытрет.

Тито, в такой же сетке и перчатках, сидел напротив и чистил тряпочкой клавиши «Касио». В коридоре стояла целая коробка с моющими средствами и новенький, дорогóй на вид пылесос – немецкий, как утверждала Вьянка. По ее словам, он не выбрасывал ничего, кроме воздуха, поэтому не оставлял в квартире ни волоска, ни других следов.

Совсем недавно Тито помогал кузену Эйсебио выполнить похожую процедуру. Впрочем, у того в основном были книги. Согласно протоколу, каждую из них необходимо было перелистать на предмет забытых бумажек и вытереть. Тито не объясняли, почему и куда исчез Эйсебио. Так полагалось по протоколу.

Мужчина посмотрел на симметричные дырочки в стене, оставшиеся после плазменного экрана.

– А ты не знаешь, где теперь Эйсебио?

Вьянка отвлеклась от работы и с прищуром взглянула на кузена из-под белой бумажной повязки, на которой держалась сетка для волос.

– Колония Докторес.

– Как?

– Докторес. Федеральный округ Мехико. Или где-то поблизости. А может, и нет.

Она пожала плечами и продолжала вытирать.

Тито надеялся, что ему не придется возвращаться в Мехико. Мужчина не покидал Соединенные Штаты с тех пор, как попал сюда, и впредь не желал бы этого делать. Особенно теперь. Если бы у него был выбор, Тито предпочел бы Лос-Анджелес; там тоже имелись кое-какие родственники.

– Мы с Эйсебио тренировались по Системе, – произнес он, переворачивая свой «Касио» и продолжая чистку.

– Он был моим первым парнем, – сказала Вьянка.

Неужели правда? Впрочем, напомнил себе кузен, ведь она

только внешне смахивала на подростка.

– И ты не в курсе, где он?

Вьянка снова пожала плечами.

– Наверно, в Докторес. Хотя кто его знает.

– Как вообще принимается решение, кого и куда послать?

Она опустила тряпку на крышку контейнера «Armor All» и взяла упаковочный сегмент из пенопласта. Тот безупречно сел на угол «Сони».

– Все зависит от того, кто за тобой, по их мнению, следит.

Вьянка подняла второй сегмент и надела его на другой угол.

Тито попалась на глаза синяя вазочка. Надо же, совсем забыл. Где бы ее пристроить? Неожиданно он догадался.

– А куда вы поехали после дня «девять-одиннадцать»? – спросила кузина. – Ведь не сразу же в этот район?

Прежде он жил с матерью за Канал-стрит.

– В парк Сансет. С нами еще был Антулио. Мы снимали дом из красного кирпича с очень тесными комнатами. Даже поменьше этой. Ели доминиканскую пищу, гуляли на старом кладбище. Антулио нам показал могилу Джо Гало[92].

Отложив чистый «Касио», Тито поднялся и снял с волос тонкую сетку.

– Пойду на крышу, – сказал он. – Кое-что надо сделать.

Вьянка молча кивнула, убирая «Сони» в коробку.

Тито надел пальто, взял синюю вазочку и, не снимая белых перчаток, убрал ее в карман. Потом вышел и запер за собой дверь.

В коридоре он замер, не в силах определить свои чувства. Страх? Но это нормально. Нет, что-то другое. Перелом, беззащитность, слепая пустота? Мужчина вышел через огнестойкую дверь и стал подниматься по лестнице. Добравшись до шестого этажа, он вскарабкался на крышу.

Бетон под слоем асфальта, гравий – тайные следы катастрофы Всемирного торгового центра. Так однажды предположил Алехандро, побывав здесь. Тито вспомнилась бледная пыль, густо запорошившая подоконник в материнской спальне за Каналом. Пожарные лестницы, забитые офисными бумагами, в районах, далеких от павших башен. Изуродованная автострада Гованус. Крохотный палисадник перед домом, где они жили с Антулио. Поезд N, идущий от Юнион-сквер. Обезумевшие глаза матери.

Облака над головой напоминали гравюры в старинных книгах. Спокойный, приглушенный свет скрадывал краски мира.

Дверь на крышу выходила на южную сторону. Косяк закреплялся на сооружении с наклонной задней стенкой. А напротив клинообразной боковой стены, обращенной к востоку,

был устроен стеллаж из давно посеревших некрашеных брусьев. На полках не то расставили, не то позабыли множество разных вещей: заржавленное ведро на колесиках с педальным устройством для выжимания швабры; сами швабры, успевшие поседеть и даже облысеть от старости (облупленная краска на деревянных ручках полиняла до нежно-пастельных оттенков); бочонки из белой пластмассы, пустые, хотя и с грозным изображением костлявой руки скелета внутри черно-белого ромба; россыпь ручных инструментов, настолько допотопных, что Тито уже не смог бы определить, зачем они нужны; ржавые банки из-под краски с полинялыми до полной нечитаемости этикетками.

Мужчина достал из кармана синюю вазочку и потер ее хлопчатобумажными перчатками. Сколько же у богини Ошун подобных домов, подумал он. Сколько бесчисленных окон. Тито поставил вазу на полку, приставил к стене и задвинул банкой из-под краски, закрыв от постороннего взгляда. Здесь, на крыше, ее могли обнаружить на следующий день, а могли оставить в неприкосновенности на долгие годы.

«Ошун управляет пресными водами этого мира. Младшая среди сестер-оришей, она удостоилась имени Царицы небесной. Знак ее – желтый и золотой цвета, как и цифра пять. Ей посвящаются павлины и грифы».

Мысленно выслушав голос тетки Хуаны, Тито кивнул серой полке, превратившейся в тайный алтарь, а затем повернулся обратно к лестнице.

В комнате он увидел, как Вьянка доставала жесткий диск из корпуса компьютера. Кузина подняла на него глаза.

– Ты скопировал все, что хотел сохранить?

– Да, – ответил Тито и притронулся к драгоценному техноамулету на шее.

«Нано»-айпод. Здесь хранилась вся его музыка.

Он снял пальто, пристроил его на вешалке и снова надел сеточку для волос. Потом уселся напротив кузины и опять приступил к дотошному ритуалу очищения, уничтожения собственных следов. Хуана сказала бы, что он омывает порог для нового пути.

26
«Gray's Papaya»

Порой, когда Брауна к вечеру разбирал аппетит и определенного рода настроение, мужчины отправлялись в «Gray's Papaya» на ужин особой скидки.

Милгрим каждый раз получал оранжад навынос – он хотя бы напоминал приличный напиток, а не жидкий сочок. Конечно, здесь подавали и настоящие фруктовые нектары, но только не с ужином особой скидки. И потом, соки не очень вязались с представлением о «Gray's Papaya» в отличие от мяса на гриле, фисташек, сдобных булочек и приторных водянистых напитков, поглощаемых стоя под ярким сиянием гудящих флуоресцентных ламп.

От «Нью-Йоркера» – а судя по всему, Браун и сегодня собирался там заночевать, – «Gray's» отделяло каких-то два квартала вдоль по Восьмой авеню. Милгрима заведение успокаивало. Он еще помнил время, когда две булочки с напитком, тогдашний ужин особой скидки, стоили доллар и девяносто пять центов.

Похоже, Брауна «Gray's Papaya» не слишком умиротворяла, но здесь он становился немного словоохотливее. Получив безалкогольную «пина коладу» с булочками, он начинал распространяться об истоках культурного марксизма в Америке. По словам Брауна, прочие люди могли сколько угодно толковать о «политкорректности», но только на самом деле это был самый настоящий культурный марксизм, пришедший в Соединенные Штаты из Германии после Второй мировой войны и зародившийся в хитроумных головах профессоров из Франкфурта. «Франкфуртская школа», как они себя величали, не теряя времени зря, беспрестанно запускала свои интеллектуальные яйцеклады в аудитории ничего не подозревающей американской академии старой выучки. Это место в его рассуждениях, очаровательное своей научно-фантастической патиной, доставляло Милгриму особую радость. Возбуждение взвинчивалось по нарастающей; вспоминались зернистые, в черно-белом изображении, звезды еврокомма[93] в твидовых пиджаках и вязаных галстуках, плодящиеся как грибы после дождя или даже как вездесущие кофейни «Старбакс». Но каждый раз, когда речь подходила к концу, Браун портил все удовольствие, заявляя, что «Франкфуртская школа» состояла исключительно из евреев.

– И… никого… больше, – говорил он, вытирая испачканные горчицей уголки губ ровно сложенной бумажной салфеткой. – Сам посуди.

История повторилась и сегодня, после долгих часов, которые Милгрим провел в корейской прачечной. Браун только что произнес эти самые слова, и пленник согласно кивнул, дожевывая второй хот-дог; к счастью, правила хорошего тона освобождали его от обязанности говорить с полным ртом.

Наконец с едой было покончено, и настало время возвращаться в «Нью-Йоркер». В воздухе смутно веяло близкой весной и даже как будто бы начинало теплеть. Милгрим подозревал, что это самообман, но все же повеселел. Восьмая авеню в этот час не бурлила дорожным движением. По ближней полосе промчался в противоположном направлении желтый «хаммер», и Милгрим невольно обратил на него внимание. Еще бы не обратить, мысленно хмыкнул он, шагая вслед за Брауном. Во-первых, это «хаммер», пусть даже не настоящий, а подделка, состряпанная на скорую руку; во-вторых, он желтого цвета. В-третьих, это был очень желтый «хаммер» с дурацкими колпаками, которые не крутились вместе с колесами, но едва покачивались, поскольку имели противовесы. И даже колпаки сияли желтизной в тон внедорожнику; а еще с них бессмысленно щерились бодрые смайлики – по крайней мере со стороны, обращенной к тротуару.

Но, говоря серьезно, Милгрима занимало другое. Водитель и пассажир пролетевшего мимо «хаммера» поразительно смахивали на рыцарей-мавров, заглянувших в прачечную на Лафайет-стрит. Вязаные черные шапочки, облепившие массивные черепа; безразмерные торсы, затянутые в черную кожу, словно дорогие диваны… Ну просто Гилберт и Джордж[94] на джипе.

Странно? Не то слово.

27
Межнациональная валюта дерьма последнего

Холлис не разваливалась на части только благодаря теплому белому халату «Мондриан», солнечным очкам и поданному в номер завтраку, состоявшему из гранолы[95], йогурта и арбузного «ликуадо»[96]. Усевшись в просторном белом кресле, она пристроила ноги на мраморе приземистого кофейного столика и принялась разглядывать фигурку синего муравья на подлокотнике. Виниловое насекомое не имело глаз – возможно, по воле дизайнера?

Решительная ухмылочка, выражение мультяшного неудачника, уверенного в глубине души, что на самом деле он – супергерой. Осанка говорила о том же, чуть согнутые верхние лапки были прижаты к бокам, кулаки стиснуты, нижние лапки замерли в боевой стойке. Стилизованный египетский фартук и сандалии, видимо, намекали на логотип компании, который уж точно смахивал на иероглиф.

«Если жизнь подсунет тебе что-то новое, – говаривал Инчмэйл, – попробуй перевернуть это и заглянуть, что там на дне».

Холлис перевернула фигурку: подошвы насекомого были чистыми и гладкими, без фирменного знака «Синего муравья». Идеальная обработка. Нет, это не игрушка. По крайней мере не для детей.

Вспомнилось, как Ричи Нагель, звукооператор «Кёфью», затащил упирающегося Инчмэйла на Мэдисон-сквер-гарден[97] посмотреть Брюса Спрингстина. Рег вернулся в глубокой задумчивости, он даже сутулился под грузом впечатлений, но – странное дело – не желал говорить об этом. Выжать из него удалось немного: на сцене Спрингстин проявил высочайшее искусство владения собственным телом, воплотив собой сочетание Аполлона и Багса Банни. С тех пор Холлис долго и не без внутренней тревоги ждала, что Инчмэйл начнет выставлять себя на концертах боссом, но этого так и не произошло. А вот создатель синего муравья, подумала она, опуская фигурку на подлокотник, явно стремился к чему-то подобному – к сочетанию Зевса и Багса Банни.

Тут зазвонил сотовый.

– Доброе утро.

Инчмэйл, легок на помине.

– Ты подослал Хайди. – Голос прозвучал хладнокровно, почти без упрека.

– Она пришла на задних конечностях?

– Ты знал про деньги Джимми?

– Это *твои* деньги. Да, знал, но забыл. Когда он сказал, что готов с тобой расплатиться и только ждет возможности, я посоветовал, если сразу не выйдет, передать весь долг через Хайди. А иначе ты бы икнуть не успела, как денежки унеслись бы в трубу.

– Ты мне не рассказывал.

– Да забыл же. Причем с огромным усилием. Подавил в сознании всю историю после его внезапной кончины.

– И когда вы виделись?

– Никто не виделся. Он мне сам позвонил. А через неделю его нашли...

Холлис обернулась, не поднимаясь с кресла, и через плечо увидела небо над Голливудскими холмами. Пустое, совершенно пустое. Она повернулась назад и подняла бокал с остатками «ликуадо».

– Деньги, конечно, не лишние. Просто... не знаю, что с ними делать.

Сделав глоток, она поставила бокал.

– Лучше потрать. С банками я бы на твоем месте не стал связываться.

– Почему?

– Кто его знает, откуда взялась такая сумма.

– Не хочу даже знать, о чем ты сейчас подумал.

– Холлис, американские сотенные купюры – международная валюта дерьма последнего и, кроме того, любимая бумажка фальшивомонетчиков. Ты еще долго пробудешь в Лос-Анджелесе?

– Не знаю. А что?

– Да вот сорок минут назад выяснилось, что мне туда нужно через два дня. Могу помочь проверить купюры.

– Серьезно? Можешь?

– «Болларды».

– Не поняла.

– «Болларды». Я, наверно, буду их продюсировать.

– Ты правда в курсе, как проверяют фальшивые деньги?

– Я же в Аргентине живу, забыла?

– Анжелина с маленьким тоже приедут?

– Попозже, если выгорит с «Боллардами». А у тебя что?

– Была на встрече с Хьюбертом Бигендом.

– И как?

– Интересно.

– Боже мой.

– Выпили. Потом проехались посмотреть, как строят их новые офисы. Прокатились на танке «от кутюр».

– На чем?

– Жутко непристойная машина.

– Что он хотел?

– Чуть не сказала: «сложный вопрос», но тут все скорее мутно. Очень мутно. Если найдешь время вырваться от своих «футболлардов», тогда и расскажу.

– Ладно. – Он отключился.

Телефон зазвенел прямо в руке. Наверно, Инчмэйл еще что-то вспомнил.

– Да?

– Алло? Это ’Оллис?

– Одиль?

– Ты посмотреть маки?

– Да. Красивые.

– Из «Нода» звонили. У тебя, сказали, новый шлем?

– Да, новый, спасибо.

– Это хорошо. Ты знать Сильверлейк?

– Более-менее.

– Более?..

– Я знаю Сильверлейк.

– Здесь художница Бет Баркер, у нее квартира. Приходи посмотреть квартиру, обстановку. Это аннотированная обстановка, ты в курсе?

– Как – аннотированная?

– В гиперпространстве к каждой вещи прилагаться описание Бет Баркер, рассказ про этот предмет. На один простой стакан воды – двенадцать ярлыков.

Холлис бросила взгляд на белую орхидею, что цвела на высоком кофейном столике, и вообразила ее обклеенной виртуальными карточками.

– Одиль, звучит заманчиво, но лучше в другой раз. Мне надо сделать кое-какие заметки. Переварить впечатления.

– Она расстроится, Бет Баркер.

– Скажи, пускай держит хвост пистолетом.

– Хвост?

– Загляну в другой раз. Честно. Маки просто чудесные. Это мы еще обсудим.

– А, отлично. – Собеседница повеселела. – Я передать Бет Баркер. До свидания.

– До свидания... Эй, Одиль?

– Что?

– Твое сообщение. Кажется, ты хотела потолковать о Бобби Чомбо.

– Хочу, да.

– Это потом. Пока.

Она торопливо встала и спрятала телефон в карман халата, словно это могло помешать трубке зазвонить снова.

– Холлис Генри. – Молодой человек из проката машин изучил ее права и поднял взгляд. – Я вас видел по телику?

– Нет.

– Хотите «полное покрытие»?

– Да.

Он черкнул три крестика на контракте.

– Тут подпись, два раза инициалы. В кино, что ли?

– Нет.

– Поете. В той группе. Такой носатый лысый парень на гитаре, англичанин.

– Нет.

– Только не забудьте все заполнить, когда возвращать будете. – Парень уставился на нее с дерзким, хотя и не слишком горячим любопытством. – Все-таки это вы.

– Нет, – отвечала Холлис, принимая ключи, – не я.

После чего направилась к взятому напрокат черному «пассату», положила на пассажирское кресло коробку из «Синего муравья» и села за руль.

28
Бродерман

Тито и Вьянка упаковали всю обстановку его комнаты в десять свертков разной величины, завернули каждый в два черных мусорных мешка и заклеили толстой черной изолентой. Остались только матрас, гладильная доска, длинноногий стул с Канал-стрит и старая железная вешалка. Согласно уговору, Вьянка брала себе стул и доску. Матрас, накопивший достаточно чешуек эпидермиса и волосков для анализа ДНК, кузина запечатала в два черных целлофановых пакета еще до того, как пропылесосить комнату; его ожидала прямая дорога на свалку. Достаточно было присесть на матрас, как мешки начинали тихонько шуршать; а ведь Тито предстояло провести на нем целую ночь.

Мужчина еще раз притронулся к «Нано», подвешенному на шею, и про себя порадовался тому, что его музыка с ним.

– *Chainik*-то мы убрали, – спохватился Тито. – Теперь и чая не попить.

– Не хочу вытирать все снова, – нахмурилась кузина.

– А Карлито называл меня и Алехандро словом «chainiki», – сказал ей мужчина. – Оно означает человека невежественного, но готового учиться. Ты знала?

– Нет. – В белой бумажной сеточке Вьянка была похожа на невероятно прелестное и очень опасное дитя. – Я думала, в них только чай заваривают.

– Так выражаются в России, это жаргон хакеров.

– Тебе никогда не казалось, что ты забываешь русский язык? – спросила она по-английски.

Прежде чем он успел ответить, кто-то тихонько постучал в дверь, как полагалось по протоколу. Вьянка легко поднялась с матраса с особой, какой-то змеиной грацией.

– Бродерман, – сообщила она, отстучав полагающийся ответ, и открыла дверь.

– *Hola, Viejo*[98]. – Вошедший кивнул Тито и снял с головы черную вязаную повязку, гревшую голову вместо теплых наушников.

Его волосы стояли сплошной вертикальной копной с интересным темно-рыжим оттенком – следом работы перекиси водорода. Как говорила Хуана, в этом мужчине кубинская кровь прежде слилась с африканской, а потом уже к ним подмешалась китайская. В последнее время Бродерман еще усиливал это

впечатление к собственной выгоде и на пользу своим родным. С точки зрения расы, он был амбивалентен – самый настоящий хамелеон. Его испанская речь свободно скользила между кубинской, сальвадорской и «чиланго»[99] -версиями, а когда он принимался трещать на языке чернокожих американцев, Тито не мог разобрать ни слова. Бродерман был заметно выше него, отличался худощавостью и вытянутым лицом, а еще – постоянной краснотой в глазных белках.

– *Llapepi*, – кивнул он Вьянке, в шутку переставив буквы в испанском слове *papilla* (девушка-подросток).

– *Hola*, Бродерман. *Qué se cuenta?*[100]

– Все по-старому, – ответил гость, наклоняясь, чтобы поймать и стиснуть ладонь Тито. – А ты у нас герой дня.

– Не люблю ждать, – сказал Тито и встал, чтобы размять затекшие от беспокойства спину и руки.

Голая лампочка над головой, казалось, горела ярче прежнего; Вьянка и ее успела начисто вытереть.

– Зато я видел вашу Систему, братишка. – Бродерман поднял руку с белым пакетом. – Карлито прислал тебе обувь.

На черных туфлях еще сохранились фирменные сине-белые ярлычки «Адидас». Тито присел на корточки у запакованного в мешки матраса и снял старые ботинки. Потом натянул «Адидасы» поверх не очень плотных носков, оторвал ярлычки и, крепко натянув шнурки, завязал их. Поднялся на ноги, покачался, чтобы проверить, удобно ли.

– Модель GSG9, – сообщил Бродерман. – Разрабатывалась для спецподразделений германской полиции.

Тито расставил ноги на ширине плеч, убрал свой «Нано» под майку, набрал в грудь воздуха и сделал сальто назад, едва не задев носками голую лампочку на потолке. Он приземлился в трех футах от места, где только что стоял, и ухмыльнулся Вьянке, но та и не подумала улыбнуться в ответ.

– Схожу куплю еды, – сказала она. – Ты что будешь?

– Все равно, – ответил Тито.

– А я, пожалуй, начну погрузку, – вызвался его кузен, легонько пнув носком ботинка груду черных мешков.

Вьянка передала ему свежую пару хлопчатобумажных перчаток.

– Помочь? – вызвался Тито.

– Не надо. – Бродерман натянул перчатку и погрозил кузену белым пальцем. – Повредишь себе что-нибудь, растянешь, а Карлито нам головы оторвет.

– Он прав, – на полном серьезе поддакнула Вьянка, надевая бейсболку вместо бумажной сеточки. – Так и доиграться можно.

Ладно, давай сюда бумажник.

Тито повиновался.

Она достала два документа, оформленных на фамилию, которой чаще всего пользовались в их семье, – Геррера. *Adios.*[101] А деньги и карточку на метро оставила.

Тито посмотрел на кузена, потом на кузину – и опустился обратно на матрас.

29
Под изоляцией

Лежа в полном облачении на постели, затянутой гостиничным покрывалом, Милгрим думал о новой таблетке. Эзотерический эффект от «Райз» отдаленно напоминал впечатления от поедания исключительно горячего цыпленка, жаренного в сычуаньском стиле с острым соусом.

И не просто горячего, а еще и должным образом приправленного. Настолько, что посетителю приносят блюдце с ломтиками лимона, которые нужно высосать, чтобы немного смягчить последствия ожога. Как давно уже Милгриму не доставалось такой пищи. Он и забыл, когда получал от еды удовольствие. В последнее время мужчина свыкся с китайскими блюдами преувеличенно кантонского направления, вроде той безвкусной мешанины, которую принесли ему в прачечную на Лафайет-стрит, а сейчас вдруг отчетливо вспомнил то удивительное ощущение, когда запиваешь нешуточный ожог от пряностей чашкой холодной воды, и та заполняет рот целиком, но странным манером не касается кожи, как если бы все внутри покрывала серебристая молекулярная мембрана китайской антиматерии, чудо-изоляция из волшебной сказки.

Вот и «Райз» вызывал похожее чувство, только роль холодной воды играло желание быть собой, или быть собой хотя бы в главном, или же просто быть, что на деле сложнее всего. Причем если рецепт погрубее заставил бы выплюнуть воду, то после «Райз» ее хотелось держать и держать во рту, наслаждаясь ощущением серебристой мембраны.

Не открывая глаз, Милгрим почувствовал, как Браун приблизился к незапертой двери между комнатами. И неожиданно услышал собственный голос:

– Любая нация зиждется на своих законах, которые не зависят от внешних условий. Человек, изменяющий принципам в зависимости от обстановки, лишен их вовсе. Нация, изменяющая собственным законам, не имеет их вовсе и по прошествии времени теряет свое лицо.

С этими словами он распахнул веки: разумеется, Браун стоял на пороге с полуразобранным пистолетом в руке. Вечерняя чистка, смазка и проверка оружия превратились для него в ритуал; так по крайней мере казалось Милгриму, который ни разу не видел, чтобы Браун стрелял в кого-нибудь.

– Что ты сказал?

– Неужели мы вправду настолько боимся террористов, что готовы своими руками разрушить основы общества, которые сделали Америку Америкой?

Милгрим слушал себя как бы со стороны, все более проникаясь изумлением. Откуда брались эти мысли? Прежде они не мелькали в его сознании… Ну, может быть, и мелькали, но не в таких лаконичных, отточенных формулировках, против которых, пожалуй, нечего было возразить.

– Какого хре…

– Если да, значит, враг своего добился. Ведь в этом и заключалась его цель, его единственная задача – запугать нас, принудить отказаться от правовых норм. Отсюда и слово – «террорист». Страх перед угрозами заставляет нас подрывать свои же общественные устои.

Браун разинул рот. Потом закрыл его.

– А причиной тому давно известное заблуждение, которое внушает человеку нелепую веру в лотереи. С точки зрения статистки, почти никто и никогда не выигрывает по билетам. Вот и акции террора, с точки зрения статистики, явление практически не существующее.

Милгрим еще не видел, чтобы у Брауна было такое лицо. Мучитель молча кинул на покрывало упаковку с лекарством.

– Доброй ночи, – отстраненно пожелал ему пленник, по-прежнему окутанный непроницаемой серебристой мембраной.

Браун без слов повернулся и медленно ушел к себе, сжимая полуразобранный пистолет.

А Милгрим выбросил правую руку к потолку, вытянув указательный палец и согнув большой; сделал вид, будто стреляет; затем опустил воображаемое оружие обратно. Он даже не знал, что и думать о своей ситуации.

30
След

Коробка со шлемом от «Синего муравья» покоилась на соседнем сиденье. Журналистка ехала в Малибу. Над Беверли-Хиллс ярко светило солнце, однако, пока машина добиралась до моря, небо затянулось солеными тучами и стало похоже на черно-белый снимок.

Гостиничный завтрак, нечеловечески полезный для здоровья, требовалось чем-то дополнить, и Холлис заглянула в «Гладстон», где, положив коробку со шлемом на массивную деревянную скамейку напротив, подкрепилась супом-пюре из моллюсков и большой «колой». Резкий, пульсирующий свет на побережье напоминал головную боль.

В последнее время кое-что изменилось, размышляла про себя Холлис. Теперь она выполняет заказ «Нода», и любые затраты будут полностью покрыты. Такой взгляд на вещи ее устраивал; все лучше, нежели видеть себя наемницей Бигенда или «Синего муравья». В конце концов, формально положение журналистки осталось прежним: согласно договору, она на вольной контрактной основе обязалась написать для «Нода» статью о локативном искусстве, состоящую из нескольких тысяч слов. С такой ситуацией можно примириться. Что же касается версии Бигенда, тут все гораздо туманнее. Пиратские лодки, морские команды ЦРУ, грузовое судоходство, оборот оружия массового поражения и охота за ним, связь между Бобби Чомбо и контейнером – журналистка не знала, во что и верить.

Расплачиваясь, она вспомнила про деньги Джимми: конверт остался в номере «Мондриан», в маленьком сейфе под кодовым словом «КАРЛАЙЛ». Как с ними поступить? Инчмэйл обещал удостовериться, что купюры не фальшивые. Надо бы заставить его сдержать слово, а потом уже действовать по обстоятельствам.

Мысль о новой встрече, как всегда, породила двойственное чувство. Газетчики часто трубили о том, что они с Регом – пара, хотя это и не было правдой, по крайней мере в обычном, плотском смысле слова, никаких пошлостей; и все-таки связь существовала, связь очень глубокая, хотя и без примеси секса. Они рука об руку создавали «Кёфью», стали двумя проводами, по которым бежало электричество музыки, а Джимми и Хайди всеми силами скрепляли группу, сколько могли. Обыкновенно бывшая певица благодарила силы, управлявшие людскими судьбами, за то, что в жизни Инчмэйла возникла божественная Анжелина из

Аргентины – и унесла его, по большому счету, прочь из жизни Холлис. Так вышло лучше для всех, но скольких усилий ей стоило растолковать это всем, кроме самого Рега! И только Инчмэйл, всегда подозревавший, что его самобытная личность излучает чересчур сильный радиационный фон, согласился – правда, как-то слишком быстро.

Вернувшись к машине, Холлис поставила коробку на крышку багажника, достала шлем и, немного повозившись с незнакомой системой управления, надела его на голову. Интересно, не баловался ли кто-нибудь поблизости локативным творчеством?..

В тот же миг болезненное зарево соленых металлических небес перестало резать глаза: над журналисткой выросла рука статуи Свободы, держащая факел высотой с трехэтажный дом. Прилизанное, словно из мультика, запястье торчало прямо из песка Малибу, ладонь могла бы накрыть баскетбольную площадку. Рука превосходила свой прототип размерами, она бесстыдно копировала его – и вместе с тем ухитрялась навевать скорее унылое, нежели смехотворное впечатление. Вот, значит, как оно будет в новой, локативной реальности Альберто? Неужто мир без подписей и ярлыков мало-помалу наводнят виртуальные изображения, столь же прекрасные, уродливые, пошлые, как и все, чем уже сейчас полнится сеть? А разве есть повод ожидать, что человечество переменится к лучшему или к худшему?

Рука Свободы и факел смотрелись будто отлитые из бежевых контейнеров «Тапперуэр»[102]. Вспомнилось, как Альберто рассказывал о своих трудах по поиску нужных скинов и текстур. Перед глазами встали ацтекские принцессы в микроскопических юбочках, нарисованные на его «фольксвагене». Любопытно, где расположен источник Wi-Fi для этого представления?

Журналистка сняла виртуальный шлем и спрятала в коробку.

На обратном пути, глядя, как солнце исподволь пробивает себе дорогу сквозь тучи, она решила найти фабрику Бобби, хотя бы ради того, чтобы лишний раз присмотреться. Особых сложностей не предвиделось. Тело Холлис, как постепенно выяснялось, прекрасно ориентировалось в Лос-Анджелесе само, без помощи разума.

Некоторое время спустя она уже ехала по Ромейн-стрит, ища ту развилку, на которую в прошлый раз вырулил Альберто. Наконец показались знакомые побеленные стены. Едва повернув, Холлис увидела, как отъехало нечто крупное и еще более белоснежное. Она притормозила и подалась к обочине. Длинный ослепительный грузовик развернулся, вильнул направо и скрылся за угол. Даже и не разбираясь в подобного рода машинах, журналистка могла предположить, что в нем (хотя заднюю часть

и не стали превращать в отдельный трейлер) разместилась бы обстановка дома с двумя спальнями. Сверкающий, белый, без опознавательных знаков… И вот он исчез.

– Черт, – ругнулась она, останавливаясь на том же месте, где останавливался Корралес.

Вот и железная дверь зеленого цвета, через которую они в прошлый раз входили. Но почему на нее упала диагональная тень? Солнце стояло в зените, и темнота могла означать лишь одно: створка открыта, причем дюйма на три, а то и больше. Холлис впервые увидела белые с горизонтальным рифлением двери погрузочной площадки. Подгоняйте грузовик, люди добрые, и забирайте, что пожелаете.

Журналистка открыла багажник, спрятала туда свой пауэрбук и коробку, захлопнула его, достала сумочку, нажала на пульт, чтобы закрыть машину, и, распрямив плечи, направилась к зеленой двери. Та, как и показалось на расстоянии, была на несколько дюймов отворена. Холлис чуть наклонила голову и прищурилась поверх солнцезащитных очков, тщетно вглядываясь в темноту проема.

Затем, порывшись в сумочке, обнаружила на дне маленький светодиодный фонарик на кольце с ключами (один из них открывал коммерческий почтовый ящик, которым она уже не владела, другой имел отношение к автомобилю, который ей больше не принадлежал). Журналистка сжала плоский фонарик большим и указательным пальцами: против ожидания, батарейка еще работала.

Чувствуя себя довольно глупо, Холлис постучала по крашеному металлу. Костяшки пальцев больно заныли. Тяжелая створка не шелохнулась.

– Бобби? Привет. Это я, Холлис Генри. Бобби…

Она приложила к двери свободную ладонь и надавила. Створка поехала гладко, но очень медленно. Не расставаясь с фонариком, журналистка левой рукой сняла солнцезащитные очки и шагнула в темноту.

Помощи от маленькой лампочки было немного, поэтому Холлис отключила ее и замерла, чтобы дать глазам привыкнуть. Вскоре где-то впереди проявились тусклые пятнышки и слабые лучи – должно быть, просветы в закрашенных окнах.

– Бобби? Это Холлис. Ты где?

Журналистка попробовала снова включить фонарик, в этот раз направив его на пол. В неожиданно ярком круге света возник отрезок белой порошковой линии, чуть смазанный отпечатком остроносой мужской кеды.

– Эй! Это я, Нэнси Дрю[103]. Бобби? Ты здесь?

Холлис медленно повела лучом от запястья и с трудом разглядела панель переключателей. Подойдя к стене, нажала один из них. За спиной тут же вспыхнуло несколько галогенных светильников.

Вид бетонного пола, просторного, как пустыня, изрезанного координатной сеткой GPS, уже не удивлял. Правда, разметка местами смазалась, точно мел на доске, а компьютеры и столы со стульями кто-то вынес. Холлис осторожно двинулась вперед, стараясь не задевать порошковые линии. Вокруг белело множество самых разных следов. Лишь некоторые из них принадлежали Бобби – ну или человеку в такой же нелепой обуви, что казалось маловероятным. Кое-где желтели сожженные до фильтров, раздавленные по бетону окурки. Даже не наклоняясь, журналистка знала, что это «Мальборо».

Она подняла глаза к освещенному потолку, обвела взглядом пол с отпечатками подошв и окурками и подытожила, вспомнив одно из выражений Инчмэйла:

– Похоже, Бобби ударился в бега.

Кто-то убрал оранжевую ленту, ограждавшую кальмара Арчи.

Холлис вышла на улицу, постаравшись не коснуться приотворенной зеленой двери. Достала из машины пауэрбук и, пока тот выполнял загрузку, вынула из коробки шлем «Синего муравья». Захлопнула багажник и возвратилась в здание с компьютером под мышкой и виртуальным головным убором в левой руке. Открыла пауэрбук, чтобы удостовериться… Так и есть, беспроводная сеть 72fofH00av исчезла заодно с Бобби. Снова сунув лэптоп под мышку, журналистка немного повозилась со шлемом, подключила его и надела на голову.

Арчи бесследно пропал.

Зато грузовой контейнер был на месте. Внутри, под каркасом, что-то мерцало…

Холлис шагнула вперед, и видение растаяло в воздухе.

За спиной раздалась негромкая отрывистая речь, слова звучали не по-английски. Журналистка дернулась, чтобы убежать, потом опомнилась и для начала сняла виртуальный шлем.

В дверном проеме, озаренные ярким солнцем, стояли женщина и мужчина. Оба невысокого роста.

– *Hola*[104], – сказал пришелец с широкой шваброй.

– Здравствуйте. – Холлис двинулась навстречу незнакомцам. – Хорошо, что пришли. Я как раз ухожу. Видите, какой тут оставили беспорядок. – Она неопределенно помахала рукой со шлемом.

Мужчина что-то произнес по-испански – мягко, но с вопросительной интонацией. Журналистка боком протиснулась

мимо, бросила: «До свидания» и, не оглядываясь, ушла.

За взятым напрокат «пассатом» стоял видавший виды серебристо-серый микроавтобус «Эконолайн».

Холлис на ходу нажала пульт, чтобы открыть машину; скорее за руль, виртуальный шлем на сиденье, пауэрбук на пол, ключ в зажигание. В зеркале отразились помятые задние двери «Эконолайна». Автомобиль сорвался с места и спустя мгновение вихрем помчался вдоль по Ромейн-стрит.

31
Puro

Бродерман отнес черные мешки вниз и погрузил в фургон; за ними последовали стул и гладильная доска, предназначенные для Вьянки. Вскоре кузина вернулась и принесла для всех мясо «по-восточному», с рисом, луком и соевым соусом. Троица подкрепилась, усевшись в ряд на завернутой в пакеты подстилке и почти не переговариваясь, а потом Бродерман и Вьянка ушли.

Тито остался один, если не считать матраса, болгарского пистолета под ним, зубной пасты и щетки, одежды, в которой он обычно ходил на встречи со стариком, и железной вешалки, где она висела; да еще, пожалуй, двух проволочных плечиков, бумажника, телефона, перчаток из белого хлопка на руках и трех запасных пар носков – их можно будет сунуть за пояс свободных черных джинсов.

Комната стала как будто просторнее и казалась чужой. Утешали только неизменные следы известковых окаменелостей на фанерных щитах высокого потолка. Чистя зубы над раковиной, Тито решил спать прямо в джинсах и футболке. Стоило выключить свет, как наступила непроглядная тьма, совершенно поглотившая размеры пространства. Мужчине пришлось подняться и снова зажечь лампочку. Потом он под громкий хруст целлофана улегся на упакованную подстилку и закрыл глаза парой новых черных носков, от которых пахло свежей шерстью.

Тут раздался условный, до боли знакомый стук Алехандро. Тито убрал с лица носки, скатился с матраса, несколько раз негромко ударил в дверь, дождался ответа и впустил гостя. Кузен застыл на пороге, держа в руке ключи, слегка благоухая алкоголем и глядя мимо Тито на комнату, лишенную последней обстановки.

– Похоже на камеру, – заявил Алехандро.

– Ты всегда так говоришь.

– Причем на пустую, – добавил он, входя и запирая за собой дверь. – Я тут был у дядей. Должен проинструктировать тебя насчет завтра. Но только я скажу больше, чем велено. – Вошедший осклабился, и Тито невольно задался вопросом: сколько же он выпил? – Вот так вот, придется тебе меня услышать.

– Я всегда слушаю.

– Нет, слышать – это другое. Подай мне вон те носки.

Тито протянул ему пару новых носков; кузен разделил их и

надел на руки.

– Сейчас кое-что покажу.

Защищенными ладонями он ухватился за стойку вешалки, подпер ее ботинком, чтобы не укатилась, и сильно наклонил.

– Загляни под низ.

Тито нагнулся, посмотрел под витиевато украшенное основание и увидел что-то маленькое, синего цвета, приклеенное изолентой.

– Что это?

– С ногами поосторожнее, – предупредил кузен, опуская вешалку обратно.

– Но что это?

– Устройство для перехвата исходящего и входящего трафика твоего мобильного. Сообщения. На волапюке. При этом не важно, какой у тебя номер. Каждый раз, когда ты получал инструкции доставить айпод своему старику, они были в курсе.

Алехандро глупо ухмыльнулся, почти как в детстве.

– Кто? Кто – они?

– Враги старика.

Тито припомнил их прошлые разговоры.

– А он из правительства? ЦРУ?

– Когда-то был офицером контрразведки. Теперь, по словам Карлито, стал предателем, повел нечестную игру. И сошел с ума.

– Сошел с ума?

– Ну, это к делу не относится. По воле Карлито и иже с ним наша семья ввязалась в эту операцию. Ты тоже ввязался. Но теперь хотя бы знаешь правду. Ты не был в курсе насчет «жучка», – Алехандро кивнул на вешалку, – а дяди были. Вся семья наблюдала за тем, как его устанавливали и как недавно приходили менять батарейку.

– Но вам известно, кто это сделал?

– Как тебе сказать. – Кузен подошел к стене и облокотился на край раковины. – В некоторых случаях чем ближе подбираешься к правде, тем больше усложняется дело. Ты замечал когда-нибудь, что мужчина в баре готов разъяснить любую, самую темную тайну человечества? Достаточно трех стаканов. Кто убил Кеннеди? Три стакана. Ради чего Америка на самом деле сунулась в Ирак? Три стакана. Так вот эти трехстаканные ответы никогда не содержат правды. Она чересчур глубока, братишка, и неуловима и ускользает сквозь тонкие щели, словно шарики ртути, с которыми мы забавлялись в детстве.

– Расскажи.

Алехандро поднял обе руки, и черные носки превратились в персонажей кукольного театра.

– Я старик, и я когда-то хранил секреты здешнего правительства, – пропищал он за левый носок. – А сейчас терпеть не могу политиков, особенно некоторых шишек, за кем, по моему разумению, числятся кое-какие грешки. Может, я и помешанный, чокнутый, но ужасно умный. У меня есть друзья с похожими целями и наклонностями. Пожалуй, не такие сумасшедшие, и, пожалуй, им даже есть что терять. С их помощью я выуживаю тайны, а потом замышляю...

– Скажи, а эта штука нас не слышит?

– Нет.

– Почему ты так уверен?

– Карлито просил одного приятеля разобраться. Ты же видел, там нет ни единого провода. Такие игрушки – вне закона, их разрешается иметь только правительственным службам.

– Значит, правительство?

– Контрактники, – пропищал Алехандро за правый носок. – Мы просто контрактники. В наше время все так и делается. Мы работаем на правительство, это правда. Разве что... – импровизированная черная марионетка приблизилась к лицу Тито и скривила «рот» в выразительной гримасе, – ...так бывает не всегда. – Кукловод заставил носки поклониться друг дружке и опустил руки. – Похоже, заказчик и впрямь из правительства, однако еще не факт, что он действует в его интересах. Контрактникам не обязательно знать подробности, да и не каждому этого захочется, правильно? В некоторых случаях удобнее всего вообще ничего не знать. Ясно теперь?

– Нет, – ответил Тито.

– Если вдаваться в детали, боюсь, я сочиню целую историю. Основанную по большей части на словах Карлито и прочих. Ладно, вот несколько неоспоримых истин. Завтра ты встречаешься с человеком на цокольном этаже «Прада» в отделе мужской обуви. Получаешь от него айпод и кое-какие наставления. К тому времени тебе уже придет сообщение – на волапюке, на эту квартиру, – о том, как передать вещицу старику в час пополудни на фермерском рынке на Юнион-сквер. Получив послание, немедленно уходи отсюда. После того, как тебе вручат айпод, нигде особенно не задерживайся, броди по улицам до часа дня. Родные, конечно, будут поблизости.

– Обычно айподы оставляли в почтовых ящиках, – заметил Тито.

– Только не в этот раз. Ты сможешь узнать этого человека позже. Делай как он скажет. Все в точности. Они со стариком заодно.

– А контрактники, они что же, постараются отнять айпод?

– По дороге никто не станет на тебя охотиться. Прежде всего им нужен старик. Хотя айпод им тоже не помешает, поэтому, как только старик появится в поле зрения, они сделают все возможное, чтобы тебя схватить.

– А ты в курсе, какую я получил инструкцию?

– Да.

– Можешь объяснить, зачем это надо?

– Сдается мне, – произнес Алехандро, подняв руку и заглядывая в несуществующие глаза черного носка-марионетки, – как будто старик или те, кто посылает ему айподы, решили накормить кого-то чистым *puro*.

Тито кивнул. Этим словом – *puro* – в их семье обозначали самую изощренную и безоглядную ложь.

32
«Мистер Зиппи»

Ожидая, пока Альберто заглянет к «Мистеру Зиппи», в блаженный оазис покоя и взаимоуважения, расположенный в круглосуточном магазине у заправки «Арко» на углу Одиннадцатой и Блэн, Холлис угостилась зажаренным бараньим ребрышком и картошкой за доллар пятьдесят девять; бумажная тарелка стояла прямо на багажнике «пассата».

У «Мистера Зиппи» вас никогда не побеспокоят. Памятуя об этом еще с прошлого приезда в Лос-Анджелес, журналистка нарочно заглянула сюда. Приютившееся среди ларьков у автострады заведение было рассчитано на вкусы самой разномастной публики. Столовались тут и бездомные – из тех, кто пошустрее и способен раздобыть деньжат, и сексуальные труженики любого пола и вида, сутенеры, полисмены, наркоторговцы, служащие, художники, музыканты, люди, затерявшиеся на этой земле и в жизни, и всякий, кому позарез не хватало отличной поджаренной картошки. Посетители ели стоя – разумеется, те, у кого был автомобиль, чтобы разместить бумажную тарелку. Остальные сидели попросту на обочине. Обедая здесь, Холлис нередко думала, что Организация Объединенных Наций напрасно пренебрегает исследованиями примиряющей силы жареного картофеля.

Все-таки тут было как-то спокойнее. Возможно, кто-нибудь проследил за непрошеной гостьей от са́мого здания обезлюдевшей фабрики Бобби Чомбо (Холлис не хотела этому верить, хотя чутье говорило: такое вполне вероятно). Одна только мысль о погоне заставила нервы между лопатками свернуться тугим узлом, но «Мистер Зиппи» помог им расслабиться.

Ближайший автомобиль оттенка слоновой кости смутно напоминал пропорциями «майбах». Приехавшие на нем молодые люди в просторных балахонах с капюшонами и затейливых темных очках почему-то не ели, а вместо этого хмуро возились с оттюнингованными колпаками на колесах. Один из парней сидел за рулем, а другой стоял и рассматривал левый передний колпак, разделенный напополам зловеще мерцающим рядом из разноцветных светодиодных лампочек. Интересно, кто эти люди – хозяева автомобиля или техническая обслуга? Обед у «Мистера Зиппи» редко обходился без вопросов подобного сорта – о ролях и профессиях незнакомцев и так далее. Особенно в предрассветное время – именно в эти часы участники «Кёфью», засидевшись в

студии, заглядывали сюда перекусить. Инчмэйлу здесь нравилось.

И вот мимо сказочных колпаков проплыл классический «фольксваген-жук», покрытый глазурью из томноких ацтекских принцесс и квазифаллических вулканов, с Альберто за рулем. Водитель припарковался чуть поодаль и подошел к журналистке, когда она доедала картошку.

– Он исчез, – пожаловался Альберто и, с недоверием оглядев местную братию, спросил: – Моя машина не пострадает?

– Знаю, что исчез, – ответила Холлис. – Это я тебе рассказала. А машину твою никто не тронет, мы же у «Мистера Зиппи».

– Ты уверена?

– Все будет нормально. Где Бобби?

– Пропал.

– Ты был у него?

– После того, что ты сообщила? Нет. Но все электронные письма возвращаются назад. И работа стерта. По крайней мере на сервере, которым он пользуется.

– И кальмар?

– Вообще все. Два моих неоконченных представления. Шарон Тейт[105]...

– Даже знать не хочу.

Корралес нахмурился.

– Прости, Альберто. Нервы ни к черту. Думаешь, каково мне было приехать, а там – ни души? Между прочим, Бобби когда-нибудь нанимал уборщиков?

– Уборщиков?

– Ну, парочку испанцев? Среднего возраста, невысоких?

– Вообще-то, когда я тебя привел, по его понятиям, там было чисто. Бобби никого не впускал, тем более для уборки, он просто накапливал мусор. В последний раз ему пришлось переехать, когда соседи заподозрили, что наш нелюдимый приятель тайно держит лабораторию по производству наркоты. Он же почти не выходит...

– А где он спал?

– Там и спал.

– Где именно?

– В мешке с подушкой, и постоянно менял квадраты. Каждую ночь.

– У него, случаем, не было такого большого белого грузовика?

– Ни разу не видел Бобби за рулем.

– И что, он всегда работал в одиночестве?

– Нет. Иногда приводил кого-нибудь, если сроки поджимали.

– Ты знаешь хоть одного?

– Нет.

Холлис разглядывала жирные разводы на бумажной тарелке и думала, что, если бы хорошо знать греческий, можно было бы придумать название для прорицателя, гадающего на грязных тарелках из-под жареной картошки. Правда, слово получилось бы слишком длинное... Она посмотрела на машину цвета слоновой кости со световыми диодами на колпаках.

– Что у них, дисплей сломался?

– Изображение не идет, когда колеса не крутятся. Система распознает положение колеса и зажигает нужные лампочки, огоньки накладываются друг на друга и создают изображение.

– Любопытно, для «майбаха» тоже такие выпускают?

– Что такое «майбах»?

– Автомобиль. Скажи, Бобби когда-нибудь упоминал грузовые контейнеры?

– Нет. А что?

– Даже в связи с чужими работами?

– Бобби никогда не обсуждал чужие работы. Вот рекламные заказы вроде японского кальмара – это пожалуйста.

– Можешь назвать хоть одну причину, чтобы ему вот так испариться?

Альберто внимательно посмотрел на нее.

– Ну, разве только ты сама его спугнула.

– Я что, настолько страшная?

– По мне, так нет. Но Бобби есть Бобби. Лично меня волнует и даже убивает другое. Не считая угробленной работы, конечно. Никак не умещается в голове, что он так стремительно решился на переезд. В прошлый раз это заняло целых три дня. Чомбо нанял тогда какого-то ширялу на почтовом фургоне. Кончилось тем, что я пришел и помог все устроить.

– Трудно сказать, что меня больше всего тревожит, – произнесла Холлис, – но что-то такое есть...

Парни в балахонах с капюшонами по-прежнему колдовали над колпаками, напустив на себя вид технарей из НАСА перед запуском ракеты.

– А ты что, не перекусишь?

Альберто покосился на бензозаправку и ночной магазин.

– Я не голоден.

– Зря, не попробуешь клевой картошечки.

33
Второе «он»

Одетый в плащ с облегающим голову капюшоном из гостиничных одеял Браун указал куда-то вдаль, за холмистую бежевую равнину, увесистым деревянным посохом, по всей длине которого тянулся традиционный узор из черных следов от сигарет.

– Вон там.

Милгрим прищурился в указанном направлении. Собственно, туда они оба и ехали вот уже долгое время. Безликий окоем разнообразили только странные сооружения из бревен, похожие на виселицы.

– Ничего не вижу.

Милгрим готовился получить удар за непослушание, однако Браун лишь повернулся, не опуская палки, положил свободную руку ему на плечо и мягко сказал:

– Просто она за горизонтом.

– Что – «она»? – спросил его спутник.

В бездонном небе, словно написанном кистью обкуренного Тёрнера[106], за тучами, словно в жерле вулкана, что-то мрачно мерцало, суля породить неисчислимые, ужасные смерчи.

– Крепость великого Балдуина, – провозгласил Браун, склонившись к Милгриму. – Графа Фландрии, Императора Константинопольского, сюзерена всех крестоносцев, какие княжат на землях Восточной Империи.

– Но ведь Балдуин умер, – возразил ему пленник и тут же втянул голову в плечи.

– Неправда, – ответил Браун по-прежнему ласковым тоном, протягивая посох вдаль. – Там высится оплот его. Как же ты до сих пор не видишь?

– Он мертв, – настаивал Милгрим. – Но среди бедноты ходит миф о Спящем Императоре, и, возможно, явился какой-нибудь самозванец, лже-Болудин.

– Да вот же! – Браун опустил тяжелую палку и крепче сжал ему плечо. – Вот он, истинный и единственный!

Тут Милгрим заметил, что не только плащ и капюшон его спутника, но и сама равнина состояла из бежевой одеяльной пены. Или была лишь укрыта ею, поскольку босые ноги ощущали под тонкой тканью песчаную дюну.

– Вот, вот, – повторял Браун, тряся переводчика за плечи. – Пришло! – и совал ему в лицо свой «блэкберри».

– Карандаш. – Садясь на краю постели, Милгрим опять услышал себя со стороны. Кромка гостиничных занавесок словно потрескалась от дневного света. – Бумагу. Который час?

– Десять пятнадцать.

Мужчина завладел КПК и узкими глазами уставился на экран, тщетно пытаясь перекрутить текст. Сообщение, о чем бы в нем ни говорилось, было кратким.

– Карандаш. Бумагу.

Браун протянул ему лист почтовой бумаги «Нью-Йоркера» и четырехдюймовый карандашный огрызок желтого цвета, который всегда держал наготове: Милгрим настаивал на том, чтобы иметь возможность стирать неудачные варианты.

– Теперь оставь меня одного.

Браун издал неразборчивый приглушенный звук – не то разозлился, не то выражал разочарование.

– Я сделаю свою работу лучше, если ты пойдешь к себе, – произнес Милгрим, выдержав его взгляд. – Мне нужно сосредоточиться. Это тебе не адаптированный французский текст из учебника. Тут речевые идиомы в чистом виде.

Он по глазам увидел, что собеседник ни сном ни духом не понимает, о чем разговор, и внутренне возликовал.

Браун постоял немного, потом развернулся и вышел из комнаты.

Милгрим еще раз перемотал сообщение к началу и взялся за работу, выводя заглавные печатные буквы на бумаге с эмблемой «Нью-Йоркера».

СЕГОДНЯ В ЧАС НА

Он задумался.

ЮНИОН-СКВЕР СЕЛЬХОЗ…

Ластик почти истерся. Милгрим уничтожил последнее слово, царапая лист металлическим ободком.

ЮНИОН-СКВЕР ОВОЩНОЙ ФЕРМЕРСКИЙ РЫНОК

СЕМНАДЦАТАЯ УЛИЦА ДОСТАВИТЬ ОБЫЧНОМУ КЛИЕНТУ

Все казалось очень и очень просто.

Да так оно и было на самом деле, однако Браун так ждал этой записки, ждал, когда НУ получит ее у себя на квартире, на экран очередного сотового, обреченного тут же на выброс и замену, там, где маленький любопытный «жучок» в основании вешалки уловил бы каждое слово. Браун томился ожиданием с тех самых пор, как обзавелся Милгримом. Предполагалось, что предыдущие сообщения были получены где-нибудь еще, когда НУ обретался снаружи, курсируя вдоль по южному Манхеттену.

Милгрим понятия не имел, откуда у Брауна взялось представление об этих предыдущих посланиях – взялось, и все

тут. К тому же было ясно как день, что его занимает даже не мифический НУ и не предмет доставки, а сам «обычный клиент». Второе «он» во всех телефонных переговорах. Тот, кого иногда величали «субъектом». Милгрим не сомневался: его заточитель спит и видит, как бы захватить этого са́мого Субъекта, а НУ в его глазах – всего лишь Упроститель, не более. Как-то раз, держа постоянную связь со своими невидимыми помощниками, Браун устроил настоящие гонки на Вашингтон-сквер, но, к своему разочарованию, обнаружил, что Субъект бесследно растворился, а НУ, похожий на маленького черного ворона, прогулочным шагом удаляется по Бродвею, перебирая тонкими ножками по рваному покрывалу потемневшего снега. Милгрим наблюдал это своими глазами через окно серого, пропахшего сигарами «форда-таурус», укрывшись за плечом водителя.

А сейчас переводчик поднялся, разминая затекшие бедра, заметил расстегнутую ширинку, застегнул ее, потер глаза и всухомятку принял утреннюю дозу «Райз». Как хорошо: и Браун уже не помешает. Милгрим взглянул сверху вниз на «блэкберри» на прикроватном столике рядом с готовым текстом.

Прерванный сон вернулся. Опять эти полувиселицы-полунепонятно что. Они ведь из мира Босха, кажется? Орудия пыток, подпорки для разобранных исполинских орга́нов?

Милгрим взял в руки почтовую бумагу и «блэкберри» и подошел к двери, разделяющей комнаты; та, как обычно, была открыта.

– Юнион-сквер, – сказал он.

– Когда?

Милгрим улыбнулся.

– Сегодня. В час.

Браун тут же вырос перед ним, отобрал электронную записную книжку и лист.

– Это здесь так написано? И что, все?

– Да, – подтвердил переводчик. – А меня – снова в прачечную?

Собеседник пронзил его взглядом. Раньше пленник не задавал подобных вопросов. Лучше усваивал уроки.

– Со мной пойдешь. Может, надо будет что-то перевести вживую.

– Думаете, они говорят на волапюке?

– *По-русски* они говорят, – процедил Браун. – На кубинском китайском. И старик тоже. – Он отвернулся.

Милгрим отправился в душ и включил холодную воду. «Райз» пошел сегодня не очень гладко. Мужчина посмотрел в зеркало. Не мешало бы подстричься.

Выпив стакан воды, он подумал: наступит ли время, когда можно будет глядеться в отражающие поверхности не только для того, чтобы не запустить свою внешность? В какой-то момент пленник попросту отказался видеть в них *себя*.

За стенкой Браун кого-то вздрючивал и давал указания по телефону. Милгрим подставлял запястья под холодные струи до тех пор, покуда не заломило мышцы. Потом закрыл воду и вытер полотенцем руки. Прижался к мокрой ткани лицом, воображая, как много незнакомых людей проделывали здесь до него то же самое.

– Да не надо мне больше! – донеслось из-за стенки. – Пусть будет меньше, но лучше. Заруби на носу, это не ваши грязные арабы. И здесь тебе не там. Это же операторы, обученные с нуля. Ты его уже упустил на чертовой Канал-стрит. Если упустишь на Юнион-сквер, тогда я не знаю, что сделаю. Понял? Не знаю, что сделаю.

Милгрим тоже не хотел бы этого знать, по крайней мере в том угрожающем смысле, какой прозвучал в последних словах, однако сама ситуация возбудила его любопытство. Что за кубинский китайский? Что за нелегальные упростители, которые изъясняются на русском языке, а переписываются на волапюке, ютятся на безоконных чердаках на окраине Чайнатауна, носят «А.Р.С.» и умеют играть на клавишных? К тому же не грязные арабы, поскольку здесь нам не там?

Каждый раз, когда Милгрима одолевали сомнения, а желания расслабиться и насладиться мыслительным процессом не возникало, мужчина принимался бриться – если, конечно, условия позволяли, как, например, сегодня.

Операторы. Обученные с нуля.

Старик. Это он – Субъект.

Милгрим повесил полотенце на шею, бросил мочалку в раковину и включил горячую воду.

34
Страна призраков

– «Эзейза», — произнес Инчмэйл.

– Это что?

– Аэропорт. Международный терминал Б.

Холлис позвонила ему на сотовый, прямо в Буэнос-Айрес. Какая разница, во что обойдется подобная беседа.

– Когда прилетаешь, послезавтра?

– Нет, на день позже. До Нью-Йорка лететь далеко, но это же почти все время на север. Даже странно: такой долгий путь, а часовые пояса не меняются. Я тут обедаю с другом, ужинать буду с кем-то из «Боллардов», а с утра вылетаю к тебе.

– Рег, я, кажется, влипла в историю с этим «Нодом».

– А мы тебе что говорили? Моя благоверная насквозь видит твоего нового дружка Бигенда. С той самой минуты, как ты назвала его имя, она без передышки ругается последними словами, одно хуже другого. Сегодня утром немножко оттаяла, сказала просто: «грязная свинья». Или наоборот, рассвирепела?

– Положа руку на сердце, сам он не показался мне таким уж мерзким, разве что машина безвкусная. Меня смущает другое – бешеные деньги, которыми заправляет Бигенд. Даже не знаю... Как будто встретила младенца-великана с чудовищно развитым интеллектом. Что-то в этом роде.

– Анжелина говорит, он ни перед чем не остановится, лишь бы утолить свое любопытство.

– Пожалуй. Только вот интересуют его такие вещи, которые мне не по вкусу. Чувствуется, Бигенд затевает какую-то игру, и она мне тоже не нравится.

– «Что-то в этом роде», «чувствуется»... Ты сделалась такой скрытницей.

– Знаю, – ответила Холлис и вдруг замерла, даже на миг опустила трубку: она вдруг поняла причину своей тревоги. – Но мы же *по телефону* говорим, верно?

На том конце наступила полная тишина. То есть тишина совершенная, настоящая, оцифрованная, без обычных фоновых помех, которые воспринимаются как должное при международных переговорах. Так человек, идущий по улице, не замечает неба.

– А-а, – протянул Инчмэйл. – Ну да. Это я не учел. Порой даже думаешь, с этим у нас все хуже.

– Вот именно. И думаешь все чаще.

– Хм. Тогда, значит, жду разговора с глазу на глаз. Я еще не так силен в испанском, но вроде бы только что объявили мой рейс.

– Желаю хорошо долететь.

– Я тебе звякну из Нью-Йорка.

Холлис чертыхнулась и захлопнула телефон. Ей хотелось – и надо было – поведать Инчмэйлу пиратскую историю Бигенда, рассказать о встрече с Бобби, об уехавшем белом грузовике и собственных ощущениях в связи с этими событиями. Рег непременно бы все разложил по полочкам. Вряд ли что-нибудь прояснилось бы, просто сейчас не помешало бы обрести новую точку зрения. Инчмэйл вообще отличался большой оригинальностью. Однако случилось нечто другое; Холлис вдруг ощутила, что пересекла некую черту, ступила на зыбкую почву.

Этот Бигенд со своим автомобилем, будто нарочно созданным для злодея из фильма про Джеймса Бонда; этот его недостроенный штаб управления под стать машине; эти бешеные деньги, это запредельное любопытство и вкрадчивые манеры, эта вечная готовность совать нос в чужие дела... Нет, история принимала опасный оборот, не иначе. Причем такой, какого Холлис и не представляла раньше. Если владелец «Нода» не врет, он платит людям за сведения о секретных правительственных программах. «Война со страхом»[107], так ее до сих пор называют? Чего-чего, а страху журналистка уже набралась с лихвой. Вот он, осколок ужаса, прямо в руке. Больше нельзя доверять своему телефону и паутине, протянувшейся от него по верхушкам жиденького подлеска из вышек сотовой связи, видных с любой магистрали, замаскированных при помощи нелепой искусственной листвы, кубистических папоротников и хвойных лап в стиле «ар-деко»; велика ли разница между этой, невидимой, сеткой и той, которую Бобби чертил у себя на полу неизвестно чем – то ли мукой, то ли мелом, спорами сибирской язвы, слабительным порошком для младенцев... Сплошь оцифрованная и прочее, телефонная паутина внимательно ловила каждое слово Холлис – а как же, ведь журналистка ухитрилась ввязаться в дела, в которые Бигенд любит совать свой нос. Бывают ситуации, когда подобные вещи становятся больше, чем реальностью.

Может, именно здесь и сейчас. Кто-то слушает. Или что-то.

Холлис подняла взгляд. Она стояла посреди кофейни «Старбакс», вокруг суетились посетители. Сравнительно мелкая рыбешка из мира фотосессий, телевидения, музыки, компьютерных игр. В эту минуту никто из присутствующих не светился особым счастьем. Однако вряд ли кого-то из них зло коснулось вот так же явно, накрыв своей мрачной тенью.

35
Guerreros [108]

Упакованный в черное матрац с брошенными на середину ключами остался на полу, зубная щетка и паста – на краю раковины, а проволочные плечики – на старой железной вешалке, в основании которой скрывался «жучок». Тито в последний раз затворил за собой дверь и вышел на улицу, в ослепительно яркий и свежий день; весеннее солнце вовсю пригревало, взявшись оттаивать зимние собачьи колбаски.

Дойдя до Бродвея, он купил бумажный стаканчик кофе и теперь на ходу потягивал черный напиток, позволив прогулочному ритму войти в Систему, а самому себе – сосредоточиться исключительно на дороге и на движении. С этой минуты и вплоть до окончания миссии для него не должно существовать ничего, кроме пути вперед; даже если придется зачем-нибудь повернуть обратно или остановиться.

Дяди, научившие Тито Системе, сами учились у одного вьетнамца, из бывших солдат, прилетевшего из Парижа, чтобы коротать остаток дней в кубинской провинции Лас-Тунас. Еще ребенком их племянник видел этого человека на сельских семейных праздниках, но ни разу – в Гаване. И никогда с ним не говорил. Обычно вьетнамец носил свободную рубашку из черного хлопка, неприталенную и лишенную воротника, и банные сандалии из коричневого пластика, затертые на деревенских дорогах до цвета уличной пыли. Покуда другие мужчины потягивали пиво и курили сигары, вьетнамец на глазах у Тито поднимался по бетонной стене высотой с двухэтажное здание, не имея другой опоры, кроме совсем неглубоких, заполненных известью щелей между блоками. Странное это было воспоминание, и даже в детские годы Тито воспринимал увиденное как чудо, в самом обычном человеческом понимании. Дяди не аплодировали; они следили за ним в гробовой тишине, выпуская изо рта голубые струйки сигарного дыма. А ловкий вьетнамец, подобно тем легким струйкам, стремительно поднимался в вечерних сумерках все выше и выше, не просто перемещаясь, но как бы крадучись, врастая в стену и беспрерывно меняя свое положение.

Тито, когда настала его пора, схватывал уроки родичей на лету. К тому времени, как семья покинула Кубу, его Система была настолько сильна, что дяди остались весьма довольны.

В то же время, пока он учился у них, тетка Хуана разъясняла

племяннику пути *guerreros*: Элеггуа, Огун, Ошоси и Осун. Если Элеггуа открывает любую дорогу, то Огун расчищает ее своим мачете, недаром он – бог войны, железа и тяжкого труда, владыка любых технологий. Знак его – цифра семь, а цвета – зеленый и черный; они-то и были вышиты на подкладке одежды Тито, шагающего по направлению к Принс-стрит с болгарским пистолетом, завернутым в носовой платок, во внутреннем кармане черной нейлоновой куртки. На са́мой грани восприятия «ехал» Ошоси, охотник и разведчик в стане оришей. Посвященный в пути *guerreros* неизменно делается «конем», принимая в хозяева всю эту троицу (и еще Осун). Хуана вкладывала в племянника нужные знания, как утверждала поначалу, для того чтобы углубить и расширить Систему вьетнамца, и Тито читал доказательства ее слов в глазах своих учителей, однако держал рот на замке. Ведь тетка, кроме прочего, говорила еще, что благородное молчание о сокровенном знании помогает закрепить желанные результаты.

Мимо поехала Вьянка на маленьком мотоцикле; ярко раскрашенный зеркальный шлем повернулся в сторону Тито, блеснув на солнце. Ошоси уже следовал за ним, позволяя видеть окружающее особым образом. Вся улица, с ее пешеходами и дорожным движением, слилась в одно живое целое, превратилась в зверя. Наполовину выпив кофе, Тито поднял пластиковую крышку, украдкой погрузил телефон в напиток и выбросил запечатанный бумажный стаканчик в первую попавшуюся урну.

К тому времени, когда он достиг юго-западного угла Принс-стрит и Бродвея, мужчина влился в поток *guerreros*, словно увлеченный, готовый к бою участник невидимого парада. Ошоси показал ему чернокожего и к тому же одетого в черное магазинного детектива с блестящей бусиной в ухе, в то время как Элеггуа отвел чужаку глаза. Миновав цилиндр лифта из толстого матового стекла, Тито спустился по лестнице. Он часто приходил в этот магазин полюбоваться на странные витрины, похожие на застывшее в са́мом разгаре карнавальное шествие. Выставленная на продажу одежда его никогда не прельщала, хотя смотреть было интересно. Она чересчур напоминала о деньгах, это ее, по-своему безымянную, но так легко поддающуюся описанию, копировали жители Канала.

Тито заметил еще одного магазинного детектива, на этот раз белого, в бежевом пальто и черной рубашке с галстуком. «Наверно, этим парням продают одежду со скидкой», – подумал Тито, огибая белую модульную стену с по́лками, полными косметики, и заходя в отдел мужской обуви.

Guerreros немедленно распознали незнакомца, застывшего с

оксфордским ботинком из крокодиловой черной кожи в руках. Не догадаться было невозможно, но сила этого узнавания поражала в самое сердце.

Приземистый, широкоплечий, с очень короткими темными волосами, лет тридцати. Мужчина поставил ботинок обратно на полку и произнес по-английски, хотя и с легким незнакомым акцентом:

– Шесть сотен... Ладно, сейчас не до этого. – Он улыбнулся, показав белоснежные, но слишком частые зубы. – Знаешь Юнион-сквер?

– Да.

– В северном конце парка, Семнадцатая улица, фермерский рынок. К часу ровно, раньше не светись, иначе его там не будет. Если подходишь на десять шагов и ничего не происходит, кидайся наутек. Они решат, что ты их заметил. Кто-то попытается схватить старика. Другие бросятся за тобой. Скройся от них, а вот это – потеряй.

Он опустил в карман куртки собеседника белый квадратик айпода в чехле на молнии.

– Бежать надо к «W», это гостиница на углу Семнадцатой и Парка. Знаешь?

Тито кивнул, припомнив, как еще раньше, проходя мимо, удивлялся странному названию.

– Главный вход – со стороны Парка. Только не вращающаяся дверь, первая от угла; там ресторан. Впрочем, тебе-то нужно как раз туда. Мимо портье – и сразу направо. По лестнице в фойе не поднимайся. В фойе не надо, понятно?

– Да.

– Значит, за дверь, направо, и получается полный разворот. Лицом к югу. Когда доберешься до вращающейся двери на углу здания – налево. Дальше в ресторан, идешь насквозь, через кухню, и выходишь на Восемнадцатую. По южной стороне ищи зеленый автофургон с серебристой надписью на кузове. Я буду ждать там.

Он повел головой, словно изучая ассортимент ботинок (сегодня они внушали Тито неодолимое отвращение).

– У этих парней, которые за вами охотятся, будут и телефоны, и рации, но мы их заглушим помехами, как только ты бросишься бежать.

Тито сделал вид, будто рассматривает ботинок из черной телячьей кожи, потрогал пальцем носок, неопределенно кивнул и повернулся, чтобы уйти.

Как подсказывал Ошоси, белый детектив в бежевом пальто внимательно следил за ними.

В эту минуту матовая дверь прозрачного лифта плавно отъехала в сторону, и появился Бродерман. Копна порыжевших волос, остекленевший взгляд, нетвердая походка. Белокожий детектив немедленно забыл про Тито, который преспокойно прошел к лифту и, нажав на кнопку, отправился в путешествие длиной в двадцать футов до наземного этажа. Пока закрывалась дверь, он успел заметить, как ухмыльнулся тот, кого указали *guerreros*: через мгновение Бродерману предстояло резко «протрезветь» и с ледяным учтивым недовольством отреагировать на приближение магазинного детектива.

36
Очки, пупок, бумажник, часы

К тому времени, как Милгрим окончил бриться и одеваться, Браун устроил у себя настоящее собрание. Раньше к нему не ходили гости, а теперь возникли целых три человека, и все – мужского пола. Они появились через несколько минут после телефонного разговора. Милгрим успел мельком заметить посетителей, прошедших в соседнюю комнату. Белые, прилично одетые – вот, пожалуй, и все. Интересно, вдруг они тоже снимали номера в «Нью-Йоркере»? Особенные подозрения вызвали двое пришедших без пиджаков и верхней одежды.

Послышались оживленные голоса, но Милгрим не сумел ничего разобрать. Разве что Браун время от времени веско бросал «да» или «нет» или скороговоркой повторял стратегические правила.

Милгрим решил воспользоваться возможностью собрать вещи и, кстати, учитывая обстоятельства, дозаправиться «Райз». Сборы были недолгими: требовалось лишь положить книгу в карман пальто и позаботиться о гигиенических принадлежностях. Мужчина ополоснул и просушил лезвие синей пластмассовой бритвы. Протер туалетной бумагой зубную пасту «Крэст». Закатал пустой край тюбика, пока тот не раздулся как следовало. Вымыл и немного подержал под проточной водой белую зубную щетку. Просушил щетинки куском туалетной бумаги, свободно завернул во второй. Прикинул, не захватить ли с собой гостиничное мыло, которое давало такую приятную пену. Затем подумал: «А кто сказал, что я сюда не вернусь?»

Все-таки что-то назревало. В воздухе пахло жареным. Вспомнились книги о Шерлоке Холмсе, прочитанные давным-давно, буквально несколько столетий назад. Оставив мокрый обмылок на краю раковины, покрытой пятнами от зубной пасты и сбритыми волосками, мужчина рассовал пожитки по карманам пальто. А ведь Браун наверняка по сей день таскает с собой бумажник и паспорт, изъятые у Милгрима в первый день их знакомства (он удачно прикинулся копом, и почему было ему не поверить, особенно тогда?). Теперь гражданское имущество пленника составляли туалетные принадлежности, книга, пальто и еще немного одежды. Плюс две таблетки «Райз» пятимиллиметрового диаметра. Мужчина выдавил большим пальцем предпоследнюю дозу из упаковки на ладонь и задумался. Гражданское это имущество или нет? Очевидно, что нет, решил

он, глотая таблетку.

В соседней комнате Браун завершил сходку энергичным ударом в ладоши, и Милгрим поспешил отойти к окну. Незачем ему смотреть на этих людей, а тем более – им на него. Хотя еще неизвестно: может, Милгрим уже давно мозолит кому-то из них глаза. И все-таки...

– Шевелись давай, – обронил Браун в дверях.

– Я в полном снаряжении.

– Ты – чего?

– Зверь поднят, охота начинается.

– Бока, что ли, зачесались?

Однако по рассеянному, отстраненному взгляду сразу было заметно: Брауну не до разборок. Все его мысли без остатка занимала предстоящая операция, иными словами, НУ и Субъект. Свободной рукой (в правой у него был лэптоп в чемоданчике, а на плече висела черная нейлоновая сумка) Браун похлопал себя по карманам, проверяя, на месте ли пистолет, наручники, нож, фонарь и прочие игрушки, без которых он никогда не выходил из номера. «Очки, пупок, бумажник, часы»[109], – мысленно процитировал Милгрим.

– Если ты готов, я тоже, – сказал он и вышел за Брауном в коридор.

Бензодиазипамовая вспышка настигла его в лифте и принесла с собой приятное возбуждение. Нет, сегодня в самом деле что-то затевалось. И это что-то обещало быть интересным, лишь бы не торчать снова в прачечной.

Браун бодро провел всех по коридору и через главный выход – на улицу, залитую неожиданно ярким солнцем. Привратник ожидал у свежевымытой серебристой «короллы», открыв дверцу. Браун взял у него протянутые ключи, а взамен сунул два доллара. Милгрим обошел машину и занял сиденье позади. У его ног уже пристроились лэптоп и черная сумка. Во время таких поездок Браун садился только впереди – возможно, для того, чтобы удобнее было стрелять. Послышался звук сигнализации, запирающей двери.

Автомобиль поехал на восток, на Тридцать четвертую улицу. Стояла чудесная погода, предвещавшая приход настоящей весны, и Милгрим вообразил себя беспечным пешеходом на прогулке. Или нет, пешеходом с последней таблеткой «Райз» в кармане. Пришлось поменять картинку – повесить себе на плечо нейлоновую черную сумку, в которой наверняка хранился запас лекарства.

– Красные[110] номер один, – твердым голосом объявил Браун на повороте, – к югу от Бродвея, на Семнадцатой.

В ответ раздался приглушенный голос.

Милгрим пригляделся и заметил у него в ухе серый наушник, от которого тянулся за ворот куртки провод такого же цвета.

– Останешься в машине, – велел Браун, отключив радиомикрофон на воротнике. – Я тут разжился бумагами управления гортранспорта, так что копы не сунутся. И все-таки надо бы тебя пристегнуть наручниками.

Пленник был не настолько глуп, чтобы высказывать свое мнение по этому поводу.

– Но ведь это Нью-Йорк, – продолжал Браун.

Милгрим осторожно поддакнул.

– Коп думает, вот управление гортранспорта, подходит, а ты прикованный, да еще похож на обкуренного. Хреново.

– Да, – кивнул тот.

– Значит, без наручников.

Милгрим ничего не сказал.

– Они мне сегодня еще пригодятся, – заявил Браун и ухмыльнулся – впервые на памяти своего спутника. – Хотя чего же – далеко ты не убежишь без наркоты у меня сумке, правильно?

– Правильно, – согласился Милгрим, успевший прийти к точно такому же выводу несколько минут назад.

– Если вернусь и не увижу в машине твою задницу, тебе крышка.

Куда уж глубже в дерьмо, устало подумал Милгрим. Впрочем, страдать от ломки посреди улицы без документов и без цента в кармане, пожалуй, было бы еще хуже. Казалось, они оба понимали это без слов.

– Я слышу, да, – произнес Милгрим, стараясь попасть в тон собеседнику, но не разозлить его.

В глубине души он подозревал, что «крышка» в понимании Брауна означала попросту насильственную смерть. Причем подозревал намного явственнее, чем ожидал от себя.

– Принято, – ответил Браун голосам у себя в ухе. – Принято.

37
Фриранеры

Guerreros вели его вверх по Бродвею, залитому солнцем. Этого Тито не ожидал, поскольку рассчитывал добраться до Юнион-сквер по подземке, а потом описывать и сужать круги, дожидаясь назначенного времени. Но вышло иначе, и теперь мужчина двигался по воле влекущих его. Вскоре он превратился в обычного прохожего, а ориши растеклись по сознанию, точно капли чернил в океане воды; пульс успокоился, взгляд радостно ловил солнечные блики на цветочных узорах железных решеток. Он уже знал, хотя и старался не думать об этом, что достиг состояния высшей готовности.

В глубине души неприятно шевелилось беспокойство при мысли о скором – возможно, еще до заката, – прощании с этим городом, в которое почему-то совсем не верилось. А впрочем, было, наверное, время, когда Тито не мог себе представить, что покинет Гавану. Этого он уже не помнил, хотя сборы и вылет с Кубы произошли точно так же стремительно. Тито не взял с собой ничего, кроме той одежды, в которой мать вытащила его из закусочной, не дав доесть сандвич с ветчиной. Мужчина до сих пор помнил вкус того хлеба, квадратной булочки из детства. Где же он будет завтра?

Тито пересек Хьюстон и увидел, как с тротуара взлетели голуби.

Минувшим летом он встретил на Вашингтон-сквер студентов из Нью-Йоркского университета. Это были фриранеры[111], поклонники движения, отдаленно схожего в чем-то с Системой. Все как один чернокожие, они принимали Тито за доминиканца, но в шутку звали его «китаезой». Может, и сегодня солнце выманит их на Вашингтон-сквер? Славная была компания. Тито охотно показывал и делился с ними кое-какими приемами из тех, что попроще, а взамен научился делать сальто назад и другие трюки, которыми обогатил свою Систему; но в конце концов отказался официально присоединиться к людям, уже не раз обвиненным в мелких нарушениях общественного порядка. Вот бы повстречать их снова.

Между тем Тито миновал Бликер-стрит, а потом Грейт-Джонс-стрит, названную, как ему всегда представлялось, в честь огромного великана в котелке, с плечами на уровне окон вторых этажей – плод вымысла кузена еще со времени его ученичества у Хуаны. Тито вспомнил, как ходил по его заданию в гипермаркет

«Strand Books» (он скоро встретится на пути) за книгами, изданными в конкретных годах или странах, и все это ради одних форзацев – пустых листов, приклеенных на переднюю и заднюю часть обложки. Эти чистые страницы ненаписанных романов нужны были Алехандро для хитроумного производства поддельных бумаг.

Тито шагал, не оглядываясь, в полной уверенности, что его сопровождают только родственники, а иначе он давно получил бы сигнал от одного из членов семьи, незаметно рассеявшихся на расстоянии двух кварталов по обе стороны от дороги; они старательно держали шаг и постоянно меняли позиции в согласии с протоколом КГБ, более старым, нежели сама Хуана.

Впереди, на расстоянии полуквартала, на тротуар вышел кузен Маркос – маг и чародей и в придачу карманный вор с очень темными кудрями.

Тито шел дальше.

Близилась Юнион-сквер. Избавившись от сотового, Тито начал сверять время по часам видным сквозь окна банков и химчисток. Ориши не интересовались временем суток; явиться минута в минуту он должен был сам.

Без четверти час, оказавшись на Четырнадцатой Восточной, под причудливыми художественными часами, на которых безумно мигали совершенно неразборчивые цифры, мужчина вместе с Ошоси пристально посмотрел вдаль, на рыночные лавки под навесами.

И тут мимо со смехом прошли те самые фриранеры из прошлого лета, с Вашингтон-сквер. Они его не заметили. Теперь Тито вспомнил: студенты жили в университетском общежитии, расположенном здесь же, на Юнион-сквер. Он проводил знакомых взглядом, жалея, что не может пойти с ними; по воле оришей воздух вокруг него подернулся легкой рябью, словно по причине жара, какой поднимается и дрожит над асфальтом в августе.

38
В норе

Холлис лежала не шевелясь в темной прохладной норе из простыни и категорически приказывала своему телу расслабиться. Это напоминало ночные автобусные переезды: тогда спальный мешок исполнял роль простыни, мягкие беруши заменяли просьбу к рецепции удерживать все звонки, а сотовый так и так приходилось переводить в беззвучный режим.

Инчмэйл называл такое поведение «возвращением в материнское лоно», однако Холлис прекрасно знала, что на самом деле все наоборот. Она искала не того покоя, который знако́м еще не рожденным детям, а тишины, которая доступна уже умершим; хотела почувствовать себя не блаженствующим эмбрионом, а лежачим каменным изваянием на крышке холодного саркофага. Как-то раз она поделилась подобными мыслями с Джимми Карлайлом. В ответ он радостно сообщил, что испытывает точь-в-точь такие же ощущения после хорошей дозы героина. Певице оставалось только порадоваться своей непричастности к наркотикам (заурядные сигареты можно не считать).

Но и без этого любое серьезное потрясение заставляло ее забираться «в нору», желательно в затемненной комнате. Окончательный разрыв с очередным молодым человеком, к которому успела привязаться; распад «Кёфью»; первые денежные утраты, когда лопались мыльные пузыри доткомов (чьи акции, если вдуматься, как раз и оставались на память после очередной серьезной связи); ну и конечно, последняя (судя по тому, как развивались события, она действительно грозила стать последней) крупная денежная утрата, когда амбициозная ставка ее приятеля Джардина на империю независимой музыки в Бруклине вполне предсказуемо потерпела крах. Вложения в эту затею казались чем-то вроде занятного развлечения, которое кончится неизвестно чем и даже, вероятно, принесет кое-какую прибыль. Холлис решила, что может себе это позволить – тем более доткомы на короткий срок сделали ее обладательницей миллионов, по крайней мере на бумаге. Инчмэйл, разумеется, всеми силами убеждал солистку избавиться от акций новоиспеченных компаний, пока те незначительно – и как оказалось, в единственный и последний раз – поднялись в цене. Естественно, ведь это же Рег. К тому времени он и сам давно уже скинул ненужные бумажки, к вящему возмущению знакомых, которые тут же подняли крик: дескать, пробросаешься своим

будущим. Инчмэйл рассудительно отвечал, что, мол, бывает такое будущее, которым не грех и пробросаться. И само собой, он бы не выкинул четверть сетевого дохода на «гиблое», по его же словам, дело – на возведение дутого, агрессивного предприятия по розничной торговле «независимой» музыкальной продукцией.

И вот теперь Холлис очутилась в норе из-за внезапного страха, накатившего на нее в «Старбакс»; страха, что Бигенд втянул ее в очень крупную игру, правила которой известны лишь посвященным. Впрочем, если хорошенько подумать, ощущение странности происходящего накапливалось с той самой минуты, когда журналистку угораздило подписать контракт с «Нодом». Интересно, существует ли этот «Нод» в действительности? Вроде бы существует, но, по признанию Бигенда, ровно до той степени, пока нужен своему владельцу.

Надо было завести себе вторую профессию, запоздало прозрела Холлис. Не считать же карьерой нынешнее участие в махинациях любознательного рекламного магната, как и все, что может предложить ей «Синий муравей». С неохотой, однако пришлось признать: Холлис всегда тянуло к писательству. В лучшую пору «Кёфью» она, не в пример подавляющему большинству коллег, ловила себя на желании оказаться во время интервью по другую сторону микрофона. Нет, не то чтобы ей хотелось задавать вопросы музыкантам. Будущую журналистку завораживала возможность понять, как и что совершается в мире и почему люди предпочитают совершать те или иные поступки. Стоило ей о чем-то написать, и приходило новое понимание – не только события, но и самой себя. Если бы можно зарабатывать этим на хлеб, служба контроля ASCAP[112] оплатила бы остальное, и еще неизвестно, каких высот достигла бы Холлис.

В дни «Кёфью» она сочинила несколько статей для «Роллинг Стоун» и кое-что для музыкального журнала «Спин». Кроме того, вместе с Инчмэйлом состряпала обстоятельный обзор истории «Mopars»: оба любили эту гаражную группу шестидесятых, хотя потом так и не смогли отыскать желающего заплатить за публикацию. Правда, в конце концов исследование напечатали в фирменном журнале магазина звукозаписей, принадлежавшего Джардину. Вот, пожалуй, и все, что извлекла Холлис Генри из этого предприятия.

Теперь Инчмэйл наверняка летел в Нью-Йорк бизнес-классом, развернув на коленях «Экономист» – издание, которое он читал исключительно в небесах и клялся, что всякий раз, едва ступив на землю, безнадежно забывает каждое слово.

Холлис вздохнула:

– Ну и пусть, – сама не зная, что имеет в виду.

Перед глазами возник монумент, посвященный Хельмуту Ньютону: девицы из нитрата серебра, овеянные оккультными ветрами судьбы и порнографии.

– Ну и пусть, – повторила она и заснула.

* * *

Открыв глаза, она не увидела солнечных бликов на краях многослойных портьер. Значит, уже вечер. Холлис по-прежнему лежала в своей норе, но уже не нуждалась в ней так, как раньше. Тревога слегка рассеялась: конечно, туча не ушла за горизонт, зато сквозь нее проглянули лучи любопытства.

Интересно, где Бобби Чомбо? Неужели его со всем добром забрали, как выражается Инчмэйл, в отдел Самопальной Безопасности? За сомнительное участие в заговоре по нелегальному провозу оружия массового поражения? Журналистка припомнила странных уборщиков – и отбросила эту мысль. Скорее парень ударился в бега, а кто-то ему серьезно помог. Явилась бригада, перетащила оборудование в белый грузовик и увезла Бобби неизвестно куда. Возможно, на соседнюю улицу, кто знает? Но если хитрец ускользнул от Альберто и прочей братии от искусства, может ли Холлис надеяться на новую встречу?

А где-то, размышляла она, глядя на тающий в темноте потолок, прятался мифический контейнер. Длинный прямоугольный ящик из... Из чего их изготовляют, из стали? Ну да, разумеется. Когда-то в Дерри, в сельской местности, Холлис переспала с архитектором из Ирландии; они делали это прямо в контейнере, который был превращен в мастерскую. Гигантские окна, прорезанные автогеном, фанерные рамы... Точно сталь. Ирландец еще рассказывал, как снимал тепловую изоляцию; в ящиках попроще якобы собирались капельки от дыхания.

Прежде Холлис не приходило в голову задумываться о грузовых контейнерах. Это одна из тех вещей, которые время от времени видишь на полном ходу с автострады, обычно сложенные аккуратными стопками, словно кирпичики «Лего» для робота Одиль; всего лишь часть современной реальности, слишком обыденная, чтобы о ней размышлять или задаваться вопросами. В последнее время *что* только не путешествует по миру в таких ящиках. Что угодно, кроме сырья вроде угля или пшеницы. Вспомнились последние сообщения о грузах, утерянных в шторм. Тысячи резиновых уточек из Китая, жизнерадостно подпрыгивающих на волнах. Или теннисные туфли. Что-то про

сотни левых теннисных туфель, которые вынесло на пляж: правые плыли в отдельной таре, во избежание мелкого воровства. А еще кто-то с яхты, в Каннской гавани, рассказывал пугающие истории о трансатлантических путешествиях; дескать, смытые за борт контейнеры сразу не тонут, а невидимо и беззвучно плавают неподалеку от поверхности, грозя морякам настоящими бедствиями.

Похоже, Холлис по большей части переросла свои прежние страхи. Теперь она готова была признаться: ее разбирало жгучее любопытство. Самое жуткое в этом Бигенде, определила для себя журналистка, это шанс раскопать что-нибудь этакое. Ну и куда потом деваться? Существуют же вещи, которых лучше не видеть и не слышать? Конечно, существуют, решила Холлис, но все дело в том, кому известно, *что* вы раскопали.

Тут послышался легкий сухой шорох: кто-то просунул под дверь конверт. Знакомый еще по гастрольной жизни звук разбудил в крови допотопный страх, дремлющий во всех млекопитающих, – страх перед вторжением чужака в родное гнездо.

Холлис включила свет.

В конверте, который она подняла с пола, оказалась цветная распечатка на простенькой бумаге – снимок белого грузовика, стоящего возле фабрики Бобби Чомбо.

Журналистка перевернула фото. На обороте почерком Бигенда, смутно напоминающим ассирийскую клинопись, было выведено: «Я в фойе. Надо поговорить. Х.».

Любопытство. Пора утолить хотя бы часть этой жажды. К тому же, как осознала Холлис, настало время определиться, стоит ли ей продолжать игру.

И она отправилась в ванную комнату – готовиться к новой встрече с Бигендом.

39
Изготовитель орудий

Милгриму вспоминалась Юнион-сквер двадцатилетней давности. Место, усеянное мусором и поломанными скамейками, где даже труп легко затерялся бы между застывшими, согбенными телами бездомных. В те дни здесь вовсю торговали дурью – как раз тогда, когда было не нужно, – зато теперь открыли «Барнс энд Ноубл»[113], «Серкит-сити»[114], «Virgin», а вот Милгрим, пожалуй, все это время катился с такой же скоростью, только в противоположном направлении. Подсел – ну да, чего уж лукавить, – подсел на таблетки, которые подавляют напряжение в самом зародыше, а взамен ежедневно грозят уничтожить личность единым внутренним взрывом.

Как бы там ни было, думал Милгрим, лишняя доза японского медикамента, которую он сегодня позволил себе, несомненно, прояснила душу и разум, не говоря уж о неожиданно погожем дне.

Браун остановил серебристую «короллу» неподалеку от Вест-Юнион-сквер и сообщил на свой ларингофон (ну или внутренним бесам), что «красные номер один» прибыли вовремя. Не очень удачное место для парковки, однако мужчина достал с пола свою черную сумку, вытащил два удостоверения официального тускло-серого вида, заключенные в конверты из прозрачного желтоватого пластика. Заглавные черные буквы, рубленый шрифт: «Управление городского транспорта». Браун лизнул большой палец и, смазав слюной присоски, прилепил документы к ветровому стеклу прямо над рулем. Потом опустил сумку на крышку лэптопа. И повернулся к Милгриму, держа наручники на раскрытой ладони, словно предлагал товар на продажу. Браслеты ничуть не блестели, точь-в-точь как и прочие любимые безделушки Брауна. Интересно, делают ли наручники из титана, мелькнуло в голове Милгрима. Если нет, значит, это искусная имитация, вроде поддельных «Окли»[115], которыми торговали на Канал-стрит.

– Я говорил, что не буду тебя к машине приковывать, – произнес Браун.

– Говорил, – как можно безучастнее отозвался пленник. – И что браслеты еще пригодятся.

– Ты ведь даже не знаешь, как ответить, если вдруг подойдет полиция или дорожный инспектор и спросит, чем ты здесь занимаешься. – Браун убрал наручники в маленькую,

подогнанную по форме кобуру на поясе.

«Скажу: „Помогите, меня похитили“, – подумал Милгрим. – А лучше так: „В багажнике целая куча пластиковой взрывчатки“.

– Поэтому ты сядешь сейчас на скамейку и будешь греться на солнышке.

– Хорошо.

– Руки на крышу, – скомандовал Браун, когда мужчины вышли из автомобиля.

А сам открыл заднюю дверь и закрепил еще одно удостоверение Управления городского транспорта на стекле над багажником. Милгрим стоял, положив ладони на чистую, нагретую солнцем крышу «короллы». Браун выпрямился, захлопнул дверцу и щелкнул маячком сигнализации. Потом обронил:

– За мной, – и еще что-то неразборчивое, возможно, уже из роли «красных номер один».

«Его лэптоп… – думал Милгрим. – Сумка…»

Повернув за угол, он зажмурился от неожиданности. Впереди раскинулся огромный, залитый светом парк; за деревьями, уже готовыми покрыться листвой, весело пестрели навесы торговых палаток.

Милгрим по пятам проследовал за Брауном вдоль по Юнион-сквер и через овощной рынок, мимо юных мам с колясками на вездеходных колесах и пакетами, полными экологически чистых продуктов. Потом было знакомое здание эпохи Администрации общественных работ[116]; теперь тут размещался ресторан, правда, почему-то закрытый. На пересечении парковой дорожки с Шестнадцатой улицей высился на постаменте Авраам Линкольн. Когда-то Милгрим долго ломал голову над вопросом: что же он сжимает в левой руке? Может, сложенную газету?

– Сюда. – Браун ткнул пальцем в скамейку, ближайшую к Вест-Юнион-сквер. – Только не посередине. Вот.

Он указал на место рядом с округлым поручнем, нарочно устроенным так, чтобы какому-нибудь усталому бродяге неудобно было класть голову; вытащил из-за пояса брюк тонкий ремешок из пластика, блестящий и черный. Ловким приемом обвив его вокруг поручня и запястья пленника, Браун затянул петлю и закрепил с резким свистящим звуком. Получился наручник; осталось только спрятать лишний кусок длиной около фута, чтобы не было так заметно.

– Мы за тобой вернемся. Сиди и помалкивай.

– Хорошо.

Вытянув шею, Милгрим глазами проводил Брауна. Потом сморгнул – и мысленно увидел, как разбивается вдребезги заднее

стекло «короллы». О, этот сладкий миг, когда осколки еще висят в воздухе, не осыпаясь на землю! Если постараться, сигнализация даже не пикнет. Осторожнее перегнуться через острые зубчатые края и схватить ручку нейлоновой сумки, в которой наверняка отыщется коричневая упаковка «Райз». И уносить ноги...

Милгрим посмотрел на узкую черную полоску из нервущегося пластика вокруг запястья и для начала прикрыл ее рукавом пальто, спрятал от гуляющих вокруг пешеходов. Если Браун воспользовался стандартным кабельным хомутом (что вполне вероятно), Милгрим представлял себе, как избавиться от браслета. Вот гибкие прозрачно-белесые одноразовые пластиковые наручники из тех, что применяли нью-йоркские копы, снимались, судя по опыту, куда тяжелее. Может, Браун попросту не желал носить при себе аксессуар не черного цвета и не из титана?

Однажды Милгрим какое-то время делил квартиру на Ист-Виллидж с одной женщиной, хранившей аварийный запас валиума в алюминиевой коробке для рыболовных снастей. В крышке коробки было маленькое отверстие, куда легко вставлялся висячий замочек, но соседка предпочитала пластиковый кабельный хомут, уменьшенный вариант наручника, приковавшего пленника к парковой скамейке. Когда наставало время срочно воспользоваться запасом, женщина перекусывала хомут клещами или маникюрными ножницами, а взамен привязывала новый – возможно, хотела убедиться, что вскрывала коробку последней, вроде как ставила восковую печать на письме. Милгрим не видел особого смысла в ее действиях, однако люди часто ведут себя странно, когда заходит речь о наркотиках. Кстати, он постоянно искал ее запас хомутов, но так и не смог найти, а ведь это был бы самый простой способ обвести соседку вокруг пальца.

Зато мужчина установил, что стандартные хомуты застегиваются на крохотную «собачку». Научившись поддевать ее плоским концом ювелирной отвертки, Милгрим получил возможность в любое время отпирать и закрывать импровизированные «замки» даже и с коротко отрезанными концами, как бывало чаще всего. Мелкое воровство не прошло незамеченным, и отношения с дамой быстро свелись на нет.

Пленник наклонился вперед и уставился между коленями на замусоренный тротуар. Он уже мысленно обшарил свои карманы и убедился, что, к сожалению, не держит при себе ничего похожего на ювелирную отвертку.

Случайный прохожий мог принять его за наркомана, который ищет под ногами обломки собственной галлюцинации. И

Милгрим изо всех сил напустил на себя серьезный вид: мало ли что он там потерял. На глаза попался коричневый бутылочный осколок длиной в дюйм. Нет, не то. С точки зрения чистой теории, ремешок можно было перепилить, но пленник не представлял себе, сколько времени это займет, и к тому же боялся порезаться. Хорошо подошла бы скрепка, если над ней немного поработать, однако Милгрим по опыту знал: бумажные скрепки, как и проволочные плечики для одежды, не валяются под ногами, когда они нужны. Зато буквально в нескольких футах от левого носка ботинка тускло блестело что-то узкое, с прямыми углами, кажется, из металла. Мужчина вцепился в поручень прикованной рукой, неловко сполз со скамейки, вытянул левую ногу как можно дальше и принялся скрести каблуком по асфальту, чтобы зацепить вожделенную вещицу. С пятой или шестой попытки у него получилось; зажав добычу в свободной ладони, Милгрим быстро вернулся на сиденье и занял более приличную для общественного места позу.

Затем уставился испытующим взглядом на свой приз, держа его, как держит иголку швея, за кончик между большим и указательным пальцами. Это был обломок ручки – чеканный зажим из жести, а может, из меди, с дешевым серебряным напылением, уже начавший ржаветь.

Почти идеально. Милгрим примерил кончик зажима к узкой щелке, через которую думал сместить невидимую «собачку» (тот оказался широковат, но не слишком), нашел на чугунном поручне удобный выступ и взялся за дело.

Приятно поработать руками – или хотя бы одной рукой – в такой погожий день.

– Человек-изготовитель орудий[117], – пробормотал мужчина, затачивая импровизированный ножичек, словно Гудини, готовящийся к трюку.

40
Танцы на площади

Тито нагнулся и крепче завязал шнурки «Адидасов GSG9», учтиво напоминая *guerreros* о том, что время настало. Выпрямившись, он покачался на носках, пересек Четырнадцатую улицу и двинулся через парк, сжимая в кармане куртки пластиковый чехол с айподом.

Однажды в Гаване Хуана отвела его к одному зданию, исполненному пышного, но неимоверно растленного великолепия. Правда, в те дни Тито и не подозревал, что сооружение подобного возраста и столь замысловатой постройки можно было бы найти в ином состоянии. Стены и потолок вестибюля, покрытые обшарпанной штукатуркой, напоминали карту с океанами и материками. Лифт громко скрипел и содрогался, возносясь на верхний этаж, а когда Хуана с трудом повернула решетчатую железную створку, Тито внезапно понял, что вот уже некоторое время (возможно, с тех самых пор, как попал на улицу) слышит бой барабанов. Ожидая у длинных дверей единственной на этаже квартиры, он читал и перечитывал записку, начертанную от руки по-испански на покрытом жирными пятнами клочке бурой бумаги и прикрепленную к дереву четырьмя густо заржавленными коверными гвоздями: «Входи в духе Бога и Иисуса Христа – или не входи вовсе». Тито взглянул на Хуану, вопросительно выгнув брови, не зная, как выразить свое недоумение словами.

– С тем же успехом могли бы написать: «Маркс и Энгельс», – пояснила она.

Открывшая дверь высокая женщина в багровом платке и с зажженной сигарой меж пальцев широко улыбнулась гостям и потянулась, чтобы потрепать молодого человека по голове.

Чуть позже, под портретами Мадонны Гваделупской и Че Гевары, рослая незнакомка изображала Танец Ходячего Мертвеца. Тито сидел, прижавшись к Хуане, щурясь от сигарного дыма и сладкого запаха лосьона после бритья, и следил за тем, как босые ноги слабо шлепали по разбитому паркету.

Сейчас его окружали *guerreros*, общаясь между собой на языке погоды и высоких летучих облаков. Дрожа под курткой, Тито продолжал шагать под солнечным светом, навстречу обнаженным деревьям с зелеными почками на ветках. Ошоси показывал ему мертвые зоны в площадной человеческой матрице – фигуры, не имевшие отношения к бессознательному танцу на этой лесной

поляне среди городских высоток. Тито не смотрел в лица замаскировавшимся наблюдателям. Он попросту слегка менял направление и обходил их.

Приближаясь к навесам рынка, Тито увидел старика. Тот медленно брел между овощными лотками в длинном твидовом пальто, причем в этот раз опирался на блестящую металлическую трость и заметно прихрамывал.

В тот же миг Ошоси круто развернулся, налетел на Тито подобно сухому и неожиданно теплому ветру и показал, как начинают сходиться преследователи. Ближайший из них, рослый широкоплечий мужчина, с грехом пополам притворялся беспечно гуляющим по улице, но S-образная морщина между солнечными очками и козырьком синей бейсболки с лихвой выдавала его напряжение. Ощутив позади еще парочку, как если бы Ошоси ткнул его пальцем в спину, Тито поменял курс, чтобы не оставить ни у кого сомнений: он шагает навстречу старику. Потом немного замедлил ход и нарочно расправил плечи в надежде, что преследователи купятся на этот ложный жест. И тут же увидел, как шевелятся губы мужчины в темных очках. Человек из «Прада» предупреждал о телефонах и рациях.

Теперь уже Система пронизывала каждый шаг черных «адидасов». Рука потянула айпод из кармана, держа его за раскрытый чехол, не касаясь корпуса пальцами.

Близился условный рубеж, те самые десять шагов, но мужчине в бейсболке оставалось и того меньше – а точнее, три шага, – когда старик совершил разворот и грациозно выбросил металлическую трость на уровне вытянутой руки, угодив по шее очкастого. После удара морщина в виде буквы S разгладилась. Чудовищно долгое время казалось, будто на лице под синим козырьком зияют три черные дыры – стекла очков и точно такой же круглый, беззубый с виду рот. А потом человек упал как подкошенный, тросточка тяжело застучала дальше по тротуару, и Тито замер, почувствовав на плечах чьи-то ладони.

– Воруют! – звенящим, поразительно зычным голосом завопил старик. – Держи вора!

Тито сделал обратное сальто, заставив охотников по инерции пролететь вперед, а когда приземлился, Ошоси показал ему элегантного Маркоса. Тот с учтивой улыбкой выпрямлялся между красиво оформленными овощными лотками, поднимая что-то с асфальта. Его руки в перчатках крепко сжимали какую-то доску, а ноги встали на ширине плеч. Трое мужчин, устремившихся к старику, будто наткнулись на заколдованную невидимую стену и, превратившись в пернатых, полетели через нее по воздуху. Один из них рухнул на овощной лоток. Послышался многоголосый

женский визг.

Маркос отбросил деревянную рукоятку, на которой только что держалась натянутая проволока, так, словно вдруг увидел на ней грязь, и зашагал себе дальше.

Преследователи сообразили, что Тито у них за спиной, и дружно повернулись, столкнувшись плечами. Более крупный мужчина хлопал себя по шее, куда тянулись провода от рации.

– Красные победили! – объявил он с дикой, необъяснимой яростью (интересно, что за победа имелась в виду?) и ринулся вперед, на ходу отпихнув товарища.

Тито, которому пришлось изображать панику и с якобы растерянным видом таращиться по сторонам, чтобы охотники поверили, что были близки к победе, увидел его неуклюжие движения и понял: дальше ломать комедию уже не имеет смысла. Он уронил айпод на пути противника и притворно дернулся следом, подчеркивая, куда именно упала его потеря. Неудачливый преследователь инстинктивно отпихнул его в сторону, а сам грузно спикировал за айподом. Тем временем Тито бросился наутек. Второй мужчина попытался остановить его приемом, который наверняка подсмотрел в американском футболе. Тито кинулся между его ногами и что есть мочи пнул врага. Судя по отчаянному визгу, удар пришелся в ахиллесово сухожилие.

А Тито уже бежал на юг, прочь от пересечения Парка и Семнадцатой, а значит, от места назначения. Мимо человека из обувного отдела в «Прада», одетого в заляпанную краской спецовку лоточника и держащего в руке желтую коробку с тремя короткими черными антеннами.

Со всех сторон от беглеца, дыша, как огромные псы, мчались ориши – охотник и открыватель, открыватель и расчиститель путей. И еще Осун, чья роль оставалась тайной.

41
Гудини

Милгрим скорее почувствовал, нежели услышал щелчок, с которым крохотная «собачка» поддалась напору заточенного зажима от шариковой ручки. Мужчина глубоко вздохнул, наслаждаясь непривычным чувством победы. Затем ослабил браслет, не снимая его с поручня, осторожно высвободил кисть и как можно равнодушнее огляделся вокруг. Брауна было нигде не видно, но ведь оставались его гостиничные гости, плюс как знать, из кого еще состояла пресловутая команда красных...

И почему они, эти команды, всегда называются красными? От нехватки воображения? Синие – и то чрезвычайно редки. А уж зеленых и черных вообще не встречается.

Послеполуденное солнце освещало парковые аллеи, заполненные пешеходами. Между тем кое-кто из них наверняка лишь прикидывался, будто гуляет. А сам играл в игру с участием Брауна, и его НУ, и неизвестно кого еще. Полиция поблизости не показывалась. Странное дело. Хотя Милгрим уже давно не бывал в этих местах, и, возможно, служители порядка нашли какой-нибудь новый способ исполнять свой долг.

– А он оказался дефективный, – извиняющимся тоном пролепетал мужчина, репетируя оправдание на случай, если Браун вернется прежде, чем у пленника хватит духа встать со скамейки. – Так я решил здесь подождать.

На плечи Милгрима опустились тяжелые руки.

– Спасибо за ожидание, – произнес размеренный низкий голос. – Только мы вовсе не детективы.

Мужчина посмотрел на левое плечо. Там лежала огромная черная ладонь с отполированными до блеска розовыми ногтями. Он закатил глаза, робко вывернув шею и увидел огромный утес, затянутый в черную конскую кожу с множеством кнопок, над которым высился мощный, идеально выбритый подбородок.

– Мы не детективы, мистер Милгрим. – Еще один мавр обогнул скамейку с другого конца, на ходу расстегнув плащ, похожий на латы; под кожаной кирасой обнаружился парчовый двубортный жилет иссиня-черного цвета и атласная рубашка с изящным воротником оттенка артериальной крови. – Мы вообще не из полиции.

Милгрим изогнул шею чуть сильнее, чтобы лучше рассмотреть человека, чьи руки лежали у него на плечах словно двухфунтовые мешки с мукой. Черные рыцари были в тех же

обтягивающих шапочках, которые он запомнил еще в корейской прачечной на Лафайет-стрит.

– Это хорошо, – сказал Милгрим, лишь бы сказать хоть что-нибудь.

Конская шкура затрещала по швам, когда второй из мавров сел на скамейку, задев неудавшегося беглеца исполинским плечом.

– Я бы на вашем месте не говорил так уверенно.

– Ладно, – кивнул Милгрим.

– А мы вас искали, – произнес первый, не убирая увесистых ладоней. – Правду сказать, не очень активно. Зато когда вы решили позаимствовать телефон у некоей юной леди и связаться со своим знакомым, тот немедленно позвонил по старой дружбе мистеру Бердуэллу, который набрал номер, определившийся у Фиша на экране, и, применив к хозяйке трубки особые приемы социальной инженерии... Видите ли, девушка и так подозревала, что вы пытались украсть ее телефон... Мистер Милгрим, вы успеваете за моими рассуждениями?

– Да, – подтвердил тот, чувствуя, как его захлестывает лишенное всякой логики, но совершенно непреодолимое желание прицепить наручник обратно, чтобы волшебным образом повернуть ход событий вспять и возвратиться на несколько минут назад; теперь уже парк из ближайшего прошлого казался ему райским островком покоя, света и безмятежности.

– По случаю, мы оказались рядом, – вмешался сосед по скамейке, – и заглянули на Лафайет-стрит, где и наткнулись на вас. После чего, в виде одолжения мистеру Бердуэллу, некоторое время следили за вашими перемещениями, ожидая возможности потолковать с глазу на глаз.

Исполинские руки на плечах внезапно потяжелели.

– А где же ваш вечный спутник, этот ублюдок с рожей копа? Тот, который вас привез?

– Он совсем не коп, – ответил Милгрим.

– Тебя не об этом спрашивают, – отрезал сидящий рядом.

– Ух ты! – воскликнул стоящий позади. – Там белый старикан врезал здоровенному парню!

– Воруют! – завопил кто-то на овощном рынке. – Держи вора!

В торговых рядах началось волнение.

– А еще говорят, район облагораживается[118], – пробормотал сидящий на скамейке, словно досадуя на непрошеное вмешательство.

– Черт, – выругался стоящий за спиной и отпустил плечи Милгрима. – Там облава.

– Он из DEA! – выкрикнул пленник и рванулся вперед.

Старые кожаные подошвы кошмарно скользили, а он перебирал ногами, как в старом-престаром фильме с дергающимися кадрами. Или в очень плохом ночном кошмаре. Тем более что на бегу он воинственно, будто крохотный меч, держал перед собой с трудом заточенный ключ Гудини.

42
Не даться в руки

Система учит избегать погони любыми средствами, как утверждали дяди. Тот, кто следует Системе, предпочитает не уносить ноги, а не даваться в руки. Разницу объяснить нелегко, однако представьте себе людей, сцепившихся ладонями через стол. Рука, натренированная по Системе, при желании ускользнет, но не дастся.

Впрочем, Тито, которого ждали в определенном месте, а именно в гостинице с загадочным названием «W», уже не мог применить этот прием в полную силу, ведь подобное искусство не признает ограничений, а погоня, о которой предупреждал Ошоси, подразумевала определенные неудобства. Но и для этих случаев Система кое-что предусматривала. Время настало; Тито на полной скорости ухватился за спинку скамейки, упал, перекатился, вскочил, не теряя инерции, и ринулся в противоположную сторону. Казалось бы, ничего особенного, но рядом завизжал от восторга какой-то ребенок.

Ближайший из трех преследователей как раз огибал скамейку, когда беглец перепрыгнул через спинку и благополучно миновал его. Убегая на восток, Тито мельком бросил взгляд назад. Остальные двое, нетренированные рабы собственной инерции, пронеслись мимо первого и едва не врезались в скамейку. Это оказались те самые люди, налетевшие на проволоку Маркоса. У одного их них был окровавлен рот.

Держа своего Ошоси на плече, Тито мчался по направлению к пересечению Вест-Юнион-сквер и Шестнадцатой улицы. Ориши желали, чтобы он как можно скорее покинул парк с его геометрически предсказуемыми возможностями для погони. Добежав до дороги, он увидел перед собой такси – и перекатился через капот, успев заглянуть в глаза водителю через ветровое стекло. Трение обожгло бедро через джинсы. Водитель уперся рукой в гудок, да так и не отпустил. Тут же словно по команде взревели другие автомобильные сигналы. Их лающий вой достиг наивысшей точки, когда преследователи добрались до потока машин. Тито на ходу оглянулся. Мужчина с окровавленным ртом лавировал между тесно прижатыми друг к другу бамперами, высоко подняв руку над головой, словно держал в ней чудесный талисман. Должно быть, полицейский жетон.

Тито устремился на север, нарочно снижая скорость и пригибаясь, виляя в толпе прохожих, многие из которых спешили

посмотреть, из-за чего на улице поднялся шум. В окнах ресторана мелькали вытянутые лица любопытных. Беглец обернулся: кровавый рот настигал его, отпихнув по дороге какую-то женщину.

Тито прибавил прыти, но расстояние между ним и противником, как утверждал Ошоси, по-прежнему сокращалось. Не замедляя шага, он пересек Семнадцатую улицу и нашел вращающуюся дверь нужного ресторана. Тито промчался мимо, ко входу в гостиницу под широким стеклянным козырьком. Нырнул под руку изумленного привратника в черной униформе, обогнул возникшую на пути женщину. Увидел, как по широкой мраморной лестнице, разделенной центральными перилами, спускается Бродерман в униформе «Федерал экспресс», покачивая в руках повернутую вертикально плоскую картонную коробку красно-бело-синей расцветки. Занятно было впервые увидеть его в шортах. Метнувшись вправо (новые туфли заскрипели по белому мрамору), Тито услышал, как позади него мужчина с кровавым ртом яростно хлопнул дверью.

В глубине вестибюля темнела волнистая драпировка над лестницей. За спиной, у входа, раздался грохочущий перестук: это Бродерман исхитрился рассыпать на беломраморный пол из коробки «ФедЭкса» тридцать фунтов стальных двадцатимиллиметровых шарикоподшипников.

Тито бросился на юг; Ошоси подсказывал: противник благополучно миновал препятствие и уже сократил разрыв до считанных шагов.

Беглец влетел в ресторан и пулей промчался мимо длинных столов, поставленных рядами вдоль обращенных к югу окон; перед глазами замельтешили изрядно удивленные лица посетителей, еще мгновение назад скучавших над кофе с десертом.

Мужчина с кровавым ртом ухватил Тито за левое плечо, и тот, увернувшись, опрокинул столик. Еда и стаканы взлетели на воздух, послышался женский визг. За миг до того Элеггуа с головокружительной скоростью «оседлал своего коня» и заставил Тито выбросить руку назад, чтобы что-то выхватить у противника из-за пояса; почти одновременно он зарядил пневматический пистолет одной левой и выстрелил из-под правой подмышки.

Отчаянный, нечеловеческий вопль выбил оришу из седла; в ту же секунду Тито увидел освещенную табличку «Выход» и ринулся к двери под ней, каким-то чудом не сшибая тележки, нагруженные посудой. Работники кухни в белых одеждах кидались в разные стороны, лишь бы не подвернуться ему под ноги.

Вот она, вывеска. Тито ударом вышиб дверь. Солнечный свет резко ударил в глаза. Позади запела сигнализация.

Большой зеленый фургон с аккуратной серебристой надписью гостеприимно распахнул одну из па́рных дверей. Мужчина из «Прада», успевший избавиться от заляпанной в краске спецовки, стоял и протягивал сверху руку.

Тито сунул ему значок в кожаном чехле, который Элеггуа выхватил из-за пояса у преследователя.

Мужчина мельком заглянул внутрь, заметил:

– ICE, – и убрал вещицу в карман.

После чего втянул Тито в темное, пропахшее дизельным топливом пространство кузова со странными тусклыми огоньками.

– Вы уже виделись, – обронил он, после чего, соскочив на землю, захлопнул и запер дверь.

– Садись, – проговорил старик со скамейки, закрепленной посередине при помощи парусиновых растяжек. – Не хотим, чтобы ты пострадал, если мы вдруг остановимся.

Тито перелез через спинку мягкой скамьи, нащупал концы обычного ремня безопасности и пристегнулся. Фургон завелся и тронулся на запад, а затем повернул на север, в сторону Парка.

– Полагаю, они забрали то, что хотели? – спросил собеседник по-русски.

– Взяли, – ответил Тито по-английски.

– Вот и отлично, – сказал старик по-русски. – Отлично.

43
Запах

Бар в фойе был снова переполнен.

Бигенд сидел за длинным алебастровым столиком, закусывал из квадратной тарелки чем-то вроде суси, завернутого в ломтик сырого мяса.

– Кто сделал снимок? – спросила Холлис, едва успев подойти достаточно близко, чтобы лишние уши не расслышали ее слов.

– Памела. Она в этом дока.

– Памела следила за мной?

– Нет, за Чомбо. Наблюдала, как он упаковался и съехал.

– А Бобби точно действовал по собственной воле? Уверены, что его не забрали в Министерство внутренней безопасности?

– Думаю, тогда бы он не смог так спокойно курить сигареты и путаться под ногами, пока эти парни выносили улики.

– Не знаю, но я была бы против узнать это на своей шкуре. А вы?

– Разумеется, тоже. Выпить не хотите?

– Нет, спасибо. Лучше объясните: если все, что вы говорили, правда, то почему вас это не беспокоит? Меня бы, например, беспокоило. Вернее, уже. Если вы в самом деле наслышаны о секретной американской программе по перехвату нелегального оружия, надо полагать, подобные знания грозят нешуточными неприятностями. А если не грозят (и вы не соврали), то почему?

Получилось немного резче, чем она рассчитывала, но Холлис показалось, что так и надо.

– Прошу, садитесь, – произнес Бигенд.

Стулья сильно различались между собой – очевидно, так было задумано. Тот, что предназначался для журналистки, напоминал высокие фигуры воинов масаи, высеченные из железного дерева, только без грозных шипастых причесок. Магнат расположился на стуле из полированного алюминия в духе Генри Мура.

– Спасибо, лучше постою.

– Знаете, я не имею понятия, что находится в том контейнере. Вы мне верите?

Холлис подумала.

– Может быть. Это зависит...

– От чего именно?

– От того, что вы собираетесь рассказать дальше.

Он улыбнулся.

– Куда бы ни завела нас эта беседа, я ни при каких обстоятельствах не объясню вам, каким образом ввязался в эту историю. Условие принимается?

Холлис подумала.

– Да.

Пожалуй, из-за этого и впрямь не стоило ломать копья.

– И если мы собираемся продолжать беседу, придется потребовать от вас очень серьезно отнестись к моему предприятию. Прежде чем сообщить еще что-нибудь, я должен убедиться в вашей лояльности. Поймите правильно: любые новые сведения только глубже затянут вас в гущу событий. Бывает, чем больше мы знаем, тем сильнее задевает нас происходящее. Надеюсь, это ясно?

Бигенд взял с тарелки багровый флеш-маки, придирчиво оглядел и положил в рот.

А журналистка подумала: во что бы он там ни ввязался, история наверняка серьезная. Серьезная и очень важная. Почему – пока неизвестно. Память подсунула образ белого грузовика, свернувшего за угол и пропавшего из виду. Холлис почувствовала острое желание узнать, куда же он уехал и по какой причине. А если она никогда этого не выяснит... Почему-то перед глазами возник Ривер Феникс работы Альберто, распростершийся на бетонном тротуаре. Тоже вариант.

Бигенд промокнул губы салфеткой и вопросительно поднял бровь.

– Согласна, – решилась Холлис. – Но если я когда-нибудь обнаружу, что вы мне солгали, пусть даже по недосмотру, все кончено. Никаких обязательств с моей стороны. Ни единого. Это ясно?

– Абсолютно. – Магнат повторил уже знакомую улыбку и подозвал официанта. – Выпить, пожалуйста.

– Двойное виски. С кубиком льда, – произнесла журналистка, глядя на ослепительный алебастровый стол. Все эти свечи, напитки, дамские запястья...

Что же она сейчас наделала, во что ввязалась?

– По чистой случайности, – проговорил Бигенд, наблюдая за опускающимся подносом с тем же выражением лица, с каким пару минут назад рассматривал свой флеш-маки, – сегодня утром я кое-что выяснил. Это связано с Бобби.

– По-моему, в подобных случаях «чистая случайность» – не самый надежный источник информации. – Холлис решила испробовать стул-масаи; неожиданно ей понравилось.

– Говорят, и у клинических параноиков могут быть настоящие враги.

– Так что же вы выяснили?

– Бобби, как мне известно, в последнее время выполняет по меньшей мере два поручения.

– Чьих?

– Не знаю. Итак, поговорим о заданиях Чомбо. Первое, как я уже говорил, заключается в том, чтобы время от времени принимать сигналы некоего «Летучего Голландца», вылавливать их среди огромного множества других согласно определенному набору параметров, которые ему сообщили. Вот чем занимался наш Бобби. До сих пор занимается. Периодически контейнер испускает сигнал, оповещая о своем местонахождении, а возможно, и неповрежденности. Сигнал прерывистый, он зашифрован и меняет частоту, но Чомбо, видимо, в курсе, где и когда нужно слушать.

– А какая выгода тем, кто за это платит?

– Не знаю. Могу предположить, что контейнер – не их, и сигнал тоже. В конце концов, Бобби ведь получает свои деньги. Не исключено, что и первоначальные сведения для него были тоже где-то куплены. Или наоборот, если ящик с самого начала принадлежал им, от этой возможности я тоже не отказываюсь.

– Почему?

– Вообще-то я агностик. Во всех вопросах.

– Ладно, в чем заключается вторая работа Бобби?

– Это-то я и выяснил утром. Помните, в «Синем муравье» я сказал про айподы, которые он отсылает в Коста-Рику?

– Точно, говорили. С музыкой.

– Что вам известно о стеганографии[119]?

– Я даже не представляю, как это слово пишется.

– Второе задание Чомбо состоит в компилировании детально разработанных системных журналов, посвященных фиктивным поискам сигналов контейнера. Это объемные, наукообразные отчеты о непрерывных, но, к сожалению, пока безуспешных попытках попасть на нужную волну. – Бигенд склонил голову набок. – Вы успеваете за моей мыслью?

– То есть он подделывает доказательства, что якобы до сих пор не нашел сигнала?

– Совершенно верно. На сегодняшний день Бобби скомпилировал целых три подобных опуса. Он их стеганографически шифрует и записывает на айподы... – Бигенд умолк, потому что принесли напиток для Холлис.

– Можно еще раз повторить это слово? – спросила она, когда официант удалился.

– Стеганографически. Он очень тонко прячет свои записи среди большого объема музыки. Чтобы их выудить, нужно либо

иметь ключ, либо гигантские, сверхмощные ресурсы для дешифровки.

– А ведь айподы почти не проверяются по сравнению с лэптопами?

Бигенд пожал плечами.

– Смотря кто проверяет.

– И как же вы об этом узнали?

– Не могу вам сказать. Извините, но это напрямую связано с моей вовлеченностью в историю с Бобби, а мы условились не касаться этой темы.

– Хорошо.

А что хорошего? Теперь он будет пользоваться этой отговоркой, когда пожелает. Ну да ладно, всему свое время.

– Зато я упоминал, что послания приходили на *poste restante*[120] в Коста-Рике...

– Верно.

– И там следы терялись, но лишь до того дня, когда я наконец почуял близость сотрудников американской разведки. Отчетливый, скажу вам, запах. Разумеется, все имена хранятся в строжайшем секрете. Однако теперь до меня доходят слухи, будто айподы Бобби переправляются морем из Сан-Хуана.

– И куда же?

– В Нью-Йорк. Если, конечно, мой источник не врет. Похоже, получатель из Сан-Хуана очень ленив. Или нервничает. Подлинный адресат ни разу не забирал послания. Их отсылают на том же корабле обратно. Экспресс-почтой. На Канал-стрит. Китайский импортер.

– Значит, Бобби следит за блужданиями контейнера, – начала Холлис, – но измышляет поддельные доказательства, будто бы ничего не нашел. Он шлет их в Коста-Рику, откуда послания возвращаются по морю в Нью-Йорк...

– Вы пропустили одну ступень. Согласно намерениям тех, кто нанял Бобби, получатель из Коста-Рики, судя по всему, должен расписаться за бандероль и передать ее кому-то еще – предполагаемому адресату. Под получателем я имею в виду самый обычный полулегальный почтовый ящик. Однако предполагаемый адресат ни разу не объявился, не отыграл свою роль до конца. Вместо этого он заключает сделку с почтой, попросту веля переслать айпод обратно. Как видите, за́мок выстроен затейливо, но с изъяном.

– Чей замок?

– Понятия не имею.

– Можете рассказать, как вы узнали, что груз возвращается в Нью-Йорк?

– Я кое-кого подослал туда с охапкой налички и сделал кое-кому очень приятное неожиданное предложение. Тот еще городок.

– И это все, что вы получили за свои деньги?

– Прибавьте стойкое подозрение, что мистера Почтовый Ящик давно угнетает давление престарелых резидентов ЦРУ в отставке и он не прочь податься от них куда-нибудь подальше, на юга.

Холлис поразмыслила над его словами, болтая в стакане с виски единственный ледяной кубик.

– И что вы теперь думаете?

– Кого-то явно водят за нос. Заставляют верить, что кому-то другому известно про ящик, но пока неясно его местоположение. По-вашему, для чего это нужно?

– Чтобы убедить владельца, будто контейнер еще не выследили. Тогда как это не так.

– Похоже на правду, а?

– И?

– Пора заполнить пробел. Мы знаем, что кто-то в Сан-Хуане уклоняется от своих обязанностей, нарушая букву плана. Думаю, получатель просто боится.

– Кого?

– Возможно, владельца контейнера. А что, интересная версия. И тут нас поджидает второй пробел.

– Какой?

– Памела нацепила на тот грузовик устройство слежения GPS примерно за час до вашего появления.

– Бог мой, – произнесла Холлис. – Серьезно? Она у вас что, Джеймс Бонд?

– Отнюдь. Просто она такая придумщица, эта Памела. – Он улыбнулся.

– И где грузовик?

Бигенд достал из пиджака свой «Treo»[121] и пробежался пальцами по клавишам.

– В данную минуту он едет к северу от Сан-Франциско.

44
Стратегия завершения операции

Уже на бегу Милгрим понял, что устремился к автомобилю Брауна, – вернее, обнаружил, что его тело, корчась и задыхаясь от непривычной скорости, судорожно перемещается в нужном, как ему показалось, направлении. Душа мужчины словно вырвалась из плоти после того прыжка со скамейки, а сейчас вернулась обратно. Он даже не представлял себе, где теперь могут быть чернокожие джентльмены, только надеялся: вдруг мавры приняли за чистую монету выдумку про DEA? Может, и так; поверил же один из них в мифическую облаву. Вряд ли у Денниса Бердуэлла хватило денег нанять людей большого ума. И вообще не похоже, чтобы он кого-то нанял; такая мысль просто не умещалась в голове. Милгрим бросал по сторонам шальные взгляды, напрасно ища следы великанов в кожаных латах. Или кого-нибудь из команды красных. Или же самого́ Брауна.

Фермерский рынок смотрелся на удивление безлюдно, остались одни продавцы. Все они чуть ли не разом пытались дозвониться куда-то по сотовым, а некоторые орали друг на друга истеричными голосами.

Где-то вдали завыли сирены. Они приближались. И вроде бы даже во множестве.

От резкой боли в боку хотелось перегнуться пополам, но Милгрим изо всех сил держался прямо и заставлял себя бежать дальше.

Он уже был на перекрестке Юнион-сквер и Семнадцатой и нашел глазами «короллу», когда сирены вдруг умолкли. Обернувшись, мужчина увидел на пересечении улицы с парком полицейский автомобиль и карету «скорой помощи» с обезумевшими – красной и синей – мигалками на крышах. С восточной стороны тихо подъехали три одинаковых черных внедорожника, из них посы́пались настоящие громилы в черных одеждах, похожих издалека на космические скафандры. Новая суперполиция девять-один-один, догадался Милгрим; вот только не мог припомнить название. «Отряды Самсона», что ли? Как бы там ни было, эти люди зачем-то бросились в здание на углу. Теперь уже слышался рев пожарных сирен.

Захватывающее зрелище, однако Милгриму некогда было глазеть по сторонам. Сумка Брауна все еще лежала в автомобиле.

Тут беглеца словно ударило: на улице, сколько хватал глаз, ну совершенно ничего не валялось такого, чем бы можно было

разбить окно в машине. Ладонь невольно сжималась на рукоятке несуществующего молотка-гвоздодера, недорогого корейского орудия, с помощью которого Милгрим в последний раз проникал в чужой автомобиль; но в эту минуту чья-то рука впилась ему в левое плечо, а правую кисть заломили за спину, едва не вывихнув суставы.

– Ушли, – говорил между делом Браун. – Они заглушили все наши переговоры по телефонам и рациям. А раз мы опять разговариваем, значит, они ушли. Валите оттуда. Остальные уже слиняли. Они его в тюрьму, да? Бойцы «Геркулеса»[122]? – Мужчина вздохнул и под конец прибавил: – Дело дрянь.

«Точно, – вспомнил Милгрим. – Бойцы „Геркулеса“.

– Шевелись, – приказал Браун. – Пока не оцепили район.

И рванув на себя заднюю дверцу «короллы», толкнул свою жертву внутрь вниз лицом.

– На пол, – скомандовал он.

Милгрим едва успел подтянуть к себе ноги, как дверца с грохотом захлопнулась. В ноздри ударил запах сравнительно свежего автомобильного коврика. Колени уперлись в лэптоп и вожделенную черную сумку, но было ясно: момент упущен, если вовсе не померещился. Только бы успокоить дыхание и придумать хорошую отговорку; вдруг его спросят: почему разгуливал без наручников?

– Тихо лежи, – велел Браун, садясь за руль, и завел мотор.

Судя по ощущениям Милгрима, «королла» съехала с обочины, повернула направо, на Юнион-сквер Уэст, и затормозила. Передняя дверца открылась, впуская нового пассажира, и еле успела хлопнуть, как машина сорвалась с места.

– Давай сюда, – процедил Браун.

Что-то зашелестело.

– Ты в перчатках был?

Вопрос прозвучал чересчур спокойно. Дурной знак. Значит, и у команды красных день в парке не задался.

– Да, – отвечал мужской голос; Милгрим как будто слышал его из соседней комнаты нынче утром в «Нью-Йоркере». – Вот это отвалилось, когда он его уронил.

Браун молчал.

– А что случилось? – продолжал пассажир. – Они нас ждали?

– Может, они всегда кого-нибудь ожидают. Может, их так натаскали. Что, съел?

– Как Дэвис?

– Да вроде сломал шею.

– Ты мне не говорил…

Милгрим закрыл глаза.

Браун остановил машину.

– Проваливай. И убирайся из города. Сегодня же.

Щелкнула, открываясь, дверца. Неизвестный покинул салон, и она захлопнулась.

Автомобиль поехал дальше.

– Сними ты с окна эту лицензию, – приказал Браун.

Милгрим вскарабкался на заднее сиденье и оторвал присоски от стекла. «Королла» готовилась повернуть на Четырнадцатую улицу. Мужчина оглянулся на Вест-Юнион-сквер, увидел, как черный автомобиль команды Геркулеса перекрыл перекресток, и повернулся обратно. Только бы Браун не заставил еще раз падать на пол. Милгрим аккуратно поставил ноги по бокам от лэптопа и нейлоновой сумки.

– Возвращаемся в «Нью-Йоркер», да?

– Нет, – отвечал Браун. – В «Нью-Йоркер» мы не возвращаемся.

И в подтверждение своих слов повернул в сторону Трибеки[123].

Мужчины взяли такси до Пенсильванского вокзала, где Браун купил билеты на «Метролайнер»[124] в один конец.

45
Мелкие партии

– Куда, по-вашему, направился грузовик? – спросила Холлис, утопая в мягкой уютной ямке на краю гигантского футона.

– По крайней мере не в район Залива[125], – отозвался невидимый Бигенд из соседнего углубления. – Может быть, в Портленд, скоро выясним. Или в Сиэтл.

Журналистка устроилась поудобнее, провожая глазами огни маленького самолета в пустом сияющем небе.

– А почему им не поехать в глубь страны?

– Ну нет, – отвечал магнат. – Тут нужен какой-нибудь порт, возможность хранения тары.

Холлис приподнялась как сумела, оперевшись на правый локоть, чтобы заглянуть в лицо собеседнику.

– Что, уже начинается?

– Вероятно, раз Бобби внезапно уехал. Если только вы его не спугнули.

– Но вы-то как считаете, начинается?

– Возможно.

– А вам известно, где это?

– Помните «Хук»? Большой советский вертолет? Который способен пролететь тысячи миль, перенося наш контейнер с одного судна на другое?

– Да.

– В наши дни существует масса интересных возможностей следить за коммерческим грузовым судоходством. Вернее, за конкретным кораблем. Только сомневаюсь, что они помогут отыскать наш загадочный ящик. Полагаю, он постоянно меняет суда. Прямо в море. Нам уже доводилось слышать о применении достославного «Хука», но для того, чтобы переместить один-единственный сорокафутовый контейнер, не обязательно создавать себе такие сложности. Разве что требуется покрыть очень дальнее расстояние. К слову, наш ящик длиной сорок футов. Они все такие – либо двадцать, либо сорок. Стандартная форма. Возьмите хоть контейнеры с товаром, хоть пакеты с информацией – никакого штучного товара.

– Это вы о чем?

– Я о разбивке крупных партий на мелкие. Перевозке груза в тюках и деревянной таре, как в прежние времена. По-моему, термин вполне применим к области информации. Наиболее интересные сведения, как правило, стремятся именно к этому.

Обычная история: каждому что-нибудь да известно. Полная противоположность «извлечению информации»[126] и прочему.

– Никогда не слышала про извлечение информации, – призналась Холлис, – а уж о прочем и подавно.

– А «Синий муравей» уже в доле.

– Имеете акции в компании?

– Нет. Скорее что-то вроде подписки. В смысле, мы надеемся. Так просто не объяснишь.

– Подписки на что?

– В Швейцарии существует система радиоэлектронного перехвата «Оникс», схожая с американским «Эшелоном», оригинальные разработки велись в Америке и Британии. Главный принцип заключается в том, что информация, проходящая через спутниковые каналы связи, фильтруется с помощью программного обеспечения в целях поиска определенных сведений. Станции системы расположены в Циммервальде и Хамменшвайде, в кантоне Берн и в кантоне Вале. В возрасте тринадцати лет я провел неделю в Хамменшвайде. Из-за «Дада».

– Что-что?

– «Дада». Моя мать исследовала творчество одного не слишком известного дадаиста.

– Это в Швейцарии? У них и вправду есть такая система?

– В прошлом месяце, – произнес Бигенд, – в воскресном номере «Блика»[127] напечатали меморандум швейцарской разведки, где излагалось содержание перехваченного ею факса египетского МИД в посольство Египта в Лондоне. Там говорилось о существовании тайных тюрем ЦРУ в Восточной Европе. Правительство Швейцарии отказалось подтвердить существование доклада. И в то же время развернуло судебный процесс против издателей за публикацию данных, не подлежащих разглашению.

– Хотите сказать, на подобные вещи можно «подписаться»?

– Банкирам нужны достоверные сведения, – ответил магнат.

– И что с того?

– «Синий муравей» нуждается в хороших банкирах. Так получилось, что лучшие работают в Швейцарии. Но я бы пока не сказал, что дело в шляпе. Новые темы для поисков определяет независимая комиссия.

Тут у Холлис что-то случилось со зрением. В глубинах сияющего неба извивались огромные прозрачные существа. С щупальцами, как у звездных туманностей. Она сморгнула, и видение исчезло.

– Продолжайте.

– На сегодняшний день только два человека из этой комиссии

склонны любезно прислушиваться к предложениям наших банкиров. Ладно, поживем—увидим.

Футон тяжело закачался волнами: должно быть, Бигенд сел прямо.

– Выпьем еще?

– Спасибо, я не хочу.

– Впрочем, – начал магнат, – вы сами видите неимоверные сложности, связанные со знанием подобного рода. Не говоря уже о том, что мы не представляем, кто еще может охотиться за нужной нам информацией. Однако вы с вашим потенциалом подобраться вплотную к Чомбо...

Бигенд встал, потянулся, оправил пиджак, повернулся и наклонился к своей спутнице. Та приняла предложенную руку и с его помощью поднялась.

– Вы наша надежда разбить крупную партию на мелкие. – Мужчина сверкнул улыбкой. – Понимаете?

– Сколько можно повторять: Бобби не прыгал до потолка от счастья, когда Альберто меня привел. По-моему, он решил, что Корралес его предал. Конечно, вы можете думать, будто Чомбо спугнуло из города ожидаемое прибытие корабля, но я-то видела, как мало он обрадовался моему появлению.

– Первое впечатление порой обманчиво, – заметил Бигенд.

– Вы же не ждете, что теперь мы с ним ненароком столкнемся на улице?

– Предоставьте это мне. Во-первых, надо посмотреть, куда он направляется. А пока продолжайте работать с Филиппом. Посмотрим, что еще вам покажут Одиль и ее друзья. Не случайно же Бобби Чомбо совмещает такие разные, на первый взгляд, занятия. Самое главное – то, что наш разговор состоялся и мы пришли к соглашению. Буду счастлив работать вместе с вами.

– Спасибо, – машинально ответила Холлис и вдруг поняла, что прибавить ей нечего. Когда молчание грозило слишком затянуться, она сказала: – Доброй ночи.

И ушла, оставив спутника у великанских кадок с фикусами.

46
VIP

– Документов у тебя с собой нет, – произнес по-английски старик, отключив небольшую камеру, на дисплее которой он только что несколько раз подряд просмотрел какой-то видеосюжет.

– Нет, – подтвердил Тито.

Два дешевых пластиковых плафона на батарейках тускло светили с потолка на двоих пассажиров, пристегнутых к неудобной скамейке. Тито мысленно считал повороты, пытаясь определить направление. Казалось, фургон теперь находился к северо-западу от Юнион-сквер и ехал на запад; правда, уверенность таяла с каждой минутой.

Старик достал из кармана конверт и дал его своему спутнику. Тот надорвал край и вынул водительские права со своей фотографией. Нью-Джерси, Рамон Алькин. Тито внимательно изучил снимок. Он определенно узнал свое лицо, но точно помнил, что никогда не позировал в такой рубашке. Мужчина взглянул на подпись. Вначале, как учил Алехандро, нужно будет потренироваться копировать ее вверх тормашками.

Какое неприятное чувство – иметь документ, подпись на котором еще не умеешь подделывать. В особенности если не знаешь, как водить автомобиль.

Старик забрал конверт обратно, чтобы убрать его в карман. Тито достал из-под куртки бумажник и сунул права за прозрачное окошечко, между прочим заметив, как тщательно кто-то успел поцарапать ламинированную поверхность для большей достоверности. Сразу вспомнились уроки Алехандро.

– Что у тебя еще есть? – осведомился старик.

– Один из болгарских пистолетов, – ответил Тито и спохватился: незнакомец мог и не быть в курсе, о чем речь.

– А, Лечков. Дай посмотреть.

Тито вытащил пистолет, завернутый в носовой платок, и протянул старику. Легкая белая пыль запачкала его черные джинсы.

– Из него стреляли.

– Да, это я. В гостиничном ресторане. Чуть было не попал к ним в руки. За мной погнался один настоящий спринтер.

– Соль? – Старик осторожно принюхался.

– Морская. Очень тонкого помола.

– Лечков любил намекать, будто бы лично изобрел зонтик, с

помощью которого убили Георгия Маркова[128]. Это неправда. Говорят, что он начинал у себя в деревне простым велосипедным механиком. – Он убрал за пазуху пистолет и платок. – Я так понимаю, без выстрела нельзя было обойтись?

Насколько бы хорошо этот человек ни разбирался в истории их рода, Тито позволил себе усомниться, что ему многое известно об оришах. Вряд ли имело смысл упоминать Элеггуа, который в конечном счете и решил спустить курок.

– Я же не в лицо, – пояснил Тито. – Пониже. Облако попало по глазам, но не повредило. – Память подсказывала, что это правда. А впрочем, при любом раскладе выбор остался бы за Элеггуа. – Промоет водой, и слепоту как рукой снимет.

– Белый порошок, – проговорил старик; на его дубленом лице пролегли новые морщины, которые собеседник решил принять за улыбку. – Еще недавно это усложнило бы дело. Теперь – навряд ли. В любом случае ты не пронесешь его на борт через металлодетекторы.

– На борт, – повторил Тито. В горле у него пересохло, а в глубине живота все свернулось от страха.

– Ладно, это мы оставим, – сказал старик, словно почувствовал его панику и хотел утешить. – Еще железо есть?

Темнота; люди в крохотном самолете, плотно прижатые друг к другу; нагретый металл, упершийся в тело; Тито обнимает материнские колени; ее рука у него в волосах; двигатель надрывается, пытаясь поднять на воздух непосильную тяжесть. Безлунная ночь. Еле видны вершины деревьев…

– Нет, – с усилием выдавил он.

Фургон остановился. Тито понял, что слышит рев, точнее, гул – глубокий и угрожающий. Внезапно шум усилился: задняя дверь открылась, и солнце проре́зало темноту. Человек из обувного отдела «Прада» проворно поднялся в кузов. Старик отстегнулся и ловко перемахнул через спинку скамейки. Тито сделал то же самое; душа его онемела от страха.

– На Юнион-сквер оцепление, – сообщил человек из «Прада».

– Избавься от этой штуки. – Старик передал ему болгарский пистолет в носовом платке. Затем достал свою камеру, освободился от пальто, облачился в любезно поданный светлый плащ и обернулся к Тито: – Снимай свою куртку.

Тот повиновался. Взамен мужчина из «Прада» протянул ему короткую шерстяную ветровку зеленого цвета с желтой вышивкой на спине. Тито надел обновку. После чего получил зеленую кепку с желтым козырьком и надписью «ДЖОНСОН БРОЗ. ГАЗОНЫ И ЛУЖАЙКИ» и надел ее.

– А вот еще, – сказал человек из «Прада», вручая Тито пару

солнечных очков, после чего запихнул его старую куртку в маленькую сумку из черного нейлона, закрыл на молнию и отдал обратно. – Не забудь, – напомнил он.

Тито нацепил очки, и вся троица выбралась наружу, в мир яркого солнечного света и оглушительного рева. В нескольких футах перед фургоном на цепи висела табличка: «Эйр Пегасус. Вертодром VIP». А дальше, за ней, рычали вертолеты.

И тут появилась Вьянка. Она прикатила на мотоцикле, закрыв лицо зеркальным шлемом. Мужчина из «Прада» передал ей болгарский пистолет в носовом платке. Кузина убрала оружие за пазуху, торопливо помахала рукой на прощание и уехала. Свирепый визг ее мотора потонул в вертолетном грохоте.

Желудок потяжелел от холодного страха; Тито побрел за своими спутниками к VIP-вертолету.

После того, как они прошли через металлодетектор, и предъявили свои документы, и сели, пригнувшись, под вращающимися лопастями, и были пристегнуты, и рев стал неимоверно усиливаться, покуда не показалось, будто бы кто-то поднял машину с помощью троса и аккуратно понес, поднимая все выше, через Гудзон, Тито осталось только зажмуриться. Лишь бы не видеть ни города, ни того, как он быстро удаляется где-то внизу.

Наконец, по-прежнему не открывая глаз, мужчина нашел в себе силы вытащить из-за пазухи «Нано», достать из левого переднего кармана джинсов наушники – и отыскать хвалебный гимн, который он наигрывал на своем «Касио» для богини Ошун.

47
Улица N

На деревьях, которые помнили еще гражданскую войну, за Филадельфией, водились призраки.

До этого рельсы бежали вдоль бесконечной череды крошечных одноквартирных домов; царящая здесь нищета равнялась по силе только нейтронной бомбе – если, конечно, верить рассказам военных о прошлом.

Пустые, безлюдные улицы, и в тон им – пустые окна без стекол. Бесколесые остовы японских автомобилей на обочинах, лежащие прямо на брюхе. Здания не просто из другого времени, а скорее уже из другого мира; может статься, из Белфаста после сектантской биологической атаки.

Зато миновав Филадельфию (и приняв очередную таблетку), Милгрим начал улавливать краем глаза отблески существ иного мира – может, ангелов? Предвечернее солнце озаряло пролетающие мимо деревья фосфоресцирующим свечением в духе Максфилда Пэрриша[129], и вероятно, именно эпилептическое мельтешение пейзажа за окном поезда породило призраков. Вид у них был спокойно-безучастный, если не сказать – благосклонный. Эфемерные создания имели самое тесное отношение к этому месту, к этому часу времени года, но только не к истории самого́ зрителя.

Напротив сидел Браун и беспрестанно стучал по клавишам «бронированного» лэптопа. Всякий раз, когда он что-то писал, на его лице исподволь появлялась беспокойная гримаса. Милгриму оставалось лишь гадать о причинах. Возможно, Браун сомневался в своей способности к работе с текстом или заранее ждал отказа и брани со стороны адресата. Или просто чувствовал себя не в своей тарелке, сочиняя доклад о новых провалах? Если Милгрим правильно понимал его цели, то Браун еще никогда не добивался успеха с этим НУ, не говоря уже о Субъекте, хотя и прилагал все усилия. Зато ему по крайней мере удалось перехватить некий предмет, который должен был перейти из рук в руки на Юнион-сквер. Пожалуй, поимка НУ не входила в задачи Брауна, ведь это могло спугнуть многочисленную родню обоих мужчин, за которыми велась охота. Тогда и квартирный «жучок», потребовавший столько хлопот, уже не помог бы.

Итак, по предположению Милгрима, Браун теперь напрягался над отчетом о событиях на Юнион-сквер. Пленник отчего-то был уверен, что ни в одном из отчетов подобного рода не

упоминалось ни его имя, ни чернокожие союзники Денниса. И это к лучшему.

Милгрима беспокоило другое. Браун еще не спрашивал, почему он явился своим ходом и без наручника. Если спросит, придется ответить: дескать, ремешок сам отвалился, а тут началось волнение в парке, так что переводчик, желая облегчить отступление, решил на собственный страх и риск вернуться к машине.

Солнечные лучи, мелькающие сквозь кроны, утомили глаза, и Милгрим подумал, не почитать ли книгу. Но успел только сунуть ладонь в боковой карман и прикоснуться к потрепанной обложке, как тут же уснул, прижавшись щекой к теплому стеклу. Браун растолкал его уже перед самым вашингтонским вокзалом.

Все тело ужасно ныло – видимо, после непривычного напряжения в парке; да и страху пришлось натерпеться, так что чего уж там. Милгрим поднялся на еле гнущихся ногах и начал отряхиваться от крошек сандвича с индейкой, которым подкрепился еще до Филадельфии.

– Пошевеливайся. – Браун толкнул его в спину.

Сам он обвешался поклажей, точно вьючная лошадь: ремни от лэптопа и сумки перекрещивались у него на груди. Должно быть, учился на каком-нибудь семинаре, как нужно следить за своим багажом, чтобы не украли. Милгрим вообще подозревал, что Браун импровизирует очень редко и с большой неохотой, поскольку свято верит, будто существует единственно верный способ совершить любое дело и только этот способ имеет право на существование.

Наблюдая за тем, как спутник бессознательно пытается шагать с ним в ногу, пленник почуял в этом довольно властном человеке еще и глубоко заложенную необходимость подчиняться чужой воле.

На вокзале Милгрим внезапно почувствовал себя очень маленьким и втянул голову в плечи, высоко подняв воротник пальто. Он словно видел себя и Брауна со стороны, с высоты украшенных арок: два хлопотливых жучка, ползущих по мраморным просторам. Мужчина буквально принуждал себя бросать косые взгляды сверху вниз на покрытые письменами камни, аллегорические скульптуры, на позолоту – словом, на всю эту суетную роскошь американского ренессанса нового века.

Выйдя на уличный воздух, немного сырой и теплый, пропахший промышленным, но не нью-йоркским дымом, Браун быстро поймал такси и назвал адрес водителю-таиландцу в желтых стрелковых очках. Милгрим никогда не мог разобраться в местной карте города: какие-то круги, радиальные дороги

напоминали таинственные знаки масонской ложи… Но адрес был простой, и пленник его запомнил: улица N. Еще один алфавитный город[130], а какая большая разница. В незрелые годы первой администрации Клинтона Милгрим провел здесь три недели, в составе целой команды переводил с русского языка торговые отчеты для одной лоббистской фирмы.

В какой-то момент машина свернула с оживленной торговой улицы, ослепляющей модными брендами, и очутилась в более тихих окрестностях со старыми домиками, исключительно для местных жителей. Милгрим припомнил название архитектурного стиля – «федеральный»[131], а потом и название самого района – Джорджтаун[132]. Семинары по стилю проходили в одном из особняков, не похожем на те, что пролетали за окном; он был крупнее и с огороженным садом на заднем дворе. Милгрим улизнул туда, чтобы покурить травки, и неожиданно наткнулся на гигантскую черепаху в компании не менее гигантского кролика. Казалось бы, ничего удивительного: просто хозяин прогуливал своих любимцев. Однако теперь тот день рисовался в памяти неким чудом из детства. Если подумать, в настоящем детстве Милгриму не хватало чудесных минут; возможно, поэтому он готов был переместить субъективную временну́ю межу дальше, нежели следовало. Но это явно произошло в Джорджтауне. Узкие кирпичные фасады приглушенных оттенков, деревянные черные ставни… Складывалось ощущение, будто бы где-то здесь трудились не покладая рук Ральф Лорен и Марта Стюарт[133] – наконец-то вместе, бок о бок, – натирая мебель и паркеты золотистым пчелиным воском.

Машина резко затормозила, и ядовито-желтые очки повернулись к Брауну.

– Вам сюда?

«Наверное», – молча ответил Милгрим, а Браун протянул таксисту несколько сложенных купюр и велел своему спутнику вылезать.

Подошвы Милгрима то и дело скользили на старых кирпичах со стертыми от времени углами. Пленник поднялся за Брауном по трем высоким гранитным ступеням, скруглившимся за несколько столетий. Крашеную черную дверь под веерообразным окном украшал гербовый орел из свежеполированной бронзы, настолько древний, что смахивал не на хищную птицу, которых Милгриму доводилось видеть, а на какое-то существо из древней мифологии – быть может, на феникса. Тем временем внимание Брауна целиком захватила клавиатура из полированной нержавеющей стали, вмонтированная в косяк; мужчина усердно набирал некий код, написанный на клочке голубой бумаги. Милгрим поднял

глаза. Вдоль дороги моргали очень дорогие фонари в старинном стиле. Где-то в соседнем квартале лаял огромный пес.

Едва лишь код был набран, послышался резкий короткий скрип, и дверь сама по себе отперлась.

– Входи, – приказал Браун.

Милгрим торопливо ухватился за ручку, утопил большим пальцем кнопку посередине и слегка поднажал. Дверь беззвучно распахнулась, и он шагнул вперед, уже точно зная, что дом окажется пуст. Перед глазами оказалась длинная медная пластина с переключателями сделанная под старину. Вошедший нажал ближайшую к двери круглую кнопку, сделанную из жемчужины. Над головой загорелась чаша из кремового стекла, обрамленная цветами из бронзы. Милгрим опустил глаза. Кругом блестел полированный серый мрамор.

За спиной коротко щелкнул замок: это Браун запер дверь.

Потом, по-хозяйски нажав еще несколько кнопок на медной пластине, прибавил света. Милгрим заметил, что был не так далек от истины в своих догадках насчет Марты и Ральфа. Правда, мебель оказалась ненастоящая; она скорее напоминала традиционно украшенный вестибюль в «Четырех временах года».

– А здесь мило, – услышал себя как бы со стороны Милгрим.

Браун развернулся на пятке и злобно уставился на него.

– Извиняюсь, – сказал пленник.

48
Мыс Монток

Тито сидел, решительно не разжимая век, целиком растворившись в музыке.

Если не считать вибраций и шума двигателя, ничто не указывало на то, что машина летит. Пассажир совершенно утратил чувство направления.

Он продолжал купаться в музыке вместе с богиней Ошун, которая не давала страху поглотить своего поклонника. Наконец Тито увидел ее – как ручей, бегущий вниз по каменистому склону холма сквозь непроходимые заросли. А где-то там, над волнами, за вершинами деревьев, пела птица.

Машина чувствительно развернулась. Человек из «Прада» коснулся руки своего спутника. Тито раскрыл глаза. Сосед куда-то указывал и что-то пытался сказать. Мужчина снял наушники «Нано», однако услышал только рев двигателя. Сквозь изогнутый пластик окна́ виднелось море; пологие волны плескались у пляжа, усеянного камнями. На просторной зеленой поляне, расчищенной в гуще бурого низкорослого леса, квадратной петлей лежала дорога цвета беж, а вокруг белели здания.

Старик, надевший огромные синие наушники, сидел впереди, рядом с пилотом, которого испуганный пассажир почти не заметил, поскольку зажмурился сразу, как только сумел застегнуть ремень безопасности. Теперь Тито видел руку в перчатке, лежащую на изогнутом стальном рычаге; время от времени большой палец нажимал кнопки на рукояти, словно у человека, увлекшегося аркадной игрой.

Слегка неправильный квадрат дороги со скругленными углами и белые здания вокруг нее постепенно увеличивались в размерах. За границей бурой опушки не росло ни кустов, ни деревьев. Самый крупный из домов с раскинутыми в обе стороны низкими крыльями стоял за пределами бежевой петли, обратившись к морю широкими пустыми окнами. Другие здания, сгрудившиеся за ним при дороге, напоминали жилые дома и один просторный гараж. Уже было видно, что все они выстроены из бревен, побелены краской и отчищены-отмыты до блеска. Здесь, в условиях северного климата, деревянные сооружения могли стоять очень долго, ведь их практически некому было точить изнутри. На Кубе лишь самые твердые породы из болотных джунглей «Полуострова Сапата»[134] выдерживали набеги насекомых.

Тито заметил черный длинный автомобиль, застывший на обочине на полпути между крупным домом и теми, что помельче.

Вертолет устремился к берегу, взметая сухой песок, и низко пролетел над серой крышей большого здания. Потом невероятным образом замер прямо в воздухе и опустился на траву. От удара о твердую землю Тито почувствовал, как у него свело желудок. Небесная машина заревела в другой тональности.

Старик снял наушники. Человек из «Прада» перегнулся, отстегнул безопасный ремень соседа и подал сумку с курткой «A.P.C.». Затем открыл дверь и жестом позвал его за собой.

Выбравшись наружу, Тито едва не рухнул на траву под мощным потоком ветра от несущих винтов. Глаза сейчас же начали слезиться. Мужчина сильно пригнулся и вцепился в кепку, чтобы ее не сорвало с головы. Тем временем человек из «Прада» протиснулся под фюзеляжем и помог старику спуститься с другой стороны, после чего они оба пошли к черной машине. По лаконичным жестам Тито понял, что ему нужно идти за ними, и, все еще пригибаясь, двинулся следом.

Рев лопастей снова набрал высоту.

Тито обернулся: вертолет поднимался в воздух, словно показывая неуклюжий волшебный фокус. Потом резко повернул к воде, пронесся над крышей большого дома, взмыл еще выше и скоро превратился в точку на безоблачном небе.

В лицо ударил жесткий ветер, и во внезапно упавшей тишине Тито расслышал слова старика:

– Прости за униформу. Мы решили, что на вертодроме тебе лучше произвести надлежащее впечатление.

Человек из «Прада» полез под левое переднее колесо черного «линкольна» и достал ключи.

– Хорошее местечко, правда? – спросил он, глядя на маленькие домики и гараж.

– Маловато построено, по теперешним понятиям, – отозвался старик.

Тито снял солнечные очки, подумал, что-то прикинул и спрятал их в боковой карман. Следом засунул кепку, после чего снял зеленую куртку, а старую вынул из черной нейлоновой сумки, встряхнул и надел.

– В семидесятых все выглядело точно так же, – заметил человек из «Прада». – Тогда за этот участок просили чуть меньше трехсот тысяч. А теперь уже – сорок миллионов.

– Еще бы, – хмыкнул старик. – Спасибо хоть разрешили нам тут приземлиться.

Тито убрал зеленую куртку в сумку и застегнул молнию.

– Сторожам и смотрителям, разумеется, не велели нас

беспокоить. – Человек из «Прада» нажал кнопку на брелке и открыл водительскую дверцу.

– Правда? Значит, у меня много денег?

– Очень много.

– На чем же я так разбогател?

– Интернет-порнография, – обронил мужчина, садясь за руль.

– Что, правда?

– Отели. Система модных отелей в Дубаи, – ответил он, заводя двигатель. – Садись рядом со мной, Тито.

Старик открыл заднюю дверцу, оглянулся, бросил:

– Залезай, – сел в машину и закрыл за собой.

Тито обошел длинный и блестящий черный капот, обратив внимание на номерной знак Нью-Джерси и тоже забрался внутрь.

– Гаррет, – представился человек за рулем.

Тито пожал протянутую руку и плавно закрыл дверцу. «Линкольн» покатил вперед по хрустящему сланцу.

– Фрукты, сандвичи. – Гаррет указал на корзину между ними. – Вода есть.

Вначале автомобиль ехал по петле к гаражу и домикам, а потом завернул направо, на бежевую дорожку, ведущую в коричневый лес.

– И долго нам туда добираться? – поинтересовался старик.

– В это время года – минут тридцать, – ответил Гаррет. – По Двадцать седьмому маршруту, через Амагансетт и Ист-Хемптон.

– Там есть какая-нибудь сторожка?

– Нет. Просто ворота. Но я получил от риэлтора код.

Одеяло из мертвых опавших листьев заглушало хруст сланца под мощными шинами.

– Кстати, – обратился к своему соседу Гаррет, – я заметил, ты всю дорогу просидел с закрытыми глазами. Не любишь вертолеты?

– Тито не поднимался в небо с тех пор, как покинул Кубу, – вмешался старик. – А вертолет ему и вовсе в новинку, я думаю.

– Да уж, – подтвердил тот.

– А-а... – протянул Гаррет.

Тито во все глаза смотрел на бурые лесные дебри. Последний раз он забирался так далеко от города, когда был на Кубе.

Вскоре человек, назвавшийся Гарретом, остановил машину в нескольких футах от приземистых, тяжеловесных на вид ворот из оцинкованной стали.

– Подсоби-ка, – сказал он, распахивая дверцу. – В прошлый раз, когда мы здесь были с риэлтором, цепь все время соскакивала.

Тито вылез наружу. Двухполосная асфальтобетонная дорога

проходила возле самых ворот. Гаррет открыл серую металлическую коробочку, висящую на белом деревянном столбе, и теперь отстукивал код на вмонтированной в нее клавиатуре. Воздух был напоен густым лесным духом. Высоко среди крон промелькнул какой-то зверек, но Тито не разглядел его – только закачавшуюся ветку. Послышался визг электрического мотора, и у ворот загрохотала, дергаясь, длинная-длинная цепочка, похожая на велосипедную.

– Подтолкни, – попросил Гаррет.

Тито взялся руками за створку и толкнул ее вправо, на звук мотора. Цепочка попала, куда было нужно, ворота содрогнулись и разошлись в стороны.

– Садись в машину. Будем проезжать – луч засечет движение и закроет за нами.

Когда багажник «линкольна» миновал ворота, пассажир на переднем сиденье обернулся. Створки довольно плавно сомкнулись, однако Гаррет остановил машину, вышел из салона и пошел убедиться, что механизм сработал как следует.

– За ними нужен глаз да глаз, – проговорил старик. – Тогда будущий покупатель сразу подумает, что и все прочее – тоже в отличном состоянии.

Гаррет вернулся и вырулил автомобиль на дорогу, быстро набирая скорость.

– На сегодня – больше никаких вертолетов, – обратился он к своему соседу.

– Хорошо, – сказал тот.

– Остался последний этап – домчимся на жестком крыле.

Тито, уже начавший посматривать на бананы в корзине, сразу потерял аппетит.

– Еще этап?

– «Беркут Сессна», – вставил старик. – Тысяча девятьсот восемьдесят пятый год выпуска. Одна из последних моделей. Очень удобная. Тихая. Сможем наконец поспать.

Тито невольно вжался в сиденье. Впереди замаячили какие-то здания.

– И куда мы?

– Прямо сейчас, – отвечал Гаррет, – в ист-хемптонский аэропорт.

– Это частный самолет, – прибавил старик. – Никаких досмотров, никаких документов. Потом тебе выправят что-нибудь поприличнее, чем водительские права Нью-Джерси, но сегодня ничего такого не потребуется.

– Спасибо. – Тито не знал, что еще сказать.

За окном проплыло маленькое сооружение, на котором было

выведено краской: «ОБЕД», а перед фасадом стояли припаркованные автомобили. Тито покосился на фрукты. В прошлый раз он ел минувшим вечером, в компании Бродермана и Вьянки, да и *guerreros* его на время оставили. Мужчина поднял банан и решительно принялся его чистить. «Уж если судьба заставляет учиться летать, так хотя бы не с голодухи», – мысленно убеждал он свой желудок. Тот плохо поддавался на уговоры, но Тито упорно продолжал есть банан.

Гаррет как ни в чем не бывало крутил баранку. Старик молчал.

49
Ротч

Одиль сидела в белом кресле с белым роботом на коленях и ковыряла гостиничным белым карандашом у него в животе среди пластиковых шестеренок и черных резиновых лент.

– Такая штука, они ломаться.

– Кто же это сделал? – спросила Холлис из своего кресла, сидя со скрещенными ногами в мягком халате.

Минувшая ночь прошла для нее на удивление безмятежно. Теперь было девять часов, и собеседницы потягивали утренний кофе, заказанный прямо в номер.

– Сильвия Ротч.

Француженка что-то поддела кончиком грифеля, раздался щелчок.

– *Bon*[135], – похвалила она.

– Ротч? – Холлис тоже взяла на изготовку белый карандаш. – Как правильно пишется?

– *R-O-I-G*. – Произношение английских букв, как обычно, далось Одиль с большим трудом.

– Это точно?

– Это по-каталонски, – пояснила она, наклоняясь и опуская робота на ковер. – У них там сложный диалект.

Журналистка записала: «*Roig*».

– А почему именно маки, она их часто изображает?

– Вообще только их и делать. – Огромные глаза француженки округлились, но гладкий лоб хранил серьезную невозмутимость. – Завалила маками весь *Mercat des Flores*, цветочный рынок.

– Ясно. – Холлис положила карандаш и подлила себе кофе. – Ты, кажется, хотела поговорить о Бобби Чомбо.

– Фер-гу-сон, – по слогам отчеканила Одиль.

– Как?

– Его зовут Роберт Фергусон. Он из Канады. Шомбо – просто псевдоним.

Холлис отхлебнула еще кофе, чтобы переварить услышанное.

– Впервые об этом слышу. Думаешь, Альберто знает?

Собеседница пожала плечами, как умеют лишь во Франции, – казалось, для этого нужно иметь немного иной скелет, чем у прочих людей.

– Вряд ли. Я в курсе, потому что мой парень работать в одной галерее в Ванкувере. Ты там бывать?

– В галерее?

– В Ванкувере! Красиво.

– Ага, – поддакнула Холлис, хотя видела, по правде сказать, очень мало – практически лишь номера́ в гостинице «Четыре времени года» да интерьер ужасно тесного зала суда, расположенного в бывшем здании двухэтажного танцевального зала в стиле «деко» на центральной улице с множеством театров, но, как ни странно, без автомобилей. У Джимми в то время выдалась черная полоса; приходилось безотлучно держаться рядом. Не самое приятное воспоминание.

– Мой парень, он говорить, что Бобби – диджей.

– Так он канадец?

– Парень? Француз.

– Я про Бобби.

– А, конечно, канадец. Фер-гу-сон.

– И хорошо он его знал? В смысле, парень твой?

– Доставать у него экстази, – ответила Одиль.

– Так это было прежде, чем Бобби переехал в Орегон работать над проектами GPSW[136]?

– Без понятия. По-моему, да. Уже три года? В Париже мой друг видеть его фотку, открытие в Нью-Йорке, Дейл Кьюсак, в память о Натали, ты что-нибудь слышать?

– Нет, – сказала Холлис.

– Бобби работать геохакером для Кьюсак. Мой друг говорить мне, это Роберт Фер-гу-сон.

– И ты уверена?

– Да. Кое-кто из художников, местные, знать, что он из Канады. Это, наверно, не такой большой секрет.

– Но Альберто не в курсе?

– Не каждый знать. Всем нужно Бобби. Для нового искусства. Тут он лучший. Но жить уединенно. Кто помнить его раньше, они стали очень осторожными. Не говорить, если Бобби что-то не хочет.

– Одиль, а тебе известно про его последний… переезд?

– Да. – Собеседница помрачнела. – Емейлы возвращаться назад. Серверы недоступны. Художники не уметь выйти на связь, они волноваться.

– Альберто мне уже рассказал. Не представляешь, куда он мог направиться?

– Это же Шомбо. – Одиль взяла свой кофе. – Он быть где угодно. ’Оллис, ты не хочешь поехать со мной на Сильверлейк? В гости к Бет Баркер?

Журналистка задумалась. Кажется, она недооценивала очень ценный источник сведений. Если приятель Одиль (случаем, не

бывший?) и вправду знал Бобби Чомбо-Фергусона...

– Это та, у которой квартира вся в виртуальных ярлыках?

– 'Иперпространственная обстановка, – поправила собеседница.

«Господи помилуй», – вздохнула про себя Холлис.

И подняла зазвонившую трубку.

– Да?

– Это Памела Мэйнуоринг. Хьюберт просил передать, что собирается в Ванкувер.

Холлис покосилась на Одиль.

– Он уже знает, что Бобби – канадец?

– Вообще-то знает, – ответила Памела.

– А я только что услышала.

– Вы с Хьюбертом обсуждали эту тему?

Журналистка подумала.

– Нет.

– Ну вот видите. Он хочет, чтобы вы тоже полетели.

– Когда?

– Если сорваться прямо сейчас, вы могли бы успеть на тринадцатичасовой рейс «Эйр-Канада».

– А во сколько будет последний?

– Сегодня в восемь.

– Ладно, закажите два билета. На фамилии Генри и Ричард. Я перезвоню.

– Хорошо. – Памела отключилась.

– 'Оллис, – позвала Одиль, – в чем дело?

– Ты не можешь на несколько дней сгонять со мной в Ванкувер? Вылет – сегодня вечером. За счет «Нода», конечно. Билеты, гостиница, все расходы.

Француженка изумленно выгнула брови.

– Серьезно?

– Да.

– 'Оллис, ты знаешь, «Нод» оплатить мой приезд сюда, платить за «le Standard»...

– Ну, тем более. Так как насчет Ванкувера?

– Само собой, – согласилась Одиль. – Только зачем?

– Поможешь мне отыскать Бобби.

– Я попробовать, но... – Одиль вновь по-французски пожала плечами.

– Вот и отлично, – сказала Холлис.

50
Галерея шепотов

Милгрим проснулся на узкой кровати под фланелевой простыней с набивным рисунком из лилий, речных пейзажей и многократно размноженного рыбака, забрасывающего удочку. Наволочка была из точно такого же материала. На противоположной стене в ногах постели висел огромный плакат: голова белоголового орлана на фоне раздувающихся складок «Доблести прошлого»[137]. Похоже, Милгрим разделся перед сном, но совершенно не помнил этого.

Он посмотрел на постер, упрятанный за стекло и оформленный в незамысловатую пластмассовую раму с позолотой. Прежде мужчина никогда не видел подобного. Фотография поражала и тревожила взгляд плавным, чуть ли не порнографическим качеством изображения. Казалось, будто бы объектив смазали вазелином. Если, конечно, кто-нибудь еще делал это – в смысле, смазывал вазелином объектив. Скорее всего картинку целиком исполнили на мониторе компьютера. Бусина гла́за, сверхреалистично блестящая и выпуклая, словно нарочно была просчитана так, чтобы сверлить лоб зрителя. Не помешал бы еще какой-нибудь лозунг, что-то занудное и ура-патриотическое. А впрочем, и этих волнообразных полос, горстки звезд в верхнем углу и головы́ пернатого хищника довольно устрашающего вида было более чем достаточно для сходства с убийственной иконой. В голову отчего-то лезли мысли о странном фениксоподобном существе внизу, на входной двери.

Милгрим вспомнил, как ел на кухне первого этажа заказанную Брауном пиццу. Один кусок с пепперони и три с сыром. А в холодильнике не оказалось ничего, кроме шести упаковок очень холодной «пепси». Рука до сих пор хранила ощущение от прикосновения к гладким белым кругам нагревательного элемента в жаровне – Милгрим никогда такого не видел. Браун взял пиццу с собой в кабинет, а еще – бокал и бутылку виски. Помнится, до этих пор он еще ни разу не пил на глазах у переводчика. Вскоре из-за двери стали доноситься обрывки телефонного разговора, но Милгрим не разобрал ни слова. А после, кажется, принял еще «Райз».

Точно принял. Ведь, размышлял он теперь, сидя в нижнем белье на краю постели, уже случалось так, что небольшая передозировка по-особенному прочищала мозги на следующее утро. Мужчина поднял голову: на него в упор, подобно дулу

пистолета, смотрел орлиный глаз. Поспешив отвернуться, Милгрим встал и бесшумно, с ловкостью, происходящей от опыта, принялся обыскивать комнату.

Очевидно, она предназначалась для мальчика и должна была сочетаться со стилем всего здания, разве что к обстановке приложили чуть меньше усилий. Уже не столько Ральф Лорен, сколько «diffusion line»[138]. Милгриму пока что не попалось на глаза ни одной настоящей антикварной вещицы, за исключением бронзовой птицы на двери – возможно, ровесницы дома. Мебель носила следы состаривания, причем довольно небрежного: скорее Китай или Индия, нежели Северная Каролина. Если на то пошло, спохватился мужчина, заметив шкаф с пустыми полками, ему до сих пор не попалось ни единой книги.

Милгрим осторожно, стараясь не произвести ни звука, по очереди заглянул в каждый ящик маленького бюро. Ничего. И только в нижнем нашлась проволочная вешалка, обтянутая тканью с отпечатанным на ней названием и адресом химчистки в Бетесде[139], и пара кнопок. Мужчина опустился на ковер и заглянул под бюро. Опять пусто.

Маленький письменный стол немного в колониальном стиле, как и бюро, покрытый синей краской и состаренный машинным способом, тоже не баловал находками, если не считать дохлой мухи и черной шариковой ручки с белой надписью «СОБСТВЕННОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА США». За временным отсутствием карманов Милгрим сунул ручку под резинку трусов и аккуратно открыл платяной шкаф. Петли заскрипели: как видно, дверцей нечасто пользовались. Громыхнули пустые вешалки. Лишь на одной из них висел темно-синий приталенный пиджачок с изящно вышитым золотым гербом на груди. Порывшись в карманах, Милгрим нашел мелок и скомканную салфетку «клинекс».

Этот мелок и детский пиджак наводили на грустные мысли. Не хотелось думать, что в комнате жил ребенок. Возможно, раньше здесь было еще кое-что – например, игрушки, книги, но почему-то в это не очень верилось. Обстановка говорила о трудном детстве, не более радостном, чем было у самого́ Милгрима. Мужчина закрыл шкаф и подошел к синему стулу; на спинке висела его одежда. Надевая штаны, он укололся шариковой ручкой правительства США, про которую совершенно забыл.

Милгрим оделся и приблизился к единственному окну, задернутому полосатыми шторами. Встав так, чтобы как можно меньше потревожить край драпировки, он краем глаза увидел улицу N в невеселый пасмурный день. Да, и еще правое переднее

крыло припаркованного автомобиля, черное и блестящее. Судя по величине крыла, машина была внушительных размеров.

Милгрим набросил на себя пальто «Пол Стюарт», нащупал в кармане свою книгу, пристегнул шариковую ручку и попробовал толкнуть выходную дверь. Комната оказалась не заперта.

За ней начинался обшитый панелями, застеленный ковром коридор с верхним освещением. Мужчина заглянул через перила: двумя пролетами ниже мягко поблескивал серый мрамор вчерашней прихожей. И тут над самым ухом ложечка звякнула о фарфор. Милгрим подскочил от испуга и обернулся.

– Благодарю, – произнес невидимый Браун с несвойственной ему ноткой признательности.

Коридор был совершенно пуст.

– Я понимаю, с чем вам приходится работать, – точно так же близко и неизвестно откуда проговорил незнакомый голос. – Вам предоставлены лучшие люди, но и этого мало. Мы слишком часто слышим от вас подобные речи. Конечно, я разочарован, что его опять не схватили. В свете вашей последней неудачи, думаю, было бы логично попытаться хотя бы сделать фотографию. Согласны? Следовало подготовиться на тот случай, если вы его снова упу́стите.

Неизвестный говорил как адвокат – размеренно и отчетливо, словно был уверен, что его дослушают до конца.

– Да, сэр, – ответил Браун.

– Тогда мы по крайней мере получили бы шанс узнать его поближе.

– Да.

Милгрим стоял с расширившимися глазами, вцепившись руками в перила, будто в поручень корабля в разгар ужасного шторма, смотрел на узкую полоску мрамора внизу и чувствовал привкус собственной крови. Он прокусил себе щеку в ту секунду, когда в кофейной чашке звякнула ложечка. Должно быть, беседа за завтраком отражалась от пола, либо поднималась эхом по стенам лестничного пролета, либо и то, и другое сразу. Любопытно, лет сто назад какой-нибудь ребенок тоже подслушивал здесь разговоры взрослых, давясь от смеха?

– По вашим словам, предназначенное ему сообщение указывает на то, что способность к выслеживанию до сих пор к нему не вернулась; таким образом, он пока не в курсе, где наш объект и куда направляется.

– Не знаю, кто на него работает, – заметил Браун, – но дело, похоже, еще не сделано.

– А наши друзья, – продолжал собеседник, – вдруг после просмотра материала им удастся сообразить, что там находится

такого, ради чего ведутся столь безуспешные поиски?

– Оценки выполняет человек, не имеющий понятия, о чем речь. Для него это просто данные, а ему каждый день приходится иметь дело с анализом информации.

– Правительство?

– «Телко»[140], – ответил Браун. – Кто занимается расшифровкой, вам известно. Они никогда не видели продукта. А у нашего аналитика все причины как можно меньше вникать в подробности. Об этом я позаботился.

– Хорошо. Я вас понял.

Вилка и нож стукнули о тарелку так громко, что Милгрим поморщился.

– Итак, – спросил незнакомец, – в состоянии ли мы довести дело до конца?

– Полагаю, да.

– Значит, груз наконец придет в порт. После стольких скитаний.

– Но только не в конус, – уточнил Браун.

Конус? Милгрим испуганно поморгал. Уж не мерещится ли ему весь этот разговор?

– Ну да, – согласился второй мужчина. – Только не в Америку.

Ах, конус, сообразил Милгрим. Нужно писать заглавными буквами, как на Четвертое июля. CONUS, сокращенно от Continental United States[141].

– А может случиться, что его откроют для досмотра? – спросил незнакомец.

– Навряд ли, – сказал Браун. – В крайнем случае подвергнут гамма-сканированию, мы и сами так сделали в прошлом порту, чтобы убедиться, что упаковка и содержимое не вызывают подозрений.

– Ну да. Я видел.

– Значит, вы согласны?

– Согласен, – не возражал собеседник. – А какие шаги предпринимаются в Нью-Йорке в ваше отсутствие?

Браун помедлил.

– Я послал команду на квартиру к НУ. Дверь была нараспашку, и все внутри покрывал свежий слой латексной краски. Никаких отпечатков пальцев. Айпода, конечно, тоже не обнаружили. Устройство слежения оставалось на месте, под вешалкой. От него сразу избавились.

– Значит, они не нашли устройство?

– Если нашли, то никак этого не выдали.

– Вы хоть на шаг приблизились к разгадке, с кем мы имеем

дело?

– Это один из мелких организованных преступных кланов в США. Возможно, даже семья в буквальном смысле слова. В основном занимаются контрабандой. Очень узкая специализация, баснословные цены. «Мара Салватруча»[142] по сравнению с ними – просто «Ю-пи-эс»[143]. По происхождению члены клана – кубинские китайцы. Все до одного нелегалы, надо полагать.

– Может, обратиться к людям из ICE, пусть арестуют их?

– Для начала их не мешало бы найти. Мы отыскали того парня и проследили за ним до дома. И даже, опираясь на данные вами сведения, подобрались к Субъекту, правда, не ближе обычного. Но все остальные – настоящие призраки.

Тут Милгрим понял, что достаточно хорошо успел изучить Брауна, чтобы расслышать в его голосе нотку безумия. Интересно, заметит ли ее собеседник.

– Призраки? – без выражения повторил второй мужчина.

– Беда в том, – начал Браун, – что у них особая выучка. Настоящая выучка. Что-то вроде кубинской разведшколы. Я просил таких же профессионалов – и не получил, помните?

– Помню, – сказал собеседник. – Но, как вы сами однажды сказали, наша проблема не в них, а в нем. Пусть ему даже известно, что именно мы делаем, зато неизвестно, в какой момент и где, теперь-то я в этом убедился. Со временем, возможно, и мы подтянем своих людей до уровня этих профи. Разумеется, когда вся история останется позади. А сейчас необходимо выяснить, кто этот человек, и как-то с ним разобраться.

На столе зазвенел фарфор: один из собеседников поднялся с места.

Милгрим отпустил перила и вернулся в комнату, сделав два длинных, необычайно осторожных шага. С предельной осмотрительностью закрыл за собой дверь, повесил пальто на стул, разулся и влез под простыню, натянув ее до самого подбородка. Потом закрыл глаза и совершенно затих. Хлопнула дверь на улицу. Мгновение спустя зашумел мотор, и стало слышно, как отъезжает машина.

Через некоторое время в комнате раздались шаги, а затем приказ:

– Поднимайся.

Милгрим открыл глаза. Браун шагнул к нему и сорвал простынь.

– Твою мать, как можно дрыхнуть в одежде?

– Я нечаянно заснул, – извинился пленник.

– Ладно, ванна внизу. Там найдешь халат и мешок для мусора. Все свои шмотки сложишь туда. Мойся, брейся, надевай

халат и спускайся на кухню, будем тебя стричь.

– Вы еще и стрижете? – удивился Милгрим.

– Здешний домоправитель. Он тебя и в порядок приведет, и снимет мерку для одежды. Только не вздумай спать в обновках. Увижу – не поздоровится.

Браун развернулся на пятке и вышел из комнаты.

Милгрим еще немного полежал, уставившись в потолок. Затем поднялся и, достав из кармана пальто свои туалетные принадлежности, отправился в душ.

51
«Сессна»

Тито выяснил, что может уснуть и в самолете.

Здесь, за маленькой, полной приборов кабиной, где сидел раздобревший седой пилот, располагались кушетка и два откидных кресла на шарнирах. Спутники покоились в креслах, а Тито лежал на кушетке, глядя в изогнутый потолок (обитый, как и мягкая мебель, серой кожей). Самолет был американский, один из последних в своем роде, тысяча девятьсот восемьдесят пятого года выпуска; об этом рассказывал старик, пока троица поднималась по маленькой лестнице на колесах, застывшей на взлетно-посадочной полосе ист-хемптонского аэропорта.

Тито не представлял себе, зачем старику понадобилось такое древнее ископаемое. Может, самолет был его собственностью и просто хорошо сохранился с тех пор? При взгляде на небесную машину на ум приходили земные, американские автомобили в Гаване, столь же почтенного возраста, похожие на китов из мороженого, матово-зеленые или розовые, с украшениями в виде гигантских зубов и плавников из хрома, каждый дюйм которых всегда начищался до неимоверного блеска. Шагая прочь от «линкольна» вслед за Гарретом и стариком, захватившими кое-какой багаж из фургона, Тито вопреки собственному страху поймал себя на том, что восхищается каждой линией самолета и его завораживающим блеском. Это было великолепно: очень длинный и очень острый нос, пропеллеры на крыльях и круглые иллюминаторы в ряд.

Толстый улыбчивый пилот, судя по всему, был счастлив увидеть старика, с которым, по его же словам, не встречался бог знает как долго. Старик ответил, что, дескать, и в самом деле сколько лет, сколько зим и что с него причитается. Да ничего подобного, возразил пилот, какие могут быть счеты, а сам подхватил пару чемоданов и черную сумку, чтобы убрать их в багажное отделение под крылом, позади двигателя.

Поднимаясь по трапу, Тито зажмурился и не видел, как Гаррет ушел припарковать машину.

Присев на кушетку с закрытыми глазами, мужчина услышал голос пилота, донесшийся из передней кабины:

– Едва успели, управимся от рассвета до сумерек.

Старик промолчал в ответ.

Взлет получился почти столь же ужасным, как и на вертолете. Правда, на этот раз Тито заранее приготовил «Нано» и крепко

зажмурился.

Наконец он все же рискнул открыть глаза. В иллюминаторах ослепительно пылал закат. Полет был гладким (в отличие от предыдущего он воспринимался как движение свободное, самостоятельное, а не на привязанном неизвестно к чему тросе) и более тихим, и кроме того, кушетка оказалась гораздо удобнее.

Пока Тито слушал свою музыку, попутчики зажгли над головами маленькие лампочки, надели наушники с микрофонами и принялись беседовать. Наконец они опустили откидные столики. Старик раскрыл свой лэптоп, Гаррет развернул какие-то планы и взялся изучать их, делая пометки механическим карандашом.

В салоне потеплело, но от этого стало только удобнее. Тито снял куртку, свернул ее, положил под голову и заснул на серой кушетке.

Когда он проснулся, уже наступила ночь, и лампочки были потушены. Впереди, в кабине пилота, мерцали сигнальные диоды, светились экраны с какими-то линиями и цифрами.

Покинул ли самолет Соединенные Штаты? И вообще, на что способна эта модель? Долететь до Кубы? Достичь Мексики? Тито не думал, что его переправят именно туда. Хотя, если верить предположениям Вьянки, кузен Эйсебио проживал сейчас в окрестностях Мехико-Сити, в Докторес.

Мужчина посмотрел на старика, чей профиль еле вырисовывался на фоне мерцающих приборных огней. Тот спал, уронив подбородок на грудь. Тито попытался представить их вместе с дедом в Гаване, много лет назад, когда и революция, и машины-киты были еще в новинку, но не смог.

Тогда он тоже закрыл глаза и продолжал себе лететь сквозь ночь, где-то над неизвестной страной; оставалось только надеяться, что это все еще была Америка.

52
Школьный костюм

Как и обещал Браун, домоправитель был на кухне, споласкивал тарелки после завтрака, перед тем как поставить их в посудомоечную машину. Это был малорослый мужчина в темных брюках и белом пиджаке. Когда Милгрим пришел из ванной, завернувшись в огромный махровый халат красного цвета, но босиком, домоправитель уставился на его ноги.

– Он сказал, что вы меня подстрижете, – произнес пленник.

– Садись.

Милгрим опустился на кленовый стул и стал смотреть, как домоправитель убирает со стола в холодильник остатки еды, заполняет посудомоечную машину и включает ее. Потом спросил:

– У вас не найдется на завтрак пары яиц?

Мужчина равнодушно взглянул на него, достал из черного портфеля, лежащего на белой конторке, электрическую машинку для стрижки, расческу и пару ножниц. Затем обернул шею Милгрима тканью (которая, судя по пятнам от варенья, еще утром служила скатертью), провел расческой по его влажным волосам и с видом человека, который точно знает, что делает, принялся орудовать ножницами. Отложив их, подбрил электрической машинкой волоски на ее шее, отступил на шаг, посмотрел оценивающим взглядом и немного подправил свою работу при помощи ножниц и расчески. Напоследок он смахнул салфеткой состриженные волосы со скатерти на пол. Милгрим продолжал сидеть, ожидая, когда ему принесут зеркало. Но вместо этого мужчина принес веник и совок с длинной ручкой и взялся подметать. Всегда почему-то печально видеть собственные волосы на полу. Милгрим поднялся, снял с себя скатерть, положил ее на стол и повернулся, чтобы уйти.

– Погоди, – обронил домоправитель, не прекращая своего занятия. Когда пол был снова чист, он убрал парикмахерские инструменты в портфель и достал оттуда желтую сантиметровую ленту и ручку с блокнотом. – Снимай халат.

Милгрим повиновался, радуясь, что не последовал приказанию Брауна буквально и оставил себе хотя бы трусы. Домоправитель начал быстро и ловко снимать с него мерку.

– Размер ноги?

– Девятый, – ответил Браун.

– Узкая?

– Средняя.

Домоправитель сделал пометку и махнул блокнотом в сторону двери:

– Иди. Иди, иди.

– А завтрак?

– Иди.

И Милгрим ушел из кухни, раздумывая, где бы поискать Брауна. В кабинете, где тот пил свое виски прошлой ночью?

Кабинет был обставлен так же, как и весь дом, только с добавлением темного дерева и вертикальных полос. И кстати, с книгами. Милгрим шагнул за порог, огляделся и быстро метнулся к шкафу. Но понял, что обманулся. Перед ним были двери шкафа, обклеенные корешками старинных книг. Мужчина наклонился, чтобы поближе взглянуть на останки безвинно казненных томов, однако увидел цельный кусок кожи, облепивший выпуклую деревянную форму в виде книжных корешков. Усердно состаренное золотое тиснение не позволяло прочесть ни названий, ни фамилий авторов. Удивительно тонкая работа. Туманное подражание ремесленников одной культуры произведениям культуры иной. Милгрим распахнул дверцу и, увидев внутри пустые полки, быстро закрыл ее.

Вернувшись в коридор, он подошел к искусственно состаренному зеркалу и внимательно изучил итог ручной работы домоправителя. Опрятно. Но чересчур обыденно. Такая прическа была бы к лицу адвокату или арестанту.

Стоя на прохладном сером мраморе у подножия узкого лестничного колодца, Милгрим прищелкнул языком и вообразил, как щель загадочным образом засасывает звук и уносит его вверх.

Где же Браун?

Поднимаясь на второй этаж, Милгрим прихватил из ванной бритву, зубную щетку и пасту, а также пакет с одеждой. Уже в комнате мальчика он бросил туда и трусы, а сам остался в просторном халате на голое тело. Потом достал свою книгу из кармана пальто, наброшенного на спинку стула. «Полом Стюартом» мужчина разжился в одном гастрономе незадолго до встречи с Брауном. Пальтишко уже тогда было не новое, ношенное по меньшей мере целый сезон, и теперь его не спасла бы даже химчистка. Милгрим положил книгу на письменный стол и аккуратно повесил последнюю деталь своей одежды в шкаф на плечики рядом со школьным синим блейзером.

– Вот тебе приятель, – шепнул он. – Можешь больше не бояться.

И закрыл дверцу. Поднимая со стола книгу, он услышал, как входит Браун. Тот едва посмотрел на новую стрижку и всучил пленнику хрустящий бумажный пакет из «Макдоналдса»,

помеченный прозрачными пятнами жира, после чего забрал мусорный пакет и, завязав его верхнюю часть узлом, удалился.

«Эгг Макмаффин»[144] капал жиром на халат, но Милгрим решил, что это уже не его забота.

Примерно через час или чуть меньше явился домоправитель с двумя бумажными сумками и черным виниловым чехлом для верхней одежды; на всем стояла надпись «JOS. A. BANKS».

– Вот это я понимаю, быстрое обслуживание, – заметил Милгрим.

– «МакЛин», – ответил домоправитель, словно это все объясняло.

Он бросил сумки на кровать и направился к шкафу, но пленник сам поспешил принять у него чехол.

– Спасибо.

Домоправитель повернулся и, не проронив ни слова, ушел.

Под чехлом обнаружился черный пиджак с тремя пуговицами, смесь шерсти и полиэстера. Милгрим положил его на кровать поверх винила и заглянул в сумки. Двое хлопковых трусов цвета берлинской лазури, две пары серых носков умеренной плотности, белая майка и еще пара синих хлопчатобумажных рубашек с воротниками, застегивающимися на концах, плюс темно-серые шерстяные брюки на пуговицах, без петелек для ремня. Видно, так полагалось. В день их знакомства Браун чуть ли не первым делом отнял у него ремень. Во второй сумке пряталась коробка с кожаными «оксфордами»[145] на резиновой подошве, причем довольно унылого вида: типичная обувь для офиса. Плюс черный нейлоновый рюкзак и бумажник из черной кожи.

Милгрим оделся. Ботинки хотя и смотрелись дешево, но несколько повышали самооценку. В них Милгрим уже не чувствовал себя так, словно должен вернуться в интернат или собирается вступить в ряды ФБР.

В комнату снова вошел Браун. На этот раз он был в темно-сером костюме и белой рубашке, а в руке держал галстук в узкую черно-синюю полоску – возможно, только что снял его? Милгрим впервые видел Брауна в костюме.

– Надевай. Сейчас будешь фотографироваться.

Пленник под строгим присмотром снял пиджак и завязал галстук. Должно быть, в его положении эта часть одежды приравнивалась к ремню.

– Мне нужно пальто, – сказал Милгрим, надевая новый пиджак.

– У тебя есть.

– Ты же велел все выбросить.

Браун нахмурился.

– Там, куда мы отправляемся, тебе потребуется дождевой плащ. Спускайся. Фотограф ждет.

Милгрим покорно сошел на первый этаж; Браун шагал следом.

53
Не доставить им радости

Сотовый Инчмэйла не отвечал. Холлис позвонила в отель, но там его уже не было. Может, в дороге? Наверное. Обидно было бы его упустить. Хотя выпуск нового альбома – дело не из быстрых. А Ванкувер не так уж далеко, и журналистка не собиралась там долго задерживаться.

Позвонила Одиль из «Стандарта»: она хотела узнать название канадской гостиницы, чтобы сообщить своей матери в Париж. Холлис была не в курсе и связалась с Памелой Мэйнуоринг.

– А где мы остановимся?

– На квартире. Я видела только снимки. Дом стоит у воды. Все в стекле.

– Эта квартира – собственность Хьюберта?

– Компании. Там никто не живет. Мы еще не открывались в Канаде. В следующем году начинаем с Монреаля. Хьюберт уверен, так будет лучше всего; он говорит, что Квебек – не земля, а сновидение.

– Как это понимать?

– Я же там не работаю, – напомнила Памела. – Но у нас есть свои люди в Ванкувере. Один из них вас обязательно встретит и отвезет на квартиру.

– Можно потолковать с этим человеком?

– Прошу прощения, он сейчас на заседании в Сакраменто. Позвонит вам, когда освободится.

– Спасибо.

Журналистка задумчиво посмотрела на шлем, который прислал ей Бигенд. Надо бы, по идее, взять эту штуку с собой – на случай, если в Ванкувере тоже есть локативное искусство. С другой стороны, на таможне наверняка не оберешься хлопот, а таскать его как ручную кладь неудобно.

Однако прежде чем приниматься за чемоданы, Холлис набрала еще один номер. В этом году ее родители зимовали в Пуэрто-Вальярта[146], но через неделю возвращались к себе в Эванстон. Еще довольно энергичная, мать уже старалась не забивать себе голову незнакомыми реалиями, так что попытки дочери объяснить свой приезд в Лос-Анджелес, похоже, не увенчались особым успехом. Отец, по ее словам, пребывал в добром здравии, разве что вдруг, под семьдесят, ни с того ни с сего заболел политикой. Матери это не нравилось: дескать, очень уж папа сделался нервный.

– А он говорит, раньше лучше было, а я говорю, ты просто внимания не обращал. Да еще Интернет этот. Прежде люди газету ждали, выпуск новостей. А сейчас? Хлещет потоком всякая дрянь, как вода из трубы. А он, конечно, сидит себе днем и ночью, уставится в свой экран – и давай читать. А я ему: ну, ты ж все равно ничего не изменишь.

– Зато хоть какая-то пища для размышлений. В вашем возрасте полезно иметь интересы.

– Тебе хорошо, ты не слушаешь, как он честит президента.

– Передавай привет. Я еще позвоню – из Канады. Или когда вернусь.

– А ты где, в Торонто?

– Ванкувер. Мам, я тебя люблю.

– И я тебя, милая.

Холлис подошла к окну, остановилась и стала рассеянно наблюдать за движением на бульваре Сансет. Родители с самого начала не приветствовали ее выбор. Мать вообще относилась к певческой карьере словно к вздорному недугу, не смертельному, но все же мешающему дочери нормально строить свою жизнь, получить настоящую работу, и вдобавок не видела средств от этой болезни – разве что терпеть и надеяться на авось. Любые доходы за музыку она рассматривала не иначе как пособие по инвалидности, нечто вроде сахарной оболочки для горькой пилюли. Надо заметить, в этом вопросе их с дочерью взгляды не слишком расходились – с той разницей, что Холлис понимала: есть люди, которым пилюли никто не подслащивает. Положа руку на сердце, если бы жизнь прижала всерьез, она бы просто ушла со сцены. А может быть, так и получилось? Резкий взлет группы «Кёфью» к вершине славы застал певицу врасплох. Инчмэйл – дело другое, он из тех, кто чуть ли не с пеленок точно знает, когда и чем ему следует заниматься. А вот застой после взлета они переживали на равных. Ни тот, ни другая не желали испытать на собственной шкуре, что значит катиться под гору. Зависимость Джимми стала жирной точкой над «i», безымянной кокаиновой вехой на унылой пологой дороге. Группа утратила творческий запал, участники дружно проголосовали за ее распад и пустились на поиски новых интересов. По крайней мере Холлис, Рег и, наверное, Хайди-Лаура. А Джимми недавно скончался. Пожалуй, Инчмэйл сумел устроиться лучше всех. Барабанщица, если вспомнить последнюю встречу, выглядела не очень благополучно. Впрочем, разгадать, что творится в ее голове, для Холлис было труднее, нежели прочитать чьи угодно мысли.

Пузырьковая упаковка обнаружилась на полке в платяном шкафу: ее не только не выбросили, но еще и аккуратно сложили.

Горничные явно заслуживали хороших чаевых.

Журналистка сложила коробку, шлем и упаковку на кухонный стол с высокими ножками. И вдруг заметила синего муравья. Фигурка красовалась на кофейном столике. Ее, разумеется, можно оставить. Холлис посмотрела во второй раз и поняла: не сумеет. И заодно почувствовала, что в каком-то смысле до сих пор не повзрослела. Зрелый человек не замедлил бы выбросить антропоморфический кусок прессованного винила – а она медлила. Самое смешное: ей даже не нравились подобные штучки. Однако Холлис подошла и взяла муравья, уже зная, что заберет его с собой. Заберет и отдаст кому-нибудь – лучше, конечно, ребенку. Не то чтобы это рекламное насекомое внушило ей такую приязнь. Просто подумалось: что, если бы ее саму забыли в пустом гостиничном номере?

...Ладно, только не в ручную кладь. Не хватало еще, чтобы служащий TSA[147] на глазах у всех достал игрушку из коробки вместе со шлемом. И Холлис бросила муравья в пакет с одеждой «на выход».

Одиль огорчилась, когда узнала про съемное жилье. Оказалось, ее всегда привлекали североамериканские гостиницы, и даже «Стандарту» она предпочитала «Мондриан».

Холлис как могла успокаивала разочарованную попутчицу.

– Я думаю, это будет что-то сто́ящее, – говорила она, откинувшись на заднем сиденье автомобиля, заказанного из гостиницы (стоимость входила в счет оплаты номера). – Мне так рассказывали. И кроме нас, там ни единой души.

«Джетта», взятая напрокат, уже вернулась на стоянку; кстати, машину принял какой-то другой парень, не тот, что почти узнал солистку из «Кёфью». Приближался международный аэропорт Лос-Анджелеса; за дымчатым стеклом окна качались эти странные насосы нефтяных скважин на склоне холма. Журналистка помнила их еще с первой поездки. Причем, насколько ей было известно, они никогда не прекращали движения. Холлис бросила взгляд на экран телефона. Почти шесть часов.

– Кстати, Одиль, ты мне напомнила, и я тоже позвонила своей матери.

– А где она, твоя мама?

– В Пуэрто-Вальларте. Они там зимуют.

– И как у нее дела?

– На отца мне жаловалась. Стареет папа. По-моему, все в порядке, но ей кажется, он чересчур увлекся внутренней политикой. Злится, мол, целыми днями.

– Если бы я жить в этой стране, – француженка сморщила нос, – я бы не злилась.

– Правда? – спросила собеседница.

– Я бы все время глушить горькую. Или глотать колеса. Что-нибудь.

– Вот вам и здравствуйте, – невесело усмехнулась Холлис, припомнив покойного Джимми. – Ну уж нет, думаю, ты бы не доставила им такой радости.

– Кому? – Одиль встрепенулась, вдруг заинтересовавшись беседой. – Какой радости?

54
ICE

Тито проснулся, как только шасси «Беркута Сессны» коснулись земли. Яркое солнце било в иллюминаторы. Мужчина вцепился в спинку своей кушетки. Самолет заскользил по посадочной полосе под быстро изменяющийся гул моторов. Потом замедлил ход. Наконец пропеллеры вовсе замерли. Внезапно кругом наступила полная тишина. Мужчина сел на кушетке и заморгал, увидев ровные ряды низкой поросли на необъятных зеленых полях.

– Здесь можно размяться и отлить, – объявил пилот, вылезая из кресла.

После чего прошел через весь салон, отпер дверь, высунулся наружу и расплылся в улыбке, приветствуя невидимого приятеля:

– А, Карл, привет! Спасибо, что пришел.

Кто-то приставил к выходу простую алюминиевую стремянку, по которой пилот и спустился на землю осторожными, размеренными шагами.

– Надо бы ноги размять, – сказал Гаррет и тоже, встав с откидного кресла, направился к выходу.

Тито проводил его взглядом, потер глаза и поднялся следом.

Внизу, под стремянкой, стелилась прямая накатанная дорога, бегущая через бескрайние зеленые поля в обе стороны. Мужчина в синем рабочем комбинезоне и соломенной ковбойской шляпе помогал пилоту раскатывать резиновый шланг от маленькой автоцистерны. Оглянувшись, Тито увидел, как за ним по стремянке неторопливо спускается старик.

Гаррет достал минеральную воду, щетку, тюбик пасты и принялся чистить зубы, время от времени сплевывая на землю белоснежную пену. Потом, отхлебнув из бутылки, ополоснул рот.

– Зубная щетка есть?

– Нет, – ответил Тито.

Гаррет вытащил из кармана и протянул ему нераспечатанную упаковку заодно с минеральной водой. Тито принялся чистить зубы, наблюдая за стариком; тот отошел от дороги, встал спиной к своим спутникам и помочился.

Мужчина вылил остатки воды на щетку, насухо стряхнул ее и убрал во внутренний карман куртки. Ему хотелось узнать, что это за место, но протокол запрещал подобные вопросы при работе с клиентами.

– Западный Иллинойс, – произнес Гаррет, словно прочел его

мысли. – А это местечко принадлежит одному приятелю.

– Вашему?

– Нет, пилота. Он тоже летает; здесь у него запасы авиационного бензина.

Мужчина в ковбойской шляпе взялся заводить мотор насоса у цистерны. В воздухе резко запахло топливом, и собеседники отошли подальше.

– И какая у него дальность перелета? – полюбопытствовал Тито, глядя на остроносого небесного красавца.

– Примерно тысяча двести миль, если с полным баком. Смотря по погоде и количеству пассажиров.

– Ну, это не очень много.

– Пропеллеры с поршневым двигателем. Но зато ни один радар нас не засечет. Никаких аэродромов, сплошь частные ВПП.

Собеседник засомневался, что речь идет о настоящем радаре.

– Джентльмены, – промолвил старик, подходя к ним, – доброе утро. Похоже, в конце концов ты не так плохо выспался, – прибавил он, обращаясь к Тито.

– Да уж, – согласился тот.

– А для чего ты прихватил значок таможенной полиции? – спросил старик.

И точно: увидев жетон, Гаррет сказал: «ICE»[148]. Но Тито и сейчас не имел понятия, зачем так поступил. И потом, ведь это не он, а Элеггуа выхватил у противника толстый чехол. О таком не расскажешь.

– Он собирался меня схватить, – объяснил Тито. – Чувствую: что-то твердое за поясом. Я подумал, оружие.

– И тогда ты вспомнил про болгарскую соль?

– Ну да.

– Хотелось бы знать, как он там теперь. А впрочем, я представляю: парня наверняка забрали в отделение, пробивать личность по базе. Пока кто-нибудь из шишек, скорее всего из DHS[149], не приказал его выпустить. Так что есть вероятность, что ты оказал своему преследователю большую услугу. Думаю, документ был не его, а так и объяснять ничего не пришлось.

Тито кивнул в надежде, что тема исчерпана.

Мужчины молча стояли, наблюдая за тем, как заправляется самолет.

55
Синдром фантомного пистолета

– Миллер, – втолковывал Браун, сидя в огромном откидном кресле. Мужчин разделяли десять футов ковра из косматого белоснежного ворса. – Тебя зовут Дэвид Миллер. Дата и место рождения – те же самые, возраст тоже.

Небольшой реактивный самолет «Гольфстрим» застыл в ожидании на взлетно-посадочной полосе «Рональда Рейгана»[150]. Когда Милгрим в последний раз был здесь, аэропорт еще носил имя «Нэшнл». Сейчас он сидел в отдельном белом кресле, а марку самолета узнал потому, что на блестящем деревянном ободке иллюминатора красовалась изящная медная табличка с гравировкой «Гольфстрим II». Вообще в салоне было много белой кожи, начищенной меди и мохнатых ковров. И древесины. Пожалуй, это сахарный клен, «птичий глаз»[151], никак не меньше, прикинул пленник. Но слишком уж яркая полировка, будто внутренняя отделка в лимузине.

– Дэвид Миллер, – повторил Милгрим.

– Живешь в Нью-Йорке. По профессии – переводчик. Русский.

– Я русский?

– Твой паспорт, – Браун (на нем опять были серый костюм и белая рубашка) помахал документом в синей обложке с тусклым золотым ободком, – американский. Дэвид Миллер, запомни. А Дэвид Миллер наркотой не балуется. По прибытии в Канаду его не застанут под кайфом и не найдут при нем никакой дури. – Он поглядел на часы. – Сколько у тебя таблеток?

– Одна, – ответил Милгрим.

Это была чересчур серьезная тема, чтобы соврать.

– Принимай сейчас, – велел Браун. – Пойдешь на таможню сразу.

– Канада?

– Ванкувер.

– А что, других пассажиров не будет? – полюбопытствовал Милгрим.

Судя по виду, салон мог вместить еще человек двадцать. Или же послужить декорацией для порнофильма; достаточно посмотреть на длинные-предлинные диваны из белой кожи и вспомнить о спальне в хвосте, и у кого угодно встанет, невзирая ни на какие камеры.

– Нет, – отрезал Браун. – Не будет.

Спрятав паспорт обратно в карман костюма, он рассеянно

провел рукой по правому бедру, где обычно висел пистолет. Милгрим уже в пятый раз наблюдал у него подобный жест. При этом Браун строил такую гримасу, что было ясно: пистолет остался на улице N. И черная нейлоновая сумка тоже. Похоже, их обладатель страдал от фантомного синдрома: так человек, которому ампутировали ногу, тянется почесать несуществующие пальцы.

Двигатели «Гольфстрима» загорелись, или стартовали, или как это правильно называется. Милгрим посмотрел за спинку своего кожаного кресла, в переднюю часть салона, где за рифленой занавеской из белой кожи скрывалась кабина экипажа. Очевидно, там находился пилот, которого пленник еще не видел.

– Когда приземлимся, – Браун повысил голос, перекрывая гул моторов, – к самолету подкатят таможенники. Они поднимаются на борт, говорят: «здравствуйте», я даю паспорта, их открывают, дают обратно, говорят: «до свидания». На этих самолетах только так и бывает. Номера́ наших документов – и документов пилота – уже проверили, когда мы заполняли полетный лист. Не вздумай показать, будто ждешь каких-то вопросов.

Тем временем воздушная машина медленно пошла на взлет.

Когда она под усиленный рев двигателей рванулась вперед и чуть ли не свечкой взмыла к небу, Милгрим почувствовал, что его застали врасплох. Никто не советовал ему пристегнуть ремень безопасности, не говоря уже о рассказах про кислородные маски и спасательные жилеты. И это было не то чтобы неправильно – это казалось чудовищной, почти осязаемой аномалией. Как и крутой неожиданный взлет, заставивший Милгрима, который шарил глазами по салону за спинкой кресла, судорожно вцепиться в мягкие белоснежные подлокотники.

Пленник посмотрел в иллюминатор. Вашингтонский Национальный аэропорт имени Рональда Рейгана удалялся с невероятной скоростью, причем так плавно, словно кто-то делал отъезд на камере.

Как только траектория полета выровнялась, Браун разулся, встал с места и беззвучными шагами отправился в хвост. Милгрим предположил, что там находится туалет.

Наблюдая за своим спутником, Милгрим увидел, как рука Брауна потянулась к бедру, где не было пистолета.

56
Генри и Ричард

На выходе из таможни в толпе встречающих стоял молодой человек с бледным лицом и жиденькой бородкой, в запыленном на вид, но, без сомнения, дорогом костюме. В руках у юноши был белый лист картона с надписью зеленым маркером: «Генри и Ричард».

– Это мы, – представилась журналистка, остановив багажную тележку и протягивая ладонь для знакомства. – Холлис Генри. А вот и Одиль Ричард.

– Оливер Слейт. – Молодой человек убрал плакат под мышку. – Как *sleight of hand*[152], – уточнил он, пожимая руку сначала Холлис, потом Одиль. – Можно просто Олли. Агентство «Синий муравей», Ванкувер.

– Памела говорила, здесь пока нет офисов, – заметила Холлис, толкая тележку к выходу.

Часы аэропорта показывали чуть больше одиннадцати.

– Офисов нет, – согласился мужчина, шагая следом. – А работа есть. Мы обслуживаем клиентов на рабочих местах. Давайте помогу с вещами.

– Спасибо, не надо.

Они прошли через автоматическую дверь и миновали толпу людей, которые жадно курили после перелета, восполняя недостаток никотина в крови. Одиль принадлежала к новому поколению недымящих французов и явно радовалась тому, что Холлис покончила с вредной привычкой; зато этот Слейт, Олли, едва оказавшись за пределами аэровокзала, вытащил желтую сигаретную пачку и щелкнул зажигалкой.

Понемногу начинали накатывать воспоминания… Воздух поражал духотой и влажностью после Лос-Анджелеса – почти как в сауне, только прохладной, чуть ли не промозглой.

Троица поднялась по пандусу на крытую автостоянку, где Олли расплатился кредитной карточкой за парковку. А потом отвел их к машине, громадному «фольксвагену» вроде того, какой водила Памела. Перламутрово-белый корпус и маленький стилизованный *муравей глиф* слева от переднего номерного знака. Молодой человек помог убрать картонку и чемоданы в багажник и, уронив недокуренную сигарету, раздавил ее носком длинного, изящно состаренного ботинка. Такая обувь ему очень подходила.

Одиль пожелала сесть впереди; водителя это, кажется,

устроило, и вскоре они уже были в пути, а в голове у Холлис отчаянно царапалась некая полумысль-полувоспоминание. Мимо проплывали огромные здания аэропорта, чистенькие и лишенные случайных черт, словно игрушечные макеты, забавы ради расставленные великанской рукой.

– Вы четвертые гости на этой квартире, – рассказывал Олли. – В прошлом месяце там отдыхали пиарщики дубайского султана. Они приезжали по своим делам, попутно хотели увидеть Хьюберта, вот мы их и разместили, а он потом заглянул. Перед этим два раза селили представителей филиала в Лондоне.

– Значит, это не квартира Хьюберта?

– По-моему, его, – ответил молодой человек, поворачивая на полосу ближе к мосту. – Но точно не единственная. Вид потрясающий.

Взгляду Холлис предстала обычная суета промышленного города, но яркие огни на высоких мачтах за перилами неприятно резали глаза. Тут зазвонил ее сотовый.

– Извините, – сказала она своим спутникам. – Да?

– Ты где? – осведомился Инчмэйл.

– В Ванкувере.

– Ну вот, а я торчу в фойе твоего непристойно вычурного отеля.

– Прости, меня послали в командировку. Пыталась тебе дозвониться, телефон не отвечал, а в отеле сказали, что ты уже съехал.

– И как тебе рассадник локативного искусства?

– Еще не знаю. Только приехала.

– Где остановишься?

– «Синий муравей» снимает квартиру.

– Требуй нормальную гостиницу.

– Вообще-то, – Холлис покосилась на Олли, который в эту минуту слушал Одиль, – говорят, что мы будем не в обиде.

– «Мы, Королева Англии...»?

– Со мной куратор из Парижа, специалист по локативному искусству. Тоже прилетела в Лос-Анджелес ради статьи. У нее тут большие связи.

– Когда вернешься?

– Не знаю. Наверное, скоро. А ты сколько там пробудешь?

– Пока продюсирую «Боллардов». Завтра в первый раз едем смотреть студию.

– Какую из них?

– На бульваре Вест-Пико. Как обычно, уже не наша эра.

– Что?

– Не наша эра, говорю. К слову, с какого перепуга типчики в

шлемах из «Звездных войн» торчат у подножия спуска возле «Шато Мармон», словно там медом намазано? Куда они пялятся? Я их раньше заметил, когда регистрировался.

– Рассматривают монумент Хельмуту Ньютону. Я даже знакома с автором, это Альберто Корралес.

– Там же нет ничего.

– Чтобы видеть, нужен шлем, – объяснила Холлис.

– Господи.

– Так ты у «Мармон»?

– На Сансет, но возвращаюсь туда.

– Рег, я перезвоню. Мне пора.

– Тогда пока.

Мост уже давно остался позади, а они все ехали по просторной улице, на которую повернули, мимо стильных магазинов и ресторанов. Джимми Карлайл, до вступления в «Кёфью» два года игравший на басе в Торонто, говорил, что канадские города выглядят точь-в-точь как американские – какими их показывают по телевизору. Да, но в Америке не найдешь такого множества галерей, решила про себя Холлис: за пару-тройку кварталов она насчитала целых пять штук. А потом начался новый мост.

Сотовый опять зазвонил.

– Извините, – сказала Холлис. – Алло?

– Алло, – произнес Бигенд. – Вы где?

– В машине, с Оливером и Одиль, еду на вашу квартиру.

– Памела мне сообщила, что вы взяли попутчицу. Для чего?

– Она знакома кое с кем, кто знает нашего друга, – ответила журналистка. – Кстати о нем: вы умолчали, что парень – из Канады.

– Не счел это важным.

– Ладно, я уже здесь. А он?

– Не совсем. Оформляет бумаги в штате Вашингтон, как мы полагаем. Координаты GPS совпадают с адресом таможенного брокера.

– И все-таки. Помните мое условие насчет честной игры?

– Даже сегодня, когда мир настолько тесен, – проговорил Бигенд, – мне не приходит в голову первым делом сообщить о человеке, что он из Канады. Во время той нашей беседы я поначалу не знал, куда именно он собирается. А потом как-то вылетело из памяти.

– По-вашему, парень сматывает удочки? – спросила Холлис, глядя в затылок водителю.

– Не думаю. Скорее всего там кое-что появилось.

– Что?

– Увиденное пиратами, – отозвался магнат.

Машина съехала с моста в неожиданно глубокий каньон, исполненный ночной жизни для *чрезвычайно* широких масс. Журналистке представился сияющий каркас грузового контейнера Бобби. Парящий над улицей и более загадочный, чем любой гигантский кальмар с неоновой кожей.

– Ну, мы еще сможем это обсудить, верно?

«Как и я, не доверяет сотовым», – подумала Холлис.

– Верно.

– Вы случайно не увлекаетесь пирсингом?

Автомобиль повернул направо.

– Извините?

– У вас ничего не проколото? Могут возникнуть проблемы с кроватью в главной спальне. На верхнем этаже.

– С кроватью?

– Да. Не надевайте на себя ничего, что намагничивается. Ни железа, ни стали. Ни электронного сердечного стимулятора, ни механических часов. Дизайнеры даже словом не обмолвились, когда показывали мне планы. Все ради красивого визуального эффекта. Магнитная левитация. И вот теперь нужно лично предупреждать каждого гостя. Прошу прощения.

– Пока что, – сказала Холлис, – мое тело меня устраивает в его первозданном виде. И часов я не ношу.

– Значит, не о чем волноваться, – довольно подхватил Бигенд.

– Кажется, приехали, – произнесла журналистка, когда Олли свернул на улицу, где каждое здание, судя по виду, выстроили неделю назад.

– Отлично, – ответил магнат и дал отбой.

Ворота поднялись, «фольксваген» скатился по пандусу и въехал на крытую автостоянку, залитую ослепительным сиянием галогенных ламп; на светлом и гладком, будто стекло, бетонном полу не темнело ни единого пятнышка бензина.

Взвизгнули шины; Олли припарковал автомобиль возле другого «фольксвагена» – переростка в перламутрово-белых тонах.

Покидая салон, Холлис ощутила запах свежего бетона.

Олли достал из багажника вещи спутниц и вручил каждой по две карточки с магнитными полосками без надписей.

– Эта для лифта, – пояснил он, проводя белым прямоугольником сбоку от дверей из полированной нержавейки, – и доступа к пентхаусу.

Внутри молодой человек еще раз повторил процедуру, и троица медленно и беззвучно поехала вверх.

– Кажется, эту штуку не стоит класть под кровать, – получив

свою карточку обратно, заметила Холлис, чем весьма удивила Одиль.

– Да уж, – кивнул Олли. – И ваши кредитки тоже.

Лифт остановился, и двери открылись прямо в короткий, устланный коврами коридор, по которому свободно прогрохотал бы грузовой фургон...

– Вторая карточка, – сказал молодой человек.

Холлис переложила коробку в левую руку и провела, где нужно, магнитной полоской. Олли распахнул гигантскую черную дверь толщиной в добрых четыре дюйма. Помещение, куда вступила троица, напоминало размерами общий зал национального аэропорта в какой-нибудь крошечной, суперэкологичной стране Европы; в воображении рисовался этакий карманный лихтенштейнчик, процветающий на производстве самой дорогостоящей в мире осветительной мини-арматуры.

– Вот это квартира, – сказала Холлис, запрокинув голову.

– Это – да, – согласился Олли Слейт.

Одиль бросила сумку и медленно двинулась к стеклянному экрану; когда-то, во время о́но, театральные занавесы выглядели несколько меньше и скромнее. Примерно через каждые пятнадцать футов вид разнообразили большие колонны. Взгляд Холлис различал за экраном лишь смутное серовато-розовое мерцание и далекие красные огоньки.

– А что, внушает! – воскликнула француженка.

– Хорошо, правда? – Олли повернулся к журналистке. – У вас главная спальня. Сейчас покажу. – И, взяв у нее коробку, первым поднялся по головокружительно подвешенной в воздухе лестнице из двух пролетов, ступая по двухдюймовым слиткам узорчатого стекла.

Кровать Бигенда представляла собой идеальный черный квадрат со сторонами по десять футов, парящий над черным полом на высоте трех футов. Холлис приблизилась и заметила тонкие переплетенные кабели из черного металла: они держали конструкцию, словно воздушный шар на привязи.

– Лучше я на полу себе постелю.

– Все так говорят, – отозвался Олли. – Пока не попробуют.

Холлис обернулась что-то сказать – и увидела перед собой молодого человека у ресторанной стойки в отеле «Стандарт»; он спрашивал сигареты «Американ спиритс». Та же пачка. Та же бородка. Словно мох вокруг водостока.

57
Попкорн

Коммерческие авиалайнеры, решил про себя Милгрим, глядя на рельефный потолок своего номера в «Бест вестерн»[153], похожи на городские автобусы. А вот «Гольфстрим» напоминал ему хорошее такси. Или собственный автомобиль. Как правило, Милгрима не впечатляло богатство. Но этот полет на «Гольфстриме», с декором в стиле Лас-Вегаса, пробудил в его душе самые отчаянные мысли о неравенстве. Ведь большинство людей никогда не ступят на трап такого самолета. Это одна из тех вещей, о существовании которых многим известно, которые воспринимаются как должное лишь теоретически, в качестве чьей-то чужой собственности, но реальность которых мало кто в мире осознает всерьез.

Милгрим плохо представлял себе порядок обычного досмотра на канадской границе, но в варианте «Гольфстрима» все прошло именно так, как обещал Браун. Самолет приземлился в огромном аэропорту и заехал куда-то в темное помещение без опознавательных знаков снаружи. К нему подъехал внедорожник с прожекторами на крыше, оттуда вышли двое мужчин в форме – один в пиджаке с золотыми пуговицами, другой – в обтягивающем пуловере «в резинку» с нашивками на плечах и локтях. Тот, второй, что носил свитер «коммандос», явно был родом из Ост-Индии, а еще, похоже, любил качать железо. Мужчины поднялись на борт, приняли три паспорта из рук пилота, по очереди раскрыли каждый, сравнили с имеющейся у них распечаткой и, поблагодарив, ушли. На этом все и закончилось. Пилот убрал свой паспорт в карман и вернулся в кабину. Милгрим (так и не услышавший от него ни слова) и Браун взяли багаж и сошли по длинному трапу, который тем временем кто-то успел подкатить к выходной двери.

Промозглый воздух полнился гулом самолетов. Браун сразу направился к припаркованной машине и достал из-под переднего бампера ключи. Автомобиль плавно тронулся с места. Милгрим обернулся на огни фар заправочных грузовиков, подъезжающих к реактивному самолету.

За окном проплыло странное пирамидальное здание. Машина остановилась у сетчатых ворот. Браун вышел наружу, набрал на маленькой клавиатуре несколько цифр и опять сел за руль, пока громыхали, открываясь, тяжелые створки.

Город встретил приезжих необычной тишиной. И безлюдьем.

Парочка случайных прохожих. Странная чистота, словно в старой компьютерной «бродилке», созданной до того, как авторы научились придавать обстановке налет реализма, рисуя пыль по углам. Полицейские автомобили, которым, судя по скорости, совершенно некуда было спешить.

– А что будет с самолетом? – полюбопытствовал Милгрим, когда машина стремительно миновала длинный многорядный мост из бетона, протянувшийся, как показалось, над второй рекой.

– А что с ним?

– Он будет нас ждать?

– Нет, полетит в Вашингтон.

– Вот это техника, – с уважением заметил Милгрим.

– Чего только в США не получишь за деньги, – жестко сказал Браун. – Говорят, американцы все до единого материалисты, а знаешь почему?

– Почему? – спросил Милгрим, удивленный столь непривычным тоном собеседника.

– А у них все самое лучшее, – произнес тот. – Тут и гадать нечего.

И вот теперь Милгрим размышлял над его словами, уставившись в потолок. Тот был отделан кусочками жесткого пенопласта размером с крошки, какие остаются на дне пакета с попкорном. Вот он, вид, который доступен любому в самой обычной жизни. Тогда как «Гольфстрим» – нечто иное. Возможно, для этого людям и требуются большие деньги – чтобы сбежать от обыденности. При мысли о том, что Браун имеет возможность пользоваться подобными вещами, Милгрима принималась точить изнутри какая-то новая тревога. Куда легче было представить своего мучителя в контексте «Нью-Йоркера» или «Бест вестерн». Но «Гольфстрим», но домик в Джорджтауне с домоправителем, умеющим делать стрижки, – это было неправильно, порождало раздвоенные чувства.

Потом Милгрим задался вопросом: что, если Браун и в самом деле имеет связи в DEA, как представлялось вначале? Может, он позаимствовал самолет там же, где доставал «Райз»?

Медикаменты достаются через очень серьезных дилеров, разве не так? Морские суда… Самолеты… О таких вещах постоянно пишут в газетах.

Это объяснило бы даже ворсистый белый ковер.

58
Абракадабра

Оказалось, пилот летел над скоростными автомагистралями.

Тито заметил это лишь теперь, сидя рядом с ним в кабине; с отлетом из Иллинойса и приглашением на переднее кресло назойливый страх отлучился неведомо куда, будто его и не было. Это как незнакомый попутчик в автобусе: только что мозолил глаза, а потом вдруг поднялся и вышел. Пожалуй, настало время отправить воспоминания о матери и перелете из Кубы в отдельный ящик сознания. Так будет намного проще.

Благодарение Элеггуа, и да откроет он все пути.

Равнина, пересеченная тонкими линиями автомагистралей, называлась Небраской, как сообщил пилот, нажав особую кнопку на головном телефоне, чтобы сосед мог слышать его голос у себя в наушниках.

Дожевывая сандвич с индейкой, полученный в Иллинойсе от мужчины в ковбойской шляпе, и чистоплотно собирая крошки в ладонь, Тито смотрел, как внизу расстилалась равнина Небраска. Но вот с едой было покончено. Мужчина сложил коричневый бумажный пакет, облокотился на мягкий карниз между дверью и иллюминатором и опустил голову на руку. В наушниках что-то щелкнуло.

– ...отдел использования информации, – договорил старик.

– Это же программа ДАРПА[154], – возразил Гаррет.

– Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы – само собой, но изначально все предназначалось для IXO[155].

– И он забрался в бета-версию?

– Дело в том, что Шестой флот ВМС[156] использовал программу под названием «Fast-C2AP», – ответил старик. – Она позволяет найти некоторые суда так же просто, как проверить курс акций в режиме онлайн. И все же до PANDA ей далеко. Если не упрощать до абсурда, PANDA охватит все динамические модели торговых судов, как местных, так и по всему миру, от обычных маршрутов до рутинных заходов в порты для дозаправки или какой-нибудь бумажной работы. Если корабль, который постоянно курсирует между Малайзией и Японией, вдруг повернет в Индийский океан, программа тут же заметит. Это потрясающая система, и она в самом деле поможет сделать страну безопаснее. Впрочем, ты прав: похоже, он получил доступ к некой бета-версии, чтобы сделать перекрестную ссылку между

судном и последним сигналом контейнера.

– И вполне заслужил свою плату, – заметил Гаррет.

– Да, но я постоянно задаюсь вопросом, – промолвил старик, – с кем же мы связались? Он либо гений, либо, по большому счету, всего лишь талантливый наглый взломщик.

– А в чем разница? – спросил, помолчав, Гаррет.

– Предсказуемость. Что, если мы по неосторожности сотворили чудовище, вручив ему желаемое и облегчив задачу?

Тито украдкой посмотрел на пилота: тот вел самолет при помощи колен, заполняя какие-то белые бланки, и, судя по его виду, вряд ли слушал странный разговор. А может быть, собеседники могли понять по какому-нибудь сигналу – допустим, по загоревшейся лампочке, – когда посторонний включал свои наушники?

– По-моему, слишком отвлеченный повод для беспокойства, – произнес Гаррет.

– Только не для меня, – возразил старик. – Разве что не такой срочный, конечно. Прямо сейчас меня больше волнует, насколько надежен наш источник сведений. Если ящик угодит не туда, куда нужно, все усложнится. И даже очень.

– Понимаю, но эти двое знают свое дело. Было время, они могли «терять» контейнеры вроде нашего; сейчас, при усовершенствованном режиме охраны, об этом даже не думают. Хотя заплатить приличные деньги за то, чтобы ящик попал куда следует, – совсем другое дело.

– Кстати, – начал старик, – если с прошлого раза контейнер сменил маркировку, наши бравые парни его уже не найдут, ведь так?

– Не сменил. При любой пересылке метки ISO[157] сохраняются.

– Не обязательно. Программу создали, когда на ящике уже была маркировка. Мы не можем быть уверены, что все осталось по-прежнему. Я просто хочу напомнить: у нас есть и другой выбор.

– У меня – нет.

Тито снял наушники. Потом, не дотрагиваясь до кнопок, повесил их на крючок над дверью, опустил голову на ладонь и притворился спящим.

Абракадабра, да и только. Не нравились ему такие разговоры.

59
Черный «Зодиак»

Браун взял напрокат исключительно уродливую и неудобную черную лодку под названием «Зодиак». Пара гигантских надутых труб из резины, соединявшихся впереди под относительно острым углом, черная дверь между ними, четыре ковшеобразных сиденья с высокими спинками на столбиках плюс самый огромный подвесной мотор, какой доводилось видеть Милгриму, и тоже черного цвета. В пункте проката на пристани мужчинам выдали красные спасательные жилеты. От того, который достался пассажиру, жутко пахло рыбой; к тому же он царапал и натирал шею.

Милгрим уже забыл то время, когда в последний раз плавал на лодке, и, разумеется, меньше всего ожидал этого сегодня, тем более в такую рань.

На рассвете Браун, как обычно, вошел к нему в комнату и растолкал, но не очень грубо. Серых коробочек на дверях не было – наверное, остались в Вашингтоне, в обществе пистолета, большого складного ножа, а то и фонарика с наручниками. Сегодня Браун надел поверх черной футболки такого же цвета нейлоновую куртку; так он смотрелся гораздо естественнее, нежели в костюме.

Мужчины, не обменявшись ни словом, позавтракали яйцами в ресторане отеля, выпили кофе, спустились в подземный гараж и снова взяли машину – «форд-таурус», чей задний номерной знак украшала стандартная заводская наклейка.

В последнее время Милгрим предпочитал «короллу».

Города (как он узнал по опыту) привыкли раскрывать свой характер через выражения лиц их обитателей, особенно спешащих по утрам на работу, пока лишь готовящихся к заботам предстоящего дня. В такие минуты по ним легко просчитывался некий коэффициент затраханности. Так вот: в здешних краях, прикинул Милгрим, изучая из окна машины ли́ца и позы пешеходов, этот коэффициент был на удивление низок. Скажем так, ближе к показателям Коста-Меса[158], нежели к Сан-Бернардино[159]; по крайней мере в увиденной части города. Ванкувер и впрямь напоминал Калифорнию больше, чем можно было ожидать. Хотя, наверное, все дело в солнечном свете. Так что скорее Сан-Франциско, а не Лос-Анджелес.

Внезапно до Милгрима дошло: а ведь Браун тихо насвистывает за рулем. Немелодично, пожалуй, но с каким-то

намеком на жизнелюбие – во всяком случае, с радостным оживлением. Или он непосредственно настроился на колебания, излучаемые солнечным небом, покрытым редкими облачками? В это не слишком верилось, но все же: как странно…

Двадцать минут спустя «форд» с трудом отыскал свободное место на парковке у пристани. Водный простор, далекие горы, зеленоватые стеклянные башни, словно построенные прошлой ночью, лодки с белыми мачтами, чайки, занятые своими чаячьими делами…

– Что это? – спросил Милгрим, увидев, как Браун скармливает кассе-автомату крупные серебристо-золотые жетоны.

– Двухдолларовые монеты, – буркнул мужчина, при любой возможности избегавший расплачиваться кредитной карточкой.

– Двушки приносят неудачу, – неуверенно сказал Милгрим, припомнив рассказы любителей ипподрома.

– Это трешки чертовы удачу не приносят, – заявил Браун.

И вот уже под бешеный рев огромного мотора пристань и город остались вдали. «Зодиак» пущенным камешком скакал по сизовато-зеленым волнам, ужасно холодным на вид. Призрачное отражение лодки было чем-то сродни башням на пристани. Вонючий и жесткий спасательный жилет уютно защищал от ветра, порывы которого заставляли трепетать на лодыжках отвороты брюк «Jos. A. Banks», пошитых под девизом «вернемся в школу». Браун управлял суденышком стоя, наклонившись вперед, кое-как пристегнувшись к сиденью, и ветер лепил из его лица самые нелепые формы. Вряд ли мужчина продолжал насвистывать, но казалось, радость по-прежнему бьет в нем ключом. А вот отдавать швартовы (или это называется по-другому?) Браун явно не привык, пришлось позвать на помощь служащего из пункта проката.

Резкий соленый ветер щипал глаза.

Обернувшись, Милгрим увидел остров или же полуостров, сплошь покрытый деревьями. Прямо над кронами вырастал высокий подвесной мост, как в оклендской бухте[160].

Милгрим повыше застегнул воротник рыбацкой куртки и зябко втянул шею. Ему хотелось бы спрятать внутрь и руки с ногами. Если на то пошло, жаль, что на лодке не было маленькой каюты или хотя бы тента из красного нейлона с полужесткими пенопластовыми стенками. И койкой внутри. Вот бы растянуться на ней, пока Браун управляет лодкой. Смириться можно даже с рыбной вонью, только бы лечь и укрыться от этого ветра.

Милгрим оглянулся на город: над волнами поднимался гидросамолет. Между тем впереди, далеко и не слишком, качалось несколько больших кораблей с черно-красными

корпусами, а где-то за ними уже начинался порт; гигантские оранжевые стрелы подъемных кранов тянулись над линией берега, на вид целиком облепленного промышленными сооружениями.

По левую сторону, на более удаленном берегу, темнели ряды резервуаров или цистерн, другие краны, а рядом – еще грузовые суда.

Другие люди готовы платить за подобные впечатления, подумал Милгрим, но это его не утешило. Все-таки здесь не паром на Стейтен-айленд[161]: здесь нужно с немыслимой скоростью мчаться по волнам на какой-то жуткой посудине, похожей на полусдувшуюся резиновую ванну, на фоне которой гордо позировал Владимир Набоков на одном старом снимке. С точки зрения Милгрима, природа всегда была слишком велика и неудобна. Нет, весь этот вид чересчур давил на психику. В особенности оттого, что взгляд наблюдал так мало следов человеческой деятельности.

Тем временем перед лодкой вырастала какая-то плавучая скульптура в духе кубизма, отмеченная смутным влиянием Кандинского. По мере того как нелепая конструкция надвигалась, Милгрим различил перед собой корабль, но только нагруженный до отказа, ушедший под воду всей красной половиной корпуса, оставив на поверхности одну черную. Впрочем, корма торчала вполне по-корабельному, прогнувшись под абсурдистским нагромождением груза; она-то и выдала судно. Ящики напоминали своей окраской товарные вагоны с железной дороги. Преобладал, конечно, тусклый буровато-красный цвет с добавлением белого, желтого и бледно-голубого. Суда настолько сблизились, что Милгрим почти разобрал надпись на корме, когда вдруг заметил рядом корабль поменьше, обвешанный черными покрышками, пылко жмущийся к высокой черной корме, выжигая на пенной воде огромное белое V. Неожиданно Браун круто повернул руль, и «Зодиак» помчался вдвое быстрее. Милгрим прочел название буксирного судна: «СОЛНЦЕ-ЛЕВ», затем поднял глаза на огромные буквы на корме корабля, белые, с полосками ржавчины: «Торговое судно Ямайка-стар». И ниже, тоже белым, но чуть помельче: «Панама-Сити».

Тут Браун заглушил мотор, и на мужчин обрушилась тишина. Лодка тяжело вздрагивала, качаясь на волнах. Где-то вдали послышался колокольный звон и вроде бы паровозный гудок.

Браун достал из рыбацкой куртки металлическую трубку с какой-то затейливой надписью, отвернул крышку и вытащил сигару. Небрежно бросив футляр через плечо, при помощи маленького блестящего инструмента отрезал ей кончик, сунул

сигару в рот и щелкнул поддельным шестидюймовым «Биком» из тех, какими торгуют в корейских закусочных. Потом, после долгой ритуальной затяжки, выпустил изо рта огромное облако синего дыма.

– Вот сукин сын, – произнес он с необъяснимым и безмерным, как показалось изумленному пассажиру, удовольствием. – Ты только взгляни на этого мерзавца, – прибавил мужчина, глядя на плавучий штабель из ящиков, именуемый грузовым судном «Ямайка-стар».

На ящиках были какие-то надписи, но Милгрим не мог ничего разобрать, а кораблик медленно удалялся.

Не желая портить такую особенную минуту, хотя и не понимая, в чем ее смысл, Милгрим тихо сидел и слушал, как маленькие волны плещут у мокрых раздутых боков черного «Зодиака».

– Сукин сын, – вполголоса повторил Браун, попыхивая сигарой.

60
Меняя коды

Проснувшись на магнитной летающей кровати Бигенда, Холлис почувствовала себя женщиной, возложенной на алтарь ацтекской пирамиды. Словно жертва. В самом деле, над ней возвышалось нечто пирамидообразное, похоже, вершина остроконечной башни со стеклянными стенами. Надо признаться, ночь прошла замечательно, и не важно, сколько магнетизма впитало за это время тело постоялицы. Возможно, подобно браслетам, которые заказывают по почте, кровать обладала особым свойством снимать напряжение в суставах. Или же тонкие энергии пирамиды усилили прану спящей.

– Доброе утро! – донесся с нижнего этажа голос Олли Слейта. – Проснулись?

– Сейчас спускаюсь.

Холлис соскользнула с кровати (та легко и странновато качнулась), влезла в джинсы с топом и заморгала при виде внушительной, дорогостоящей пустоты своей спальни-на-башне. Точно в логове крылатого чудовища, понимающего толк в дизайне.

На море не смотреть, предупредила себя журналистка; на горы тоже. Не надо. Бывает слишком много пейзажа. Она отыскала ванную комнату, где ничто не напоминало привычные удобства санузла, сообразила, как работают краны, умылась и почистила зубы. После чего босиком спустилась на встречу – или очную ставку – с Олли.

– Одиль вышла погулять, – сообщил он, сидя за длинным стеклянным столом и разложив перед собой куски черного пластика из открытой коробки «ФедЭкса». – Какой у вас телефон?

– «Моторола».

– Стандартный разъем. – Он выбрал из россыпи нужную деталь и указал на самый большой черный предмет на столе. – Хьюберт вам прислал. Это шифратор.

– Зачем?

– Он подключается к наушникам телефона. В основе – цифровой алгоритм. Он приумножает введенный вами шестнадцатизначный код в шестьдесят тысяч раз; шифровальная модель повторяется только через семнадцать часов. Это устройство уже заряжено и запрограммировано Хьюбертом специально для ваших с ним разговоров.

– Очень мило, – заметила Холлис.

– Можно ваш сотовый?

Она достала трубку из кармана джинсов и протянула молодому человеку.

– Спасибо.

Олли подключил к телефону черный прямоугольник, напомнивший журналистке съемные панели автомагнитол.

– У него свой зарядник, который не подойдет для вашего телефона. – Тут он ребром ладони смахнул остальные черные детали вместе с упаковкой в коробку «ФедЭкса». – Я взял фруктов и кое-какую выпечку. Кофе уже варится.

– Спасибо.

Молодой человек положил на стол связку ключей с голубой и серебряной эмблемой «фольксвагена».

– Это для запасного «фаэтона» внизу. Вы уже водили такую машину?

– Нет.

– Будьте поосторожнее: кажется так похоже на «пассат», что забываешь, корпус-то намного шире. При въезде смотрите на разметку, это напомнит.

– Хорошо.

– Тогда я побежал.

Он поднялся и сунул коробку под мышку. Этим утром Олли пришел в футболке и джинсах, судя по внешнему облику, обработанных инструментом фирмы «Дремел»[162] в течение стольких часов, во сколько раз устройство Бигенда может растягивать полученные коды. Вид у него был усталый – возможно, из-за бороды.

Оставшись одна, Холлис поискала кухню (та обнаружилась по другую сторону просторного помещения и была замаскирована под бар; лишь итальянский тостер и кофеварка выдали правду) и с чашкой в руке вернулась за столик. Тут зазвонил телефон, и на черной поверхности взволнованно замигали цветные огоньки.

– Алло?

– Это Хьюберт. Оливер сообщил, что вы проснулись.

– Проснулась. А мы уже «шифруемся»?

– Да.

– У вас такая же штука?

– Иначе ничего не получится.

– Великовата, в карман не влезет.

– Знаю, – ответил Бигенд, – но меня все больше беспокоит вопрос защиты от лишних ушей и глаз. Хотя, конечно, это понятие относительное.

– Значит, наш разговор тоже могут прослушать?

– Скорее нет, чем... да. Олли обзавелся операционной

системой «Linux», так вот она способна контролировать трафик сообщений, передаваемых по тремстам беспроводным сетям одновременно.

– А зачем он это сделал?

Бигенд на минуту задумался.

– Была возможность, вот и сделал, я полагаю.

– Хочу вас о нем спросить.

– Да?

– Олли заходил в ресторан «Стандарта», когда мы беседовали с Одиль и Альберто. Покупал сигареты.

– И?

– Это была проверка? По вашей просьбе?

– Разумеется. Что же еще?

– Просто проверка, – сказала Холлис. – В смысле, я хотела убедиться. Что не ошиблась.

– Надо же было посмотреть, как вы с ними поладите. В то время мы еще колебались.

«Мы, “Синий муравей”...», – мелькнуло в голове журналистки.

– Ладно, сейчас другое важно. Где Бобби?

– Где-то там, – произнес Бигенд. – В ваших краях.

– Я думала, вы за ним следите.

– За белым грузовиком. А он стоит во дворе прокатной фирмы, в канадском городе-сателлите с названием Барнаби. Сегодня рано утром Бобби со всем оборудованием покинул машину возле торгового склада, к северу от границы. Олли всю ночь глаз не смыкал, ездил по GPS координатам к месту последней остановки.

– Ну и?

– Ясное дело, ничего. Очевидно, транспорт успели сменить по дороге. Как у вас с Одиль?

– Она ушла на прогулку. Когда вернется, попробую выяснить, какие у нее могут быть связи с Бобби. Не хотелось начинать разговор в самолете, торопить события.

– Хорошо, – ответил Бигенд. – Если понадоблюсь, перезвоните по этому номеру.

На этом беседа оборвалась, и на корпусе шифровального устройства заплясали разноцветные огоньки.

61
Чемодан «Пеликан»

В Монтане они сделали остановку, однако не для дозаправки, хотя и этого тоже оставалось недолго ждать. С рассветом самолет приземлился на заброшенном участке сельского шоссе. К нему подкатил помятый и дряхлый автомобиль-универсал с двумя мужчинами на крыше, но Тито было сказано держаться подальше от иллюминаторов.

– Эти парни не любят видеть незнакомцев.

Гаррет открыл дверь, и в салон пропихнули черный чемодан, очень тяжелый с виду, так что мужчина даже не попытался поднять его, а напрягся изо всех сил, чтобы втащить внутрь, в то время как некто невидимый толкал снаружи. Тито вспомнилась бронированная, водонепроницаемая продукция фирмы «Пеликан»[163], в которой его кузен Алехандро время от времени закапывал документы и кое-какие припасы. Едва лишь дверь захлопнулась, снаружи раздался рев автомобильного мотора, а самолет сорвался с места. При подъеме над землей дополнительный вес был очень заметен.

Когда траектория полета выровнялась, старик поднес к чемодану некий прибор желтого цвета и подозвал Гаррета, чтобы показать ему данные на маленьком дисплее.

Примерно через час настало время очередной остановки на сельском шоссе, где уже поджидала цистерна с авиационным бензином.

Покуда пилот занимался заправкой, пассажиры пили горячий кофе: водитель автоцистерны любезно предоставил им полный термос и одноразовые стаканчики.

– Но это точно последние данные, которые он успел ввести вручную? – спросил Гаррет.

– Он сказал, что соединил концы эпоксидным клеем «JB Weld», – ответил старик.

– И все?

– В наше время им замазывали дыры в блоках цилиндров.

– Не уверен, что там было столько же радиации, – произнес Гаррет.

62
Сестра

– Это Сара, – произнесла Одиль.

Пришлось поискать ее среди многолюдного патио в муниципальной галерее. В «фаэтоне» была система GPS, но, к счастью, обнаружилась и простая карта. За то время, пока Холлис добралась до машины, нашла условное место и припарковалась, можно было спокойно дойти пешком. К тому же Олли оказался прав насчет широкого корпуса. И все эти хлопоты – из-за телефонного приглашения на ленч кое с кем интересным, поступившего от Одиль.

– Здравствуй, – сказала журналистка, пожимая руку девушки. – Холлис Генри.

– Сара Фергусон.

Журналистка придвигала к себе кованый стул, гадая, не упущена ли возможность договориться с Одиль о том, чтобы отложить визиты к локативным художникам, когда куратор из Франции повторила:

– Фер-гу-сон.

– Ой, – вырвалось у Холлис.

– Сара – сестра Бобби.

– Да, – подтвердила девушка без особой, как показалось журналистке, радости. – Вы с ним общались в Лос-Анджелесе, Одиль мне рассказала.

На француженке были узкие черные очки в черной оправе.

– Общалась, – кивнула Холлис. – Я тут пишу для «Нода» статью о локативном искусстве. Похоже, твой брат в этом деле – ключевая фигура.

– Для «Нода»?

– Это новое издание, – пояснила журналистка. Интересно, а Бигенд или Рауш в курсе такого любопытного знакомства? – Я даже понятия не имела, что у Бобби есть сестра. – Она покосилась на Одиль. – Сара, ты художница?

– Нет, – ответила девушка. – Я работаю в галерее. Только не в этой.

Холлис подняла глаза; у основания крыши сооружения, которое она приняла за модернизированный банк или правительственное учреждение, был водружен профиль корабля как образец публичного искусства[164].

– Если мы хотеть поесть, надо войти, – сказала француженка.

Внутри обнаружилась очередь в фешенебельное кафе, и

Холлис отчего-то почувствовала себя как в Копенгагене. Судя по наружности людей, которые оказались впереди, каждый из них, если бы перед ним расставили дюжину стульев в стиле классик-модерн, без запинки перечислил бы имена дизайнеров. Троица выбрала салаты и напитки с разными сандвичами. При этом Холлис расплатилась кредиткой, объяснив Саре, что «Нод» платит за ленч. Убирая бумажник обратно в сумку, она наткнулась на конверт Джимми Карлайла с пятью тысячами долларов, который чуть не забыла в «Мондриан», в электронном сейфе.

Пока компания искала столик и занимала места, Холлис решила про себя, что Сара похожа на брата, но девушке подобная внешность подходит куда больше. Темные волосы, прелестная стрижка и стильная одежда работницы художественной галереи, продающей искусство людям, которые привыкли требовать определенной серьезности вкуса и манер. Сочетание черного и серого цветов, хорошие туфли.

– Я и не подозревала, что ты знаешь его сестру, – сказала Холлис француженке, беря с тарелки сандвич.

– А мы только что познакомились, – вмешалась Сара, поднимая вилку. – Оказалось, у нас один общий бывший. – Она улыбнулась.

– Клод, – подхватила Одиль, – из Парижа. ’Оллис, я тебе говорила, он знать Бобби.

– Точно, говорила.

– Я ему позвонить, он дать номер Сары.

– За минувшие сутки это далеко не первый звонок от незнакомого человека насчет Бобби, – ввернула девушка. – Но тут по крайней мере был общий знакомый. И вы хотя бы не злитесь.

– А что, остальные злились? – полюбопытствовала Холлис.

– Некоторые – да. Другим просто не хватало выдержки.

– Почему, если не секрет?

– Потому что мой брат – большая задница, – ответила Сара.

– Художники из Лос-Анджелеса, – пояснила Одиль. – Они пытаться добраться до Бобби. Серверы еще недоступны. Все искусство пропало. Электронные письма возвращаются обратно.

– Уже с полдюжины людей позвонили. Похоже, там кто-то прослышал, что у Бобби здесь родственница, а номер нашли в телефонном справочнике.

– Я тоже знаю одного художника, который с ним работает, – вставила Холлис. – Он ужасно расстроился.

– Кто?

– Альберто Корралес.

– Он сильно кричал?

– Нет.

– А в трубку – кричал, – заметила Сара, поддевая кусочек авокадо. – Все твердил, что потерял свой ливер.

– Но ты не в курсе, где брат?

– Да здесь он, – сказала девушка. – Алиса, моя подружка, видела Бобби утром на Коммершиал-Драйв, они знакомы со средней школы, ну и позвонила мне. Если точно, минут за двадцать до тебя, – обратилась она к Одиль. – Алиса его сразу узнала, поздоровалась, и он тоже – а куда деваться? Понял, что бесполезно, не отвертится. Она-то, конечно, понятия не имела, какая тут за братом охота. Он еще наплел про студию, будто надумал выпустить свой CD. Вот так и я выяснила, что Бобби в городе.

– Вы с ним очень близки?

– А по моим словам похоже на то?

– Прости, – стушевалась Холлис.

– Нет, это ты прости, – смягчилась Сара. – Только какой же он все-таки безалаберный, прямо зла иногда не хватает. Что в пятнадцать лет считал себя пупом земли, что сейчас, без разницы. Очень сложно иметь в родне одаренное чудовище.

– И в чем его дар? – уточнила Холлис.

– Математика. Программирование. Знаете, он и прозвище взял в честь компонента программного обеспечения, разработанного в Национальной лаборатории имени Лоренса в Беркли[165]. Чомбо.

– И что это самое Чомбо… делает?

– Применяет методы конечных разностей для решения дифференциальных уравнений с частными производными на прямоугольных расчетных сетках с блочной структурой. – Сара на миг состроила рожицу, возможно, даже не сознавая этого.

– А попроще?

– Если б я понимала хоть слово. Но *где* там, ведь я же работаю в галерее современного искусства. Чомбо – любимая тема Бобби. Послушать его, мой братец один понимает и ценит эту ерунду. Говорит о ней как о собаке, которую научил очень ловкому фокусу – такому, какой другим хозяевам даже на ум не пришел бы. Тапочки приносить. На спину переворачиваться… – Девушка пожала плечами. – Ты вот его тоже ищешь, так ведь?

– Так, – ответила Холлис, опуская сандвич.

– Зачем?

– Я журналистка, пишу о локативном искусстве. А Бобби, кажется, в самой гуще событий. Не успел исчезнуть – видишь, как все взбесились, забегали.

– Ты была в той группе, – объявила Сара. – Я помню… Там еще гитарист из Англии…

– «Кёфью», – подсказала Холлис.

– А теперь что же – пишешь?

– Понемножку. Вообще-то я в Лос-Анджелесе провела всего несколько недель, изучала вопрос. Потом Альберто Корралес свел меня с Бобби. А тот пропал.

– Ну, «пропал» – слишком драматично сказано, – возразила девушка, – особенно если знать моего братца. Отец называл это: «смылся». Как думаешь, Бобби захочет с тобой увидеться?

Холлис подумала.

– Нет. Он расстроился, когда Корралес меня привел к нему в студию в Лос-Анджелесе. По-моему, он будет против новой встречи.

– Ну, твои песни ему всегда нравились, – заметила Сара.

– Альберто мне тоже так говорил, – ответила журналистка. – Просто Бобби не жалует гостей.

– Тогда... – Девушка запнулась, перевела глаза с Холлис на Одиль, потом обратно. – Тогда я скажу, где он.

– А ты знаешь?

– Восточный район, бывшая обивочная фабрика. Когда Бобби в отлучке, там кое-кто живет, и я до сих пор иногда ее вижу: значит, место еще его. Сильно удивлюсь, если он приехал и не окажется там. Это за Кларк-драйв...

– Кларк?

– Я лучше дам адрес, – решила Сара.

Холлис достала ручку.

63
Выживание, уклонение, сопротивление, побег

Старик дочитал выпуск «Нью-Йорк таймс» и аккуратно сложил газету. Троица ехала в открытом джипе. Сквозь тусклую серую краску, нанесенную на багажник при помощи кисти, красными точками проступала ржавчина. Тито впервые видел перед собой Тихий океан. Доставив их сюда с континента, пилот поспешил улететь, но перед этим долго прощался со стариком наедине, и под конец они обменялись крепким рукопожатием.

На глазах у Тито самолетик «Сессна» превратился в маленькую точку на небе и скрылся из вида.

– Помню, как мы проверяли цэрэушную памятку ведения допросов, – промолвил старик. – Ее прислали в неофициальном порядке, хотели знать наше мнение. В первой главе излагались доводы, почему при добывании сведений нельзя применять пытки. Причем этические вопросы вообще не учитывались, речь шла лишь о качестве и полноте получаемого продукта, о нерасточительном отношении к потенциальным возможностям. – С этими словами он снял очки в стальной оправе. – Если ведущий допросы избегает любых проявлений враждебности, вы начинаете утрачивать чувство того, кто вы на самом деле. У жертвы наступает кризис личности, и тогда ей исподволь начинают внушать, кем она теперь может стать.

– А ты кого-нибудь сам допрашивал? – осведомился Гаррет, у ног которого стоял черный чемодан «Пеликан».

– Это дело интимное, – ответил старик. – Чрезвычайно личное. – Он вытянул перед собой ладонь, словно держа ее над невидимым пламенем. – Одна простая зажигалка заставит человека выболтать все, что, по его мнению, вы хотите узнать. – Рука опустилась. – И навсегда отобьет у него любое доверие к вам. К тому же мало что поможет жертве настолько же эффективно укрепиться в сознании собственных целей. – Старик постучал по сложенной газете. – Когда я впервые увидел, *что* они творят, то сразу понял: методики SERE[166] вывернули наизнанку. Фактически мы использовали техники, разработанные корейцами специально для подготовки заключенных к показательным судам, – добавил он и умолк.

Тито слушал, как плещут у берега океанские волны.

Ему сказали, что *это* – еще Америка.

Укрытый брезентом и ветками джип ожидал троицу возле обветренной бетонной платформы, некогда, по словам Гаррета, принадлежавшей метеостанции. Позади автомобиля стояли механические щетки. Перед посадкой самолета кто-то чисто подмел бетон.

Гаррет предупредил о лодке, которой предстояло приплыть и доставить их к канадскому берегу. Тито прикинул, какого же она будет размера. Ему представлялся паром «Секл Лайн»[167], плавучие айсберги... Солнце вовсю пригревало, с океана дул теплый и ласковый бриз. Казалось, мужчины замерли на самом краю мира. Совсем недавно за бортом «Сессны» расстилались пустынные, почти безлюдные просторы. Маленькие американские города сверкали в ночи подобно драгоценным камешкам, рассыпанным по полу в огромном и темном зале. Глядя на них из круглого иллюминатора, Тито воображал спящих людей, которым, возможно, смутно мерещился гул самолетных моторов.

Гаррет подошел к нему, предложил яблоко и грубо сделанный ножик для разрезания – из тех, что еще встречаются на Кубе. Желтая краска на рукояти давно облупилась. Тито раскрыл тускло-черное лезвие с клеймом «ДУК-ДУК»[168] – как выяснилось, очень и очень острое, – и разрезал яблоко на четыре части. Потом вытер нож с обеих сторон о штанину джинсов, вернул его Гаррету и протянул спутникам сочные дольки. Мужчины взяли себе по одной.

Старик посмотрел на свои допотопные золотые часы, а потом устремился взором куда-то за океан.

64
Глокование

– Купи-ка немного дури, – произнес Браун таким тоном, словно заранее репетировал фразу, и протянул пассажиру несколько сложенных иностранных купюр.

Сияющие хрустящие бумажки были покрыты металлическими голограммами и чуть ли не встроенными микросхемами.

Милгрим перевел глаза на своего спутника, сидящего за рулем «форда-таурус».

– Не понял?

– Дурь, – пояснил Браун. – Наркоту.

– Наркоту?

– Найди мне торговца. Только не первого встречного, а серьезную личность.

Милгрим посмотрел за окно на улицу, где стояла машина. Пятиэтажное кирпичное здание времен короля Эдуарда VII лоснилось от налета несчастий, порожденных крэком, а может, и героином. Здесь, в этой части города, коэффициент затраханности заметно подскакивал.

– А что тебе нужно?

– Колеса, – сказал Браун.

– Колеса, значит, – повторил Милгрим.

– У тебя на руках три сотенных и бумажник без документов. Если заметут, помни: ты меня не знаешь. Как приехал, по какому паспорту и все такое прочее – забудь. Можешь им назвать свое настоящее имя. Рано или поздно я тебя вытащу, а надумаешь меня кинуть – сгниешь в камере. Попробуй ди́лера привести на стоянку, будешь совсем молодец.

– Я здесь в первый раз, – засомневался Милгрим. – Вдруг мы не на той улице?

– Издеваешься? Разуй глаза.

– Вижу, – ответил Милгрим. – Спрошу кого-нибудь из местных, что у них тут на этой неделе. В смысле, сегодня. *Здесь* у них такие дела делаются, или полиция согнала торговцев квартала на три к югу. Мало ли что.

– Ну, давай смотри, – напутствовал Браун. – Ты похож на торчка, тебе поверят.

– Но я ведь чужой. Могут принять за осведомителя.

– Пошел, – отмахнулся Браун.

Милгрим шагнул на улицу, сжимая в ладони сложенные иностранные купюры, и огляделся. Вокруг не было ни одного

заведения, которое осталось бы не заколоченным. На фанерных щитах коробились от потеков дождя бесчисленные слои афиш, зазывающих в кино и на концерты.

Пожалуй, прикинул мужчина, будет лучше сделать вид, будто наркотики нужны ему самому. Это сразу повысит степень доверия. В конце концов, ему известно, какие вопросы задавать и почем нынче таблетки. Таким образом, ему и правда может попасть в руки что-нибудь сто́ящее, что можно припасти для себя.

На душе у него вдруг прояснилось; чужая, но чем-то знакомая улица показалась очень даже любопытной. Выкинув Брауна из головы (теперь он мог себе это позволить), Милгрим двинулся вдоль по улице с удвоенными силами.

Через час и сорок пять минут, отказавшись от предложений приобрести три разных сорта героина, кокаин, метамфетамин, перкодан и шишки марихуаны, Милгрим неожиданно поймал себя на том, что заключает сделку – платит по пятерке за тридцать упаковок валиума, по десять штук каждая. Разумеется, он не имел понятия, окажутся ли таблетки настоящими и существуют ли они вообще, зато как опытный покупатель твердо знал, что его приняли за обычного заезжего туриста, а значит, в сравнении с обычной таксой заставили переплатить, самое меньшее, в два раза. Отделив затребованные продавцом полторы сотни, Милгрим ухитрился спрятать оставшуюся половину к себе в левый носок. Нечего и говорить, это было сделано по привычке: он всегда поступал так, покупая наркотики, и не мог припомнить особого случая, который заставил бы изменить давней тактике.

Ящер (так звали торговца товарищи по бизнесу) оказался белым мужчиной около тридцати лет. Одевался он как бывший скейтбордист, еще не растерявший до конца своих замашек; на длинной шее красовалась замысловатая татуировка – наверное, маскировала прошлую, не столь удачную. Или того хуже – сделанную в тюрьме. Для чего вообще нужны татуировки на лице или шее? Возможно, для того, чтобы люди сразу видели, что ты не коп, рассудил Милгрим. Однако намек на отсидку вызывал совсем другие, тревожные звоночки. Если уж на то пошло́, то и прозвище Ящер не очень успокоило покупателя. Кстати, кто это – рептилия или амфибия? Не важно. Милгриму часто приходилось доставать наркоту самыми разными путями; так вот на этой дорожке ему встречались торговцы, внушающие гораздо больше доверия. Но что поделать, если этот Ящер единственный среди всех согласился продать валиум. Правда, предупредил, что не носит запас при себе. «Да уж, это редкость», – подумал клиент, однако кивнул, давая понять, что согласен на любые условия.

– Туда, по улице, – произнес Ящер, теребя кольцо, продетое

через правую бровь.

У Милгрима украшения подобного сорта всегда вызывали неприятное чувство, словно могли занести какую-нибудь заразу, в отличие от колец в более традиционных местах, расположенных по центру лица. Он свято верил в эволюцию, а как известно, чаще всего эта леди благоволит к симметричным особям. Все прочие имеют куда меньше шансов на выживание. Разумеется, Милгрим не собирался говорить этого вслух.

– Сюда, – с важным видом сказал Ящер и, повернув с дороги, распахнул какую-то дверь с каркасом из алюминия и фанерой, вставленной на место разбитого стекла.

– Эй, там темно, – возмутился клиент, однако Ящер уже схватил его за плечи и силой втащил в подъезд, насквозь пропахший мочой.

Ощутив сильный толчок, Милгрим повалился навзничь. Удар о ступени (обо что же еще?) пронзил спину болью. Загремели, опрокидываясь, бутылки. Позади захлопнулась дверь.

– Спокойно, – сказал «покупатель» внезапно наступившему мраку. – Деньги твои. Держи.

Вдруг по глазам полоснуло солнечным светом, дверь отлетела в сторону, и в темноту ворвался Браун. Милгрим скорее почувствовал, чем увидел, как тот своими руками поднял Ящера над полом и швырнул на лестницу, между ног уже упавшего мужчины.

И снова раздался грохот пустых бутылок.

Нестерпимо яркий луч фонаря, знакомый Милгриму еще по квартире НУ на Лафайет-стрит, тщательно обшарил спину и зад притихшего на лестнице Ящера. Браун быстро склонился и, крякнув от натуги, обеими руками перевернул жертву на спину. После чего, светя себе фонариком, правой рукой расстегнул ширинку его обвисших порток.

– «Глок», – объявил Браун и с видом фокусника, исполняющего мерзостный трюк, достал из прорехи большой пистолет.

На улице сюрреалистически ярко сияло солнце. Мужчины возвращались к «форду-таурус».

– «Глок», – повторил Браун, явно довольный собой.

Тут Милгрим вспомнил, что речь идет о марке пистолета, и ему полегчало.

65
Ист Ван Хален

Холлис открыла свой пауэрбук на «шифровальной» стойке в кухне Бигенда. Wi-Fi ловилась – ну, это само собой. Правда, не было доступа ни к одной из надежных сетей, зато появился совет подключиться к «BAntVanc1».

«Заслуживающих доверия». Какие слова! Она едва не расплакалась.

А Бигенд не защитил свою Wi-Fi, заметила Холлис, когда взяла себя в руки. Пароль не требовался. Впрочем, когда есть Олли, способный одновременно подслушивать сотни разговоров, может быть, этого более чем достаточно.

Она подключилась к «BAntVanc1» и проверила электронную почту. Пусто. Даже спам не пришел.

В сумочке запел сотовый. Он был по-прежнему подключен к шифратору. Интересно, сработает ли устройство, если звонит кто-нибудь другой?

– Алло?

– Проверка связи, – сказал рекламный магнат, и Холлис вдруг расхотелось рассказывать о Саре.

Может быть, в ответ на внезапно захлестнувшее ощущение: да ведь он же везде. Если не прямо сейчас, то непременно скоро будет. Стоит Бигенду войти в чью-то жизнь, и он устраивается так по-хозяйски, как, наверное, не под силу обычному человеку, пусть даже и большому начальнику. Едва пустив его за порог (знать бы, где тот порог), нужно смириться с подобными нежданными звонками в любое время; не успеешь спросить, кто говорит, как уже слышишь: «Проверка связи». Хочет ли Холлис этого? А есть ли у нее выбор?

– Пока ничего, – сказала она, теряясь в догадках: а вдруг Олли уже как-нибудь ухитрился передать в Лос-Анджелес их разговор за ленчем. – Я тут прощупываю знакомых Одиль из творческого мира. Но их так много, и к тому же нельзя действовать напролом. Кто-нибудь может предупредить Бобби о моем приезде.

– Я уверен, что он в городе, – произнес Бигенд. – И еще я уверен, что на данный момент вы с Одиль – наша главная надежда найти беглеца.

Холлис молча кивнула.

– Канада – большая страна. Почему бы ему не податься куда-нибудь подальше от риска «засветиться»?

– Ванкувер – это порт, – напомнил Бигенд. – Сюда прибывают контейнеры из других государств. И наш пиратский сундук. Кому-то (вряд ли самим отправителям) нужно, чтобы Бобби присутствовал при отгрузке. – Повисла необычайно тихая, оцифрованная пауза. – Хочу подключить вас к *darknet*[169], мы для себя уже устроили.

– А что это?

– Если в двух словах, Интернет частного пользования. Невидимый для посторонних. В нашем положении телефон с шифратором – всего лишь нитка, намотанная на палец для памяти о том, как ненадежна между нами связь. Олли над этим работает...

– Кто-то пришел, – прервала его журналистка. – Мне пора, – и отключила трубку.

Обклеенная стикерами крышка пауэрбука, покинутого в открытом виде на стойке, представляла собой самое цветное пятно во всей квартире, не считая вида из окон. Холлис поднялась наверх, разделась и долго стояла под душем, пока Одиль предавалась послеобеденному сну.

Затем просушила волосы и оделась. Все те же джинсы и теннисные туфли. Среди вещей попалась уже знакомая синяя фигурка. Постоялица огляделась: куда бы ее пристроить? Увидела на уровне головы идеально гладкий бетонный выступ, словно для иконы. Муравей на нем смотрелся немного странно. То, что надо.

Складывая одежду, она наткнулась на собственный паспорт и бросила его в пакет «Барни».

Потом накинула куртку из темного хлопка, подхватила сумочку и спустилась на «шифровальную» кухню, чтобы выключить пауэрбук и оставить Одиль записку на бланке для записи покупки на свой счет: «Вернусь позже. Холлис».

«Фаэтон» ожидал ее на прежнем месте. Главное, не забыть совет Олли помнить о ширине корпуса... Пришлось повозиться с картой из «бардачка»: не хотелось активировать экран GPS. На улице вечерело. Журналистка верила, и не без причины, что сумеет найти пристанище Бобби; в чем она сомневалась, так это в том, *что* будет делать дальше.

Судя по карте, до беглеца было рукой подать.

Но карта не учитывала час пик. После нескольких маневров Холлис выбралась на дорогу, ведущую на восток, и влилась в общий сплошной поток автомобилей: очевидно, люди возвращались после работы в пригород. Оказалось, что Бобби не так уж близко – хотя бы и с точки зрения психогеографии. Если заоблачное жилище Бигенда на вершине башни (карта величала это место «Фолс-Крик») отражало последний писк двадцать

первого века, то сейчас «фаэтон» ехал по останкам легкопромышленной зоны – такой, как их строили на территории железных дорог, когда земли́ было в избытке. Похожее впечатление внушал район у той фабрики Бобби на Ромейн-стрит, только здесь временами встречались крупные здания современной городской инфраструктуры, по большей части недостроенные.

Когда наконец журналистка свернула налево, на широкую улицу с названием Кларк-драйв, причудливые инфраздания остались позади, уступив место более дряхлым и нереспектабельным постройкам, нередко заколоченным досками. Нелицензионные автомастерские. Мелкие фабрики, производящие ресторанную мебель. Починка стульев. В самом низу широкой улицы на фоне дальних гор, казалось, возвели совершенно безумный проект в стиле советского конструктивизма – вероятно, запоздалое признание заслуг дизайнера, заслужившего билет до Гулага в один конец. Невероятно длинные стальные стрелы, покрашенные в оранжевый цвет, клонились под разными углами в стороны.

Что за детские игрушки?

Похоже на порт, о котором говорил Бигенд, прикинула Холлис. И Бобби поселился рядом.

Она повернула направо и увидела нужную улицу.

В голове продолжала крутиться неприятная мысль: «А ведь я соврала Бигенду». Сама же поставила условие – работать без обмана, ничего от нее не скрывать, и вот теперь позволила себе такую выходку. На душе скребли мерзкие кошки. Нет, нельзя так грубо нарушать симметрию. Журналистка вздохнула.

В конце квартала она повернула опять направо, съехала на обочину и остановилась у проржавевшего мусорного бака, на задней стенке которого расплывчатым черным спреем кто-то вывел: «Ист Ван Хален».

Холлис вынула из сумочки телефон и шифратор, еще раз вздохнула и перезвонила работодателю.

Тот отозвался немедленно:

– Да?

– Одиль нашла его сестру.

– Очень хорошо. Отлично. И что?

– Я возле места, которое он тут снимает. Сестра сказала, где это. Думает, он здесь.

Незачем уточнять, что все это было известно уже во время прошлой беседы. Главное – справедливость восстановлена.

– Вот почему вы оказались кварталом восточнее Кларк-драйв? – осведомился Бигенд.

– Черт! – вырвалось у Холлис.

– Дисплей распознает лишь главные улицы, – извиняющимся тоном произнес магнат.

– Машина вам рассказывает, где я?!

– Такими уж их выпускают, – пояснил Бигенд. – Львиная доля «фаэтонов» идет на Ближний Восток, а там это функция стандартной защиты. Кстати, почему она вам доверилась? Не знаете?

– В основном – от злости на брата. У них очень сложные отношения. Я видела ваш порт минуту назад. Это вниз по улице.

– Да, – подтвердил магнат. – Очень удобно. Что собираетесь делать?

– Понятия не имею, – призналась она. – Осмотрюсь немного.

– Хотите я пришлю Олли?

– Ну нет. Вряд ли я здесь надолго.

– Если к вечеру не увижу, что машина вернулась на квартиру, а вы не подадите вестей, я высылаю Олли.

– Логично.

Отбой.

Какое-то время она сидела, глядя на бак «Ист Ван Хален». За ним, на расстоянии нескольких автомобильных корпусов, открывался вид на узкий переулок – возможно, ведущий к заднему входу здания, где нашел себе пристанище Бобби.

Холлис вышла и активировала систему сигнализации.

– Береги свою дорогущую шифрованную задницу, – обратилась она к «фаэтону». – Я еще вернусь.

66
Засекли

Тито сидел на стальном, забрызганном краской табурете, глядя на грязное окно в потолке. Время от времени туда опускались голуби, а потом улетали, хлопая крыльями, но вряд ли кто-нибудь еще это слышал. Старик и Гаррет беседовали с мужчиной, который ожидал их здесь, на сумеречной квартире третьего этажа, в городе и стране, о существовании которых Тито прежде и не задумывался.

Приплывшая за троицей лодка была совершенно белой, вытянутой, с низкими бортами и развивала приличную скорость. Капитан в больших обшарпанных очках от солнца и облегающем нейлоновом капюшоне оказался на редкость неразговорчив.

Тито смотрел, как остров и платформа долго-долго таяли вдали.

Несколько раз поменяв направление, лодка достигла другого острова. Пологие, обветренные скалы. Горстка разрозненных домишек, обращенных окнами к воде. Проплыв немного вдоль побережья, судно причалило к деревянному пирсу, выдающемуся от более высокой и солидной пристани. Тито помог Гаррету вытащить из лодки черный чемодан. Пластиковые ручки могли сломаться от тяжести, и мужчины решили за них не браться.

Капитан белой лодки, так и не проронив ни слова, поторопился отбыть, причем совсем не в ту сторону, откуда приплыл.

Послышался лай собаки. У перил на высокой пристани появился какой-то мужчина и приветственно помахал рукой. Гаррет махнул ему в ответ. Незнакомец повернулся и скрылся из вида.

Старик посмотрел на часы, а потом на небо.

Тито услышал пропеллер гидросамолета прежде, чем увидел его в нескольких футах над водой.

– Ни слова, – предупредил Гаррет, когда пропеллер заглох и самолет проплыл последние несколько ярдов до пристани.

– Как поживаете, джентльмены? – спросил усатый пилот, спускаясь на ближайший понтонный мост, пока Гаррет придерживал крыло самолета.

– Замечательно, – промолвил старик, – только боюсь, у нас избыточный вес багажа. – Он указал на черный «Пеликан». – Образцы минералов.

– Геолог, что ли? – полюбопытствовал пилот.

– Ага, в отставке. – Старик улыбнулся. – А вот же до сих пор ворочаю камни.

– Ладно, ничего страшного.

Пилот открыл какой-то люк в борту самолета, совершенно не похожего на «Сессну» (даже пропеллер у этой «рабочей лошадки» был только один), и вместе с Гарретом затолкал туда черный чемодан.

Старик поморщился и облегченно выдохнул, когда увидел, что груз попал на место, ни разу не упав на пирс.

– Сколько займет полет? – поинтересовался он.

– Двадцать минут, – ответил пилот. – Заказать вам такси по телефону?

– Нет, спасибо, – ответил старик, поднимаясь на борт. – Мы на своей машине.

Гидросамолет опустился на реку в окрестностях очень крупного аэродрома. Еще очарованный видом дальнего горного хребта Тито помог Гаррету погрузить чемодан «Пеликан» и другой багаж на тележку и закатить ее вверх по длинному решетчатому пандусу.

А потом, усевшись на край тележки, глядел на реку. Еще один гидросамолет готовился взлететь, разгоняясь по волнам, озаренным предвечерними солнечными лучами. Под хруст дорожного гравия тележка вкатилась в кузов белого трейлера. Тито и Гаррет сняли с нее чемодан и остальной багаж.

В трейлере было только два сиденья и ни одного окошка. Тито неудобно пристроился на черном чемодане.

Старик оглянулся.

– Лучше слезь, – произнес он. – А то повредишь своим будущим потомкам.

Тито сразу же отодвинулся и присел на собственную сумку.

Всю дорогу он почти ничего не видел, только фрагменты зданий через ветровое и задние стекла. Прибыв на место, Гаррет распахнул задние двери в узкий, частично мощеный переулок со странными зелеными папоротниками, растущими из щелей между вскрытым асфальтом и облупившимися стенами домов, и с помощью Тито поднял чемодан на два пролета по обветшалой деревянной лестнице в эту длинную, забитую вещами комнату.

Где их ожидал чудаковатый мужчина по имени Бобби. Болезнь матери, начавшаяся в парке Сансет, куда им пришлось переехать с Антулио после падения башен-близнецов, научила Тито не доверять людям, которые ведут себя определенным образом.

Он мерил комнату шагами, этот странный Бобби, к тому же курил и болтал почти без остановки. Гаррет со стариком

терпеливо слушали, переглядываясь друг с другом.

А Бобби продолжал говорить, что ему не по себе от необходимости делать это в собственном доме; не по себе от необходимости находиться в родном городе, делая это, но главное – не по себе от необходимости находиться здесь, у себя, делая это на расстоянии каких-то нескольких кварталов от проклятого ящика.

Тито покосился на черный чемодан. Не его ли назвали «проклятым ящиком»?

– Но ты же знал, – невозмутимо возразил старик. – Ты же знал: если его доставят сюда, он будет именно там.

– Его засекли трижды, – ответил Бобби. – Я думаю, они уже здесь, и еще я думаю, что они засекли его прямо здесь, и еще – что сейчас они кружат где-то рядом, ищут. Мне кажется, они близко. Слишком близко. – Он уронил сигарету, раздавил ее носком туфли и вытер ладони о грязные белые джинсы.

«Что значит – засекли?» – подумал Тито.

– Но, Бобби, – мягко сказал старик, – ты так и не сообщил нам в точности, где он. И где же? В порту? Нам нужно знать.

Бобби зажег новую сигарету.

– Он там, где вам и хотелось. Именно там. Я покажу, – прибавил он и направился к длинному столу.

Старик и Гаррет потянулись следом. Бобби нервно застучал по клавишам.

– Вот, прямо здесь.

– То есть у них нет связей *наверху*, иначе его бы упрятали глубже.

– А у вас есть, да? – Бобби прищурился сквозь дым.

– Это тебя не касается, – еще мягче ответил старик. – Ты проделал долгую и очень ответственную работу, но теперь она близится к концу. И последняя установка состоится здесь, как было условлено.

Глядя на руки говорящего, Тито почему-то припомнил, как тот орудовал тростью на Юнион-сквер.

Гаррет вытащил из-за пояса пейджер, взглянул на экран.

– Доставлено. Я на пять минут. – Он посмотрел на старика. – Все в порядке?

– Разумеется.

Бобби простонал:

– Я не готов.

Тито поморщился, вспомнив мать.

– Бобби, – начал опять старик, – тебе и не надо быть ни к чему готовым. От тебя в самом деле ничего такого не требуется, только следи за контейнером. Сегодня вечером не нужно даже

выходить. И в ближайшие три месяца тоже, раз уж об этом речь. Еще немного, и мы уйдем по своим делам, а ты оставайся. За квартиру заплачено. Вперед. Как договаривались. Ты чрезвычайно одаренный человек, ты проделал великолепную работу и очень скоро поймешь, что можно расслабиться.

– Я не в курсе, кто они такие, – сказал Бобби. – И не хочу быть в курсе. Не желаю даже знать, что там в ящике.

– Правильно. Ты и не знаешь.

– Мне страшно, – пожаловался Бобби, и Тито услышал голос матери после одиннадцатого сентября.

– Они тоже не имеют понятия, кто ты такой, – возразил старик. – Или кто мы такие. Вот и надо постараться, чтобы все осталось по-прежнему.

На лестнице послышались чьи-то шаги. На пороге возникла женщина, за ее спиной стоял Гаррет. В джинсах и темной куртке.

– Зачем она здесь? – Бобби откинул челку с испуганных глаз. – Что здесь происходит?

– Действительно, – ровным голосом проговорил старик, – что?

– Холлис Генри, – представилась женщина. – Мы с Бобби встречались в Лос-Анджелесе.

– Она была в переулке, – ответил Гаррет, и только сейчас Тито заметил, что он сжимает единственную ручку длинного серого чемодана.

– Ей тут нечего делать. – Судя по голосу, Бобби готов был расплакаться.

– Но это правда твоя знакомая? – уточнил старик. – Из Лос-Анджелеса?

– Самое странное, – вставил Гаррет, – что я ее тоже знаю. Но только мы не встречались раньше. Это же Холлис Генри из «Кёфью».

Старик изогнул брови.

– «Кёфью»?

– Моя любимая группа. Со времен колледжа. – Мужчина, как бы извиняясь, пожал плечами, одно из которых пригибалось под тяжестью длинного чемодана.

– И вот теперь ты находишь ее в переулке?

– Ага, – ответил Гаррет и вдруг улыбнулся.

– Может, я что-то пропустил? – осведомился собеседник.

– Ну ладно, – потупился Гаррет. – Хорошо хоть, это не старина Моррис.

Старик нахмурился и поглядел на женщину поверх очков.

– Пришли навестить Бобби?

– Я теперь журналистка, – сказала она. – Пишу для «Нода».

Старик вздохнул.

– Боюсь, никогда о таком не слышал.

– Это бельгийское издание. Но я сама вижу, что расстроила Бобби. Бобби, прости. Я ухожу.

– А вот это, по-моему, не совсем удачная мысль, – ответил старик.

67
Вардрайвинг

Милгрим и Браун сидели в крохотном парке на скамейке, осененной тонкими ветками голых кленов. Перед ними лежал коротко стриженный газон, шестифутовое ограждение из проволочной сетки, покрашенной в зеленый цвет, а дальше, за невысоким ежевичным склоном и широкой железнодорожной насыпью, которую прорезали четыре красно-ржавые колеи, и мощеной дорогой, начинались бесконечные груды металлических ящиков, какие были на корабле в порту. По дороге пронесся блестящий голубой грузовик обтекаемой формы, таща на прицепе длинный серый контейнер с заржавленными боками, видимо, поставленный на колеса.

За грудами тары начинался горный хребет, а над ним проплывало облако. От них, от этих гор, Милгриму становилось не по себе. Вид у них был ну совершенно не настоящий. Такие близкие, такие большие, со снежными шапками. Словно рекламная заставка в начале фильма.

Милгрим отвернулся и посмотрел направо, на огромный бетонный айсберг не менее пяти этажей высотой, лишенный окон и прочих опознавательных знаков. Разве что на фасаде гигантскими рублеными буквами между массивных колонн было написано:

«МОРОЗИ ЛЬНЫЕ И ХОЛОД ИЛЬНЫЕ УС ТАН КИ ЛТД»

ТАНКИ... Милгрим покосился на энергично мигающий экран лэптопа, где снимки местной портовой зоны то и дело меняли масштаб и покрывались желтыми сетками координат.

С тех самых пор, как Ящер лишился своего пистолета, реквизиторы «Глока» предавались занятию, которое Браун окрестил вардрайвингом. Иными словами, разъезжали в машине, слушая, как «бронированный» лэптоп, раскрытый у Милгрима на коленях, безжизненно ровным и до странного бесполым голосом (у пленника он вызывал особенное отвращение) объявляет обо всех попадающихся по дороге точках беспроводного доступа к сети. Милгрим даже не представлял себе, что этих сетей – такая прорва и что их действие распространяется так далеко за пределы частных квартир и домов их владельцев. Многие люди присваивали сетям свои имена, другие ограничивались простым «default» или «network», а кое-кто придумывал прозвища вроде «DarkHarvester» или «Doomsmith». Работа Милгрима заключалась в том, чтобы следить за окошком на экране, где сообщалось о

защите сети. Если та оказывалась не защищенной, а сигнал был достаточно силен, Браун останавливал автомобиль и через компьютер заходил в Интернет. В такие минуты экран заполняли спутниковые снимки порта, исполненные в цвете. Браун увеличивал их масштаб, позволяя своему спутнику разглядеть крыши отдельных построек и даже различать прямоугольнички отдельных контейнеров. Поначалу было чуть-чуть любопытно, но теперь, спустя добрых три часа, Милгрим желал одного: чтобы Браун скорее нашел то, что ищет, и поспешил вернуться в «Бест Вестерн». Впрочем, парковая скамейка – это все-таки не салон машины. И, судя по всему, связь на этот раз установилась надолго. Браун подключился к сети «CyndiNet», протянувшейся из квартиры в жилом трехэтажном комплексе с отштукатуренными стенами, на балконах которого, стальных и выкрашенных в коричневый цвет, громоздились жаровни для барбекю, пластмассовые стулья и велосипеды. Вскоре Милгрим почувствовал, что отсидел себе пятую точку. Он встал и потер пострадавшее место. Браун так увлекся своим занятием, что даже не поднял головы. Милгрим пошел вперед по жесткой короткой траве, в любую секунду ожидая приказа остановиться. Но никакого оклика не последовало.

Дойдя до зеленой ограды, он выглянул наружу, посмотрел налево и увидел оранжевый дизельный двигатель от поезда с отчетливыми черно-белыми диагоналями на тупом носу, недвижно лежащий на ближних рельсах возле белого квадратного указателя «Хитли», очевидно, предназначенного для кондукторов. А впереди, на желтом железном треугольнике, можно было прочесть: «Сбавьте скорость». Мужчина различил на стенках поставленных друг на друга ящиков еще несколько надписей: «HANJIN», «COSCO», «TEX», «“K” LINE», «MAERSK SEALAND». Позади, в глубине порта, высились разные постройки неизвестного назначения и стрелы оранжевых кранов, замеченные с борта черного «Зодиака». Милгрим обернулся на Брауна: тот по-прежнему сутулился над маленьким экраном, отрешившись от остального мира.

– А ведь я мог бы убежать, – пробормотал Милгрим себе под нос.

Затем потрогал стальную горизонтальную перекладину зеленой ограды, развернулся и побрел обратно к парковой скамейке.

Он уже скучал по старенькому пальто.

68
Миг на решение

Незнакомец чем-то напоминал Уильяма Берроуза, только без богемного лоска. Или человека, который приглашен на перепелиную охоту с вице-президентом, но слишком боится попасть под выстрел. Очки в тонкой стальной оправе. Модно подстриженные остатки волос. Очень хорошее темное пальто.

Мужчина и Холлис сидели напротив друг друга на обшарпанных металлических стульях, исправно отслуживших свой срок в какой-нибудь церкви. Натертые до тусклого блеска черные оксфордские туфли на скрещенных ногах незнакомца отчего-то наводили на мысли о стареньких французских священниках, когда бы не толстые подошвы из черной резины.

– Мисс Генри, – начал мужчина и вдруг замялся; точь-в-точь как американский чиновник из консульской службы на Гибралтаре, к которому она обращалась в семнадцать лет, чтобы заявить о краже паспорта. – Прошу прощения, вы не замужем?

– Нет.

– Мисс Генри, мы с вами оказались в очень щекотливом положении.

– Послушайте, мистер?..

– Прошу прощения, – повторил он, – я не могу назвать свое имя. Мой друг заявляет, что вы певица. Это правда?

– Да.

– А по вашим словам, вы еще и журналистка, пишете по контракту для одного британского издания. – Седая бровь изогнулась над полированной дужкой.

– Для «Нода». Главная редакция находится в Лондоне.

– И вы общались с Бобби в Лос-Анджелесе по поводу вашей статьи?

– Общалась. Но не могу сказать, чтобы он был счастлив меня видеть.

Она покосилась на Бобби; тот скрючился на грязном полу, обхватив руками колени и скрыв за челкой глаза. Темноволосый молодой человек загадочно-неопределенной расы наблюдал за ним, сидя на третьем стуле, со смесью восторга и беспокойства.

Первый мужчина – тот самый, кто обнаружил журналистку в переулке и очень любезно, но твердо пригласил сюда на беседу, – открыл длинный серый чемодан, который он получил в переулке на глазах у Холлис, вздумавшей исподтишка проследить за происходящим. Оказалось, не так уж «исподтишка». Теперь

чемодан лежал с откинутой крышкой на одном из вытянутых столов, но содержимое нельзя было разглядеть.

– Извините за мой приход, – сказала Холлис. – Бобби ужасно выглядит.

– В последнее время он сильно напрягается, – произнес мужчина постарше. – Это из-за работы.

– Локативное искусство.

– Бобби работал на меня, помогал с одним проектом. Труд близится к завершению, отсюда и стресс. Вы появились в самое неподходящее время, мисс Генри.

– Холлис.

– Холлис, мы не можем вас отпустить, пока не закончим то, ради чего пришли сюда.

Она хотела что-то сказать, но передумала и закрыла рот.

– Мы не преступники, понимаете?

– Простите, но если это правда и если вы не из полиции, то почему я не могу уйти, когда захочу?

– Вы совершенно правы. Дело в том, что мы здесь намерены нарушить некоторое количество законов, не только канадских, но и американских.

– И после этого вы не преступники?

– В привычном смысле слова – нет. Нами, бесспорно, движут незаурядные мотивы, и, насколько известно, еще никто не пытался осуществить то, что мы задумали. Впрочем, поверьте на слово, убийство не входит в наши планы, и мы также рассчитываем избежать физического ущерба кому бы то ни было.

– «Рассчитываете»? Учитывая обстоятельства, звучит не слишком обнадеживающе. Думаю, вы все равно не станете посвящать меня в свои замыслы.

– Отчего же, мы намерены повредить определенную собственность и ее содержимое. При благоприятном исходе, – на его лице мелькнула улыбка, – урон останется незамеченным. Поначалу.

– С какой стати я должна это слушать? Назовите хоть одну здравую причину. Или, может, не стоит продолжать этот разговор? Сэкономим время.

Незнакомец помрачнел. Если раньше он сидел со скрещенными ногами, то теперь поменял позу, уперся черными подошвами в пол и качнулся вместе со стулом назад на целый дюйм или около того.

– Мисс Генри, не будь мой партнер так убежден, что вы та, за кого себя выдаете, все было бы совершенно иначе.

– Я не услышала ответа.

– Терпение. Существует история для широких масс, и

существует история для избранных. Сегодня вы станете причастны к тайной истории. Даже не потому что работаете в журнале, а потому что вы в каком-то смысле звезда.

– То есть вы собираетесь доверить мне свои секреты как бывшей певице?

– Да, – подтвердил мужчина. – Но не совсем. Дело не в песнях. А в том, что вы, знаменитая артистка…

– Не такая уж и знаменитая.

– …Уже вошли в историю, как ни крутите. Я только что набрал ваше имя в «Гугле» и прочел о вас в Википедии. В сущности, приглашая вас в свидетели нашего замысла, мы сделаем из вас «капсулу времени». Вы теперь – каминный кирпич, за которым останется наше сообщение, вернее даже, *ваше* сообщение обо всем, что случится.

Холлис пристально посмотрела на собеседника.

– Знаете, что самое жуткое? Я вам верю.

– А я говорю серьезно. Однако вы должны знать, чего будет стоить ваше соглашение…

– Кто сказал, что я соглашаюсь?

– Вы станете не просто очевидицей нашей истории, Холлис, но ее непосредственной участницей.

– И я совершенно свободна в описании того, что увижу?

– Конечно, – ответил он. – Правда, соглашаясь остаться с нами, в глазах закона вы можете стать соучастницей. И что еще серьезнее: тот, кому мы собираемся перейти дорогу, облечен властью, и у него все причины желать, чтобы увиденное вами осталось в тайне. Впрочем, с этим уже вам самой предстоит разобраться. Опять же, если мы достигнем договоренности.

– А если нет?

– Придется кое-куда вас отправить и держать там, пока мы отсюда не съедем. Это усложнит нашу задачу, ведь нужно будет перевозить и Бобби со всем оборудованием, но это уже не ваши трудности. Выбирайте, в любом случае мы не причиним вам никакого вреда. Только завяжем глаза.

Мужчина из переулка закрыл свой длинный чемодан и присоединился к темноволосому парню у дальнего стола.

– Не понимаю, почему вы мне так доверяете, – произнесла Холлис. – А вдруг я вызову полицию, едва окажусь на свободе?

– Работая в одной правительственной организации, я научился быстро распознавать людей. Моя служба требовала буквально мгновенных решений, и часто в предельно сложных условиях.

Мужчина поднялся. Холлис посмотрела на него снизу вверх.

– Раз уж мы об этом заговорили, то с какой стати *я* должна

вам верить?

– Вы не нарушите соглашения, поскольку это не в вашем характере, – ответил он. – И по той же самой причине вы готовы положиться на наше слово. По сути, вы нам уже поверили.

Незнакомец повернулся, отошел к мужчине из переулка и заговорил о чем-то вполголоса.

Раздался щелчок зажигалки; это Бобби на полу закурил «Мальборо».

«Как же он будет спать, – мелькнуло в голове Холлис, – без любимой сетки координат?»

И тут журналистка заметила перед самым стулом, на котором сидел мужчина постарше, тонкую голубоватую черту, идеально прямую, из тех, что проводят плотники при помощи мела и натянутой нити.

Другая такая же линия пересекала ее под прямым углом.

69
Магниты

Гаррет подвел Тито к дальнему концу второго стола, где на полулисте свежей фанеры лежало десять дисков, каждый не толще монетки, диаметром около трех дюймов.

Кто-то вначале опрыскал их лазурно-голубым аэрозолем, затем нанес серое напыление и под конец – тусклый слой кроющей краски, поэтому все кругляши были окружены расплывчатыми аурами. У края листа выстроились в ряд три аэрозольных баллончика. Натянув перчатки из латекса, Гаррет поднял один из дисков (на фанере остался идеально ровный, ничем не забрызганный круг) и повернул его к Тито обратной стороной из блестящего серебристого металла.

– Магниты из редкоземельных металлов, – сказал он. – Окрашены для максимального сходства с оттенком ящика. – Гаррет кивнул на распечатанные снимки контейнера грязно-бирюзового цвета. – Если приложить их к ровной стальной поверхности, оторвать почти невозможно, разве только с помощью ножа или очень тонкой отвертки. У нас десять штук, хотя отверстий будет не больше девяти. Один – запасной, на всякий случай, но постарайся ничего не ронять.

– Как я их понесу?

– Магниты либо слипаются (и потом не разделишь), либо сильно отталкиваются, смотря по тому, какими сторонами обращены друг к другу. Возьми вот это. – Гаррет показал на квадратный чехол из жесткого пластика, обмотанный серебристой изоляцией. С одной стороны через пару отверстий был продет кусок парашютного троса.

– Здесь мягкие заизолированные пакеты, по одному для каждого диска. Наденешь на пояс джинсов, а когда придет время лезть наверх – перевесь на шею. Доставай магниты по одному, пока не закроешь все отверстия. Так мы и их запечатаем, и скроем любые следы от выстрелов.

– Какие следы?

– Каждый раз, когда пуля пробивает окрашенную сталь, – начал Гаррет, – гибкий металл корежится, а жесткая краска трескается и частично испаряется. В итоге края отверстия начинают ярко блестеть, по ним обычно его и обнаруживают. Ведь само-то оно бывает не крупнее ногтя. И потом, его тоже нужно запечатать как можно плотнее. Мы же не хотим, чтобы сработали датчики.

– Ну а когда я все закрою?

– Ищи путь, как выбраться наружу. Тот, кто провезет тебя на территорию, здесь уже не поможет. Сейчас мы еще раз просмотрим карты и снимки со спутника. Не начинай подъем, пока не умолкнет полуночная сирена. Закончишь с работой и выбирайся. Окажешься за территорией звони нам. Мы тебя заберем. А так – используй телефон только в самом крайнем случае.

Тито кивнул и спросил:

– Ты знаешь эту женщину?

Гаррет помолчал.

– Ну, мы с ней раньше не встречались.

– Я видел ее плакаты на площади Святого Марка, в магазине. Почему она здесь?

– Это знакомая Бобби, – ответил Гаррет.

– По-моему, он ее не слишком рад видеть.

– Да он все время какой-то пришибленный. Но нам с тобой лучше не отвлекаться, правильно?

– Хорошо.

– Ладно. Будешь подниматься, надень вот это. – Гаррет достал черную защитную маску в большом чехле на молнии. – А то вдохнешь еще что-нибудь... Спустишься – спрячь ее где-нибудь, чтобы сразу не нашли. И, ясное дело, никаких отпечатков пальцев.

– Камеры есть?

– Повсюду. Но наш контейнер – третий снизу, а это «слепая» зона при нормальных условиях. Пока не долезешь, прячь лицо под капюшоном, и будем надеяться на лучшее.

– А женщина, – не отступал Тито, обеспокоенный очевидно серьезным нарушением протокола. – Если она не из ваших и ты ее раньше не видел, откуда вам знать, что на ней нет микрофона?

Гаррет указал под стол, где прятался передатчик наведенных помех в желтом корпусе с черными антеннами. Этим же устройством подавления связи он пользовался на глазах у Тито на Юнион-сквер.

– Отсюда им ничего не передать, – мягко произнес Гаррет. – Правильно?

70
Фо [170]

На этот раз Браун повел своего спутника в унылый вьетнамский ресторан, не удосужившийся обзавестись вывеской на английском языке. Влажная духота, словно в сауне, пришлась Милгриму по нраву, чего он не мог бы сказать о резком запахе дезинфицирующего средства. Казалось, будто в здании очень давно располагалось что-то другое, но вот что именно, мужчина так и не сумел определить. Вероятно, шотландское кафе-кондитерская. Фанерная обшивка сороковых годов давно утонула под бесчисленными слоями облупившейся белой краски. Посетители заказали фо и теперь наблюдали, как тонкие ломтики розовой говядины сереют в горячей лужице почти бесцветного бульона поверх лапши и брюссельской капусты. Милгрим впервые видел, чтобы Браун ел палочками. Надо признать, тот мастерски управился с целой миской фо, а когда она была чиста, раскрыл свой компьютер на черном столике из «Формайки»[171]. Милгрим не имел возможности взглянуть на экран, однако догадывался: его сосед либо зашел в Wi-Fi, просочившуюся с единственного верхнего этажа, либо изучает файлы, скачанные из сети ранее. Пожилая официантка принесла пластиковые бокалы с чаем, который вполне мог сойти за простую горячую воду, если бы не особый уксусный привкус заварки. Любопытно, что к семи часам вечера в заведении не появилось больше ни единого посетителя.

Милгриму стало немного лучше. В парке он попросил у Брауна «Райз», и тот, уйдя с головой в работу, отрешенно расстегнул карман черной сумки, а потом протянул своему пленнику целую, даже не вскрытую упаковку на четыре дозы. Теперь, под защитой поднятого компьютерного экрана, Милгрим выдавил из целлофана вторую таблетку и запил ее водянистым чайком. Пожалуй, настало время почитать книгу, которую он захватил с собой из машины, предвидя, что Браун и здесь продолжит работать на лэптопе.

Мужчина раскрыл томик и нашел свою любимую главу: «Элита аморальных суперменов (2)».

– Что ты там все время читаешь? – неожиданно спросил Браун из-за экрана.

– «Элита аморальных суперменов», – ответил Милгрим и сам удивился, услышав, как его собственный голос повторяет название главы.

– Все вы так думаете, – проворчал Браун, думая уже о чем-то

постороннем. – Либералы...

Милгрим подождал, не добавит ли сосед еще что-нибудь, не услышал ни слова и принялся за «Бегардов и бегинок»[172]. Он уже дошел до квинтинистов[173], когда Браун опять подал голос:

– Да, сэр. Это я.

Милгрим похолодел от изумления, но быстро сообразил, что разговор идет по сотовому телефону.

– Да, сэр, это я, – повторил Браун. Последовала пауза. – Да. – Молчание. – Завтра. – Еще одна пауза. – Да, сэр.

Экран телефона закрылся с тихим щелчком. А в ушах у Милгрима раздался звон фарфора, долетающий со дна узкого лестничного колодца на улице N.

Тот самый сэр? Человек на черном автомобиле?

Браун потребовал счет.

Милгрим захлопнул книгу.

С веток и проводов беспрестанно капало. Пока мужчины потели в сауне для любителей фо, в уличном воздухе копилась влажность иного рода. Горный хребет укрылся за плотной мглистой завесой. От этого небесный купол съежился, и, на взгляд Милгрима, стало только уютнее.

– Видишь его? – спросил Браун. – Вон тот, бирюзовый. Верхний из трех.

Милгрим прищурился, глядя в австрийский монокуляр, через который они когда-то следили за НУ из фургона, припаркованного на Сохо[174]. Четкость была поразительной, но зрителю никак не удавалось отыскать цель. Туман, огни, стальные ящики, сложенные аккуратными штабелями, словно кирпичи; гнутые трубы, похожие на части головоломки, огромные ко́злы подъемных кранов – и все это дрожало, подпрыгивало, накладывалось одно на другое подобно разноцветным стеклышкам в детском калейдоскопе. А потом изображение вдруг сошлось в одной точке – на бирюзовом прямоугольнике, верхнем из трех.

– Вижу, – сказал Милгрим.

– Сколько же было шансов, – проговорил Браун, вырвав у него из рук монокуляр, – что его складируют у нас на виду?

Милгрим решил рассматривать вопрос как риторический и промолчал.

– Ладно, хоть не на земле, – буркнул Браун, вдавливая окуляр себе в глазницу. – Сверху. Туда мало кто полезет.

Но даже эта, судя по всему, хорошая новость не помогла ему опомниться от увиденного.

Они стояли у новенького сетчатого ограждения двенадцати

футов в длину, рядом с длинной уродливой закусочной из бежевого кирпича, прямо из которой вырастала аккуратная коричневая гостиница в четыре этажа под вывеской «Принстон». Милгрим успел подметить обыкновение здешних баров сохранять на себе останки вымирающих гостиниц. Огромная спутниковая тарелка на здании казалась настолько древней, что прохожий помоложе мог бы счесть их ровесниками.

За спинами мужчин трехполосная трасса, образуя Т-образную развилку, вливалась в улицу, на которой стоял «Принстон». Последняя граничила с портом, неподалеку от крохотного парка «CyndiNet». Сам порт напомнил Милгриму длинный, но удивительно узкий чертеж поезда, опоясывавший стены в комнате одного приятеля его деда.

– С улицы видно, – сказал Браун с монокуляром, который, казалось, рос у него из глаза. – Это же сколько было шансов, что выйдет по-другому?

Милгрим не знал ответа, да и если бы знал, наверное, придержал бы его при себе, видя, как удручен и сердит его спутник; однако, подстегнутый второй дозой, он вдруг решился поменять тему.

– А как же родные НУ в Нью-Йорке?

– А что?

– Они ведь не переписывались на волапюке, правильно? Вы же обходились без переводчика?

– Насколько мы знаем, они вообще не писали. Не звонили. Не слали е-мейлов. Они совсем не объявляются… Вот уже какое-то время.

Милгрим подумал о следящем устройстве, которое позволило Брауну перехитрить НУ, имевшего обыкновение постоянно менять телефонные трубки и номера́. Вспомнил, как сам предложил обратиться в Управление национальной безопасности, применить «Эшелон» или что-то в этом роде. Последние слова собеседника внушили ему сомнения: что, если кто-нибудь так и сделал?

– Полезай в машину, – процедил Браун, разворачиваясь к припаркованному «форду». – Еще не хватало сегодня, чтобы ты у нас думать начал.

71
Такой быть сложно

– Что вам известно об отмывании денег? – спросил пожилой мужчина, передавая Холлис горошек и панир[175] на круглой тарелке из фольги.

Все четверо сидели за дальним концом второго из длинных столов и ели индийский обед. Трапезу, разумеется, заказали по телефону. По убеждению журналистки, так и следовало поступить заговорщикам, не желающим лишний раз показываться на улице.

Бобби терпеть не мог индийскую кухню и не хотел сидеть с остальными; для него заказали простую сырную пиццу, потребовавшую отдельной доставки.

– Наркоторговцы ворочают горами наличных, – произнесла Холлис, при помощи пластиковой вилки перекладывая горошек на белую бумажную тарелку. – Мне как-то рассказывали, что эти парни выбрасывают пятерки и купюры по доллару, чтобы не возиться с мелочью. – Инчмэйл обожал собирать всевозможные факты о поведении людей из преступного мира. – Но не отправляться же за солидной покупкой с трейлером, набитым деньгами, а в банках разрешается класть на счет лишь определенную сумму. В итоге господин с распухшими чемоданами идет на немыслимые уступки тому, кто возвращает «грязные» денежки в оборот.

– Десять тысяч долларов. Ровно столько можно взнести наличными в банк США, – уточнил мужчина в возрасте, угощаясь разноцветным рисом с кусочками цыпленка в ярко-бежевом соусе. – Любая огромная сумма денег начинает составлять отрицательный баланс. Как бы вы, например, поступили с десятью миллионами, если бы не могли отчитаться, откуда они взялись?

К чему он об этом заговорил?

– А сколько это будет, – Холлис припомнился пухлый конверт от Джимми Карлайла в сумочке, – сотенными бумажками?

– Вечно эти сотенные, – вздохнул мужчина. – Меньше, чем вы полагаете. Две целых и четыре десятых миллиарда именно такими купюрами занимают место семидесяти четырех стиральных машин, только весят гораздо больше. Миллион сотенными потянет на двадцать три фунта и спокойно уложится в небольшом чемодане. Десять миллионов – это чуть менее двухсот тридцати фунтов чистого веса.

– А вы что же, своими глазами видели два и четыре десятых миллиарда? – Ей вдруг показалось, что это важно.

– В июне две тысячи четвертого года, в воскресенье, – продолжал незнакомец, пропустив вопрос мимо ушей, – федеральный резервный банк Нью-Йорка открыл свои хранилища, чтобы переправить именно такую сумму в Багдад на борту пары военно-транспортных самолетов «С-130».

– Багдад?

– Начиная с марта две тысячи третьего года по июнь две тысячи четвертого мы переслали в Ирак около двадцати миллиардов долларов наличными. Последняя партия должна была покрыть расходы на передачу власти от временной администрации коалиции временному правительству Ирака. Это самый крупный денежный перевод за всю историю банка.

Холлис пришел на ум лишь один вопрос:

– Чьи это были деньги?

– По условиям резолюции Объединенных Наций, федеральный резервный хранил иракские капиталы, в основном доходы от добычи нефти. Фонд развития Ирака. При более благоприятном раскладе, скажем, в государстве вроде этого и в мирное время, проследить за окончательным распределением даже одного миллиарда практически невозможно. А уж осуществить надзор за двадцатью миллиардами в Ираке в таких обстоятельствах? В наши дни вообще нереально узнать хотя бы с долей достоверности, куда исчезнет львиная доля денег.

– Но их использовали на восстановление страны?

– А что, разве похоже?

– Значит, наличные помогли временному правительству удержаться на плаву?

– Полагаю, да. Какая-то часть, – ответил мужчина и принялся есть – аккуратно, тщательно и с явным удовольствием.

Холлис поймала взгляд англичанина, наткнувшегося на нее в переулке. Темные волосы, очень короткая стрижка – вероятно, попытка стилистически изобразить преждевременную мужскую лысину… Интересный молодой человек, подумала журналистка. Привлекательный, в отличной форме и, должно быть, занятный. Она могла бы увлечься, не окажись незнакомец международным правонарушителем, террористом, пиратом непонятного статуса. Или на кого там работает Бобби? Мультикультурные преступники. Мечтательного вида парнишка в черном, невнятной национальности, но, трудно сказать почему, определенно не американец. Солидный мужчина – уж этот явно смахивал на американца, только слегка старомодного. Из тех, что заправляли, когда в Штатах солидные люди еще стояли у руля.

– Идите ко мне, – пригласил мистер Симпатичный Злоумышленник в Отличной Форме, указывая на стул возле себя по ту сторону стола.

Мужчина постарше жестом (рот у него был набит) отпустил свою соседку. Она взяла тарелку и обошла стол кругом, по дороге обратив внимание на квадратную пластиковую коробку желтого цвета без особых примет, если не считать трех коротких черных антенн, чуть разных по длине, тумблера и красного индикатора. Прибор неизвестного назначения был включен. Холлис опустила тарелку на стол и присела рядом.

– Гаррет, – представился молодой человек.

– Я думала, здесь не называют имен.

– Фамилий, – поправил он. – Но это мое настоящее... По крайней мере одно из них.

– Что вы делали, Гаррет, пока не взялись за то, чем теперь занимаетесь?

Молодой человек поразмыслил.

– Я увлекался экстремальными видами спорта. В итоге – больница. Ясное дело, штрафы, самая малость в камере... Работал на киностудии с реквизитом, выполнял заодно кое-какие трюки. А вы что делали, – он поднял брови, – между «Такой быть сложно» и тем, чем теперь занимаетесь?

– Неудачно играла на фондовой бирже. Вкладывала деньги в музыкальный магазин своего приятеля... Как понимать – «экстремальные виды спорта»?

– В основном – прыжки ЗАЛПом.

– Залпом?

– Это акроним. З – означает здание, А – антенна, Л – ландшафтные образования вроде скал, П – пролет, в смысле «мост», «арка», «купол»... Получается – ЗАЛП.

– Где находится самое высокое место, откуда вы прыгали?

– Этого не скажу, – ответил он. – Боюсь, вы станете рыться в «Гугле».

– А что, можно просто так набрать «Гаррет» и «прыжки ЗАЛПом»?

– Я взял спортивный псевдоним. – Молодой человек оторвал от подгоревшей с виду индийской лепешки наан длинную полоску, скатал ее и обмакнул в остатки панира.

– Надо было и мне использовать сценическое имя.

– Вон там стоит Тито, – собеседник указал на парня в черном, – он видел ваш постер на площади Святого Марка.

– Это тоже спортивный псевдоним?

– По-моему, это его единственное имя. У парня много родни, но я ни разу не слышал ни одной фамилии. – Он промокнул губы

бумажной салфеткой и спросил: – Вы еще не думаете обзаводиться детьми?

– О чем я не думаю?

– Простите, может быть, вы беременны?

– Нет.

– Что скажете, если придется подставиться под определенную дозу радиации? Не будем уточнять, но это не чересчур много... Наверное. Опасность, конечно, есть. Однако не слишком серьезная.

– Вы пошутили, правда?

– Нет.

– И даже не знаете дозу?

– Пара серьезных рентгеновских лучей. Это если все пройдет как по маслу. Если же, против нашего ожидания, возникнут сложности, облучение будет выше.

– Какие сложности?

– Трудно объяснить. И вообще вряд ли они возникнут.

– Почему вы меня спросили?

– Потому что вот он, – Гаррет показал на старшего мужчину, – хочет, чтобы вы присутствовали при том, что мы собираемся сделать. Как я уже сказал, определенный риск есть.

– Да, меня пригласили. Вас это не удивляет?

– Честно говоря, нет. Он принимает решения по ходу дела и до сих пор большей частью был прав. Я скорее ошеломлен тем, кто вы такая, если вам понятно, о чем речь. Надо же, Холлис Генри. Никогда бы не поверил. Но раз уж вы здесь, добро пожаловать. Надеюсь, вы не станете меня отвлекать или закатывать истерики. Он считает, это не в вашем характере. Я в этом не уверен. Однако нельзя было не спросить вас про радиацию. В случае чего не хочу брать лишний груз на свою совесть.

– А мне не придется прыгать с высоты?

Инчмэйл однажды описывал стокгольмский синдром, ту нежность и преданность, которые даже самый жестокий террорист якобы может внушить своей жертве. «А вдруг и со мной происходит что-нибудь в этом роде?» – промелькнуло в голове журналистки. Рег полагал, что после рокового дня под кодом «девять-одиннадцать» Америка прониклась стокгольмским синдромом по отношению к собственному правительству. Впрочем, если бы у Холлис и развилась подобная болезнь, то скорее от Бигенда, нежели от этих троих. Уж он-то, твердил ей внутренний голос, нагонял бесконечно больше суеверного страха (исключая Бобби, конечно, но тот не тянул теперь даже на роль статиста в разыгравшемся спектакле, а не то что на похитителя).

– Нет, не придется, – ответил Гаррет. – Да и мне тоже.

Холлис нервно сморгнула.

– Когда все начинается?

– Сегодня.

– Что, уже?

– Как только пробьет полночь. Секунда в секунду. Но подготовка на месте потребует времени. – Он посмотрел на часы. – Отправляемся в десять. Мне осталось кое-что доделать, потом немного позанимаюсь йогой.

Журналистка внимательно посмотрела на собеседника. Еще ни разу в жизни с ней не случалось такого, чтобы собираться куда-то – и не представлять себе куда и зачем, и что будет дальше, хотя бы в следующую минуту. Оставалось надеяться, что «следующая минута» не станет последней, что «дальше» все-таки наступит. Однако в этом странном месте все было так необычно, что Холлис просто не хватило времени как следует испугаться.

– Передайте ему, что я в игре, – сказала она. – Согласна на все условия, так и скажите. Еду с вами.

72
Горизонт событий

– А эта куртка, которую ты надевал в Нью-Йорке, для вертолета… – начал старик, расхаживая вокруг Тито, облачившегося в новую черную рубашку с капюшоном, поданную Гарретом.

– Она у меня, – сказал Тито.

– Надень поверх рубашки. А вот тебе каска.

Тито примерил желтый рабочий шлем, снял его, поправил белый пластиковый обод внутри, надел снова.

– Куртку и каску, само собой, «потеряй» на обратном пути. Теперь давай сюда права. Помнишь свое имя?

– Рамон Алькин. – Тито вытащил права из бумажника и протянул старику, а тот вручил ему прозрачный пакетик с телефоном, парой пластиковых карточек и латексными перчатками.

– Само собой, никаких отпечатков пальцев ни на контейнере, ни на магнитах. Остаешься Рамоном Алькином. Здесь водительские права для Альберты и карточка гражданства. Фикция, не документы. Серьезной проверки не выдержат. А телефон настроен на быстрый набор одного из наших номеров.

Тито кивнул.

– Человек, с которым ты встретишься в «Принстоне», достанет нашейный пропуск на имя Рамона Алькина с твоей фотографией. Тоже не выдержит ни одной проверки, но пусть его хотя бы видят.

– Что такое «Альберта»?

– Провинция. Штат. В Канаде. Значит, этот самый человек припаркуется к западу от гостиницы, на Пауэлл-стрит, в большом черном пикапе с крытым кузовом. Крупный такой мужчина, тяжелый, с темной окладистой бородой. Спрячет тебя под навесом и провезет в контейнерный терминал: он там работает. Если тебя найдут, вы друг друга не знаете. Конечно, будем от всей души надеяться, что этого не случится. А теперь еще раз посмотрим карты: где остановится пикап, где стои́т наш контейнер. Если уже на обратной дороге угодишь в руки охраны, вначале избавься от телефона, потом от пропуска и документов. Изображай замешательство. Притворись, что плохо говоришь по-английски. Безусловно, тебе придется несладко, но им все равно не разнюхать, чем ты там занимался. Говори: дескать, пришел искать работу. Попадешь под арест за незаконное проникновение в чужие владения, потом сядешь в тюрьму за нарушение законов

об иммиграции. Мы сделаем все, что возможно. Ну и твои родные тоже, разумеется. – Он протянул Тито еще один пакет, на сей раз – с пачкой сильно потрепанных купюр. – Это на случай, если ты выберешься, но по какой-либо причине не сможешь выйти на связь. Тогда постарайся не «светиться» и обратись за подмогой к родным. Ты знаешь как.

Мужчина в черной рубашке снова кивнул. Старик явно разбирался в тонкостях протокола.

– Простите, – начал Тито по-русски, – можно спросить об отце? Как он погиб? Мне почти ничего не известно. Говорят, он работал на вас.

Старик помрачнел.

– Твоего отца застрелили, – ответил он по-испански. – Мужчина, который это сделал, агент ДГИ, страдал параноидальным бредом. Он был уверен, что твой отец посылает отчеты напрямую Фиделю Кастро. Вообще-то они отправлялись мне, но это никак не связано с беспочвенными подозрениями убийцы. – Старик посмотрел Тито в лицо. – Я очень ценил нашу дружбу, иначе придумал бы, как тебя обмануть. Придал бы его смерти некий высший смысл. Однако для твоего отца истина была превыше всего. Вскоре убийца и сам погиб; это случилось во время пьяной драки, но мы полагаем, что дело не обошлось без агентов ДГИ, окончательно убедившихся в его психической неуравновешенности и неблагонадежности.

Мужчина поморгал.

– Тебе пришлось нелегко в жизни, Тито. Опять же, болезнь матери... Твои дяди обеспечат ей самый лучший уход и заботу. Если бы не они, я бы сам это сделал.

– Это все запястья, – жаловался Гаррет, покуда Тито помогал ему нести чемодан «Пеликан» к фургону. – Сегодня, после драки с той сволочью, не могу напрягаться в полную силу.

– А что там? – спросил его спутник, намеренно поступая против протокола.

– В основном свинец, – ответил Гаррет. – Почти сплошная свинцовая глыба, вот что.

Старик сидел рядом с Бобби и тихо уговаривал, успокаивал его. А Тито слушал. Бобби уже не напоминал ему больную мать; их страхи словно принадлежали разным частотам. Было похоже, что молодой человек по собственной воле позволил беспокойству захлестнуть себя, причем с большой охотой; ведь это давало возможность переложить ответственность на других, пытаться манипулировать людьми. В то время как страх, овладевший

матерью после падения Башен, походил на глубокую и непрерывную вибрацию, еле ощутимый резонанс, который исподволь разрушал основы ее личности.

Тито посмотрел на темное окно в потолке и попробовал представить себе, что находится в Нью-Йорке. Это грузовики громыхают металлом на Канал-стрит, внушал он себе. А в недрах города проносятся поезда; мчатся по лабиринтам, схемы которых с такой дотошностью перечерчивала его семья, пока в каком-то смысле не породнилась с ними. С каждым углом платформы, с каждой веткой и линией, с замками на дверях служебных помещений, хранилищ и инструментальных шкафчиков. О, это был целый театр, готовая сцена для исчезновений и появлений.

Очевидно, и Тито чертил эти карты, однако сегодня ему было трудно в это поверить. Ведь и русские голоса, звучавшие с плазменного экрана «Сони», давно уже казались чужими.

– Холлис, – представилась женщина и протянула ему руку. – Гаррет сказал, что вас зовут Тито.

Была в ней какая-то упрощенная красота. Глядя на новую знакомую, Тито понял, почему ее внешность растиражировали на постеры.

– Вы подружка Бобби? – спросил он.

– Вообще-то мы не очень близко знакомы. А вы давно его знаете? – Она кивнула на Гаррета, раздевшегося до черных кальсон и майки, чтобы заняться асанами на выметенном участке пола.

Тито покосился в ту же сторону и ответил:

– Нет.

Старик читал сайт новостей на компьютере.

Тито и Бобби уже отнесли вниз все нужное: длинный серый чемодан, складную ручную тележку из алюминия, обмотанную эластичными жгутами, черный штатив для фотокамеры и толстый костюм из парусины.

– Ну что ж, мы уходим, – сообщил Гаррет.

Старик по очереди пожал им руки, а затем протянул ладонь женщине.

– Чрезвычайно рад, что мы с вами пришли к соглашению, мисс Генри.

Та на рукопожатие ответила, однако не проронила ни слова.

Тито, обмотанный под рубашкой – от запястий до подмышек – шестьюдесятью футами альпинистской веревки из черного нейлона; с магнитами, висящими спереди на поясе джинсов, с черной защитной маской, оттопырившей боковой карман зеленой крутки, и с желтой каской в руке, пошел вниз первым.

73
Войска специального назначения

Ночная поездка в какое-то незнакомое прежде место, в фургоне с двумя мужчинами, с оборудованием, напоминала ей первые годы «Кёфью», только без Хайди Гайд, которая всегда хотела вести сама и могла бы, если придется, загрузить машину в одиночку.

Теперь за рулем сидел Гаррет. Пятьдесят километров в час – идеальная скорость для промышленного малообеспеченного района. Ровное движение, продуманные остановки. Плавный разгон. Образцовый водитель; такого никто не остановит за нарушение правил.

Тито сидел позади, стараясь держаться как можно дальше от черного чемодана, и покачивал головой в такт никому не слышной мелодии у себя в наушниках от белого айпода. Вид у мужчины был отрешенный, как у ребенка, которого надолго поставили в угол. Зачем ему велели обмотаться черной веревкой? (Холлис казалось, что это ужасно неудобно. Впрочем, по его виду нельзя было сказать ничего определенного.) Немногим раньше Тито продемонстрировал один хитроумный прием: завязывал узел вокруг стойки, затягивал чуть ли не намертво, потом отходил и, встряхнув веревку, мгновенно его распускал. Этот фокус он проделал три раза подряд. Холлис так и не могла уследить за его руками. Тито и в спокойном состоянии был довольно миловиден, почти как девушка, но если уж начинал целеустремленно двигаться, то превращался в настоящего красавца.

В чем бы ни заключался его секрет, Холлис точно знала, что именно этого ей всегда недоставало. Тут-то и была ее сценическая ахиллесова пята. Однажды Инчмэйл, думая хоть как-то изменить положение, послал солистку на Хакни-стрит к учителю пластики, французу. Тот обещал научить ее развязной мужской походке: дескать, она придаст певице нужную мощь. В конце концов Холлис весьма порадовала своего наставника, но потом и не думала применять полученный навык на сцене. В тот единственный раз, когда она (предварительно слегка приняв на грудь) показала усвоенную походку Инчмэйлу, тот объявил, что не стоило и выбрасывать такие деньги за вторую Хайди.

Гаррет вырулил направо, на главную улицу, ведущую на восток. Одноэтажный розничный магазин, прокат автомобилей, лавка с мебелью для закусочных... Через несколько кварталов он

повернул налево. Фургон покатил вниз по склону, некогда застроенному деревянными каркасными домами. Некоторые из них еще сохранились, но стояли с неосвещенными окнами, покрашенные в темный цвет, без отделки. Бессмысленные фишки в играх с недвижимостью. Поблизости располагались мелкие предприятия, магазины автомобильных запчастей и фабрика пластмассовых изделий. Клочки земли, поросшие сорной травой, когда-то представлявшие собой лужайки, дряхлые фруктовые деревья с искривленными стволами. Редкие случайные машины, и ни единого пешехода. Гаррет посмотрел на часы, выехал на обочину, выключил фары и заглушил мотор.

– Как вы ввязались в эту историю? – спросила Холлис, не поворачиваясь.

– Услышал, что где-то нужен человек с определенными навыками, – ответил Гаррет. – А у меня был друг из SAS[176], еще один фанат ЗАЛПа. Мы вместе прыгали в Гонконге. Вообще-то сначала вышли на него, только он отказался. Тогда я прилетел в Лондон и по его рекомендации увиделся с нужными людьми. У меня в голове не укладывается, но парень заявился на встречу в галстуке. Вот ведь гад. Умереть можно. Оказалось, это был его клубный галстук. Единственный. Клуб спецназа, вот куда мы пошли. Я даже не знал, что такой существует.

– И как он выглядел? В смысле, галстук?

– Черно-зеленый, в узкую косую полоску. – Холлис ощутила на себе взгляд собеседника. – А сам приятель отсиживался в уединенном уголке.

Поняв, что речь идет о старике, она продолжала смотреть в окно, хотя почти ничего не видела.

– Он представил меня и тут же ушел. А мне досталась чашка ужасного кофе. Британского кофе, старой школы. Я подготовил целый список вопросов, но не смог задать ни одного. Только отвечал. Все смахивало на какой-то безумный, перевернутый с ног на голову сценарий. Этот американский старикан в костюме, который купил где-нибудь на Савил-Роу[177] и, наверно, еще в шестидесятых, он сидел и задавал свои вопросы. А сам подливал свой мерзкий кофе. В этом клубе он был как у себя дома. Крохотный знак отличия на лацкане, ленточка от какой-то медали, не крупнее желатинового квадратика ЛСД. – Мужчина тряхнул головой. – Можно сказать, что я подсел. – Он улыбнулся.

– Как я понимаю, – произнесла Холлис, – есть вещи, о которых здесь нельзя спрашивать?

– Почему же. Я ведь не обязан отвечать.

– Зачем ему это нужно? Ну, то... о чем мы толкуем.

– Когда-то он служил в органах национальной безопасности,

работал на американское правительство. Был кадровым офицером. Ушел в отставку. А через несколько лет грянуло одиннадцатое сентября. Если честно, по-моему, с тех пор он чуточку тронулся. Больная тема, поэтому при нем ее лучше не поднимать. Сразу доходит до белого каления. Похоже, у старика в свое время были огромные связи. Друзья-приятели повсюду, где только можно. И многие точно так же заводятся, особенно если он затеет разговор. Старая гвардия призраков. Большинство в отставке, кое-кто не совсем, других скоро выкинут.

– То есть, получается, он не один такой?

– Да нет. Сказать по совести, мне удобнее думать, что старик с причудами. Может, и они тоже так рассуждают, но это не мешает оказывать ему помощь, в том числе финансовую. Иногда не верится, как многого можно добиться, имея тугой кошелек и развязанные руки. На самом деле старик умнее любого из моих знакомых, просто у него свои «пунктики», вопросы, которых лучше не касаться. К примеру – и это важно, – не стоит говорить о тех, кто наживается на войне в Ираке. Старик накопал разных сведений, ему известно, как это делается. Связи есть, а он держит нос по ветру, слушает, сопоставляет...

– Чего ради?

– Честно? Да чтобы оттрахать мерзавцев. Выше крыши. По полной программе. И желательно сбоку. Нравятся ему такие развлечения, для них и живет.

– А кто эти люди?

– Я-то не в курсе. Он сказал, так будет лучше. И еще, что я все равно никого не знаю, даже имен их никогда не слышал.

– У нас с ним был разговор об отмывании денег, о пересылке наличных в Ирак.

– Ну да, верно. – Гаррет посмотрел на часы и повернул ключ зажигания. – В этот раз мы здорово их достали. Любит он поиграть в кошки-мышки, просто хлебом не корми. – Мужчина улыбнулся. – И еще – притворяться мышкой.

– А по-моему, вам тоже интересно.

– Конечно. Само собой. У меня слишком специфический набор умений и навыков, в обычной жизни его и наполовину не востребуют. К тому же я скоро выйду из нужного возраста. Сказать по-честному, как бы уже не вышел. Вот зачем с нами Тито: главным образом он наш запасной козырь.

Автомобиль свернул налево, потом направо и замер у светофора, готовясь выехать на более оживленную улицу. Гаррет потянулся назад и хлопнул по спинке сиденья:

– Тито! Приготовься!

Тот вытащил из-под капюшона рубашки белые наушники.

– Да?

– Скоро гостиница. Подъезжаем. Поменяйся с дамой местами, ты выходишь с другой стороны. Он припаркуется почти возле са́мого крыльца и будет ждать тебя.

– Ладно, – сказал Тито и вставил наушники от айпода обратно.

Холлис показалось, будто рядом с ней – посерьезневший пятнадцатилетний подросток.

74
Согласно указаниям

Милгрим раздумывал, не предложить ли Брауну «Райз», когда вдруг заметил НУ, идущего по тротуару.

Машина ехала на восток; судя по направлению, мужчины возвращались к «Принстону», но скорее всего их ожидала очередная сессия Wi-Fi, любезно предоставленная владельцем «CyndiNet».

Все здания на улице были обращены тылом к порту. Наверняка из их задних окон открывался вид на залитые светом прожекторов ящики, в частности, на бирюзовый контейнер, так растревоживший Брауна.

Милгрим понимал, что на самом деле не собирается предлагать ему «Райз», хотя в нынешнем положении это могло бы прийтись кстати. Браун то и дело бормотал себе под нос, а в промежутках было заметно, как двигаются его желваки. Время от времени – впрочем, довольно редко, – Милгрим делился транквилизаторами с «гражданскими», то есть не «подсевшими» людьми. Если, конечно, видел в этом особую нужду и сам обладал солидным запасом. В таких случаях он показывал аптечный рецепт (всегда нужно иметь при себе несколько штук) и объяснял, что наркотик совершенно безопасен, главное – принимать его согласно указаниям. Правда, не уточнял чьим.

Сегодня его спутник выглядел как никогда растерянным, напряженным.

Браун вошел в его жизнь за неделю до Рождества, на Мэдисон-авеню – солидная фигура, затянутая в ту же черную кожаную куртку, что и сегодня. Ладонь на плече. На миг мелькнувший перед глазами жетон.

– Пройдите со мной.

Вот и все. Они очутились в машине – вполне возможно, в этой же самой. Неулыбчивый моложавый мужчина за рулем был в вязаном галстуке с изображением долговязого Гуфи в наряде Санта Клауса.

Две недели спустя мужчины ели сандвичи за столиком у окна в закусочной на Бродвее, когда мимо торопливым шагом прошел НУ в черной кожаной шляпе с загнутыми спереди полями.

И вот он явился снова, этот НУ, но на этот раз – в короткой ярко-зеленой куртке, с желтым строительным шлемом под мышкой. Работяга, отправляющийся в ночную смену, с внешностью помолодевшего Джонни Деппа. Отчего-то Милгрима

потрясло это зрелище. Он словно вернулся домой на минуту.

– Это НУ, – сказал он, указывая пальцем.

– Что? Где?

– Вон там. Зеленая куртка. Это он, да?

Вытянув шею, Браун ударил по тормозам и на полном ходу вылетел на встречную полосу.

Милгрим успел увидеть, как отчаянно визжащая девушка на пассажирском сиденьи автомобиля, затормозившего перед бампером, выставила средний палец.

Он успел увидеть, как изумленно расширились при виде «форда» мальчишеские глаза НУ.

Он успел заметить, как однообразен бежевый кирпич гостиницы «Принстон».

Он успел увидеть, как НУ совершил нечто совершенно невероятное: прянул в воздух, поджав колени, и прыгнул через голову; а «таурус» с Милгримом пролетели то место, которое НУ занимал секунду назад. Бампер ударился во что-то совсем другое. Между пассажиром и приборной доской невесть откуда возникла какая-то бледная твердая штука, словно большая игрушка, наполненная вместо ваты бетоном.

В автомобиле завыла сигнализация.

Он замер и больше не тронулся с места.

Опустив глаза, Милгрим увидел у себя на коленях некий предмет и поднял его.

Зеркало заднего вида.

Ужасная бледная и твердая штуковина, больно ударившая по лицу, понемногу сдувалась. Мужчина проткнул ее ручкой от зеркала.

– А-а, – протянул он. – Аварийная подушка.

И повернулся влево, на звук распахнувшейся дверцы. Не успевшая сдуться подушка водителя венчала рулевую колонку подобно зловещему и непонятному аппарату на витрине ортопедического магазина. Браун отбросил ее бессильным, но злым ударом. И встал на дрожащих ногах, держась за открытую дверцу.

Послышался рев сирены.

Милгрим смотрел на его лэптоп, застрявший между сиденьями в черной нейлоновой сумке. Потом увидел собственную руку: она расстегнула молнию на боковом кармане, полезла внутрь и достала несколько упаковок с таблетками. Затем опять поглядел наружу, поверх сдувающейся подушки. Браун, повредивший во время аварии ногу, неуклюже допрыгал до ближайшего мусорного контейнера, достал из куртки пистолет Ящера и стремительно сунул его под крышку на пружинах. Уже

спокойнее поковылял обратно к машине, остановился и оперся на загадочно сморщенный капот. Взгляды мужчин встретились. Браун махнул рукой: мол, вылезай скорее.

Милгрим отрешенно напомнил своей храброй руке убрать лекарство в карман.

Оказалось, дверцу заклинило, но потом она отскочила, и мужчина едва не выпал на тротуар. Из «Принстона» повалила толпа. Замелькали бейсболки и непромокаемые плащи. И прически, как на рок-концерте.

– Давай сюда, – приказал Браун, держа ладони на капоте и пытаясь не давить своим весом на пострадавшую ногу.

С востока быстро приближались машины с мигалками.

– Ну нет, – произнес Милгрим. – Извините.

И, развернувшись, быстро как только мог, пошагал на запад. Он шел и думал: вот-вот на плечо опустится чья-то ладонь.

Мужчина услышал, как захлебнулись и умолкли сирены. Увидел собственную тень, заплясавшую в зареве красных отблесков.

Его рука нащупала упаковку в куртке «Jos. A. Banks» и выдавила одну таблетку. Милгрим не то чтобы одобрил ее решение, но все же заставил себя проглотить дозу всухую: не болтаться же лекарству в кармане просто так. Впереди белели полоски пешеходного перехода. В эту секунду светофор поменял сигнал, и мужчина двинулся через дорогу, не отрывая пристального взгляда от маленького, ярко подсвеченного человечка на той стороне.

Потом он поднялся по склону туда, где начинали сгущаться сумерки. Где-то вдали затихали гудки покалеченного «форда-таурус».

– Извините, – повторил Милгрим на ходу, обращаясь к темным силуэтам домов.

Беспокойная, умная рука похлопывала карманы, пересчитывая запасы. «Райз». Новый бумажник, пустой. Зубная паста. Зубная щетка. Пластмассовая бритва в куске туалетной бумаги. Милгрим остановился и оглянулся вниз, на дорогу, где Браун пытался прикончить НУ. Беглецу хотелось теперь очутиться снова в «Бест Вестерн» и глядеть в потолок. Включить бы какой-нибудь старый фильм по телевизору, только без звука. Лишь бы ловить краем глаза какое-нибудь движение, словно завел себе домашнего питомца.

Милгрим побрел дальше, чувствуя на себе мертвенные рыбьи взгляды старых домов. Сутулясь под бременем наступающей темноты и тишины, от которых веяло давно забытым уютом.

Но вдруг перед глазами словно ниоткуда возникли высотные

здания другой улицы, другого, лучшего мира, во всей зловещей торжественности, какой обладает серьезная галлюцинация. Вот украшенная золотыми листьями, будто светящаяся изнутри вывеска табачной лавки; за ней универсальный магазин, и так далее. В эту самую заветную минуту близость мрачных и темных домов явилась ему во всей своей интимной откровенности.

Тут он увидел, как опустилась и плавно повернулась камера на конце металлического крана, и понял, что забрел внутрь декорации, сооруженной среди невидимых черных руин какого-то выпотрошенного завода.

– Извините, – пробормотал мужчина.

Шагая прочь мимо грузовых фургонов и девушек с переговорными рациями, он остановился почесать лодыжку, наклонился и нащупал у себя в носке сто пятьдесят канадских долларов, оставшихся после похода за наркотой.

Более того: оказалось, его другая, не самая умная рука сжимала книгу.

Милгрим распрямился и прижался к ней щекой. Его захлестнула волна благодарности. Ведь там, под истрепанной бумажной обложкой, жили пейзажи, герои, образы. Бородатые еретики в расчудесно украшенных нарядах, пошитых из крестьянских обносок. Деревья, похожие на мертвые веточки.

Милгрим обернулся на загадочно мерцающие декорации.

Браун уже наверняка в участке, объясняется с полицейскими.

В гостинице «Принстон» должны быть сандвичи с «кока-колой»; полученной сдачи хватит на билет на автобус, а может, и на такси. Потом он отыщет путь на запад, в самое сердце делового центра, найдет укрытие и, возможно, придумает, как действовать дальше.

– Квинтин, – произнес мужчина и тронулся вниз по склону в направлении «Принстона».

Квинтин по профессии портной. Основатель секты либертинцев. В тысяча пятьсот сорок седьмом году сожжен на костре за совращение почтенных леди города Турнэ.

Странная история, думал Милгрим. Еще какая странная.

На ходу он кивнул девушкам с роскошно зачехленными рациями. Красоткам из мира, в котором легко прижился бы Квинтин.

75
Эй, приятель

Разведчик и охотник Ошоси «оседлал» Тито на пике переворота назад. Мужчина услышал, как серый автомобиль ударил фонарный столб, и в ту же секунду черные «адидасы» коснулись асфальта; как тут не спутать причину и следствие? Ориша быстро повлек Тито вперед, словно ребенок, который тащит куклу за руку. В голове словно раздулся гигантский пузырь, начавший давить на черепную коробку и ее содержимое. Мужчина хотел закричать, но холодные пальцы Ошоси, похожие на сырое и скользкое дерево, крепко сжали ему горло.

– Эй, приятель, – послышалось откуда-то. – Эй, все нормально?

Ошоси пронес его мимо голоса. В опутанной веревочными кольцами грудной клетке обезумевшей птицей билось и трепетало сердце.

Бородатый мужчина в темном, тепло одетый, огромный, словно медведь, торопился залезть в кабину гигантского пикапа. Тито ударил раскрытой ладонью по стенке кузова. Раздался гул.

– Какого черта? – яростно крикнул водитель, высунувшись из кабины.

– Ты здесь ради меня, – произнес Ошоси, и Тито увидел, как округлились глаза над черной бородой. – Открывай.

Мужчина странно побледнел и бросился трясти запор задней дверцы. Та резко раскрылась, Тито перевалился в салон через борт, уронив на пол желтую каску, и рухнул на огромный лист безупречно чистого коричневого картона. Послышался звук сирены.

Что-то ударило пассажира по руке. Кусок желтого пластика на желтом шнурке. Нашейный личный пропуск. Дверца из черного стеклопластика с гулом опустилась, и охотник Ошоси благополучно исчез. Тито застонал, еле подавив острый приступ тошноты.

Послышался стук запираемой водительской дверцы, мотор заревел, и пикап сорвался с места.

Преследователь с Юнион-сквер. Один из тех, кто гнался за Тито. Этот человек оказался здесь и только что пытался его убить.

Под кольцами туго затянутой веревки ныли ребра. Мужчина с трудом достал телефон из кармана джинсов, раскрыл его (какое облегчение – увидеть свет от экрана!) и набрал первый из двух номеров.

– Да? – отозвался старик.

– Один из моих преследователей на Юнион-сквер...

– Он здесь?

– Пытался сбить меня машиной перед отелем. Врезался в столб. Полиция уже едет.

– Где он сейчас?

– Не знаю.

– А ты?

– В пикапе вашего друга.

– Не ранен?

– По-моему, нет.

Послышалось шипение, сигнал затих и совсем пропал.

При свете мерцающего экрана Тито огляделся: в кузове было пусто, если не считать рабочего шлема и личного пропуска в желтой рамке. Рамон Алькин. Заурядный снимок, неотличимый от любого другого. Мужчина надел шнурок через голову, закрыл телефон и перекатился на спину.

Полежал, перевел дыхание и начал осторожно потягиваться, проверяя, нет ли в теле вывихов и других повреждений. Откуда здесь взялся человек с Юнион-сквер? Неужели выследил? Этот жуткий взгляд сквозь ветровое стекло серой машины... Тито впервые увидел приближение собственной смерти в чужих глазах. Отец погиб от рук сумасшедшего, как сказал старик.

Пикап остановился на светофоре, немного переждал, а затем повернул налево.

Тито перевел телефон в беззвучный режим и снова убрал его в боковой карман джинсов.

Автомобиль затормозил и съехал на обочину. Послышались голоса.

А потом они покатили дальше, грохоча колесами по железным решеткам.

76
Натурные съемки

Высадив Тито и проехав совсем недолго вдоль ряда из автомастерских и лавок корабельных снастей, Гаррет свернул направо, на парковочную стоянку рядом с каким-то высоким сооружением совершенно нездешних размеров. Автомобиль остановился возле шеренги новеньких мусорных баков. На их блестящих стенках красовались расплывчатые трафаретные отпечатки фотоснимков. Здесь явно попахивало коммерческим искусством[178].

– Мы ищем натуру для съемок. – Гаррет достал из щели между сиденьями оранжевый картонный плакат с надписью «Работа над фильмом» и поставил его на приборную панель.

– А что за фильм?

– Пока без названия, – ответил мужчина. – Однако бюджет не очень убогий даже по меркам Голливуда.

Гаррет вышел наружу, Холлис последовала за ним.

И чуть не ахнула, увидев прямо перед собой, на расстоянии каких-то двенадцати футов, за сетчатым ограждением и железнодорожным полотном, залитые сиянием просторы порта. Прожекторы – как на стадионе во время концерта, только гораздо выше. В искусственном дневном освещении ей всегда мерещилось нечто зловещее. Ряды огромных бетонных цилиндров, плавно соединенных между собой, напоминали абстрактные скульптуры. Должно быть, зернохранилище, прикинула Холлис. Еще один, куда более продвинутый в техническом отношении ваятель сотворил поблизости гигантские, до странного призрачные черные резервуары, один из которых дымился подобно кипящему котлу, который вынесли на студеный воздух. А дальше, в недосягаемой вышине, двигались титанические крановые стрелы в стиле конструктивизма: женщина заметила их еще издали, по дороге к порту. Пространство между рельсовым полотном и крупномасштабными скульптурами заполняли геометрически правильные сооружения из рифленого металла, лишенные окон, и великое множество транспортной тары, расставленной рядами, словно кубики, уложенные необычайно прилежным и аккуратным ребенком. Холлис представился каркас контейнера Бобби, подвешенный прямо в небе, никому не видимый, точно покойный Ривер – создание Альберто – на тротуаре перед «Viper Room».

Казалось, это место, это мертвенное железное окружение, испускает собственный белый шум умопомрачительной

амплитуды, воспринимаемый на уровне костного мозга. Достаточно провести здесь один-единственный день, и человек перестает его замечать.

Холлис повернулась и задрала голову, в очередной раз потрясенная невероятными размерами – теперь уже размерами здания, у которого припарковала машину. Восемь необычайно высоких этажей, мало того – ширина и длина периметра заставляли предположить, что перед вами – массивный куб. Размах постройки напоминал об устаревших промышленных сооружениях Чикаго, поэтому в здешних краях смотрелся как-то чуждо.

– Сдаются внаем рабочие и жилые помещения, – сказал Гаррет, распахивая задние дверцы фургона. – Студийные павильоны.

Он достал алюминиевую тележку, развязал эластичные жгуты и привел ее в рабочую готовность. Затем вытащил из кузова и бережно положил рядом длинный серый чемодан. По наблюдениям Холлис, мужчина двигался не чересчур быстро; достаточно быстро, но именно не чересчур.

– Вы не против понести треножник и сумку? – Гаррет крепко обхватил черный чемодан и, негромко кряхтя, развернулся вместе с ним, чтобы опустить свою ношу на тележку; сверху он положил серый чемодан, а затем принялся оборачивать поклажу эластичными жгутами.

– А что там? – спросила Холлис, имея в виду сумку, после того как взяла под мышку сложенный треножник.

– Подзорная труба. И фартук.

Женщина подняла сумку.

– Тяжелый фартук.

Закрыв и заперев задние дверцы фургона, Гаррет наклонился и взялся за ручки тележки.

Холлис оглянулась на шеренги контейнеров. Некоторые располагались так близко, что можно было прочесть надписи вроде: «YANG MING. CONTSHIP». Вспомнились пиратские истории Бигенда.

Гаррет вкатил тележку вверх по наклонному пандусу к двойным дверям, похожим на те, что были на фабрике Бобби, выбрал из связки нужный ключ и вставил его в замóк. Холлис поднялась следом; с каждым шагом тяжелая сумка била ее по колену.

Стоило им войти, как двери захлопнулись. Коричневая плитка на полу, белоснежные стены, яркое освещение. Мужчина воспользовался другим ключом, на этот раз воткнув его в стальную панель у лифта, после чего нажал на кнопку, и та

загорелась. Широкие эмалированные двери быстро разъехались, открыв кабину размерами с комнату, стены которой были отделаны листами некрашеной фанеры.

– Солидная грузоподъемность, – одобрительно произнес Гаррет, закатывая тележку с двумя чемоданами.

Холлис опустила сумку на забрызганный краской пол и поставила рядом треножник. Спутник нажал на кнопку, двери съехались, и лифт поплыл вверх.

– Я в колледже любил вашу группу, – сообщил Гаррет. – Нет, и сейчас тоже люблю... Ну, вы понимаете.

– Спасибо.

– А почему вы распались?

– Музыкальные группы в чем-то похожи на семьи – по крайней мере лучшие из них. Не скажешь, почему некоторые браки держатся долго, а тем более – почему распадаются.

Кабина остановилась. Холлис опять ступила на коричневую плитку и пошла вслед за Гарретом по белому коридору.

– Вы здесь раньше бывали? – полюбопытствовала она.

– Нет. – Остановив тележку, мужчина снова достал ключи. – Я посылал одну подругу (она тут занята в кинобизнесе и знает, что сказать) договориться насчет аренды. Теперь все думают: мы готовимся к ночным натурным съемкам, ищем точки обзора. – Он повернул ключ в замке. – Но мы их и в самом деле ищем, так что лучше скрестите пальцы.

Мужчина открыл дверь и втолкнул тележку в какое-то помещение. Холлис вошла за ним.

Гаррет нащупал выключатель. Белое пространство залило сияние галогенных светильников, похожих на нержавеющие прищепки на струнах, туго натянутых под потолком. Очевидно, здесь велись работы со стеклом. Массивные, толщиной с кулак, прозрачные листы с зелеными краями, некоторые размером с дверь, были сложены подобно музыкальным дискам на подставках из тусклых оцинкованных труб с косматой обивкой. Повсюду лежали кабельные короба из гофрированной фольги, фильтры «HEPA»[179], вытяжные вентиляторы. Вошедшая опустила сумку на верстак, поставила рядом штатив и почесалась под курткой, думая о вреде отходов шлифовки стекла.

– Извините, – промолвил Гаррет, поднимая треножник, – мне нужно поиграть в кинооператора. – Он подошел к широкому окну и быстро собрал штатив. – Пожалуйста, не могли бы вы открыть сумку и подать мне трубу?

Холлис так и сделала, обнаружив поверх ровных и толстых складок бледно-синего пластика нечто вроде усеченного серого телескопа. Гаррет установил прибор на треножнике, снял с

объектива черную крышку и начал что-то подкручивать, приникнув глазом к окуляру. А потом присвистнул.

– Ой. Господи. Вот ведь блин! – Он еще раз присвистнул. – Прошу прощения.

– А что такое?

– Мы чуть не обломились. Вон там, на крыше. Смотрите.

Она прищурилась, глядя в окуляр.

Бирюзовый контейнер, казалось, парил над наклонной металлической крышей здания без окон. Похоже, он просто находился на самой вершине ряда других.

– Вот повезло бы нам, будь этот конек на фут повыше, – заметил Гаррет, склонившись над алюминиевой тележкой и отцепляя эластичные жгуты. – А мы-то и не подозревали.

Потом он бережно опустил на верстак рядом с сумкой длинный серый чемодан и вернулся к лежащей на полу тележке за его черным собратом. Опустился на колени, вынул из кармана куртки какой-то желтый прибор размером с айпод, подержал его над крышкой, нажал на кнопку и поднес еще ближе, внимательно изучая показания на дисплее.

– Что это?

– Дозиметр. Русский. Из распроданных военных излишков. Отличное качество.

– И чем вы только что занимались?

– Измерял уровень радиации. Все в норме. – Мужчина улыбнулся ей, не вставая с колен.

Под его взглядом Холлис вдруг ощутила неловкость. Осмотревшись по сторонам, она заметила занавес из белого брезента, отгораживающий часть комнаты, и с наигранным интересом направилась туда. Когда журналистка частично расстегнула белую молнию, шестифутовый клапан свесился в сторону почти до пола, и ей удалось просунуть голову…

Прямо в чужую жизнь. Причем явно в женскую. На крохотном пространстве теснилось содержимое целой комнаты – кровать, комод с зеркалом, чемоданы, книжный шкаф, вешалка с одеждой. С полки на незваную гостью глазело чье-то детство в виде мягких зверей из акрилового меха. На краешке комода «Икея» стоял забытый бумажный стаканчик «Старбакс» под крышкой. Сквозь белый брезент лился молочный рассеянный свет. Внезапно Холлис почувствовала себя виноватой. Она убрала голову и застегнула молнию.

Между тем Гаррет открыл длинный серый чемодан.

Внутри лежала винтовка. Или ее подобие, сошедшее с картины сюрреалиста. Замысловато расписанная ложа из тропической лиственной древесины отличалась какой-то

биоморфностью, даже провокационностью, словно творение Макса Эрнста[180]. Ствол, похоже, из вороненой стали, как и прочие металлические части, был покрыт блестящим серым сплавом, наводящим на мысли об изысканных кухонных принадлежностях из Европы вроде скалки для теста «Кузинарт». Однако же каким-то непостижимым образом в удивительной вещи с первого взгляда угадывалось оружие. Винтовка с оптическим прицелом и странной подвеской под «кузинартовым» дулом.

Мужчина развернул мешочек из черной материи, внутри которого, казалось, был собственный пластиковый каркас.

– Это что? – спросила Холлис.

– Сюда попадут выскакивающие гильзы.

– Нет, я не об этом. – Она кивнула на винтовку.

– Калибр 0,30. Ствол с четырьмя нарезами.

– Старик сказал, что вы не собираетесь никого убивать.

За спиной у Гаррета располагалось окно, в котором слабо дымились черные резервуары жутковато хрупкого вида. Что, если он подстрелит один из них?

И тут зазвонил сотовый. Попятившись от мужчины, журналистка начала рыться в сумочке и наконец вытащила трубку с шифратором, качающимся на обрывке кабеля.

– Холлис Генри слушает.

– Олли ждет снаружи, – сообщил Бигенд.

Гаррет уставился на нее с черным патронташем в руке, будто принимал участие в неком эзотерическом траурном ритуале викторианских времен.

Холлис открыла рот, но так ничего и не произнесла.

– Мы потеряли вас, как только вы покинули машину, – продолжал Бигенд. – Она все еще на том же месте. А потом вы вновь объявились к северу от Кларк-драйв. Скажите, вы в безопасности?

Гаррет вскинул голову и выгнул брови.

Женщина покосилась на качающийся шифратор, сообразив, что Памела и туда, похоже, вмонтировала одно из устройств GPS. Сволочи.

– У меня все отлично, – сказала она. – А вот Олли здесь явно не к месту.

– Отослать его?

– Да уж, пожалуйста. Иначе сделка отменяется.

– Идет, – обронил Бигенд и отключился.

Холлис закрыла телефон.

– Работа, – пояснила она.

– Да, раньше они не могли дозвониться, – ответил Гаррет. – Я

включил специальный глушитель, еще когда поднимался с вами по лестнице. Это на случай, если бы вы пронесли на себе микрофон. А потом так и не вырубал его, пока мы не добрались до места. Надо было раньше предупредить, но у меня голова была другим забита. – Он указал на винтовку, покоящуюся на ложе из серого пенопласта.

– И что вы с ней намерены делать, Гаррет? Думаю, пора уже мне рассказать.

Он поднял винтовку. Та словно растеклась по рукам, и большой палец плавно вынырнул из отверстия, как из воды.

– Будет всего девять выстрелов, – произнес мужчина. – Одиночных, с передергиванием затвора. В течение минуты. Отверстия ровно распределятся на сорока футах закаленной стали. На расстоянии одного фута от дна контейнера. Потому что ниже располагается внутренняя рама, нам ее не пробить. – Он посмотрел на часы. – А впрочем, что это я? Вы сами все увидите, не могу же я готовиться и рассказывать одновременно – по крайней мере в подробностях. Главное, он сказал вам чистую правду. Мы не собираемся ни в кого стрелять. – Гаррет положил винтовку обратно и присоединил к ней черный мешочек. – А вам пора надевать передник, – прибавил он, доставая из сумки и разворачивая во всю длину тяжелые складки бледно-синего пластика.

– Что это?

– Фартук рентгенолога. – Мужчина надел ей на шею синюю петлю, зашел сзади и, судя по звуку, застегнул обнову на липучку.

Холлис поглядела сверху вниз на синюю трубу без единого выступа, в которую превратилось ее тело, и поняла, почему ноша была такой тяжелой.

– А вы разве не наденете?

– Ну... – Гаррет достал из сумки нечто поменьше размером. – Мне хватит и «бабочки». – Он закрепил непонятную вещицу на шее, с каким-то наростом под подбородком. – Это для щитовидной железы. Между прочим, вы не против отключить телефон?

Холлис так и сделала.

Между тем Гаррет обматывал ствол винтовки черным нейлоном. Приглядевшись, журналистка заметила петли. Мужчина бросил взгляд на часы и еще раз проверил показания дозиметра, остановившись на этот раз посередине комнаты. Затем подошел к окну, разделенному стальной рамой на пять частей, из которых только две крайние могли открываться. Гаррет распахнул створку, ближайшую к углу (на Холлис повеяло

прохладным ветерком с привкусом электричества).

– Три минуты, – произнес он. – Пошел.

Затем опустился на колени рядом с пластиковым черным чемоданом и раскрыл его. Достал трехдюймовый слиток тускло-серого свинца, положил на пол. В слитке, заполнявшем собой чемодан, было просверлено девять отверстий: пять в ряд, и чуть пониже – еще четыре. Орудуя левой рукой, мужчина вытащил из каждого отверстия по завернутому в пленку патрону, по одному перекладывая их на правую ладонь. После чего поднялся, осторожно держа свою ношу, поспешил к верстаку и с глухим металлическим стуком пересыпал их на серый пенопласт. Потом развернул, поочередно вкладывая в черные нейлоновые петли, как это делают мексиканские бандиты в мультфильмах. И вновь посмотрел на часы:

– Без минуты полночь.

Затем, подняв винтовку, направил ее на стену. И шевельнул большим пальцем. На стене на мгновение появилась ярко-красная световая точка.

– Вы намерены стрелять по контейнеру.

Гаррет одобрительно хмыкнул.

– А что в нем?

Мужчина подошел к окну, бережно прижимая винтовку к своей груди. Обернулся на Холлис. Синяя маска для защиты щитовидной железы топорщилась у него на шее, будто неудачно пошитый ворот свитера.

– Сто миллионов долларов США. В транспортных поддонах глубиной около четырнадцати футов. В общем, чуть больше тонны сотенных купюр.

– Тогда зачем, – начала журналистка, – зачем стрелять?

– Это «Ремингтон Силветип»[181]. С выдолбленной серединой.

Гаррет достал один из патронов и зарядил.

– В каждом спрятана брахитерапевтическая капсула. Такие используют при лечении рака; они локализуют действие злокачественной ткани, а здоровую не трогают. – Он в который раз посмотрел на часы. – Сначала готовят гильзы, потом вставляют капсулы. С высокорадиоактивными изотопами. – Мужчина встал к ней спиной и вскинул винтовку на плечо, высунув ствол из окна.

– В этих, например, содержится цезий, – донеслось до журналистки.

Тут со стороны порта послышался электрический звон сигнализации, и Гаррет передернул затвор. Выстрел, выброс гильзы, перезарядка, еще выстрел… Он действовал как машина, в удивительно плавном и четком ритме, покуда черные петли не

опустели. В то же мгновение звон будто по волшебству оборвался и стих.

77
Провисшая веревка

Guerreros вовсе не ждали его, когда он покинул темный кузов пикапа, моргая и щурясь от искусственного солнечного света. Вместо этого Тито ощутил присутствие Ошун, спокойное и ласковое, среди железа и грохота, среди сотен ревущих моторов и гигантских перемещающихся грузов.

Ошун позволила ему расслабиться, что было бы совершенно невозможно после встречи с тем сумасшедшим на серой машине и особенно после внезапного вмешательства Ошоси.

Стоя у края многолюдного прохода между рядами контейнеров, мужчина ослабил веревку на животе и принялся легонько покачиваться, чтобы та поскорее раскрутилась. Когда черные кольца уже лежали у ног, Тито поднял их и повесил через плечо. Затем, убедившись, что нашейный пропуск хорошо виден, выбрал из груды две закрытые, почти пустые банки с краской и пошел вперед, напустив на себя чуть более торопливый и озабоченный вид, чем у тех остальных, что суетились вокруг. На ходу он свернул к рабочим машинам, грузоподъемникам и карете «скорой помощи».

Потом решил, что достаточно удалился, обогнул ряд тары и вернулся, по-прежнему шагая с видом человека, точно знающего, куда он идет.

Впрочем, так оно и было на самом деле, поскольку мужчина оказался в пятнадцати футах от ящика, который интересовал старика, именно в ту минуту, когда со всех сторон зазвенела сигнализация, возвещая начало полуночной смены.

Подняв глаза, он заметил в воздухе легкую рябь, стремительно пробежавшую вдоль бирюзового контейнера. Вспомнились атмосферные вихри на Юнион-сквер, устроенные по воле *guerreros.* Вот только здесь была иная причина.

Тито поставил банки с краской в сторону, так чтобы о них не споткнулись, достал из кармана латексные перчатки, надел их и приблизился к поставленным друг на друга трем контейнерам. Все они были расположены дверцами в одну и ту же сторону, как его и предупреждали. Мужчина вытащил черный респиратор и расчехлил его, после чего (спрятав чехол обратно в куртку) надел под рабочую каску и немного поправил на лице. Ошун пока не возражала.

Тито кивнул и посторонился, пропуская грузоподъемник.

Дверцы контейнеров были заперты на вертикальные стальные

стержни с петлями и запечатаны при помощи ярлыков из металла и цветного пластика. Мужчина снял с пояса джинсов пластмассовый квадрат с парашютным тросом, надел его на шею и полез вверх, без труда прилипая подошвами «Адидасов GSG9» к окрашенной стали ящиков. Повинуясь внушениям Ошун, он карабкался так, словно это занятие доставляло ему невыразимое наслаждение, и думал только об одном: у него получится.

Из-под черного респиратора с шумом вырывались тяжелые вздохи. Тито не обращал внимания. Добравшись до влажной и скользкой крышки бирюзового контейнера, он быстро влез на нее и попятился прочь от края.

И вдруг опустился на корточки, весь сжавшись от странного ощущения, которое не мог описать словами. Богиня, портовый шум, старик, десяток раскрашенных дисков, висящих на шее подобно гладким печатям… Что-то должно было измениться. В целом мире или только в его жизни – этого мужчина не знал. Он закрыл глаза. И увидел синюю вазу, слабо мерцающую в тайнике на крыше.

«Прими это».

«Принимаю», – ответил он.

И, припадая к ящику, переместился к другому краю. На каждом углу, как рассказывал Гаррет, была надета скоба для скрепления контейнеров между собой. В одну такую скобу со стороны, дальней от океана, совсем не заметного из этой точки, Тито продел конец веревки. Затем передвинулся к противоположному краю, понемногу разматывая черные кольца, и привязал другой конец. Средняя часть соскользнула вниз и провисла. Оставалось надеяться, что мужчина правильно рассчитал эластичность нейлона. А веревка была надежная, страховочная.

«У меня получится», – пообещал он Ошун и спустился вниз, опасливо притормаживая боковыми сторонами «адидасов».

Медленно, прижимая ладони в перчатках к окрашенной стали, мужчина встал на веревке и слегка согнул колени. Между носками черных ботинок серел бетон, а прямо перед глазами оказалось первое пулевое отверстие, по краям которого ярко блестела сталь. Тито вытащил из пластикового конверта первый магнит и закрыл им след от выстрела. Раздался резкий щелчок, и диск прилепился к стенке, защемив перчатку. Мужчина с большой осторожностью вызволил ладонь и вытащил оторванный кусочек латекса. Переместил сначала левую ногу, левую руку, затем правую ногу и правую руку. Закрыл второе отверстие, на сей раз внимательно следя за тем, чтобы перчатка не пострадала. Внизу, под ногами, проехал грузоподъемник.

Тито мысленно вернулся в день, когда он впервые передал старику айпод на Вашингтон-сквер, у шахматных столиков. Падал снег. Только сейчас мужчина осознал, как многое изменила та встреча, как в конечном итоге привела его сюда. Он приклеил третий магнит. И передвинулся. В памяти всплыл ужин с Алехандро. Четвертый диск с резким щелчком прилепился на место. Тито шагнул дальше. Пятый. Мимо прошли трое мужчин, их рабочие шлемы сверху напоминали круглые пластиковые кнопки, две красные и одну синюю. Тито стоял, прижав ладони к холодной стали. Шестой. Вспомнилась Юнион-сквер и уход от погони под наблюдением *guerreros*. Седьмой и восьмой магниты расположились на расстоянии одного фута. Щелк, щелк. Девятый.

Упираясь ногами в бирюзовую стену, Тито легко взобрался на крышку. Отвязал конец веревки, спустил его черными кольцами на бетон и соскользнул вниз. Потом стянул с лица душный респиратор, жадно глотнул прохладного неотфильтрованного воздуха и ловким движением развязал оставшийся на верху конец. Поймав упавшую веревку, быстро свернул ее и зашагал прочь.

Как только бирюзовый контейнер скрылся из вида, мужчина выбросил сумку с респиратором и веревкой в мусорный бак, а растерзанные перчатки оставил на буфере грузоподъемника. Зеленая куртка в мешке из-под цемента точно так же отправилась к портовым отбросам.

Натянув на голову черный капюшон от рубашки, Тито надел поверх него рабочую каску. Ошун бесследно пропала, оставив его в одиночку искать выход.

Мимо, на расстоянии сотни ярдов, неспешно прогромыхал дизельный локомотив с черно-белыми диагоналями на боку. Следом за ним тянулся ряд вагонов-платформ, на каждой из которых стояло по одному контейнеру.

Тито шел вперед, не останавливаясь.

* * *

Он почти уже выбрался, когда неизвестно откуда появился вертолет, обрушив на рельсы круг яркого света, режущего глаза. На ходу прыгнув с поезда, мужчина десять минут плутал среди зарослей ежевики. Прежде он был уверен, что у него уйма времени и возможностей исполнить задание, и вот, пожалуйста: очутился на вершине шестифутового забора, в разодранных джинсах, словно мальчишка, и никаких следов Системы. Между тем вертолет взмыл в воздух и улетел – наверное, в сторону моря.

А потом сделал круг. И вернулся. Прянув на землю с забора, Тито услышал, как затрещали многострадальные джинсы.

– Эй, чудик, – произнес чей-то голос, – ты чё, не в курсе? Там на каждом шагу понатыканы детекторы движения.

– Возвращается, – прибавил незнакомый парень, указывая в небо.

Тито вскочил и собрался было уносить ноги. Внезапно узкая парковая аллея содрогнулась и словно раскалилась добела, почти лишившись теней; вертолет завис над недавно позеленевшими кронами деревьев. В са́мом центре луча оказались Тито и еще трое мужчин. Двое из них, прислонив к спинке скамейки крупное электропианино, воспользовались свободными руками, чтобы показать вертолету средний палец. Третий держал на красном нейлоновом поводке белую волкоподобную собаку.

– Игорь, – представился он, ухмыляясь. – Ну, как ты в целом, дружище?

– Рамон, – отозвался Тито, оставшись наконец в темноте.

– Не хочешь подсобить? Мы тут перебираемся в новую студию. С меня пиво.

– Конечно, – бросил Тито, зная, что ему пора выбираться с улицы.

– А ты, случаем, ни на чем не играешь, приятель? – полюбопытствовал Игорь.

– На клавишных, – ответил тот, и белая собака лизнула ему руку.

– Вот и чудненько, – подытожил новый знакомый.

78
Другая барабанщица

– Моя сумочка, – спохватилась Холлис на обратной дороге и заглянула за сиденье. – Сзади тоже нет. Может, отдали мусорщикам?

– Нет, я ее здесь видел, рядом со штативом.

Гаррет собирался отдать треножник приятелю, обустроившему для них мастерскую. Приятель занимался фотографией, а штатив был очень хороший. Остальное перешло в руки «мусорщиков», подъехавших на стоянку в забрызганном бетоном пикапе и получивших деньги за то, чтобы поутру все улики стали частью фундамента под торговый центр.

– Очень жаль, – произнес молодой человек, – но мы не можем вернуться.

Холлис припомнила шифровальное устройство Бигенда – пропадет, и пусть его. А как же деньги Джимми?

– Ой.

Но вдруг она странным образом ощутила, что рада избавиться и от первого, и от второго. Пухлый конверт угнетал ее, в нем было нечто неправильное. Кроме телефона, шифратора, ключей от квартиры и «фаэтона», водительских прав и одинокой кредитки, вместе с сумочкой пропало лишь немного косметики, фонарик и несколько мятных леденцов. Да, точно: паспорт остался на квартире Бигенда.

– Видно, ее забрали по ошибке, – сказал Гаррет. – Но это была строго односторонняя сделка. Так что извините.

Может, сказать ему про следящую систему GPS? Ну нет, слишком долго объяснять.

– Ладно, не беспокойтесь.

– Ключи от автомобиля тоже были в сумочке? – спросил молодой человек, сворачивая с Кларк-стрит.

– Да. Я припарковалась вверх по улице, за углом, вот здесь, у мусорного бака, как раз у поворота на ваш...

Из маленькой голубой машины, остановившейся возле опаловой громады «фаэтона», появилась высокая фигура в черном.

– ...Переулок, – закончила Холлис.

– Кто это?

– Хайди, – ответила журналистка. Проезжая мимо, она увидела, как по другую сторону автомобиля во весь рост распрямился бородатый мужчина; со времени их последней

встречи он еще чуть-чуть облысел. – А это Инчмэйл.

– Рег Инчмэйл? Серьезно?

– Остановите здесь, за переулком, – попросила она.

Гаррет так и сделал.

– А что случилось?

– Не знаю, только лучше их увести отсюда. Не представляю, что вы еще задумали, но уверена, что-то есть. Надо уговорить их меня спасти. Кажется, они тут именно за этим.

– Вообще-то неплохая затея, – одобрил молодой человек.

– Как мне с вами связаться?

Он протянул телефон.

– Больше никому не звоните по этой трубке. Я сам объявлюсь, когда все более-менее уляжется.

– Ага.

Журналистка вылезла из кабины и помчалась назад навстречу Хайди Гайд, которая уверенно шагала к ней по тротуару в байкерской куртке. Судя по звукам за спиной, фургон покатил прочь.

– Ну, что за дела? – осведомилась Хайди, похлопывая по ладони трехфутовой дубиной, упакованной в оберточную бумагу.

– Делаем ноги, – на ходу обронила Холлис. – Давно приехала?

– Только что. – Барабанщица развернулась и пошла следом.

– А это как называется?

– Топорище.

– Зачем?

– На всякий случай.

Они приблизились к голубой машине.

– Вот она, собственной персоной, – промолвил Инчмэйл, не выпуская изо рта окурка небольшой сигары. – Где тебя черти носили?

– Рег, увези нас отсюда. Быстро.

– А вон тот красавец, – он указал на «фаэтон», – разве не твой?

– Да я ключи потеряла… Открой, пожалуйста, – сказала она, дергая заднюю дверцу. Та поддалась.

– Едем уже отсюда, – бросила Холлис, забираясь внутрь.

– Ваша сумочка, – сообщил Бигенд, – находится неподалеку от пересечения Мейн и Хейстингс. В данную минуту направляется к югу, в сторону Мейн. Очевидно, пешком.

– Значит, ее украли, – предположила журналистка. – Или нашли… Если попросить Олли привезти запасные ключи, как быстро он доберется?

В самом начале разговора она сказала, где находится. Иначе пришлось бы поволноваться.

– Почти сразу. Я знаю место. Это вблизи от квартиры. Там делают очень приличный «писо мохадо».

– Пусть привезет ключи. Мне сейчас не до баров. – Она захлопнула сотовый, вернула его Инчмэйлу. – Бигенд велел нам попробовать «писо мохадо».

Мужчина изогнул бровь.

– Ты когда-нибудь видела табличку «Осторожно, скользкий пол»?

– Рег, помолчи минутку. Мне надо подумать.

Если верить Бигенду, он отослал Олли по ее просьбе от жилого и офисного здания на Пауэлл-стрит незадолго до полуночи. Шифратор со встроенным блоком GPS оставался там не больше пятнадцати минут, после чего двинулся в западном направлении. Судя по скорости, на каком-то транспорте. По мнению Хьюберта, на автобусе, поскольку тот делал короткие остановки, причем не у светофоров. (Холлис представилось, как магнат наблюдает за этими перемещениями на огромном экране в собственном офисе. Весь мир как видеоигра.) Поначалу Бигенд предположил, что журналистка решила вернуться на квартиру, но потом сигнальный маяк отправился в пеший тур по самому, как заявил Олли, нищему району во всей стране…

Некий таинственный, но сильный внутренний голос нашептывал Холлис: она с охотой забудет как о пяти тысячах Джимми Карлайла, так и о чертовом шифраторе Бигенда.

– Дай телефон, – сказала она Инчмэйлу. – И карту «Виза».

Тот положил перед ней на стол свою трубку и выудил из кармана бумажник.

– Если решила купить что-нибудь, возьми лучше «Амекс». Это на деловые расходы.

– Мне только номер посмотреть, – ответила Холлис. – Хочу позвонить насчет украденной карточки.

Олли приехал, когда журналистка решала вопрос с пропажей; это избавило их от долгих разговоров. Инчмэйл всегда умел отделываться от чужаков подобного сорта. Олли почти мгновенно исчез.

– Допивай, – сказала Холлис, кивая на бельгийское пиво перед Инчмэйлом. – А где Хайди?

– Кадрит бармена, – отмахнулся Рег.

Холлис высунула нос из белоснежной виниловой кабинки: бывшая барабанщица вела беседу с блондином у бара. Хорошо, что Инчмэйл убедил ее оставить упакованное топорище на сиденье взятой напрокат голубой «хонды».

– А что вы здесь делаете? То есть спасибо, конечно, за хлопоты, но как вы узнали, где меня искать?

– Ну, «Болларды» не явились на запись: оказалось, двое из них подхватили грипп. Тогда я стал названивать в «Синий муравей». Вообще-то номера даже нет в справочнике. Потом пропятился по их корпоративной лестнице задом наперед к самому́ Бигенду, и тут он как на меня набросится!

– Почему?

– Хочет использовать «Такой быть сложно» в китайской рекламе автомобилей. Вернее, реклама-то всемирная, а машина китайская. Бигенд говорит, мол, давно не слышал этой песни, а встретил тебя – и вспомнил. Швейцарский режиссер, бюджет – пятнадцать миллионов долларов...

– И все – на рекламу машины?

– Надо же пустить пыль в глаза.

– Что ты ответил?

– Нет. А то как же! Самое подходящее начало беседы, правильно? Нет, и точка. А Бигенд продолжал соловьем разливаться, навешал мне на уши раскидистой лапши, дескать, он обеспокоен, дескать, ты пропала в Ванкувере вместе со служебным автомобилем и не объявляешься, прямо кино про Джеймса Бонда, и, дескать, почему бы мне не взять самолет «Синего муравья» минут через пятнадцать и не проверить, как ты там?

– И ты его послушал?

– Не сразу. Не люблю, когда со мной играют в кошки-мышки, а твой начальник – тот еще шулер.

Холлис кивнула.

– Я как раз обедал вместе с Хайди. Выложил ей все, она и клюнула. Разволновалась из-за тебя. Тут уж и я завелся. Хотя понимал, что ему только на руку, если мы явимся вдвоем, но почему не позволить себе небольшое безобидное приключение, да и Бигенд согласился взять нас обоих.

– Куда взять?

– В китайский рекламный ролик. Теперь от нас требуется переписать песню с другими словами. На стихи про китайский автомобиль. Но я уже подцепил паранойю от нашей дивной барабанщицы, которая вон там клеит парня. И вот мы с Хайди уже в машине, гоним в Бербанк[182]. По-моему, дольше добирались туда, чем летели к тебе. У меня в кармане был паспорт, у нее права, и больше никаких пожитков, только то, что на нас.

– Поэтому она себе купила топорище?

– Просто ей не понравился район, где стояла твоя машина. Я

сказал, что нужно все правильно истолковывать, читать между строк, глубоко знать подтекст и что здесь не так уж опасно. Но Хайди не слушала – заскочила в первый же склад пиломатериалов и вооружилась. Мне-то ничего не перепало.

– А тебе дубинка не пойдет. – Холлис полезла под куртку и принялась отчаянно чесать себе бока. – Скорее бы уже. Мне надо под душ. Сейчас я была в таком месте, где много отходов шлифованного стекла. И цезия.

– Цезия?

Она поднялась и взяла белые карточки, оставленные Олли.

79
Ловцы талантов

– Так откуда ты, говоришь, взялся? – спросил человек из фирмы Игоря, протягивая открытую бутылку пива.

Тито ничего такого не говорил, однако небрежно бросил в ответ:

– Нью-Джерси.

Добравшись до репетиционной студии, он успел связаться с Гарретом и сообщить ему, что работа выполнена, но самому ему этой ночью лучше держаться подальше от некой известной улицы. Правда, беглец умолчал о вертолете: внутренний голос подсказывал, что собеседнику и так все известно.

Тито принял бутылку и прижался разгоряченным лбом к ее холодному стеклянному боку. Как же ему понравилось играть! Под конец – пусть и на несколько мгновений, но все-таки, – явились даже *guerreros.*

– Прикольно, – сказал мужчина. – И родные твои оттуда?

– Они в Нью-Йорке, – проронил Тито.

– Ага. – Собеседник кивнул и отхлебнул пива. – Прикольно.

80
Смертоносный монгольский червь

– Зал ожидания бизнес-класса в «Эйр Хрень»! – с восторгом объявил Инчмэйл, удобно устраиваясь посередине первого этажа на квартире Бигенда.

– Наверху еще спальня, не хуже, – похвастала Холлис. – Я вам покажу, только сначала помоюсь.

Хайди положила завернутое в бумагу топорище на стойку рядом с лэптопом.

– ’Оллис! – На вершине парящей стеклянной лестницы появилась Одиль в безразмерном спортивном свитере. – Это Бобби, ты его найти?

– Вроде того. Долго рассказывать. Спускайся и познакомься с моими друзьями.

Француженка босиком сошла по ступеням.

– Рег Инчмэйл и Хайди Гайд. Одиль Ричард.

– *C&a va?* – спросила пришедшая, заметив топорище. – Что это?

– Подарок, – ответила Холлис. – Осталось найти, кого им осчастливить. Я в душ.

И она поднялась наверх.

Фигурка синего муравья по-прежнему стояла на своем месте, изготовившись к действию.

Холлис разделась, внимательно себя осмотрела, к счастью, не обнаружив никакой сыпи, и долго-долго старательно мылась под струями горячей воды.

Чем теперь заняты Гаррет и старший мужчина? Куда отправился Тито, когда его высадили? Почему сумочка – или по крайней мере шифратор Бигенда, – отрастив себе ноги, разгуливает по улице? А смертоносный монгольский червь – какую форму он примет сегодня? Этого журналистка не знала.

Неужели она и вправду видела, как облучают сто миллионов долларов при помощи гранул медицинского цезия? Видела, если Гаррет не врал. Хотя какой в этом смысл? Холлис намыливалась в третий раз, когда ее вдруг осенило.

Цезий нельзя отмыть. Никаким порошком. Значит, и деньги уже не отмоются.

Ей даже не пришло в голову задавать вопросы Гаррету, пока тот готовился покинуть мастерскую. Нет, правда, ни одного вопроса. Холлис чувствовала всем сердцем: нужно делать то же самое, что и он; делать, а не говорить об этом. Молодой человек

очень сосредоточенно проверял каждый предмет дозиметром, стараясь ничего не забыть.

Она была совершенно уверена, что не оставила сумочку. Кто-то забрался в фургон, пока все четверо говорили с мусорщиками.

Холлис обтерлась полотенцем, оделась, убедилась, что паспорт на месте, и высушила волосы.

Когда она спустилась, Инчмэйл сидел на краю двадцатифутовой кушетки (цвет кожаной обивки очень близко напоминал оттенок сидений в «майбахе» бельгийского рекламного магната) и читал сообщения на своем телефоне. Хайди с Одиль удалились, казалось, на целый квартал – так обманывала игра светотени на полированном бетонном полу – и походили на человеческие силуэты, которые нарочно рисуют на архитектурных чертежах для демонстрации масштаба.

– Опять твой Бигенд, – сообщил Рег, отрываясь от телефонного экрана.

– Это не мой Бигенд. Но будет твоим, если продашь ему права на «Такой быть сложно» для рекламы китайских машин.

– На это я, разумеется, пойти не могу.

– Из чисто художественных соображений?

– Просто нужно согласие всех троих: мое, твое, Хайди. У нас же совместные права, если помнишь.

– Лично мне без разницы, решай сам.

– С чего вдруг?

– Ты же до сих пор в бизнесе, до сих пор имеешь долю.

– Он хочет, чтобы ты это написала.

– Что написала?

– Изменила слова в песне.

– И сделала из нее рекламную заставку?

– Главную тему. Целый гимн. Под брендом постмодернизма.

– Это нашу «Такой быть сложно»? Издеваешься?

– Он меня завалил сообщениями, каждые полчаса достает. Решил припереть к стенке. От таких людей меня просто тошнит. Честно.

Холлис пристально взглянула на него.

– А где смертоносный монгольский червь?

– Ты о чем?

– Не знаю, чего мне сейчас больше бояться. Помнишь, ты на гастролях рассказывал про смертоносного червя? Настолько ужасного, что его никто не может описать?

– Ну да, – подтвердил Инчмэйл. – Эта тварь не то плюется ядом, не то электрическими разрядами. – Он улыбнулся. – А может, гноем.

– И прячется в дюнах. Где-то в Монголии.

– Правильно.

– Так вот я приняла твой рассказ на вооружение. Червяк превратился в символ всех моих страхов. Мне кажется, он ярко-красный…

– Они правда ярко-красные, – вставил Инчмэйл. – Пурпурные. И без глаз. А тело толстое, как бедро ребенка.

– Теперь любой сильный страх, с которым я не могу справиться, обретает такую форму. День или два назад, в Лос-Анджелесе, Бигенд со своим журналом-призраком и эти жуткие странности, куда он сунул свой нос и затянул меня за собой, даже рассказать нельзя, – все это мне представлялось в виде смертоносного червя, который прячется в дюнах.

Инчмэйл внимательно посмотрел на нее.

– Рад, что мы встретились.

– Я тоже, Рег, просто еще не опомнилась.

– Немудрено. В такое время разве что полный псих не станет волноваться. Мы все как на иголках. Меня больше беспокоит другое: вид у тебя не очень напуганный. Растерянный – да, но я не чувствую страха.

– Этим вечером, – объяснила Холлис, – кое-кто совершил на моих глазах такой поступок, чуднóе которого мне уже, кажется, не увидеть.

– Серьезно? – Собеседник вдруг помрачнел. – Завидую.

– Я-то думала, будет теракт или преступление в нормальном, традиционном смысле, но все было не так. По-моему, это скорее…

– Что?

– Проделка. Шалость, на которую отважится лишь сумасшедший.

– Ты же знаешь, я сгораю от любопытства, – подначил Рег.

– Знаю. Но я слишком часто разбрасываюсь своим словом. Сперва – Бигенду, потом еще кое-кому. Хотелось бы обещать, что я когда-нибудь открою секрет, но не могу. Хотя не исключено, что все же открою. Когда-нибудь. Смотря по обстоятельствам. Понимаешь?

– Слушай, а француженка твоя, случаем, не лесбиянка? – поменял тему Инчмэйл.

– С чего ты взял?

– Она так и липнет к нашей Хайди.

– Ну, это как раз не доказательство.

– Разве?

– Просто Хайди притягивает к себе людей особого склада. Большинство из них – мужского пола, но не все.

– Точно, – улыбнулся Инчмэйл. – Я и забыл.

Послышался мелодичный аккорд.

– Корабль-носитель идет на посадку, – объявил Рег.

Олли Слейт с тихим звоном вкатил тележку, накрытую белой салфеткой. На этот раз он гладко побрился и снова надел шикарный костюм.

– Мы подумали, вдруг вы еще не ели, – сказал молодой человек и обратился к Холлис: – Хьюберт просил ему позвонить.

– Я не готова, – отрезала журналистка. – Завтра.

– Так, вы у нас подаете еду. – Инчмэйл опустил тяжелую руку на плечо Олли, не давая ему ответить. – Если желаете продвинуться по службе, – он взялся за лацкан дорогого пиджака и слегка потрепал его, – учитесь не выходить за рамки служебных обязанностей.

– Я как выжатый лимон, – пожаловалась Холлис. – Надо срочно поспать. Завтра позвоню, Олли.

Она поднялась наверх. В небе уже разгорался рассвет, а дизайн спальни не предусматривал ни занавесок, ни жалюзи. Сняв джинсы, Холлис влезла на магнитную летающую кровать Бигенда, натянула покрывало на голову и практически тут же уснула.

81
Сегодня здесь, завтра там

– А может, оставишь свой номер? Или е-мейл? – с отчаянным видом умолял человек из команды Игоря.

– Да я все время переезжаю, – отозвался Тито, ища глазами фургон Гаррета за окном репетиционной студии, расположенной на втором этаже. – Сегодня здесь, завтра там.

И тут он заметил белый фургон.

– Ладно, моя визитка у тебя есть! – крикнул вдогонку новый знакомый, увидев, как Тито бегом устремился к выходу.

Вслед ему прозвучал гитарный аккорд, прощальные восклицания и голос Игоря:

– Эй, Тито!

А тот уже кубарем слетел по лестнице, выскочил на мокрый после дождя тротуар совершенно безлюдной улицы, рванул на себя пассажирскую дверцу и влез в кабину.

– Вечеринка? – с улыбкой поинтересовался Гаррет, съезжая с обочины.

– Это группа. У них репетиция.

– Ты что, уже в группе?

– Подменял одного...

– На чем играешь?

– На клавишных. Тот человек с Юнион-сквер – он пытался меня убить. Задавить машиной.

– Знаю. Пришлось задействовать местные связи, чтобы вытащить его из предварительной камеры.

– Так он теперь на воле?

– Его продержали что-то около часа. Обвинения сняты. – Гаррет притормозил у светофора. – Официальная версия: автомобиль потерял управление. Несчастный случай. К счастью, пострадавших нет.

– Был еще пассажир, – напомнил Тито, когда сигнал переменился.

– Ты его узнал?

– Нет. Но видел, как он уходит.

– Твой вчерашний неудачный убийца должен был выследить нас еще в Нью-Йорке.

– Это он оставил у меня на квартире «жучок»?

Гаррет покосился на соседа.

– Не знал, что ты в курсе.

– А мне кузен рассказал.

– Хорошо иметь столько кузенов, да? – усмехнулся Гаррет.

– Меня хотели убить, – напомнил Тито.

– Ну да, и это объяснимо. Похоже, наш приятель так разозлился, когда не сумел схватить тебя – или нас обоих – в Нью-Йорке, что здесь, когда ты возник перед самым носом, у него в голове помутилось. И потом, как было не перенервничать перед самым прибытием контейнера? Между прочим, за последний год мы уже не единожды наблюдали, как он выходит из себя. И каждый раз кто-нибудь страдает. Вот и наступила его собственная очередь. Хотя, судя по медицинскому заключению врачей «скорой помощи», твой преследователь цел и невредим. Так, несколько швов да крупный синяк на лодыжке. Он даже в состоянии сесть за руль.

– Там был вертолет, – сообщил Тито. – Я вскочил на платформу поезда и ехал, пока не увидел за забором силуэт жилого дома и уличные огни. Наверно, из-за меня сработали детекторы движения.

– Нет. Это он устроил, как только вышел из-под стражи. Что-то вроде общей тревоги. Поднял на ноги всю портовую охрану. И все потому, что увидел тебя на улице.

– Значит, мой протокол потерпел фиаско...

– Твой протокол, Тито, – ответил Гаррет с улыбкой, – чертовски гениальная штука.

– Куда едем?

– В отель. Пора спать. Завтра у нас большой день.

82
«У Биини»

Сотовый Гаррета разбудил ее незнакомым рингтоном. Какое-то время Холлис лежала на магнитно-летающей кровати Бигенда, пытаясь сообразить, в чем дело, потом догадалась.

– Ох!

И, все еще барахтаясь в запутанной тине сна, принялась на ощупь искать источник гудения. Телефон обнаружился в переднем кармане вчерашних джинсов.

– Алло?

– Доброе утро, – сказал Гаррет. – Как себя чувствуете?

– Хорошо. – Она с удивлением поняла, что это правда. – А вы?

– Отлично, только жалею, что не дал вам поспать. Не желаете ли попробовать традиционный канадский завтрак рабочего? Тогда подъезжайте через полчаса. Хотим показать вам кое-что. Если, конечно, все прошло, как мы задумали.

– А как все прошло?

– Скоро узнаем. Возникла пара сложностей, но в целом прогноз положительный.

Интересно, что он имеет в виду? Неужели бирюзовый контейнер начнет излучать радиоактивные облака цвета «грязных» денег? Впрочем, в голосе Гаррета не слышалось особого беспокойства.

– Куда подъехать? Я возьму такси. Не знаю, вернули мой «фаэтон» или нет, но за руль меня что-то не тянет.

– Место называется «У Биини», – ответил молодой человек. – С тремя «и». Ручка есть?

Журналистка записала адрес.

Уже внизу, одевшись, она обнаружила на крышке лэптопа фирменный конверт «Синего муравья», подписанный от руки изящным наклонным почерком. «Ваша сумочка – или по крайней мере устройство – в данную минуту находится в почтовом ящике на углу Гор-стрит и Кифер-стрит. В настоящее время он огражден во избежание недоразумений. Всего наилучшего, О.С.». Внутри, соединенные элегантной скрепкой, лежали две сотни купюрами по пять, десять и двадцать канадских долларов.

Холлис убрала конверт в карман и отправилась на поиски спальни Одиль. Комната оказалась в два раза просторнее полулюкса в «Мондриан», разве что не притворялась внутренним помещением ацтекского храма. Одиль так звучно храпела, что прямо рука не поднималась ее будить. Перед уходом Холлис

заметила у кровати на полу знакомое топорище, завернутое в бумагу.

Наружную дверь тоже пришлось поискать. Улица наслаждалась тишиной раннего утра. Окон квартиры Бигенда снизу было не разглядеть: так высоко вздымалось здание, и к тому же нижние этажи сильно выпячивались вперед. На одном из них за скошенными зелеными стеклами располагался гимнастический зал, где стройные как на подбор мужчины и женщины в изящных спортивных костюмах упражнялись на неизменно белых снарядах. Холлис это напомнило рисунки Хью Ферриса[183], посвященные идеальному городу будущего, хотя такое даже ему не пришло бы в голову. Прозрачный зал и добрые белые духи фабричных машин – это пожалуйста, но стеклянные криволинейные мостики, протянувшиеся на большой высоте к соседним башням...

А между тем такси словно в воду канули. Лишь минут через десять журналистка заметила первый «Йеллоу и Приус»[184] – к счастью, тот оказался свободен.

Вскоре она догадалась: безупречно любезный водитель-сикх повез ее уже знакомым маршрутом, только более рационально, без лишних метаний и объездов. Интересно, думала Холлис, как шифровальное устройство Бигенда – или даже вся сумочка – угодило в почтовый ящик? Кто его туда положил? Может, вор, а может, простой пешеход, нашедший пропажу на улице.

Час пик еще не наступил, и машина просто летела на крыльях. Вот уже и Кларк-драйв; за ветровым стеклом «приуса» не по-вчерашнему зашумел порт, как-то иначе топорщась оранжевыми конструктивистскими стрелами.

Вот промелькнул поворот на знакомый переулок – интересно, Бобби все еще там? Как у него дела? Холлис посочувствовала Альберто: жаль, если он потеряет своего Ривера.

Миновали главный перекресток. Далее Кларк раздваивался, огибая навесное дорожное полотно, по сторонам которого выстроились освещенные знаки. Наверное, это и была дорога в порт.

Водитель свернул на обочину и остановился перед малюсенькой белой закусочной из бетонных блоков, нездешнего до нелепости вида. «КАФЕ У БИИНИ. ЗАВТРАК И КОФЕ КРУГЛОСУТОЧНО», – гласила простенькая надпись масляной краской на планках рассохшейся белой фанеры. Красная деревянная рама на двери, обтянутой сеткой от насекомых, придавала облику заведения нечто неуловимо заграничное.

Расплатившись и дав таксисту на чай, Холлис подошла к единственному окну, чтобы заглянуть внутрь. Очень тесное

помещение, два столика и стойка с табуретками, одну из которых, ближайшую к окну, занимал Гаррет. Он приветственно помахал рукой.

Журналистка решилась войти.

Ночная троица сидела у стойки. Холлис увидела свободную табуретку и опустилась между Гарретом и мужчиной постарше.

– Здравствуйте.

– Доброе утро, мисс Генри, – кивнув, отозвался мужчина.

За его спиной Тито чуть наклонился вперед и застенчиво улыбнулся.

– Доброе утро, Тито, – сказала Холлис.

– Вам точно понравятся яйца-пашот, – заявил Гаррет. – Если они вообще вам по вкусу.

– Да, пашот будет в самый раз.

– Лучше с беконом, – прибавил мужчина постарше. – Это что-то.

– Правда?

А с виду не скажешь. Обычная дешевая забегаловка из тех, которые Холлис вот уже долгое время не посещала. За исключением «Мистера Зиппи», конечно. Хотя «У Биини» по крайней мере клиенты занимали места под крышей.

– Здешний шеф-повар готовил само́й королеве, – сообщил мужчина постарше. – Елизавете Первой.

В глубине помещения дряхлый старичок – не то китаец, не то малазиец – согнулся почти пополам над чугунной плитой, покрашенной в белый цвет и по возрасту вполне годившейся ему в бабушки. И только стальной колпак вытяжки, подвешенный над огромной квадратной печью, не выглядел здесь полным антиквариатом. Запах бекона приятно щекотал ноздри.

Необычайно тихая официантка за стойкой, не дожидаясь просьбы, поставила перед вошедшей чашку кофе.

– Яйца-пашот, пожалуйста.

Национальность невозмутимой женщины, как и по́вара, оставалось только угадывать.

Глядя на стены, увешанные типичными восточными видами в диковинных рамах, Холлис подумала: а ведь это заведение наверняка стояло здесь и в год, когда она родилась, и с той поры ни капли не изменилось, если не считать массивного нержавеющего колпака над плитой.

– Чудесно, что вы сегодня с нами, – провозгласил мужчина постарше. – Ночь выдалась долгая, но зато, кажется, пошла всем нам на благо.

– Спасибо, – ответила Холлис. – Правда, я до сих пор не очень представляю, что же вы сделали. Хотя и наблюдала за Гарретом

чуть ли не до утра.

– А как по-вашему, что мы сделали? – осведомился мужчина.

Журналистка подлила себе молока из ледяного нержавеющего кувшинчика.

– Гаррет сказал, что в… – Она покосилась на официантку, застывшую рядом со старичком. – …В ящике была… м-м-м… крупная сумма?

– Да.

– Гаррет, а вы ничего не приукрасили?

– Нет, – отозвался он. – Ровно сотня.

– Миллионов, – хладнокровно уточнил мужчина постарше.

– Эта ваша задумка… Мы говорили про криминальные деньги. Теперь они… не отмоются. Угадала?

– Верно, – кивнул собеседник. – Гаррет запачкал их, насколько это возможно в нынешних условиях. Пробив оболочку контейнера, пули эффективно распылялись на атомы. Разумеется, тут их встречали плотные блоки бумаги высочайшего качества. Мы не собирались уничтожать бумагу, а только затруднить работу с ней. Пометить, если угодно, для дальнейшего обнаружения. Последние пять лет не принесли особого прогресса в исследованиях подобного рода. Еще одна упущенная сфера, – прибавил он и отхлебнул кофе без молока.

– Вы затруднили отмывание.

– Сделали невозможным, как я надеюсь, – уточнил мужчина. – Но вы должны понимать: для людей, по воле которых та сотня оказалась в том ящике, сам факт возвращения денег уже граничит с настоящим бедствием. Никто не рассчитывал, что они окажутся снова в Северной Америке или в любой части мира, который принято называть первым. Это попросту слишком тяжеловесная сумма. Между тем существуют экономические системы, где даже такие деньги можно обменять на товар определенного сорта и без лишних затрат; в одну из подобных систем контейнер и должен был попасть.

– Что же ему помешало? – спросила Холлис, а про себя поразилась: кажется, она уже имела смутное представление о том, каким будет ответ.

– Во время перевозки его обнаружили сотрудники американской разведки, искавшие груз совсем иного рода. Их немедленно отозвали, однако произошла какая-то бюрократическая заминка, и в результате информация дошла до меня.

Пираты.

– В масштабах военной наживы, мисс Генри, это пустячная сумма. Тем не менее меня подкупила чистая, безрассудная

дерзость замысла; а может, все дело в полном отсутствии воображения. За двери Нью-Йоркского федерального, в кузов багдадского трейлера, то, се, и прочь под парусами.

Холлис едва не помянула вслух гигантский советский вертолет по прозвищу «Хук», но вовремя прикусила язык.

– Пытаясь определить, какие стороны замешаны в этой истории, я выяснил, что интересующий нас контейнер оснащен прибором, который фиксирует его местонахождение, а заодно, до какой-то степени, сохранность, и тайно передает информацию заинтересованным участникам. Так, например, они мгновенно узнали, когда ящик был вскрыт американской командой, и попрятали головы в песок.

– Простите?

– Ударились в панику. Бросились искать другие пути, рынки попроще, где больше потери, но меньше риска. А ящик пустился в собственное, весьма необычное путешествие, и с тех пор все их планы пошли прахом, деньги словно не желали отмываться.

Холлис поймала его многозначительный взгляд и догадалась: кое-кто всерьез об этом позаботился.

– Представляю, как они к тому времени перетрусили. И вот контейнер стал чем-то вроде резидента в системе – постоянно присутствующего, но никогда не прибывающего на место. Пока, разумеется, не пришвартовался к нам.

– А почему это наконец случилось?

Собеседник вздохнул.

– Искренне надеюсь, что жизнь потихоньку начинает их прижимать. Ветер меняется, возможностей нагреть руки все меньше. И даже такая сумма, пусть и отмытая с огромными потерями, кое-что значит. По крайней мере для мелкой рыбешки. А мы имеем дело с мелкой рыбешкой, на этот счет заблуждаться не стоит. По телевизору вы этих лиц не увидите. Все больше функционеры, бюрократия. Навидался я этого брата в Москве, Ленинграде... Очень печальный опыт.

– Значит, здесь, в Канаде, они в состоянии что-то выгадать?

– Конечно, эта страна тоже не лишена кое-каких возможностей, но все-таки нет. Не здесь. Деньги переправляют обратно за границу. Думаем, что в Айдахо. Скорее всего через разъезд Портхилл. Это немного южнее Крестона, в Британской Колумбии.

– А разве там отмывка не доставит гораздо больше трудностей? Не далее как прошлым вечером вы утверждали, будто нелегальная наличка в таком количестве становится лишней обузой.

– Полагаю, они заключили сделку.

– С кем?

– Церковь, – только и произнес мужчина.

– Церковь?

– Из тех, кто владеет собственной телестанцией.

– Боже, – вырвалось у Холлис.

– Я бы не стал так далеко заходить в своих предположениях. – Мужчина прочистил горло. – Но говорят, что сотенные на тарелке для денежных сборов – это в порядке вещей.

Женщина неразличимой национальности вернулась от плиты к стойке и поставила две порции яиц с беконом: одну перед Холлис, вторую – перед ее собеседником.

– Посмотрите-ка, – сказал он. – Как изысканно. Закажите вы то же самое блюдо в токийском отеле «Империал», вам представят его в точно таком же виде. Вот что значит уметь подать, – и был абсолютно прав.

Бекон оказался безукоризненно плоским, можно сказать, отутюженным, твердым, невесомым, лишенным жира. С нежной хрустящей корочкой. Столь же безупречные яйца «в мешочек» покоились на маленьком ложе из картофеля. В компании двух ломтиков помидора и веточки петрушки. Непринужденная, но доведенная до предела элегантность. Женщина из-за стойки принесла для каждого маленькую тарелочку с тостами, намазанными маслом.

– Да вы поешьте, – предложил Гаррет. – А я объясню.

Холлис разломила вилкой первое яйцо. Какой мягкий и яркий желток.

– Прошлой ночью, точнее, ровно в полночь, Тито был на складе, когда зазвенела сирена.

Журналистка кивнула, не раскрывая рта, набитого беконом.

– Я пробил в ящике девять дырок. Оставил девять крохотных, но досадно заметных пулевых отверстий. Сегодня, когда контейнер снимут краном с вершины груды и погрузят на платформу, дырки могли бы бросаться в глаза. Мало того, была вероятность, что датчик на складе обнаружил бы заложенное мной вещество. Но Тито сумел забраться и запечатать отверстия сделанным на заказ магнитным пластырем.

Холлис посмотрела туда, где Тито получил свою порцию яиц «в мешочек». Он коротко ответил на ее взгляд и принялся за еду.

– Вы сказали, что ящик сегодня отгрузят, – начала она.

– Правильно.

– И отправят в Соединенные Штаты, в Айдахо?

– Мы так полагаем. Впрочем, устройство до сих пор исправно работает, и Бобби не упускает следа. Мы должны угадать заранее, где они собираются пересечь границу.

– Если не получится и они проберутся в страну незамеченными, – вставил мужчина постарше, – на этот случай тоже кое-что предусмотрено.

– Хотя лучше бы источник радиации засекли на границе, – прибавил Гаррет.

– А это возможно? – полюбопытствовала Холлис.

– Вполне, – ответил Гаррет, – если вовремя предупредить нужные службы.

– Несколько звонков куда следует, – продолжал старший мужчина, вытирая белой бумажной салфеткой остатки яйца на губах, – помогут избавиться от любых осведомителей на разъезде, буде такие найдутся.

Официантка подала Гаррету яйца, и он с улыбкой принялся есть.

– Ну а к чему это приведет? – спросила Холлис.

– Кое для кого жизнь превратится в кошмар, – ответил мужчина. – В конце концов, тут многое зависит от водителя. Мы действительно всего не знаем. Но непременно выясним, и с большим удовольствием. – Он улыбнулся гораздо шире прежнего.

– Легок на помине, – объявил Гаррет, сняв с пояса пейджер и что-то прочитав на экране. – Это Бобби. Велит смотреть. Говорит, началось.

– Подойдите. – Старший мужчина поднялся с бумажной салфеткой в руке и приблизился к окну.

Холлис придвинулась следом за ним. И тут же рядом с ней возник Гаррет.

В тот же миг бирюзовый контейнер на почти незаметной платформе, будто на собственных колесах, спустился по пандусу к перекрестку, влекомый сверкающим, незапятнанным, красно-белым и щедро хромированным автомобильным тягачом. Его блестящие двойные выхлопные трубы напомнили Холлис покрытие в кузинартовском стиле на стволе винтовки Гаррета. Темноволосый водитель с квадратной челюстью смахивал на полисмена или солдата.

– Он, – еле слышно шепнул Тито.

– Точно он, – подтвердил мужчина постарше.

Светофор поменял сигнал; грузовик с контейнером выехал с перекрестка на Кларк-драйв и скрылся из вида.

83
Страткона [185]

– Значит, мистер Милгрим, ваша диссертация посвящена баптистам?

Миссис Мэйзенхельтер поставила на стол серебряное блюдце с двумя тостами.

– Анабаптистам, – поправил Милгрим. – Восхитительная болтунья.

– Я добавляю воду вместо масла, – пояснила хозяйка. – Сковородка сложнее отчищается, но зато яйца становятся вкуснее. Значит, анабаптисты?

– Они тоже, – ответил Милгрим, разламывая первый тост. – Вообще-то на самом деле меня занимает тема революционного мессианства.

– Так, вы говорите, Джорджтаун?

– Да.

– Это же в Вашингтоне.

– Верно.

– Мы так рады оказаться в обществе такого ученого человека, – произнесла женщина, хотя, насколько знал Милгрим, он был единственным постояльцем в этой гостинице, с которой она управлялась в одиночку.

– А я очень рад, что нашел такое уютное и тихое место, – сказал мужчина.

И это была чистая правда.

Миновав пустынный Чайнатаун, он очутился в самом старом, по словам миссис Мэйзенхельтер, жилом районе города. По видимости, не слишком респектабельном. Впрочем, некоторые сдвиги уже начинали ощущаться. С местностью происходило то же самое, что с Юнион-сквер. Заведение миссис Мэйзенхельтер, предоставлявшее постояльцам постель и завтрак, тоже казалось приметой грядущих перемен. Если хозяйке удастся набирать платежеспособных постояльцев, она еще развернется со временем, когда дела в этом районе пойдут в гору.

– Чем вы думаете сегодня заняться, мистер Милгрим?

– Надо проверить, нашелся ли мой багаж, – ответил он. – Если нет, придется побегать по магазинам.

– Я уверена, что все будет в порядке, мистер Милгрим. А теперь прошу прощения, мне пора наведаться в прачечную.

Когда она ушла, мужчина доел свои тосты, сложил посуду в раковину, ополоснул ее и поднялся к себе в номер, ощущая в

левом кармане брюк «Jos. A. Banks» толстую пачку сотенных купюр, похожую на маленькую книгу в мягкой обложке. Это было единственное, что он оставил себе из содержимого сумочки, не считая телефона, фонарика и корейских маникюрных ножниц.

Все прочее, в том числе непонятное устройство, подключенное к трубке, он выбросил в красный почтовый ящик. У миловидной, смутно знакомой женщины, чье фото красовалось на нью-йоркских водительских правах, не обнаружилось канадской валюты, а возня с кредитными карточками не стоила свеч.

Милгрим собирался купить себе лупу и ультрафиолетовую лампочку. И еще карандаш-тестер для проверки валюты, если таковой удастся найти. Купюры смотрелись как настоящие, а все же не мешало бы подстраховаться. Пару раз на его глазах кое-где отказывались принимать американские сотни.

Но прежде – немного общения с криптофлагеллантами[186] из Тюрингии, решил мужчина, сидя на махровом хлопчатобумажном покрывале с имитацией старинной вышивки и развязывая шнурки ботинок.

Том ожидал его в верхнем ящике прикроватного столика в компании телефона, ручки с надписью «Собственность правительства США», фонарика и маникюрных ножниц. Нужное место было заложено обрывком бумаги, когда-то представлявшим собой верхний левый угол конверта с бледно-красными, выведенными шариковой ручкой буквами «НН» – очевидно, частью чего-то целого.

Милгрим припомнил, как прошлым вечером садился в автобус, прижимая к себе под курткой украденную сумку. Разменяв деньги в «Принстоне», как и было задумано, он узнал расписание автобусов, осведомился о ценах и приготовил нужную сумму непривычными, почти гладкими монетами. Как только мужчина занял место у окна, ближе к задней двери, его рука с робостью, словно ждала нападения, принялась исследовать недра такой, на первый взгляд, заурядной и непримечательной сумочки.

И вот теперь, вместо того чтобы взяться за книгу, он достал сотовый. Милгрим отключил его сразу, едва обнаружил, а сейчас надумал опять включить. Номер – нью-йоркский. Роуминг есть. Чуть ли не полный заряд. Список в основном содержал телефоны нью-йоркских жителей, названных исключительно по именам. Милгрим перевел сотовый на вибрацию, просто чтобы убедиться, что он работает, а убедившись, хотел вернуть в беззвучный режим, когда трубка вдруг мелко задрожала.

Рука мужчины самостоятельно раскрыла телефон и поднесла к уху.

– Алло? – повторял неизвестный мужчина. – Алло?

– *Vy oshiblis' nomerom*, – ответил Милгрим по-русски.

– *Net, ya ne oshibsya*, – произнес собеседник вполне отчетливо, хотя и с легким акцентом. Датчанин, должно быть. – *Vy gde?*

– *V Tyuringii*.

Милгрим захлопнул сотовый, но тут же открыл его и поспешил отключить.

Рука потянулась за второй в это утро таблеткой, что было вполне логично, если учесть обстоятельства.

Мужчина убрал телефон обратно в ящик, уже сожалея, что взял его с собой. Надо будет избавиться от этой находки.

Он взялся за книгу и собирался отыскать заложенное место – главу, посвященную маркграфу Фридриху Укушенному[187], – когда перед глазами неожиданно возникла площадь Святого Марка. Это было в прошлом октябре. Милгрим беседовал с Фишем у дверей магазина подержанных грампластинок. Внутри на стене, за стеклом витрины, висел черно-белый женский портрет... Откидываясь на подушки, мужчина припомнил на миг имя той певицы и даже сообразил, где совсем недавно видел ее лицо.

А потом принялся за чтение.

84
Застреливший Уолта Диснея

– Неплохо. – Бобби откинулся в кресле, немного расплескав свой второй «писо мохадо», и уставился на верхушку здания Бигенда через шлем Холлис. – Впечатляют размеры.

Журналистка мысленно поразилась тому, какое невероятное действие оказал на молодого человека Инчмэйл. Она все-таки угадала: Бобби оказался его фанатом, но совершенно не ожидала столь благотворного успокоительного эффекта. Хотя, возможно, отчасти сыграли роль пять дней, миновавшие с памятного «выстрела по деньгам»; к тому же Гаррет и старший мужчина давно испарились.

Только Тито еще оставался в стране, как по чистой случайности узнала Холлис, – по крайней мере этим вечером. Они повстречались в галерее магазинов, смежной с «Четырьмя временами года», куда переехала Холлис, когда Бигенд прилетел из Лос-Анджелеса.

Спутник Тито – вероятно, его старший брат, – носил прямые черные волосы до плеч, разделенные аккуратным пробором. Мужчины успели нагрузиться покупками в раздутых пакетах. Тито журналистку заметил, в этом не могло быть ошибки, он даже улыбнулся, но сразу же повернул в соседний зал, захламленный фирменными брендами. «Вот и все», – подсказал ей внутренний голос.

– Люблю, когда нет лишних деталей, – сказал Инчмэйл. – Ну просто ранний Дисней.

Бобби снял шлем и отвел белокурую челку со лба.

– Но это не Альберто, как ты вчера хотел. Если оставить все в его руках, он подобрал бы такие текстуры, что никаких «ужастиков» не нужно.

Чомбо положил шлем на стол.

Они сидели за уличным столиком возле бара на Мейнленд, куда журналистка первым делом отправилась вместе с Инчмэйлом и Хайди после возвращения.

– А твои «Болларды», – произнесла Одиль с ударением на втором слоге, – они уже видели?

– Только фотографии, – ответил Рег.

Узнав от бывших соучастниц по группе о том, как Бобби бросил локативных художников из Лос-Анджелеса и как Альберто лишился своего Ривера, Инчмэйл быстро сообразил, что делать, и подкатил к молодому человеку с видеопредложением от

«Боллардов». Песня называлась «Я застрелил Диснея», и Рег выделял ее среди всего, что собирался продюсировать в Лос-Анджелесе. Бобби предстояло стать режиссером, а проекту – покорить сцену, представить локативное искусство широкой публике на время, пока шлемы вроде того, которым пользовалась Холлис, находились на стадии бета-теста. Чтобы наверняка убедить Чомбо вернуться к оставленным обязательствам, Инчмэйл прикинулся горячим поклонником Альберто. При ловком посредничестве Одиль дело пошло как по маслу. Осталось уговорить Бобби восстановить на новых серверах и прочие незаконченные проекты, что он и сделал.

Хайди вернулась к своему окутанному тайной браку на Беверли-Хиллс. Поначалу Одиль была безутешна. Впрочем, успешная сортировка компьютерных материалов, охватывающих творчество по меньшей мере дюжины художников, за компанию с Чомбо помогла ей прийти в себя. По всей видимости, француженке-куратору это занятие дало ощущение серьезного достижения и карьерного скачка. Но и нельзя сказать, чтобы Одиль проявляла уж очень явное рвение. Она по-прежнему проживала у Бигенда, в то время как Холлис перебралась в «Четыре времени года», в соседний с Инчмэйлом номер.

Рассказ о видеоклипе, снятом Бобби для «Боллардов», с восторженного одобрения Филиппа Рауша стал частью еще не готовой статьи для «Нода».

После памятного завтрака «У Биини» Холлис надумала рассказать Бигенду, будто ее держали в плену (хотя обращение было бережное и довольно любезное) с той поры, как застали в переулке возле порта, а потом вернули обратно. Идею, сам того не желая, подбросил старший мужчина; именно так он и обещал поступить в случае, если бы журналистка не приняла его условия, – завязать ей глаза, отвезти неизвестно куда и не отпускать до возвращения Гаррета.

Другими словами, она понятия не имеет о событиях той ночи.

К счастью, Бобби не был посвящен во все подробности, а главное – не слышал, как Холлис ответила старшему согласием; значит, не стоило волноваться, что он проболтается Бигенду о ее вранье. А солгать придется, в этом она уже не сомневалась.

Как ни странно, Бигенд сам облегчил ей задачу. С тех пор как он ушел с головой в рекламу китайских автомобилей, сулившую бешеные квантриллионы долларов, план вторжения в тайные сферы, казалось, перешел на роль второй скрипки. Хорошо, если вообще остался в оркестре. Скорее всего магнат еще извлечет из своего знакомства с Чомбо пользу, рано или поздно вырвет у него все кусочки общей картины, какие завалялись в карманах, но

Холлис это уже не волновало.

Отныне и впредь ее дело – быть каминным кирпичом, за которым незнакомый пожилой мужчина решил упрятать тайну своих деяний.

Вот уж и вправду – тайну. Что-то не слышно было никаких сообщений о грузовике, задержанном при въезде в Айдахо из Канады. Хотя, конечно, Холлис об этом предупреждали. Вначале история должна разыграться в стране призраков. Возможно, это займет очень долгое время, вот почему журналистка и удостоилась доверия.

– ’Оллис, – окликнула Одиль из-за спины. – Ты только взглянуть на вилы Инчмэйла.

– Ой, даже не знаю. – Она повернулась и увидела снимок прекрасной Анжелины с маленьким Уилли Инчмэйлом на руках, сидящей в патио в Буэнос-Айресе. – Лысина похожа, а борода-то где?

– Зато он уже без ума от барабанов, – вставил Рег, допивая последний «писо». – И тоже любит сиськи.

– Ну, это возрастное, – заметила Холлис и потянулась за шлемом.

Со дня на день ей предстояло дать Инчмэйлу ответ насчет автомобильной рекламы. Собственно, ради этого они и проводили эту изумительно прелестную, на глазах расцветающую весну здесь, а не в Лос-Анджелесе, где «Болларды» терпеливо дожидались, когда о них вспомнят.

Рег, разумеется, был только «за». Если для того, чтобы справиться с ролью отца и кормильца, придется заставить свой прежний хит торговать китайскими автомобилями, значит, это судьба, говорил он.

Со своей стороны, Холлис до сих пор колебалась.

Отложив раздумья, она надела шлем, включила его и устремила взгляд под небеса, туда, где исполинский монгольский червь – творение Альберто, – пронизывая багровым хвостом бесчисленные окна пирамидального «орлиного гнезда», принадлежащего Бигенду, словно угорь, обвившийся вокруг пустого коровьего черепа, величаво развевался в ночи.

notes

Примечания

1

Японское пиво. – *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Магазин в Лос-Анджелесе, поставляющий продукты, напитки и товары личного пользования на дом, в офисы и номера отелей.

З

Искусственная трава, которую расстилают перед соревнованиями на больших крытых стадионах в США; вид напольного покрытия. Названа в честь Астродома, знаменитого стадиона в Хьюстоне.

4

Американский журнал, посвященный проблемам компьютеров и Интернета, а также открытиям и изобретениям и в других областях науки и техники.

5

Распространенное название центрального участка бульвара Сансет в Голливуде, вдоль которого расположены фешенебельные рестораны, сувенирные магазины, театральные агентства и ночные клубы.

6

Бывший арт-директор в студии Пьера Кардена, создатель яркого авторского стиля в современном дизайне. За свою четвертьвековую карьеру он проектировал практически все – от зубной щетки до жилых кварталов. В этот спектр вошли всевозможные стулья, телевизоры, а также интерьеры ресторанов, роскошных отелей, ночных клубов, бутиков «Ямамото», «Хьюго Босс» и даже личных покоев Франсуа Миттерана в Елисейском дворце.

7

Пуантилизм – прием создания эффекта свечения, освещенности, изобретенный французскими импрессионистами; состоит в нанесении на поверхность холста большого количества мелких точек, не различимых человеческим глазом.

8

«Пендлтон» – товарный знак мужской и женской верхней одежды высшего качества, спортивной одежды, одеял и других изделий «из настоящей шерсти» производства компании «Пендлтон вулен Миллс», г. Пендлтон, штат Орегон. Знаменитые шерстяные сорочки из шотландки выпускаются с 1924 г.

9

Мексиканское пиво.

10

Ваше здоровье *(фр.)*.

11

Дорогая модель классического автомобиля, оттюнингованная, с опущенной подвеской, способная прыгать на одном или на всех колесах сразу, разукрашенная вручную яркой живописью (для пущего эффекта кладется до 28 слоев краски). Культ лоурайдеров зародился в криминальных районах Лос-Анджелеса среди выходцев из Латинской Америки. Звезды хип-хопа и соула подчеркивают свой статус с помощью лоурайдеров, которые становятся «визитными карточками» знаменитых хозяев.

12

Дискотека, известная тем, что именно там играла свои первые концерты группа «Doors». Дискотека была на самом деле ночным клубом с баром и стриптизом (т.е. виски + «гоу-гоу герлз»).

13

Приватный ночной клуб, одним из владельцев которого является Джонни Депп.

14

Американский актер (1970—1993), снимался в таких фильмах, как «Индиана Джонс и последний крестовый поход», «Мой личный штат Айдахо», «Противостояние». Должен был сниматься в «Интервью с вампиром», когда умер от передозировки наркотиков.

15

Улица *(исп.)*.

16

Марка «внедорожной» обуви – высокие 18-дюймовые башмаки, предназначенные для пеших загородных прогулок.

17

Первое русскоязычное телевидение в Америке.

18

Транквилизатор.

19

Район г. Нью-Йорка в центре Манхэттена, известный как центр пошива модной женской одежды.

20

Drug Enforcement Administration (DEA) – Администрация по контролю за соблюдением законов о наркотиках, Управление по борьбе с наркотиками.

кофе с молоком *(фр.)*.

22

Алгоритм, позволяющий закрывать неавторизованным пользователям доступ к высокоточным навигационным данным, искусственно внося ошибки в координаты, получаемые с помощью GPS.

23

Хельмут Ньютон – знаменитый фотограф, делавший черно-белые снимки обнаженных моделей. 23 января 2004 года Хельмут Ньютон выезжал на своем «кадиллаке» с территории гостиницы «Шато Мармон» в Голливуде, но не справился с управлением и врезался в стену здания напротив. Его срочно увезли в госпиталь, но там он скончался от полученных травм. Мэтру фото было 83 года.

24

Колонна с семью гранями, обращенными к семи расходящимся от площади радиальным улицам.

25

Вурлитцер – электроорган со специальным звукосветовым устройством. Использовался в кинотеатрах.

26

«Close Encounters of the Third Kind», реж. С. Спилберг, 1977.

27

«Глянцевый» британский журнал, где можно найти главное о мире моды, репортажи музыкальных и прочих культурных событий. Выходит каждый месяц, распространяется более чем в 40 странах. Одно из самых влиятельных изданий Европы.

28

Найджелла Лоусон, род. 6 января 1960 г. Женщина – мечта британских мужчин и ведущая кулинарных шоу. Автор четырех книг, собравших огромное множество наград. Десять лет обозревала гастрономию в британском «Vogue». Замужем за магнатом Чарлзом Саатчи, владельцем всемирно известного рекламного агентства «Saatchi & Saatchi».

29

Драгстор – типично американское заведение, сочетающее аптеку и магазинчик товаров первой необходимости. Долгое время здесь также предусматривались стойки с автоматами газированной воды и небольшие закусочные. В 1940 г. американский писатель Ф. Скотт Фицджеральд заглянул сюда, чтобы купить пачку сигарет, и у него начался сердечный приступ. В 1986 г. «Shwab's» закрыли; декадой позже на его месте появился магазин «Virgin».

30

Лана Тёрнер – американская актриса. На ее счету – пятьдесят девять картин, в том числе – «Доктор Джекилл и Мистер Хайд», «Почтальон всегда звонит дважды» и др., номинация на «Оскар», роли с Кларком Гейблом и Шоном Коннери. Согласно легенде, шестнадцатилетнюю Лану пригласили сняться в кино, когда она пила «кока-колу» в закусочной, мимо которой проходил главный редактор газеты «Hollywood Reporter». Схожая история имела место в действительности, однако произошла в кафе «Top Hat».

31

Цифровой интерфейс музыкальных инструментов, стандарт сопряжения электронных музыкальных инструментов с компьютером и программным обеспечением.

32

Служба безопасности, DGI. Кубинская спецслужба – ДГИ, Главное управление разведки Министерства внутренних дел. ДГИ состояла из множества отделов по образу и подобию КГБ: внешней разведки, контрразведки, оперативный, следственный. Особенно выделялись два: тайная полиция и отдел по тайным акциям и связям с зарубежным левым подпольем.

33

Сладкий картофель.

34

Печеные пирожки.

35

Рубен Фульхенсио Батиста-и-Сальдивар был диктатором Кубы дважды – в 1933—1944 и в 1952—1959 годах.

Спасибо *(исп.)*.

Не за что *(исп.)*.

38

Балдуин I Фландрский (1171—1205), первый император Латинской империи, был взят в плен болгарским царем Калояном и вскоре умер в заточении (возможно, убит). Кое-кто утверждал, что император попросту исчез во время битвы и что в последний раз его видели раненным. Подобные слухи со временем породили легенду, согласно которой Балдуин остался в живых. Во Фландрии даже появился лже-Балдуин, пытавшийся выдавать себя за пропавшего императора.

39

В 1251 г. проповедь Крестового похода дала повод к мощному антифеодальному восстанию крестьян и городского плебса на севере Франции. На простой люд оказывали особенно большое воздействие фанатичные речи некоего пожилого проповедника, который называл себя «учителем из Венгрии» и призывал народ к немедленной расправе с попами и феодалами.

40

Спасатели, служба скорой медицинской помощи при чрезвычайных ситуациях (пожары, автомобильные катастрофы, взрывы, захват заложников с перестрелкой и т.п.). Укомплектована тренированным медицинским персоналом фельдшерского уровня, способным оказать первую помощь пострадавшему, в том числе в труднодоступном месте, и принять меры по сохранению его жизни до момента доставки в больницу.

41

Норман Коэн, «В поисках Тысячелетнего царства: история революционного мессианства в Европе Средних веков и времен Реформации и ее влияние на современные тоталитарные движения».

42

Пит Тауншенд и Кит Мун – участники британской рок-группы «The Who».

43

Район «белых воротничков», зеленый богемный район Лондона.

44

Улица в Лондоне, почти полностью состоящая из магазинов музыкальных инструментов.

45

Саморазгружающийся вагон с открывающимися люками для высыпания груза и с наклонными передней и задней стенками.

46

Архитевтис, или гигантские кальмары, – самые крупные из ныне живущих головоногих моллюсков.

47

В переводе с японского – «китайские письмена». Китайские иероглифы, используемые в современной японской письменности наряду с хираганой, катаканой, арабскими цифрами и ромадзи (латинским алфавитом).

48

Один из двадцати трех районов Токио.

49

Гиг – разовый ангажемент на участие в одном концерте, обыкновенно подписывается с ансамблем поп-музыкантов.

«Обнимаю, целую».

51

Инч-мейл.

52

Изначально арахисовые конфеты «M&M’s» были коричневыми. В 1969 году были добавлены также красный, желтый и зеленый цвета. Изменения в гамму вносились довольно часто. В наши дни коричневые «M&M’s» встречаются реже других, и тот, которому досталось сразу несколько штук, считается «везунчиком».

53

Декоративные металлические корзины для жилых квартир и офисов.

54

На языке древних йорубанов словом «ориша» называли богов, это название используется и по сей день. Как и лоа вуду, ориша являются сложными человеческими натурами, обладающими сильными желаниями, приоритетами и темпераментами.

55

Массивный квартирный комплекс в Гаване.

56

Сантерианский жрец.

кофе с молоком *(исп.)*.

58

Боске Жозеф (1810—1861) – французский маршал и сенатор с 1856 г., в крымской кампании отличился при Альме, Инкермане и взятии Малахова кургана.

59

25 окт. 1854 г., во время Крымской войны, русские войска вступили в долину Балаклавы, где столкнулись с бригадой английской тяжелой кавалерии под командованием генерала Скарлетта и были отброшены. В конце дня, повинуясь ошибочному приказу, лорд Кардиган повел легкую бригаду на русские пушки в верховьях долины. Обстреливаемый со всех сторон, он был вынужден отступить с огромными потерями. Об этом эпизоде генерал Боске отозвался так: «Это великолепно, но это не война».

60

Подкастинг (podcasting, от айпод и англ. broadcasting – повсеместное вещание, широковещание) – способ публикации звуковых передач во Всемирной сети (обычно в формат MP3), при котором они анонсируются особым образом, позволяющим автоматизировать загрузку новых выпусков на устройство прослушивания.

61

Разновидность гоночного автомобиля-болида, построенного специально для драгрейсинга – соревнований на разгон по прямой.

62

Художественно-политическое движение в Европе, авангардистский проект по созданию «сюрреволюционного» искусства и осуществлению «антикультурной» деятельности, ориентированный на создание «ситуаций», понимаемых как стихийный эксперимент со своей жизнью. Идеи ситуационизма серьезно повлияли на развитие культуры и политики в Европе и США. Так, ситуационисты М. Макларен и Д. Рейд явились создателями британской панк-рок-группы «Sex Pistols». Идейные корни такого вида спорта, как паркур, также находятся в ситуационизме, который требовал освобождения человека от урбанистических и психологических рамок. Некоторые лозунги СИ оказались востребованы не только радикалами (НБП), но и крупными политическими партиями (КПРФ).

63

Агентство национальной безопасности.

64

Культовый нью-йоркский бутик.

65

Менеджеры по подбору артистов и репертуара, «Ловцы талантов».

66

Культовый голландский фотограф, специализирующийся на портретах знаменитостей.

Метод деконструкции был предложен японскими дизайнерами Е. Ямамото и Р. Кавакубо в начале 1980-х годов, затем разработан представителями «бельгийской школы» в дизайне одежды. Метод деконструкции заключается в новом подходе к моделированию одежды: асимметричный крой, неровные края одежды, разрывы, всевозможные прорези и дырки, деление конструкции на правую и левую половины, инверсия (швы наружу, лацканы на спине, застежки в нетрадиционных местах, вытачки «налицо»); элементы незавершенности; нарушение традиционной технологии.

Название коктейля (исп. «мокрый пол») происходит от предупреждающей таблички, которая ставится в кубинских барах.

69

«Мэшап» (от англ. mash-up – «смешивать») – неоригинальное музыкальное произведение, состоящее, как правило, из двух (реже нескольких) исходных произведений, записанное на студии путем наложения вокальной партии одного исходного произведения на музыку другого. Встречаются также варианты, когда «смешиваются» только инструментальные части. Официально выходят достаточно редко, большей частью воспроизводятся во время выступлений «вживую».

70

Автономная территория в составе Китайской Народной Республики.

71

Передняя часть крыши легкового автомобиля, изготовленная из плексигласа или другого прозрачного материала.

72

Вертолет Миль Ми-6 (в отчетах НАТО упоминаемый как «Хук» («Hook» – крюк, багор), совершил первый полет в сентябре 1957 г. и был в то время самым большим вертолетом в мире. В 1962 г. установил не менее 14 рекордов скорости и высоты с полезной нагрузкой; четыре из них оставались непревзойденными до 1983 г. Вертолеты Ми-6 экспортировались в Алжир, Египет, Эфиопию, Ирак, Сирию, Вьетнам и Перу. Ми-6 широко эксплуатировался Аэрофлотом в гражданском строительстве и как универсальный тяжелый транспорт.

73

«PowerPoint» – программа для подготовки презентаций – компонент пакета «MS Office».

Тетя *(исп.)*.

75

Жилой и академический район в северной части Манхэттена.

76

В культе вуду – владыка предсказаний, мудрости и человеческой судьбы.

Правда *(исп.)*.

78

Парк на берегу Нью-Йоркской гавани на южной оконечности Манхэттена. В колониальные времена здесь стояла батарея, охранявшая устье р. Хадсон.

79

Малочисленная христианская секта последователей пантеистического учения Амальрика из Бены, согласно которому добро и зло неотделимы друг от друга, ибо они исходят от Бога. Амальрикане отвергали всю церковную деятельность, духовенство, обрядность.

80

Один из последователей амальриканского учения, прозванный «один из семи апостолов». Сожжен на костре.

81

Секта, процветавшая в Европе в XIII и XIV вв. Классический пример средневековой пантеистической ереси.

Успокоительные средства; из наркотиков, которые продаются в Соединенных Штатах и влияют на функции центральной нервной системы, бензодиазепины находятся в ряду самых часто прописываемых лекарств и, к сожалению, очень часто употребляются.

83

Призрак, созданный по специальной методике, основанной тибетскими монахами. Оккультисты считают, что при определенных обстоятельствах сотворенные мыслью люди и предметы могут принимать квазиматериальную форму, демонстрировать независимую индивидуальность и осуществлять целенаправленную деятельность. Тульпу не принято считать галлюцинацией, поскольку другие также могут его видеть.

84

Известный спортсмен в истории рестлинга. Наклейки с его изображением, созданным в 1986 г. в рамках «уличного искусства», впоследствии стали продуктом массовой культуры.

85

Вирусный маркетинг – способ продвижения компании или бренда, когда информацию о новом проекте распространяют сами потребители путем личных рекомендаций, в результате чего информация ассоциируется скорее с досугом, нежели с навязанным рекламным обращением.

86

Дизайнеры Марите и Франсуа Жирбо – создатели джинсовой инженерии. Франсуа Жирбо считается родоначальником стиля гранж.

Т.ж. «хоккейная мама», «балетная мама» – женщина средних лет, обычно белая, домохозяйка, представительница «среднего класса», полностью посвятившая жизнь семье, чья главная забота – вовремя забрать детей из школы и отвезти их в очередной кружок или секцию.

Разновидности барабанов.

89

Усилитель «Legendary Pignose», знаменитый своей ручкой регулирования громкости, выполненной в виде поросячьего пятачка, обтянутый свиной кожей, блестящими хромированными уголками и мощностью, равной пяти ваттам; был и остается ходовым товаром почти четверть века. С самого начала «Pignose» олицетворял свободу, независимость и внушал почтительный трепет нескольким поколениям гитаристов.

90

Шерстяная шапка, которую носят в холодную погоду военнослужащие ВМС США.

Остров имени Холлис *(исп.)*.

92

Американский гангстер по прозвищу Безумный Джо (1929—1972), один из главных участников мафиозных войн Нью-Йорка.

93

Еврокоммунизм – политика и теоретическое обоснование деятельности ряда коммунистических партий Западной Европы, в 1970-х и 1980-х годах критиковавших руководство КПСС в мировом коммунистическом движении, концепцию диктатуры пролетариата и недостаток политических свобод в странах, принявших советскую модель социализма.

Гилберт Преш и Джордж Пасмор, английские художники, представители постмодернизма, основоположники перфоманса и фото-арта. Их искусство обозначило новый этап постмодернизма, подчеркнуто антиэлитарный и апеллирующий к массовому зрителю. Гуманитарная риторика постоянно сочетается в произведениях художников с гомосексуальными мотивами и иронически-эпатажными деталями (двойной автопортрет на фоне увеличенной микрофотосъемки образцов их кала и пота, 1995—1996, Национальная портретная галерея, Лондон).

95

Смесь плющенного овса с добавками коричневого сахара, изюма, кокосов и орехов – вид натурального продукта. Используется для изготовления сухих завтраков.

96

Прохладительный напиток из свежих фруктов или овощей.

97

Нью-йоркский концертно-спортивный комплекс.

«Привет, старик» *(исп.)*.

99

Белый мексиканец, житель города Мехико, рожденный в столице или мигрировавший из другого города (сленг.).

100

Что слышно? *(исп.)*

101

До свидания *(исп.)*.

102

«Тапперуэр» – товарный знак пластиковых контейнеров для хранения пищевых продуктов и других кухонных аксессуаров производства компании «Тапперуэр корпорейшн», г. Орландо, штат Флорида. Распространяются не в магазинах, а на т.н. «тапперуэровских вечеринках», ставших явлением массовой культуры, а теперь и через Интернет.

103

Героиня цикла романов и компьютерных игр, девушка-детектив.

104

Здравствуйте *(исп.)*.

105

Актриса, жена кинорежиссера Романа Полански; была убита вместе с шестерыми своими друзьями в Беверли-Хиллс в августе 1969 г. общиной хиппи, известной как «семья Мэнсона».

106

Тёрнер Джозеф Мэллорд Уильям (1775—1851) – английский живописец и график, представитель романтизма; более всего известен своими поздними картинами, в которых очертания предметов растворены в стихии света и цвета.

107

«Война с террором», геополитическая концепция, разработанная республиканской администрацией Джорджа Буша-младшего сразу после событий 11 сентября 2001 года с целью борьбы против международного терроризма. После июля 2005 года администрация Буша более не употребляет этот термин, говоря теперь о мировой борьбе против насильственного экстремизма.

108

Воины *(исп.)*.

109

Мнемотехническая фраза для запоминания правильного порядка движений при крестном знамении.

110

Условный противник на учениях.

111

Фриран (свободный бег) – более жесткая и агрессивная разновидность паркура (фр. parkour дословно: полоса препятствий) – дисциплины, заключающейся в умении проложить прямой путь к цели, невзирая на преграды. Сочетает в себе особую философию («В жизни нет границ, есть только препятствия»), гимнастику, акробатику, легкую атлетику, элементы брейк-данса, боевых искусств и билдеринг (лазанье по стенам). Участники движения стараются не причинять вреда людям, архитектуре и природе, испытывая на прочность исключительно себя; по их свидетельству, для них не существует понятий «угроза травматизма» и «неоправданный риск». Если, например, у предшественника фрирана, паркура, есть минимальный страховочный набор – перчатки и наколенники, – то фриранеры никакими средствами защиты не пользуются.

112

Американское общество по охране авторских прав композиторов, писателей и издателей.

113

Известная сеть крупных книжных магазинов, принадлежащих одноименной компании. Помимо книг и периодических изданий, торгует музыкальной продукцией, видео, во многих магазинах есть кафе, проводятся встречи с авторами и др.

114

Сеть магазинов по продаже товаров бытовой электроники, принадлежащих компании «Серкит-сити сторз».

115

Американская компания «Окли» является лидером в производстве очков со встроенными аудиоплеерами.

116

Федеральное независимое ведомство, созданное в 1935 г. по инициативе президента Ф.Д. Рузвельта и ставшее основным в системе трудоустройства безработных. Существовало до 1943 г., с 1939 г. под названием «Администрация программ общественных работ». В основном средства выделялись на строительство общественных сооружений, обустройство парков, в том числе национальных.

117

Имеется в виду название книги «Man the Toolmaker» Кеннета Окли из отделения палеонтологии Британского музея.

118

Облагораживание района (джентрификация) – постепенное вытеснение малоимущих из городского района и его заселение людьми со средним и высоким достатком. Осуществляется путем улучшения качества и перепланировки жилья, увеличения жилищной платы или налога на недвижимость.

119

Слово в переводе с греческого означает «тайнопись» (от слов steganos – секрет, тайна и graphy – запись). Набор средств и методов скрытия факта передачи сообщения.

120

Отделение на почте для корреспонденции до востребования *(фр.)*.

121

Разновидность коммуникатора – наладонный компьютер, оснащенный возможностями беспроводной связи.

122

Бойцы контртеррористического спецподразделения нью-йоркской полиции «Геркулес».

123

Район Нижнего Манхэттена: сокращение означает Triangle below Canal («Треугольник ниже Канал-стрит»).

124

Скорый поезд, курсирующий между Нью-Йорком и Вашингтоном.

125

Один из крупнейших мегаполисов США, в который входят города Сан-Франциско, Окленд, Сан-Хосе и их пригороды – всего девять крупных округов, сконцентрированных вокруг залива Сан-Франциско.

126

Технология анализа хранилищ данных, базирующаяся на методах ИИ и инструментах поддержки принятия решений. В частности, сюда входит нахождение трендов и коммерчески полезных зависимостей.

127

Швейцарская газета «Зоннтагсблик».

128

Марков Георгий (болг. Георги Иванов Марков; 1929—1978) – болгарский диссидент, писатель и журналист, убитый в Лондоне. Считается, что он был убит агентом болгарских спецслужб. 7 сентября 1978 г., выйдя с работы, Георгий Марков шел к своему автомобилю. Проходя через толпу людей на автобусной остановке, он споткнулся о чей-то зонтик и ощутил укол. На следующий день Маркова стали мучить приступы тошноты, и через некоторое время он скончался. Перед смертью он успел рассказать об эпизоде с зонтиком. Полиция так и не нашла убийцу, и дело Маркова было закрыто.

129

Пэрриш Максфилд Фредерик (1870—1966) – художник и иллюстратор. Отличался ярким индивидуальным стилем; иллюстрировал «Тысячу и одну ночь», «Сказки матушки Гусыни» и др. Автор плакатов, журнальных обложек и календарей.

130

Намек на Алфавитный город, Алфавитвилль, в г. Нью-Йорке: распространенное название нескольких кварталов района Ист-Виллидж на Манхэттене, расположенных вдоль авеню A, B, C и D. Здесь находятся высотные жилые дома вперемешку с старыми, пришедшими в упадок строениями. В конце XX в. район был известен как место торговли наркотиками.

131

Доминирующий стиль в архитектуре и декоративном искусстве в период 1790—1830. Во многом схож с колониальным стилем, но более завершенный и монументальный. Отличается изящными колоннами, крупными портиками без поддержки, кирпичными стенами, веерообразными наддверными окнами, криволинейными декоративными элементами.

132

Престижный район г. Вашингтона, бывший городок на территории Федерального округа Колумбия. Основан в 1665 г. и до конца XIX в. играл роль торгового порта и центра табачной торговли. С 1895 г. включен в г. Вашингтон. Много зданий в федеральном стиле.

133

Марта Стюарт – американская телеведущая и медиамагнат, сделавшая себе состояние в миллионы долларов на телепрограммах для домохозяек. Ральф Лорен – знаменитый американский дизайнер, получивший титул «Легенда моды».

134

Большой Национальный парк на Кубе, объявленный ЮНЕСКО Всемирным заповедником биосферы. Флора здесь очень богата: более 1000 видов растений 110 родов, среди которых 115 эндемических на Кубе и 5 местных.

Хорошо *(фр.)*.

136

Global Positioning Systems Wing – управляющее системой GPS отдельное подразделение в составе Центра космических и ракетных систем ВВС США.

137

Государственный флаг США. Первоначально название конкретного флага, который 10 августа 1831 г. был вручен капитану брига «Чарлз Даггетт» У. Драйверу в г. Сейлем, штат Массачусетс. При подъеме флага на мачте судна капитан объявил: «Именую тебя “Доблесть прошлого”».

138

Вторая линия известного брэнда.

139

Населенный пункт в центральной части штата Мэриленд, престижный жилой северо-западный пригород г. Вашингтона.

140

Сокращенное название телефонной компании, предоставляющей интернет-услуги.

141

Континентальная часть США, включает все регионы США за исключением Аляски и Гавайев (англ.).

142

Одна из самых мощных и многочисленных в Западном полушарии преступных молодежных группировок. Действует во всех странах Северной Америки, имея «отделения» почти во всех крупных городах Мексики и Соединенных Штатов. Группировка занимается всеми видами преступности – от сутенерства до торговли оружием и наркотиками.

143

«Юнайтед парсел сервис» – частная служба доставки посылок. Владеет собственным воздушным и автомобильным транспортом. Услуги компании дороже, но качественнее услуг государственной почты.

144

Гамбургер с яичницей.

145

Оксфордские туфли – мужские полуботинки на шнурках; ср. кембриджские туфли – без шнурков с резинкой на подъеме.

146

Приморский город-курорт, расположенный на берегу залива Бандерас, самого большого на тихоокеанском побережье Мексики.

147

Transportation Security Administration – Администрация транспортной безопасности США – создана в ответ на события 11 сентября 2001 г. как одна из мер, принятых президентом Джорджем Бушем в области законодательства после трагических событий. В 2002 г. TSA взяла на себя ответственность за безопасность национальных аэропортов.

148

ICE (US Immigration and Customs Enforcement) – иммиграционная и таможенная полиция США.

149

Министерство национальной (внутреннней) безопасности США.

150

Аэропорт «Нэшнл», один из двух аэропортов г. Вашингтона (находится в штате Виргиния). Полное название – Национальный аэропорт имени Рональда Рейгана.

151

Один из редчайших видов древесины на планете, высоко ценится мебельщиками. Текстурный рисунок «птичий глаз» относится к природным аномалиям, появляется по неизвестным причинам.

ловкость рук *(англ.)*.

153

Сеть мотелей.

Управление научных исследований Пентагона, считается одной из самых малочисленных (240 чел.), но высокопродуктивных и наукоемких бюджетных организаций в мире, выполняющих важные и ответственные правительственные заказы в интересах национальной безопасности США (сеть «Арпанет», ракеты-носители «Сатурн», навигационная система GPS, самолеты-невидимки и др.)

155

Information Exploitation Offic – вышеупомянутый отдел использования информации ДАРПА.

156

Ядро Атлантического флота США, постоянно дислоцируется в Средиземном море.

157

Международная организация по стандартизации.

158

Город на юго-западе штата Калифорния.

159

Город на юге штата Калифорния.

160

Мост «Сан-Франциско – Окленд» (мост Бэй-бридж). Платный мост, соединяющий г. Сан-Франциско с г. Оклендом и другими городами в восточной части Залива. Один из крупнейших в США: длина пролета 693 м, общая длина с подъездами около 13,6 км. Две части моста соединены туннелем под островом Йерба-Буэна.

161

Стейтен-айленд – остров, на котором расположен округ Ричмонд г. Нью-Йорка; входит в состав территории города, хотя и отделен от основной его части широкой Нью-Йоркской бухтой. Находится в 8 км к югу от Манхэттена. Связан паромом с Манхэттеном, мостом Верразано-Нэрроуз с Бруклином и тремя короткими мостами со штатом Нью-Джерси.

162

«Dremel» – фирма-производитель ручного инструмента. Выпускает бормашины и твердосплавные боры, использующиеся в ковочном деле.

163

Кейсы «Peli» занимают первое место в категории защитных кейсов; они находят применение во всех областях человеческой деятельности: в промышленности и науке, в армии и на флоте, при проведении пожарных и спасательных работ, в медицине и спорте и т.д.

164

Собирательное название произведений искусства, предназначенных для демонстрации в общественных местах: на городских площадях, в интерьерах зданий, в переходах и на станциях метро и т.п.

165

Радиационная лаборатория – крупный центр исследований в области атомной энергии.

166

SERE (англ. survival, evasion, resistance and escape) – военная программа США, обучающая методикам выживания, уклонения, сопротивления и побегам. Была разработана для обучения служащих ВВС во время войны с Кореей. Позднее, во время Вьетнамской войны, программу обучения расширили для служащих сухопутных войск и военно-морского флота.

167

Фирма «Секл Лайн» катает туристов на пароме к статуе Свободы и к другим нью-йоркским достопримечательностям.

168

Складной нож типа дук-дук (дак-дак) носит имя меланезийского духа возмездия, узнаваем по характерному изгибу обуха, орнаменту, имеет очень простую конструкцию (без специального фиксатора).

169

Частная виртуальная сеть, в которой пользователи (обычно их не более десяти) общаются только с теми, кому доверяют.

170

Традиционный вьетнамский суп с говядиной.

171

Фирменное название прочного жаростойкого пластика одноименной компании; часто используется для покрытия кухонной мебели.

172

Бегарды – члены средневековых полумонашеских общин, обычно занимавшиеся ремеслом, бродяжничеством и собиранием милостыни по обету бедности. Бегарды (и аналогичные им женские общины бегинок) часто являлись распространителями еретических идей, что навлекало на них преследования со стороны католической церкви. Существовали в Нидерландах и Германии.

173

Средневековая либертинская секта, основатель которой распространял, особенно во Франции, учение, что человек делает все лишь по внушению Святого Духа, что, следовательно, грех – воображаемое, ложное представление.

174

Район г. Нью-Йорка, примерно 20 кварталов в южном Манхэттене. Название произошло от фразы «SOuth of HOuston», т.е. (район) к югу от (улицы) Хаустон.

175

Свежий домашний сыр.

176

Парашютно-десантные части особого назначения.

177

Улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных.

178

Направление в изобразительном искусстве, представляющее материалы для рекламы, книг, газет и журналов в форме рисунков или чертежей.

179

Высокоэффективный сухой воздушный фильтр.

180

Немецкий и французский художник. Примыкал к дадаизму, работал во Франции и США, выдвинувшись в число крупнейших представителей сюрреализма. Изобрел особую технику сюрреалистического коллажа, соединяя в больших сериях – романах-коллажах – фрагменты гравюр XIX в.

181

«Ремингтон» – название огнестрельного оружия и боеприпасов производства компании «Ремингтон армс», г. Мадисон, штат Северная Каролина. Фирма – один из первых американских производителей оружия. «Силветип Икспэндин» – полуоболочечная пуля с колпачком из алюминиевого сплава.

182

Город на юго-западе штата Калифорния, северный пригород Лос-Анджелеса.

183

Художник-концептуалист середины XX века, значительно повлиявший на современную поп-культуру.

184

Автомобиль такси.

185

Один из самых древних районов в молодом Ванкувере. В 80-е годы XIX века у района уже начала складываться репутация временного прибежища различных этнических меньшинств с доминантой азиатского населения.

186

Тайные флагелланты, умножившиеся после осуждения ереси на Констанцском соборе.

187

Фридрих Укушенный (другое прозвище – Радостный; 1257—1324) – маркграф мейссенский и ландграф тюрингенский, сын Альбрехта Выродка. Свое прозвание получил оттого, что его мать, убегая от своего мужа, жестоко обращавшегося с нею, при расставании с сыном, во время судорожных рыданий, укусила ему щеку.